„Исторія Русско-Японской войны".

Томъ II.

Редакторы-издатели:
М. Е. Бархатовъ и В. В. Функе.

РЕДАКЦІЯ и СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
СПБ. Пушкинская, 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.
1907.



ИСТОЧНИКИ,

послужившіе къ составленію второго тома.

1. „Иллюстрированная лѣтопись Русско-Японской войны“, **Ѳ. И. Булгакова.** Изданіе редакціи „Новаго журнала Иностранной Литературы“.
2. „Лѣтопись войны съ Японіей“, **Д. Н. Дубенскаго.** 1904 г.
3. Русско-Японская война въ сообщеніяхъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, подъ редакціей ординарнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба **А. Баіова.** 1906 г.
4. Записная книжка штабнаго офицера во время Русско-Японской войны. **Серъ Янъ Гамильтонъ.** Переводъ съ англійскаго. Изданіе Березовскаго. 1906 г.
5. „Русскій Инвалидъ“ за 1904 г.
6. „Правительственный Вѣстникъ“. 1904 г.
7. „Развѣдчикъ“ за 1904 годъ.
8. „Новое Время“ за 1904 годъ.
9. 215-й пѣхотный Бузулукскій полкъ въ войнѣ съ Японіей 1904—1905 гг. **П. Ѳ. Чесскій.**
10. Оффиціальные документы.
11. Частная переписка, дневники, записки и мемуары участниковъ войны.
12. La guerre Russo-Japonaise, par le chef d'escadron d'artillerie breveté **R. Meunier.** Paris. 1906.
13. The Russo-Japanese War **(officieal reporte)**. Vol. I. Compiled by M. Kinal. Tokyo.
14. The Russo-Japanese War. **Kinkodo C.** Tokyo.
15. Cassell's History of the Russo-Japanese War.
16. Studie über Ljaojan und Mukden, fon Hauptmann des Geniestabes Julius Ritter Malczewski von Farnawa 1906.

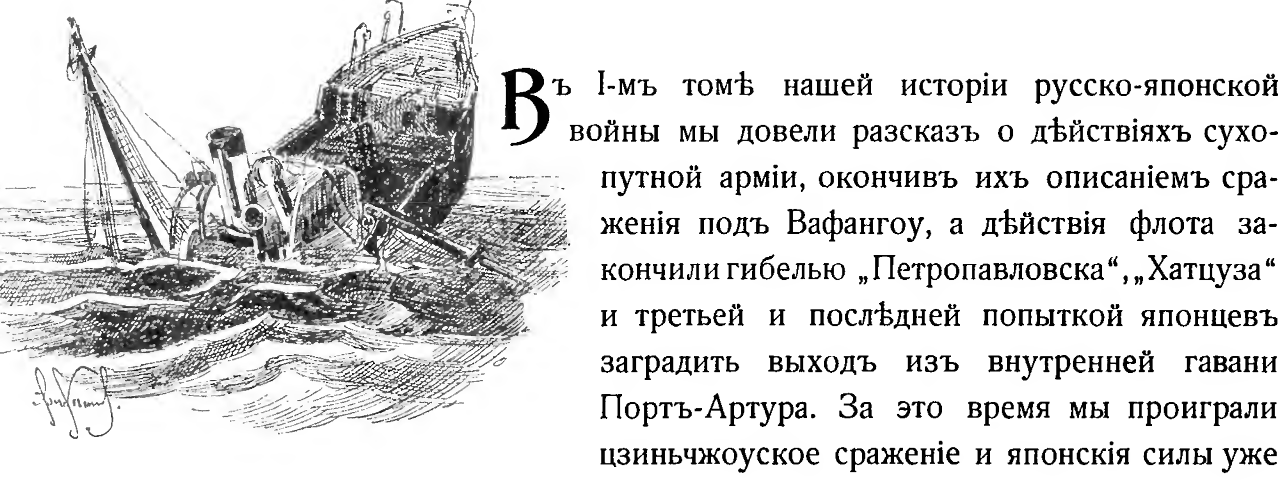


ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.





Генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ.



Въ I-мъ томѣ нашей исторіи русско-японской войны мы довели разсказъ о дѣйствіяхъ сухопутной арміи, окончивъ ихъ описаніемъ сраженія подъ Вафангоу, а дѣйствія флота закончили гибелью „Петропавловска“, „Хатцуза“ и третьей и послѣдней попыткой японцевъ заградить выходъ изъ внутренней гавани Портъ-Артура. За это время мы проиграли цзиньчжоуское сраженіе и японскія силы уже непосредственно угрожали Портъ-Артуру, какъ съ суши, такъ и съ моря. Потративъ много усилій и средствъ для загражденія выхода на наружный рейдъ, японцы учредили самый тщательный надзоръ за нашей эскадрой, находившейся на внутреннемъ рейдѣ и залѣчивавшей свои многочисленныя раны, полученныя въ предшествующихъ бояхъ. Начавшаяся осада Портъ-Артура, сулившая японцамъ успѣхъ, отдавала въ ихъ руки не только крѣпость, но и весь нашъ тихо-океанскій флотъ, находившійся тамъ, поэтому вопросъ о задержаніи его въ гавани являлся для японцевъ вопросомъ первостепенной важности. Для достиженія этой задачи, убѣдившись въ невозможности рѣшенія ея путемъ брандеровъ, прибѣгли къ другому способу, а именно,

забросали внѣшній рейдъ плавучими самодѣйствующими минами. Это, дѣйствительно, сильно тормозило дѣйствія нашего флота. Лишь только небольшіе отряды, и то изъ неглубоко сидящихъ судовъ, могли выходить иногда для содѣйствія сухопутной оборонѣ крѣпости. Такъ 13-го и 14-го іюля нашъ крейсерскій отрядъ съ миноносцами и канонерскими лодками выходилъ къ Лунвантаню для отраженія общаго наступленія японцевъ на передовыя позиціи Портъ-Артура, при чемъ 13-го числа произошелъ морской бой, въ которомъ мы потопили два непріятельскихъ крейсера „Итсукушима“ и „Чіодо“ и одну японскую канонерку. Этотъ успѣхъ не имѣлъ, впрочемъ, для насъ существеннаго значенія и положеніе нашей эскадры все-таки оставалось сомнительнымъ. Стала очевидной страшная ошибка, заключавшаяся въ пріобрѣтеніи нами Портъ-Артура, этого во всѣхъ отношеніяхъ вреднаго для насъ пункта. Пріобрѣтя этотъ непомѣрно отдаленный портъ, мы не могли его должнымъ образомъ обезпечить и, несмотря на это, сосредоточили тамъ лучшія силы нашего флота. Мы забросили важнѣйшій нашъ портъ „Владивостокъ“ и большую часть нашей тихо-океанской эскадры притянули къ Портъ-Артуру, находящемуся какъ бы на воздухѣ. Съ начавшейся осадой крѣпости, опасное положеніе нашего флота сдѣлалось совершенно яснымъ и необходимо было принять какія-нибудь мѣры, чтобы попытаться улучшить его. Рѣшено было сдѣлать попытку прорваться для соединенія съ владивостокской эскадрой, которая съ этою же цѣлью должна была выйти навстрѣчу. Такое рѣшеніе вытекало изъ того, что къ концу іюля наша эскадра окончила исправленіе своихъ поврежденій, съ другой же стороны, японцы настолько близко подошли къ Портъ-Артуру со стороны суши, что наши суда, находившіяся на внутреннемъ рейдѣ, не могли себя чувствовать въ безопасности отъ огня осадныхъ орудій противника. Выходъ эскадры назначенъ былъ на 28-е іюля. Развѣдки, производившіяся передъ этимъ, не обнаружили близкаго нахожденія сколько-нибудь значительныхъ силъ

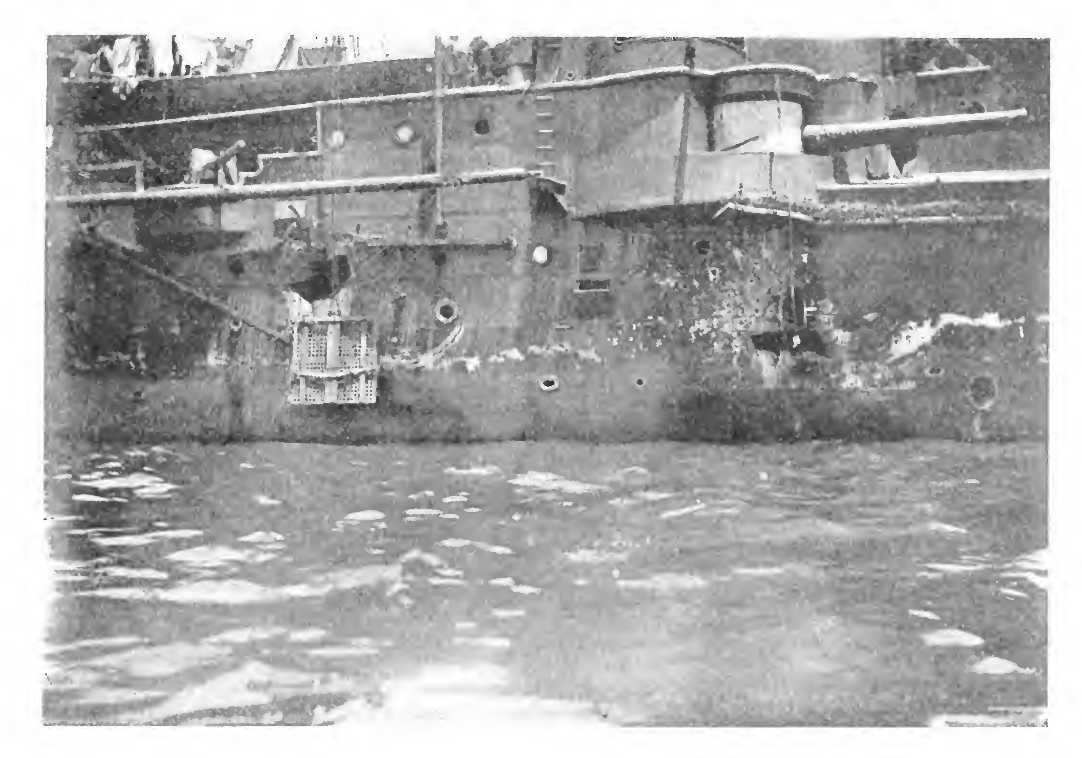


Контръ-Адмиралъ Витгефтъ.



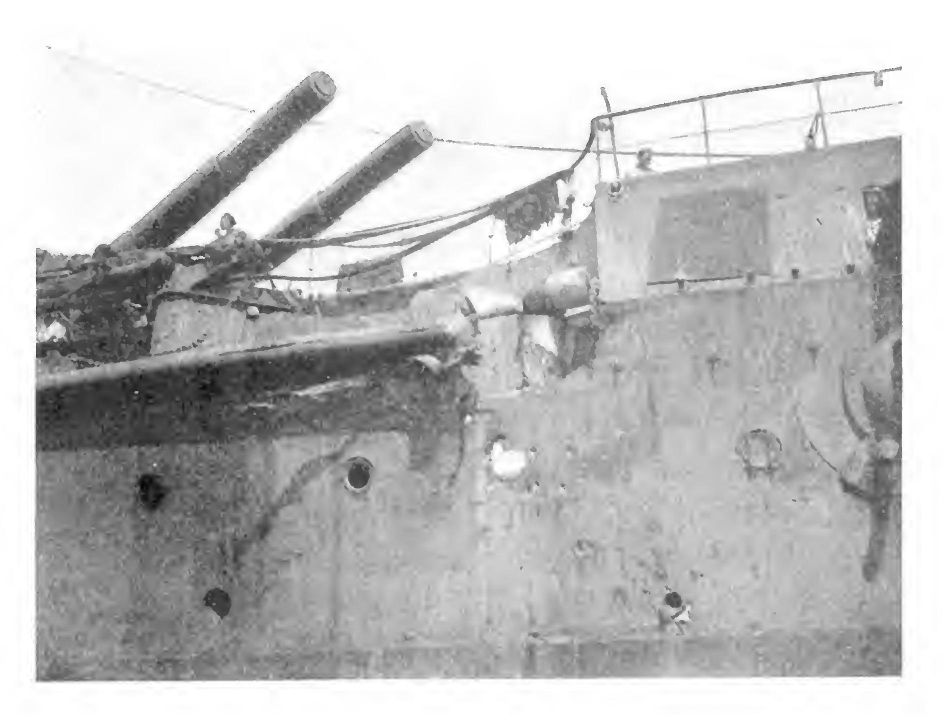
75 мм. пушка послѣ попавшаго въ дуло снаряда.

непріятеля и потому являлась надежда, что задуманная операція удастся и что мы успѣемъ проскочить до того времени, пока японцы успѣютъ сосредоточить всѣ свои силы, чтобы помѣшать нашему прорыву. Съ разсвѣтомъ 28-го іюля наша эскадра



Прсбоина у ватерлиніи на „Олегѣ".

стала выходить въ море. Она состояла изъ трехъ отрядовъ, подъ общимъ начальствомъ временно-командующаго тихо-океанской эскадрой контръ-адмирала Витгефта, который держалъ флагъ на „Цесаревичѣ", шедшемъ въ головѣ колонны. За нимъ въ кильватеръ шли броненосцы: „Ретвизанъ", „Побѣда" и „Пересвѣтъ", подъ флагомъ контръ - адмирала князя Ухтомскаго, командовавшаго всѣми броненосцами; за ними шли „Севастополь", „Полтава" и „Аскольдъ", подъ флагомъ адмирала Рейценштейна, командовавшаго крейсерами, далѣе слѣдовали „Паллада" и „Діана"; крейсеръ „Новикъ" шелъ впереди всей эскадры, держась нѣсколько вправо отъ „Цесаревича". Одинъ отрядъ миноносцевъ шелъ около головного броненосца,

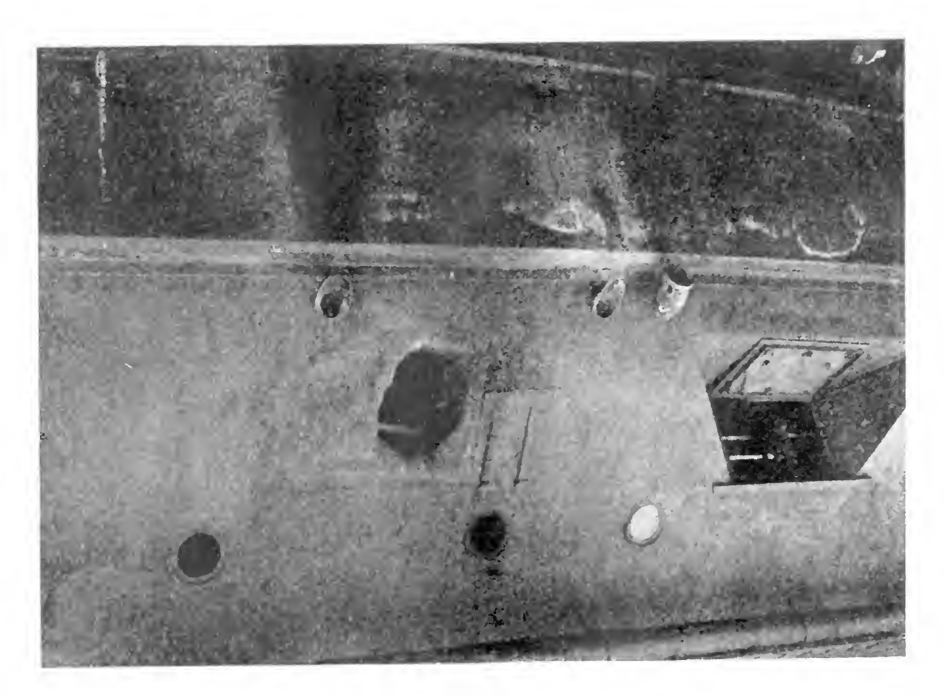


Пробоина отъ 8″ м. японскаго снаряда на „Цесаревичѣ".

а другой находился за эскадрой, чтобы служить для обезпеченія тралящаго каравана при его возвращеніи обратно въ гавань. Впереди всѣхъ шелъ тралящій отрядъ и вылавливалъ во множествѣ разбросанныя японцами мины. На операцію выхода головного броненосца изъ гавани и траленіе было потрачено около 5 часовъ времени, такъ что только въ 10 часовъ утра эскадра прошла опасную часть миннаго поля внѣшняго рейда. Само собой разумѣется, что японскія сторожевыя суда не могли прозѣвать момента выхода нашей эскадры изъ внутренняго рейда и, конечно, во-время дали знать объ этомъ. Такимъ образомъ, адміралъ Того имѣлъ достаточно времени для того, чтобы сосредоточить къ мѣсту предстоящаго сраженія почти всѣ свои силы. Около 10 часовъ утра на нашемъ флагманскомъ кораблѣ былъ поднятъ сигналъ: „идти во Владивостокъ". Тралящій караванъ повернулъ обратно и, подъ прикрытіемъ второго отряда миноносцевъ, пошелъ въ Портъ-Артуръ, эскадра же продолжала слѣдовать по назначенію, развивъ до 13 узловъ ходу. Такимъ образомъ, въ составъ нашей эскадры входили: 6 броненосцевъ, 4 крейсера и 8 миноносцевъ. Къ этому времени японцы успѣли сосредоточить противъ насъ три отряда: первый отрядъ составляли броненосцы: „Асахи", „Микказа", „Фуджи", „Яшима" и „Шикашима" и крейсера: „Ниссинъ" и

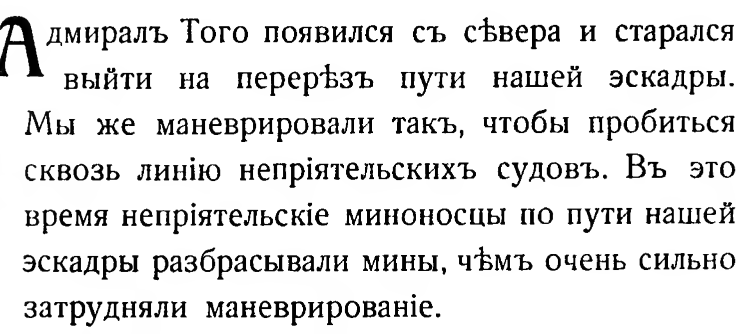


Эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ", поврежденный въ морскомъ бою 28-го іюля подъ Портъ-Артуромъ.



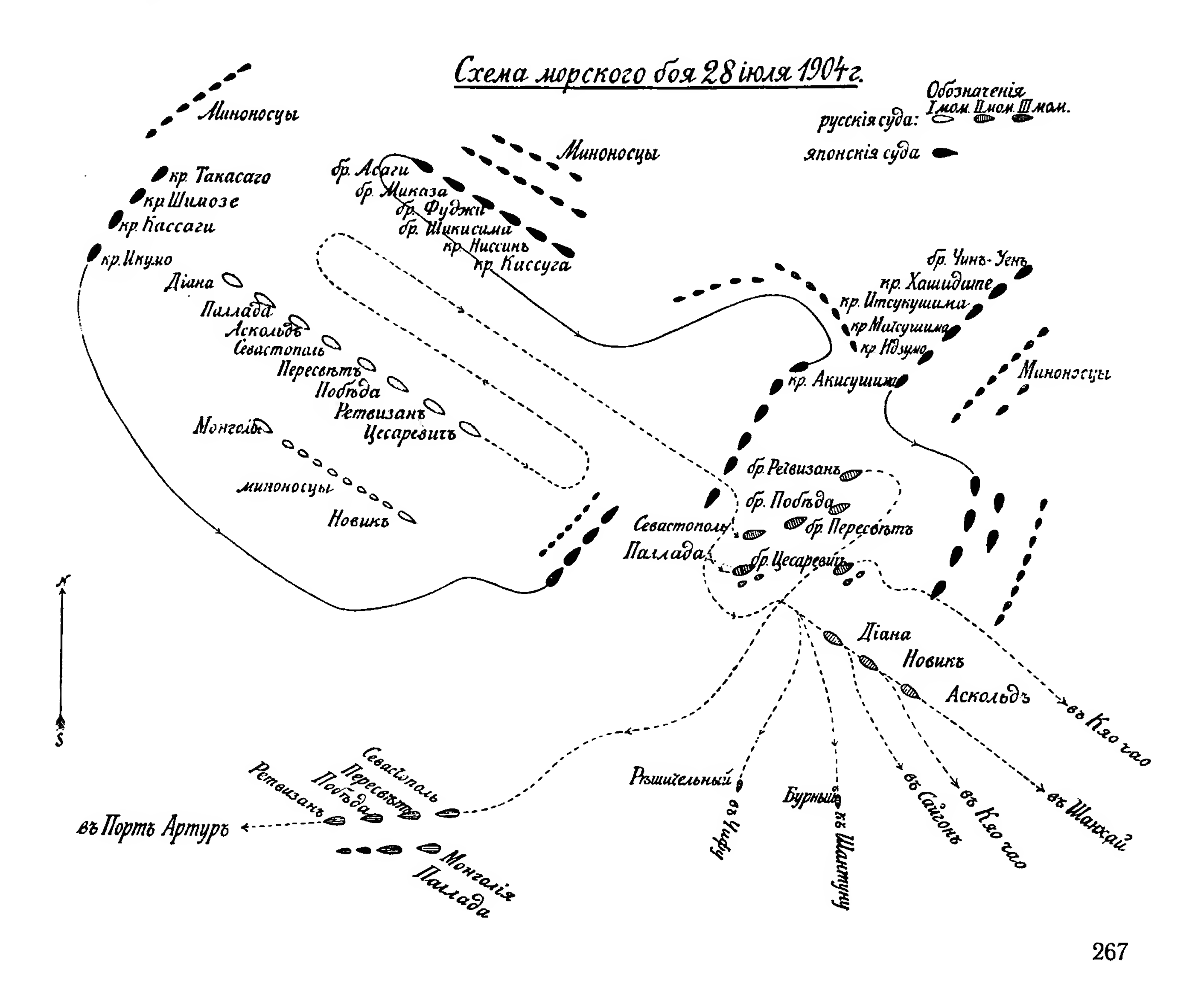
6″ снарядъ, попавшій въ лазаретъ на „Цесаревичѣ".

„Касуга“. Во второй отрядъ входили крейсера: „Якума“, „Касаги“ „Читоза“ и „Такасаки“, и въ третьемъ отрядѣ были крейсера: „Ацикушима“, „Идзуми“, „Матцушима“, „Хаидате“ и броненосецъ „Чіонъ-іенъ“ и 44 миноносца. Всего 6 броненосцевъ, 11 крейсеровъ и 44 миноносца. Такимъ образомъ, японская эскадра не только значительно превосходила насъ числомъ своихъ судовъ, но еще превосходила и силою своего артиллерійскаго вооруженія и быстротою хода, что было особенно важно.



Адмиралъ Того появился съ сѣвера и старался выйти на перерѣзъ пути нашей эскадры. Мы же маневрировали такъ, чтобы пробиться сквозь линію непріятельскихъ судовъ. Въ это время непріятельскіе миноносцы по пути нашей эскадры разбрасывали мины, чѣмъ очень сильно затрудняли маневрированіе.

Тѣмъ не менѣе эскадра наша продолжала слѣдовать далѣе, держа курсъ на Владивостокъ. Вблизи была непріятельская эскадра изъ четырехъ броненосцевъ и двухъ крейсеровъ, а на горизонтѣ виднѣлись еще три крейсера и 44 миноносца.



Скоро всѣ непріятельскія суда повернули на обратный курсъ, тогда наша эскадра уклонилась вправо и разошлась съ непріятельской. Когда суда сошлись на разстояніе выстрѣла, начался первый бой, во время котораго обѣ эскадры опять взяли обратные курсы и прошли контръ-галсами, послѣ чего японская эскадра опять повернула и легла на одинъ курсъ съ нами. Бой на нѣкоторое время прекратился. Во время этого боя крейсеръ „Аскольдъ", слѣдовавшій въ кильватеръ „Полтавѣ", получилъ снарядъ въ переднюю трубу, вслѣдствіе чего одинъ котелъ былъ выведенъ изъ строя. Отрядъ крейсеровъ вышелъ изъ линіи кильватера и головной крейсеръ очутился на траверзѣ „Цесаревича". Въ это время японская эскадра вновь стала сближаться съ нашей и, когда разстояніе уменьшилось до 40 кабельтовыхъ, начался



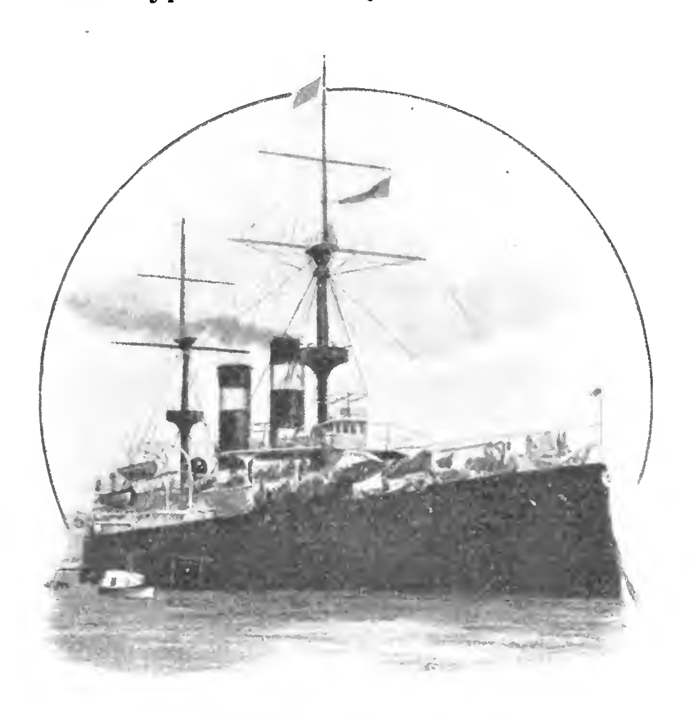
Японскій крейсеръ „Кассуга".

второй бой. Около 6 часовъ дня „Цесаревичъ" повернулъ на обратный курсъ и поднялъ сигналъ: „адмиралъ передаетъ начальство". Адмиралъ Витгефтъ былъ убитъ и командованіе перешло къ старшему въ чинѣ адмиралу князю Ухтомскому. Непріятель старался окружить нашу эскадру со всѣхъ сторонъ. Видя это, адмиралъ Рейценштейнъ рѣшилъ прорваться сквозь окружающее кольцо враговъ и поднялъ своимъ крейсерамъ на „Аскольдѣ" сигналъ: „слѣдовать за мной". Онъ пошелъ пробивать непріятельское кольцо въ мѣстѣ его наименьшаго сопротивленія. За „Аскольдомъ" послѣдовали: „Новикъ", а за нимъ „Паллада" и „Діана". Противъ этихъ нашихъ крейсеровъ были 4 непріятельскихъ крейсера 2-го класса и нѣсколько миноносцевъ и еще три непріятельскихъ крейсера находились справа. Подойдя ближе къ непріятелю, замѣтили, что одинъ японскій крейсеръ типа „Асама" сталъ поперекъ дороги „Аскольду", но сильный огонь послѣдняго, произведя большія разрушенія на непріятельскихъ судахъ, произвелъ пожаръ на „Асамѣ" и онъ вынужденъ былъ отойти въ сторону и очистить дорогу „Аскольду". Въ это время „Аскольдъ" былъ атакованъ четырьмя японскими миноносцами, но безуспѣшно, удачнымъ выстрѣломъ съ крейсера одинъ изъ атаковавшихъ миноносцевъ былъ потопленъ, остальные же удалились. Кольцо непріятеля было прорвано, и „Аскольдъ" и „Новикъ", развивъ самый большой ходъ, къ какому только были способны, кинулись въ море. Непріятельская эскадра пустилась было ихъ преслѣдовать, но у насъ ходъ былъ больше, и

крейсера стали постепенно уходить отъ непріятеля. Скоро наступила темнота и преслѣдованіе совсѣмъ прекратилось. „Аскольдъ“ и „Новикъ“ уменьшили ходъ. Имѣя въ виду дальнѣйшее преслѣдованіе и понесенныя аваріи, „Новику“, какъ обладающему лучшимъ ходомъ, было предоставлено дѣйствовать самостоятельно, идти куда онъ хочетъ, что было согласно съ заранѣе выработаннымъ планомъ прорыва, который былъ извѣстенъ каждому командиру судна. Къ утру слѣдующаго дня крейсеръ „Аскольдъ“ прибавилъ ходъ, сколько было можно, но на немъ обнаружились довольно серьезныя поврежденія: двѣ дымовыя трубы были совсѣмъ снесены, а три сильно разбиты, одинъ котелъ совсѣмъ не дѣйствовалъ, кромѣ того, имѣлось четыре подводныхъ пробоины и шесть надводныхъ, кромѣ множества менѣе значительныхъ поврежденій. Такимъ образомъ, состояніе крейсера было таково, что идти во Владивостокъ нечего было и думать. Крейсеръ требовалъ ввода въ докъ, а потому рѣшили взять курсъ на Шанхай, куда было ближе и куда „Аскольдъ“ прибылъ 30-го іюля и, снявъ вооруженіе и спустивъ флагъ, онъ былъ введенъ въ докъ.


Осколокъ снаряда, которымъ былъ убитъ адмиралъ Витгефтъ на „Цесаревичѣ“.

Послѣ перваго боя эскадрѣ нашей удалось избѣжать полнаго окруженія и она взяла курсъ на Шантунъ. Японцы пустились за нею и въ 5 часовъ дня завязали второй бой, который съ одинаковымъ успѣхомъ длился нѣсколько часовъ. Во время этого боя былъ убитъ генералъ Витгефтъ и тяжело раненъ командиръ „Цесаревича“ капитанъ 1-го ранга Ивановъ. Самъ „Цесаревичъ“ получилъ поврежденіе машины и у него былъ сбитъ руль, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ остановиться минутъ на 40, при чемъ остальныя суда столпились, маневрируя около него, чтобы дать ему время нѣсколько оправиться. Вслѣдствіе этого строй нашихъ судовъ былъ нарушенъ и они вынуждены были дѣйствовать каждое самостоятельно. Броненосцы повернули на Портъ-Артуръ, „Цесаревичъ“ же, не будучи въ состояніи поспѣвать за ними вслѣдствіе уменьшенія хода, рѣшилъ взять курсъ на Владивостокъ, но поврежденія его были такъ велики, что пришлось скоро отказаться отъ этой мысли и бронено-


Японскій крейсеръ „Асама“.

сецъ направился въ Шантунъ, куда и прибылъ съ разсвѣтомъ. По осмотрѣ полученныхъ броненосцемъ поврежденій рѣшено было идти въ Кіо-Чао, гдѣ разоружившись и спустивъ флагъ, поставить „Цесаревича“ въ докъ для ремонта. Это морское сраженіе окончилось для насъ весьма неудачно: прорывъ къ Владивостоку не удался, четыре броненосца: „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Пересвѣтъ“ и „Севастополь“, крейсеръ „Паллада“ и госпитальный транспортъ „Монголія“ съ нѣсколькими миноносцами должны были вернуться въ Портъ-Артуръ. Прорвались: „Цесаревичъ“ въ Кіо-Чао, „Аскольдъ“ въ Шанхай, „Діана“ въ Сайгонъ, миноносецъ „Бурный“ въ Шантунъ и миноносецъ „Рѣшительный“ въ Чифу. Всѣ эти суда должны были разоружиться и спустить флаги, такъ какъ вошли въ нейтральные порты и были для насъ потеряны до самаго конца войны... Крейсеръ „Новикъ“ въ попыткѣ пробраться къ Владивостоку обогнулъ японскій архипелагъ съ востока и прибылъ въ постъ Корсаковскій на южномъ Сахалинѣ. Вотъ подлинная телеграмма на Высочайшее имя командира крейсера „Новикъ“: „28-го іюля по окончаніи боя, въ которомъ крейсеръ получилъ три надводныхъ пробоины и прорвался сквозь непріятельскія суда вмѣстѣ съ крейсеромъ „Аскольдъ“, потерялъ послѣдняго изъ виду вслѣдствіе тумана и исправленія машины и 29-го зашелъ за углемъ въ Кіо-Чао. 30-го іюля вышелъ вокругъ Японіи во Владивостокъ и 7-го августа пришелъ въ Корсаковскій постъ. Погрузилъ уголь и въ 4 часа пополудни усмотрѣлъ приближавшійся непріятельскій крейсеръ типа „Ніитака“, снялся съ якоря и въ 5 часовъ 15 минутъ вступилъ съ нимъ въ бой, въ которомъ черезъ 45 минутъ „Новикъ“ получилъ три подводныхъ пробоины и двѣ у ватерлиніи, при чемъ было затоплено рулевое отдѣленіе. Подбитый непріятельскій крейсеръ уклонился отъ боя и все время телеграфировалъ. Имѣя къ концу боя только шесть исправныхъ котловъ и поврежденіе въ рулѣ, былъ вынужденъ вернуться въ Корсаковскій постъ, осмотрѣться съ намѣреніемъ ночью выйти въ море. По невозмож-



Броненосецъ „Ретвизанъ“.



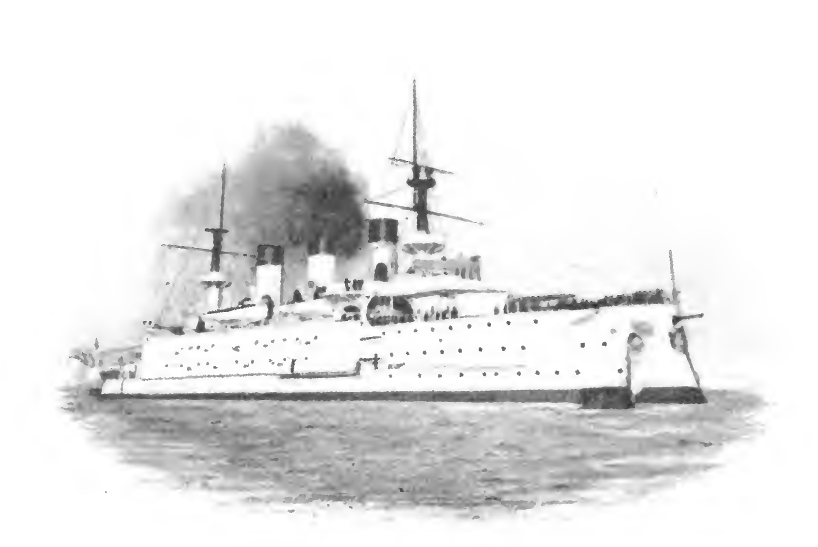
Броненосецъ „Побѣда“.

ности исправить поврежденія руля и въ виду присутствія нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ, на что указывали телеграфированіе и свѣтъ нѣсколькихъ прежекторовъ, рѣшился затопить крейсеръ на мелководьи. 8-го августа крейсеръ типа „Сума" разстрѣливалъ видимую надъ водою часть крейсера. Офицеры и команда свезены на берегъ". Такова была судьба погибшаго для нашего флота навсегда крейсера „Новикъ", покрывшаго себя неувядаемой славой совершенныхъ имъ подвиговъ.



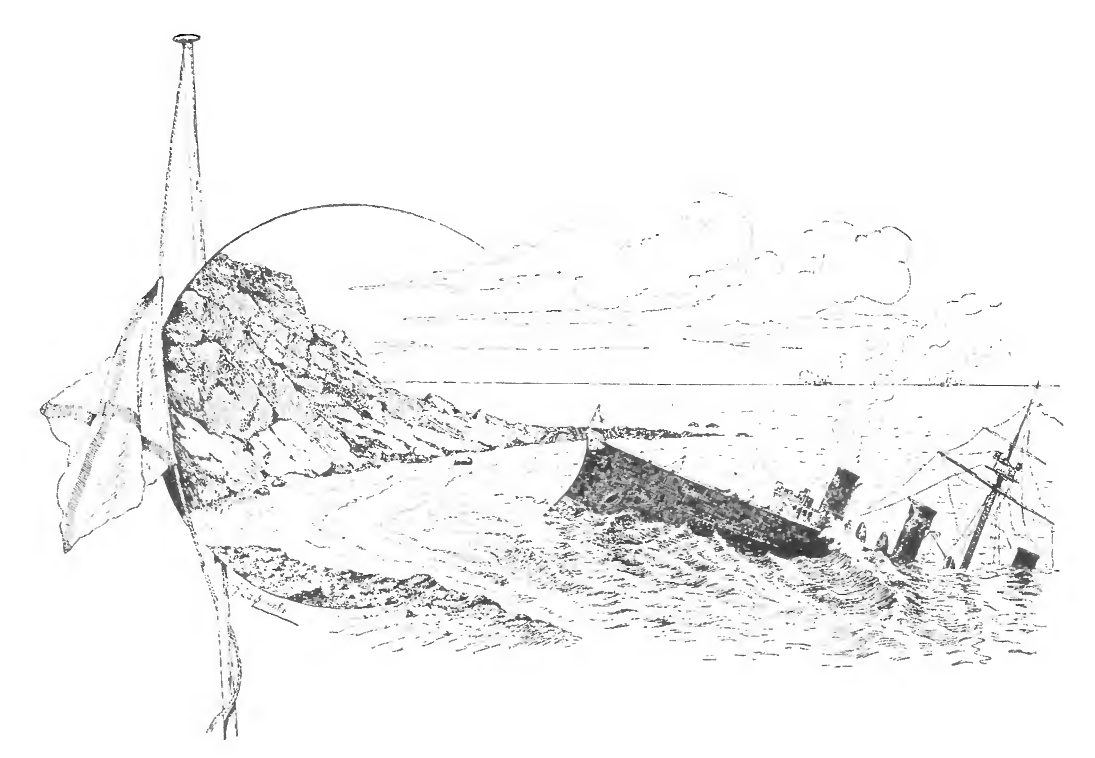
Крейсеръ „Діана".

Прорвавшійся черезъ непріятельскую эскадру миноносецъ „Рѣшительный" 29-го іюля прибылъ въ Чифу и нашъ консулъ велъ переговоры съ китайскимъ даотаемъ о временномъ пребываніи „Рѣшительнаго", для исправленія машины. Пока велись эти переговоры, командиръ „Рѣшительнаго", согласно даннымъ ему инструкціямъ, вступилъ въ соглашеніе съ китайскимъ адмираломъ относительно разоруженія миноносца и передалъ ему замки отъ пушекъ, ударники отъ минъ, ружья, и спустилъ флагъ и вымпелъ. Несмотря на это, миноносецъ былъ все-таки атакованъ японцами, что было самымъ рѣзкимъ нарушеніемъ нейтралитета и походило на разбойничье нападеніе. Какъ происходило это дѣло— усматривается изъ телеграммы на Высочайшее имя командира „Рѣшительнаго" лейтенанта Рощаковскаго, которую и приводимъ въ подлинникѣ: „Всеподданнѣйше доношу: 29-го іюля съ ввѣреннымъ мнѣ миноносцемъ „Рѣшительнымъ" прибылъ въ Чифу изъ Портъ-Артура съ важными депешами, прорвавъ двѣ линіи непріятельской блокады. Согласно предписаніямъ адмирала Григоровича разоружился и спустилъ военный флагъ. Всѣ формальности были выполнены. Въ ночь на 30-е, находясь внутри порта, подвергся разбойничьему нападенію японцевъ, подошедшихъ въ составѣ двухъ эскадренныхъ миноносцевъ и одного крейсера, и приславшихъ десантъ съ офицеромъ какъ бы для переговоровъ. Не имѣя оружія для сопротивленія, приказалъ приготовить миноносецъ „Рѣшительный" къ взрыву. Когда японцы начали



Эскадренный броненосецъ „Пересвѣтъ".

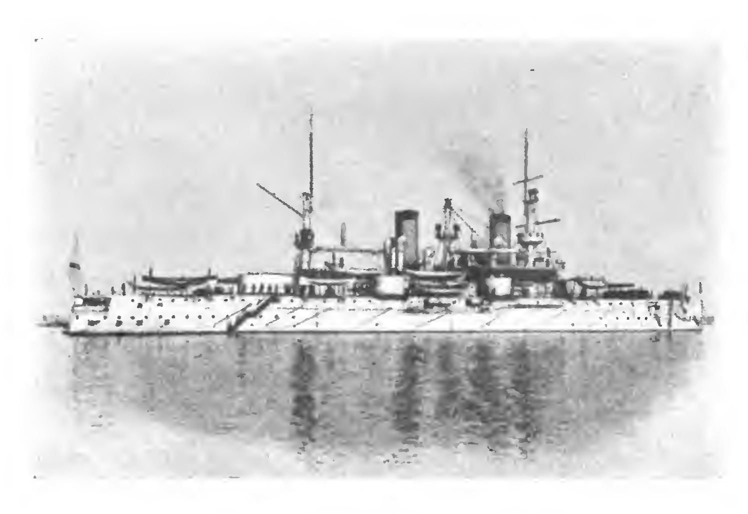
поднимать свой флагъ, я оскорбилъ японскаго офицера ударомъ по лицу и, сбросивъ его въ воду, приказалъ командѣ выбрасывать непріятеля. Наше сопротивленіе не могло быть дѣйствительнымъ и японцы завладѣли миноносцемъ. Произошли взрывы



Крейсеръ „Новикъ", затопленный въ посту Корсаковскомъ.

носового патроннаго погреба въ машинномъ отдѣленіи; миноносецъ „Рѣшительный", погруженный носомъ, былъ выведенъ изъ порта японцами. Надѣюсь, что они не доведутъ его до своего порта. Команда и офицеры спасены".

Описываемое морское сраженіе 28-го іюля японцы называютъ рѣшительнымъ, да оно таковымъ и было въ дѣйствительности, такъ какъ послѣ него наша тихоокеанская эскадра перестала существовать. Мы лишились: „Цесаревича", „Аскольда" и „Новика", т. е. одного броненосца и двухъ крейсеровъ 1-го класса и двухъ миноносцевъ, такъ какъ миноносецъ „Бурный", уходя отъ непріятеля, сѣлъ на мель у Шантуна и по свозѣ съ него команды былъ взорванъ нами самими. Суда, зашедшія въ нейтральные порты, должны были спустить флаги, а остальныя, вернувшіяся въ Портъ-Артуръ, обречены были пассивно ожидать своей судьбы, которая должна была рѣшиться одновременно съ паденіемъ крѣпости, и море такимъ образомъ очутилось окончательно и безповоротно въ рукахъ японцевъ, которые сдѣлались единственными и главными его хозяевами. Для бòльшаго уясненія

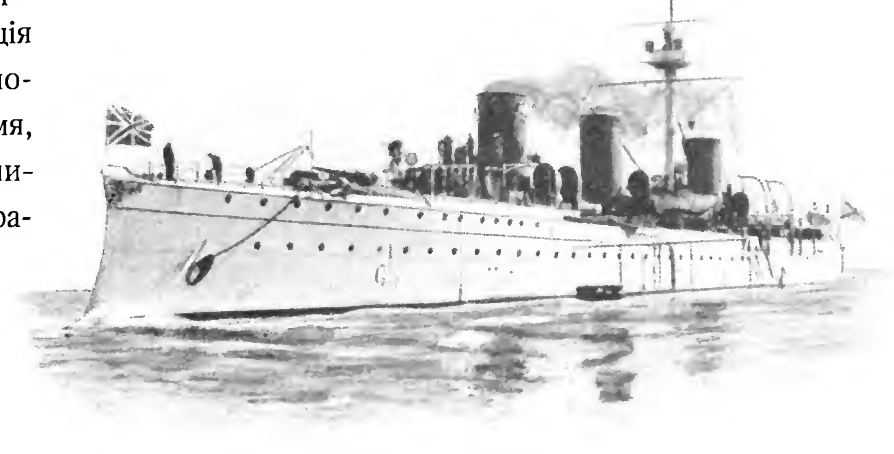


Броненосецъ „Севастополь".

картины этого важнаго сраженія не лишне привести здѣсь японское описаніе этого боя: „Военныя событія приводили наши силы ежедневно все ближе и ближе къ крѣпости и къ городу Портъ-Артуру и наши пушки были такъ близко отъ передовыхъ постовъ, что онѣ наносили большой вредъ даже самому городу. Судамъ, стоящимъ въ гавани, предстояла судьба одинаковая съ Портъ-Артуромъ, а потому они рѣшили сдѣлать попытку сильнымъ ударомъ пробиться на свободу до тѣхъ поръ пока еще крѣпость не въ нашихъ рукахъ.

Онѣ рѣшили на выходъ, цѣлью котораго было соединеніе съ владивостокской эскадрой, которая должна была съ ними совмѣстно дѣйствовать. Поэтому 28-го іюля русскія суда начали выходить изъ гавани. Въ 6 часовъ утра онѣ увидѣли нѣсколько нашихъ канонерскихъ лодокъ и маленькихъ крейсеровъ дрейфующихъ около гавани.

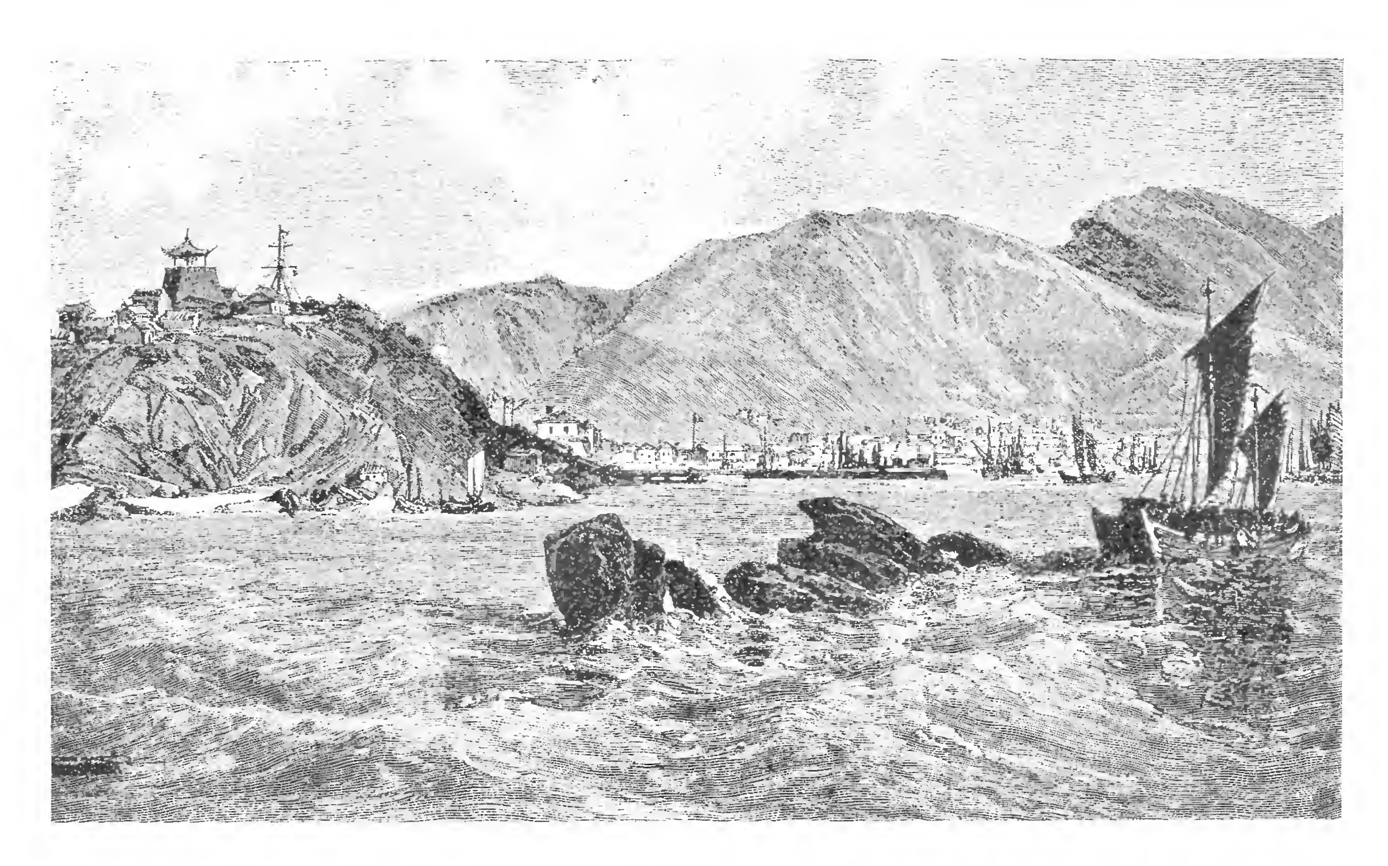
Крейсеръ „Баянъ“ наскочилъ на мину и получивъ поврежденія вернулся обратно въ гавань. Въ 11 часовъ утра въ морѣ въ 20 миляхъ отъ крѣпости наша эскадра впервые замѣтила уходящія суда, но дѣло было отложено на нѣкоторое время, такъ какъ намѣреніе адмирала Того было начать сраженіе какъ можно дальше отъ крѣпости, чтобы суда русскія не могли бы найти себѣ укрытія подъ выстрѣлами ея.



Крейсеръ 2-го ранга „Новикъ“, послѣ боя 7-го августа съ японскими крейсерами, въ виду присутствія нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ затопленъ нами на мелководьѣ Корсаковскаго поста.

Въ 12 часовъ 40 минутъ по полудни эскадра находилась около 30 миль отъ Портъ-Артура. Въ это время на нашемъ флагманскомъ кораблѣ взвился флагъ для начала боя. Видѣлъ ли это непріятель или нѣтъ, неизвѣстно, но сейчасъ же началъ построеніе въ боевую колонну. Силы русскихъ состояли изъ шести броненосцевъ съ „Ретвизаномъ“ во главѣ, четырехъ крейсеровъ и восьми миноносцевъ истребителей. Въ часъ дня наша эскадра открыла огонь, а русскія суда стали отвѣчать на него. Наши снаряды за малымъ исключеніемъ попадали въ суда противника и причиняли убыль въ людяхъ, а русскіе снаряды вслѣдствіе ли дурной стрѣльбы или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ давали перелеты или не долетали до насъ.

Наша эскадра отошла и опять приблизилась, давая залпы по русскимъ судамъ. Такъ бой продолжался два съ половиной часа. Въ три съ половиной часа былъ сдѣланъ интервалъ на одинъ часъ, послѣ чего мы еще ближе подошли къ линіи отступленія русскихъ. Въ это время непріятель измѣнилъ курсъ на юго-востокъ и мы окончательно сблизившись съ противникомъ продолжали бой, становившійся



Чифу, главный портъ въ Желтомъ морѣ, гдѣ японцами произведено разбойничье нападеніе на разоруженный контръ-миноносецъ „Рѣшительный“.

жаркимъ, казалось, что непріятель сосредоточиваетъ свой огонь на нашемъ флагманскомъ суднѣ, около котораго падало много снарядовъ, но Того и его штабъ оставались невредимыми и адмиралъ управлялъ боемъ совершенно спокойно. Большая часть потерь была на флагманскомъ суднѣ, но адмиралъ вышелъ изъ боя, не получивъ даже царапины. Во время второго періода боя наша эскадра стрѣляла хладнокровнѣе, но скорѣе. Въ 5 часовъ 30 минутъ дня выстрѣлъ одного изъ нашихъ броненосцевъ попалъ въ „Цесаревича“, гдѣ адмиралъ Витгефтъ, его штабъ и офицеры стояли на мостикѣ. Адмиралъ былъ разорванъ на части, только его нога осталась на борту. Командиръ броненосца, а равно и всѣ прочіе офицеры были ранены. Командиръ броненосца, раненый въ руку, сдѣлалъ попытку выйти изъ строя, и другія русскія суда, боясь столкнуться съ флагманскимъ судномъ, вышли изъ строя, такъ что ихъ построеніе было окончательно разстроено. Въ нѣсколько минутъ непріятельскія суда собрались вокругъ „Цесаревича“, приблизившись къ нашимъ судамъ на 4000 метровъ. Послѣдніе при этомъ выгодномъ положеніи разрядили свои пушки съ быстрой послѣдовательностью. Многія изъ русскихъ пушекъ замолчали, хотя онѣ еще не израсходовали своихъ снарядовъ. „Ретвизанъ“ храбро стрѣлялъ до конца и только одинъ могъ давать по нѣсколько выстрѣловъ съ интервалами. Къ концу боя непріятельскій огонь значительно уменьшился, построеніе ихъ было нарушено и каждое судно управлялось самостоятельно. „Цесаревичъ“, „Аскольдъ“, „Новикъ“ и нѣсколько истребителей пошли въ южномъ направленіи, а другія суда вернулись въ Портъ-Артуръ. На возвратномъ пути они были атакованы нашими истребителями и канонерскими лодками, но послѣдніе не причинили много вреда

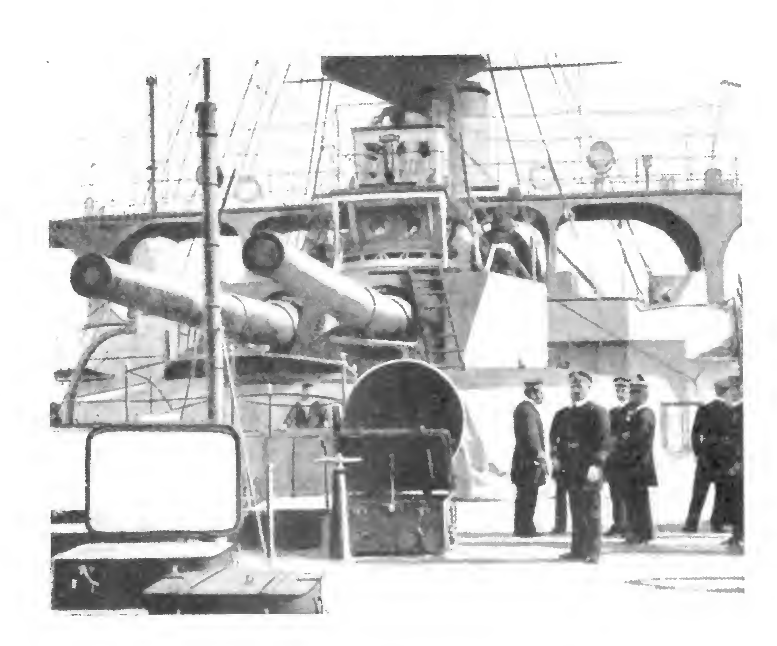
непріятелю. Всѣ суда русскихъ потерпѣли аваріи. Ни одно изъ нашихъ судовъ не понесло поврежденій, а людей погибло 250 человѣкъ". Въ нашемъ описаніи морского сраженія 28-го іюля говорилось главнымъ образомъ о томъ, что происходило въ отрядѣ крейсеровъ, о дѣйствіяхъ же отряда броненосцевъ, командованіе которыми послѣ смерти адмирала Витгефта перешло къ адмиралу князю Ухтомскому, мы узнаемъ изъ всеподданнѣйшей телеграммы послѣдняго. Согласно этой телеграммы, второй бой съ японской эскадрой длился до 7 часовъ вечера, когда „Цесаревичъ" получилъ поврежденіе руля. Тогда князь Ухтомскій, имѣя на „Пересвѣтѣ" всѣ стеньги сбитыми, приказалъ привязать къ поручнямъ мостика сигналъ: „слѣдовать за мной", и повернулъ въ Портъ-Артуръ. За нимъ пошли: „Ретвизанъ", „Побѣда", „Полтава" и „Севастополь". „Цесаревичъ" же шелъ въ самомъ концѣ, но частыя минныя атаки противника не давали возможности дѣйствовать совмѣстно и наши броненосцы стали управляться каждый самъ по себѣ, пробираясь къ Портъ-Артуру.



Японскій броненосецъ „Миказа".

Въ результатѣ изъ всей нашей тихо-океанской эскадры остались свободными и годными къ дѣлу только три крейсера 2-го ранга, входившіе въ составъ владивостокской эскадры. Эти крейсера были: „Россія", „Громобой" и „Рюрикъ", стоявшіе въ Золотомъ рогѣ и только изрѣдка выходившіе для нанесенія мелкаго вреда противнику захватомъ его транспортныхъ судовъ. Къ этому времени начальникомъ тихо-океанской эскадры былъ назначенъ адмиралъ Скрыдловъ, который такъ долго собирался ѣхать къ своему посту, что прибылъ на театръ войны, когда уже всякое сообщеніе съ Портъ-Артуромъ было прервано и пробраться въ крѣпость можно было только случайно, такъ какъ сообщеніе съ крѣпостью поддерживалось лишь нѣсколькими головорѣзами китайцами, джонки которыхъ по временамъ прорывались въ Чифу и обратно. Такимъ образомъ, пробраться въ Артуръ было можно, хотя это было и сопряжено съ большимъ рискомъ. Прибывъ въ Харбинъ, адмиралъ Скрыдловъ, находившійся, по слухамъ, въ личныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ адмираломъ Алексѣевымъ, не былъ принятъ послѣднимъ въ Мукденѣ, а получилъ указаніе слѣдовать прямо во Владивостокъ. И вотъ, новый начальникъ всего нашего флота на Дальнемъ Востокѣ очутился во Владивостокѣ только съ тремя судами, тогда какъ подавляющее большинство ввѣренныхъ его командованію судовъ находилось въ Портъ-Артурѣ. Предъявлять къ адмиралу Скрыдлову требованіе какими бы то ни было способами пробраться въ Портъ-Артуръ было, можетъ быть, примѣненіемъ къ нему слишкомъ широкаго масштаба, которому, очевидно, онъ удовле-

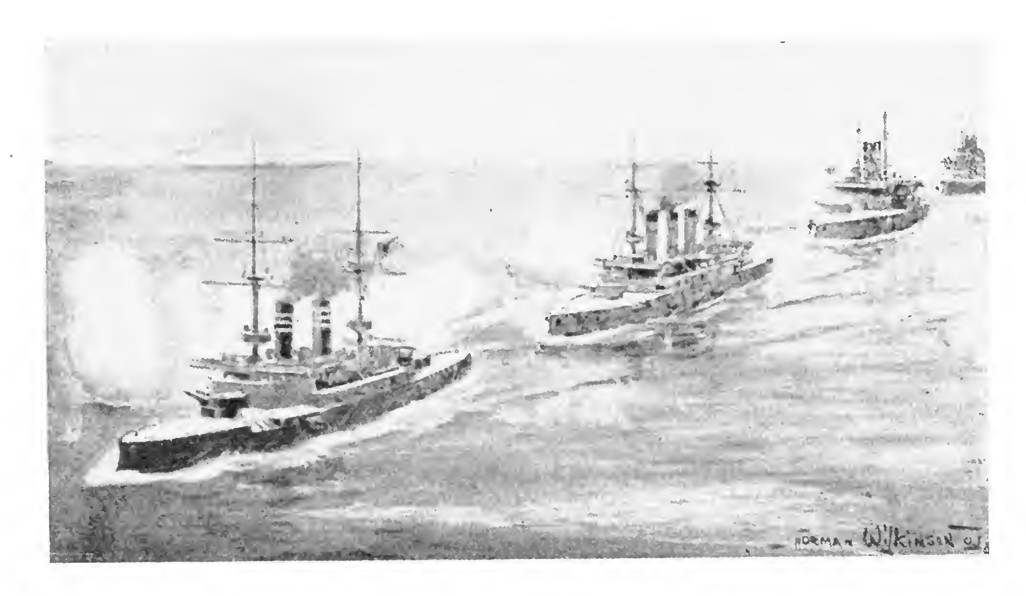
творить не могъ, но за то дальнѣйшія его дѣйствія, въ особенности для не посвященныхъ, вызываютъ справедливое изумленіе. Владивостокская эскадра въ составѣ трехъ крейсеровъ 2-го ранга была отправлена на соединеніе съ остальными силами флота подъ начальствомъ адмирала Іессена, а начальникъ всей нашей тихо-океанской эскадры продолжалъ оставаться во Владивостокѣ, гдѣ у него, кромѣ разныхъ мелкихъ судовъ да портовыхъ сооруженій, ничего не оставалось. Если бы даже нашимъ крейсерамъ и удалось прорваться къ Портъ-Артуру, то дѣло отъ этого еще мало выигрывало, такъ какъ адмиралу Скрыдлову проѣхать въ Артуръ все-таки было нельзя, и нашъ флотъ обреченъ былъ оставаться безъ руководительства, такъ какъ управлять его дѣятельностью изъ Владивостока, очевидно, было нельзя. По оффиціальнымъ сообщеніямъ, попытка владивостокской эскадры соединиться съ портъ-артурской происходила такъ: выйдя 30-го іюля изъ Золотого рога, т. е. какъ разъ въ то время, когда судьба портъ-артурской эскадры исполнилась и она уже больше почти не существовала, на разсвѣтѣ 1-го августа крейсера: „Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“ на полныхъ парахъ подошли къ параллели Фузана и находились въ 42-хъ миляхъ отъ этого порта и въ 36 отъ сѣверной оконечности острова Цусима, когда, повернувъ къ западу, скоро увидѣли въ 8 миляхъ впереди праваго траверза японскую крейсерскую эскадру, шедшую параллельнымъ курсомъ и состоящую изъ четырехъ судовъ.



12-дюймовыя орудія на броненосцѣ.

Наша эскадра повернула влѣво и, стараясь выйти какъ можно дальше въ море, хотѣла уклониться отъ боя, но японскіе крейсера также повернули и легли параллельнымъ курсомъ и, такимъ образомъ, заставили принять бой, который и начался около 6 часовъ утра съ разстоянія около 60 кабельтовыхъ. Вскорѣ съ юга изъ пролива показался еще одинъ непріятельскій крейсеръ, типа „Нанива“, который шелъ на присоединеніе къ своимъ. Нашъ отрядъ хотѣлъ выбраться на сѣверо-востокъ въ открытое море, но японцы замѣтили этотъ маневръ и стали склонять курсъ въ нашу сторону. Тогда наша эскадра быстро повернула вправо и легла на сѣверо-западъ съ тѣмъ, чтобы до подхода къ корейскому берегу выйти на сѣверъ. Этотъ маневръ японцами замѣченъ не былъ и явилась вѣроятность удачи предпріятія, но не прошло и пяти минутъ, какъ крейсеръ „Рюрикъ“ поднялъ сигналъ „руль не дѣйствуетъ“. Въ отвѣтъ ему былъ поданъ сигналъ: „управляться машинами“, и эскадра продолжала идти своимъ курсомъ. На послѣдній поданный сигналъ „Рюрикъ“ не отвѣтилъ. Всѣ японскіе крейсера сосредоточили на немъ свой огонь, остальныя

же наши суда маневрировали, стараясь привлечь огонь японцевъ на себя, съ цѣлью прикрытія „Рюрика“. На „Рюрикѣ“ былъ поднятъ сигналъ: „не могу управляться“. Крейсеръ направился къ корейскому берегу, но, пройдя мили двѣ въ этомъ направленіи, онъ получилъ сигналъ: „идти во Владивостокъ“. „Рюрикъ“ отрепетировалъ



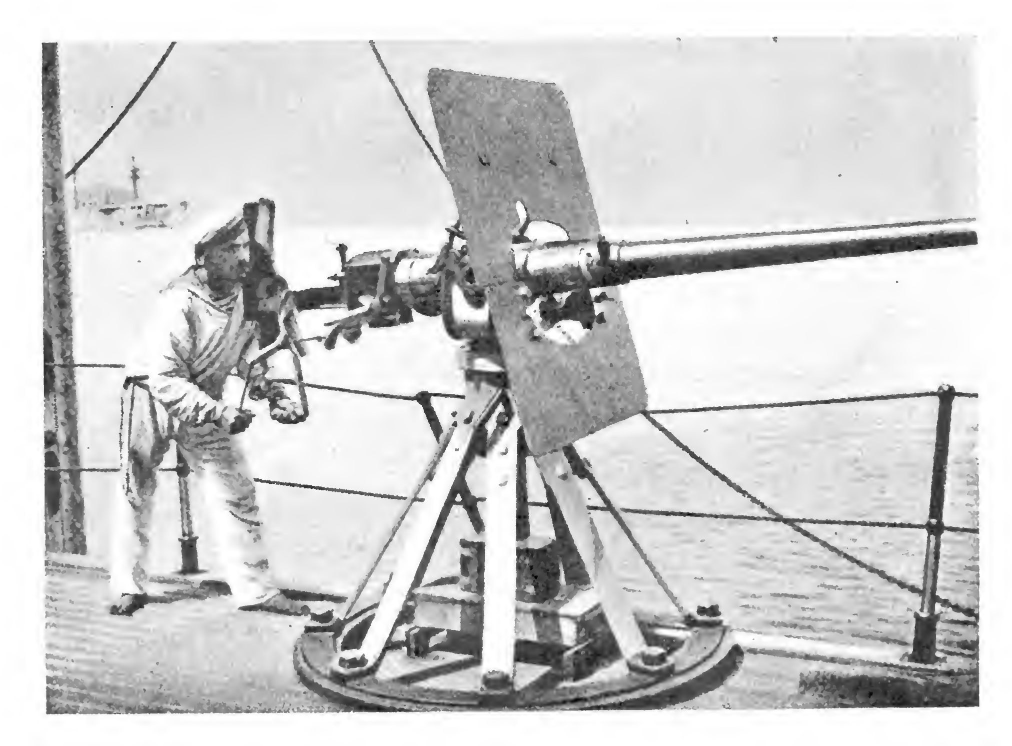
Морской бой 28-го іюля.

этотъ сигналъ, что означало, что онъ можетъ выполнить полученное приказаніе, и, дѣйствительно, взялъ надлежащій курсъ. Тогда „Россія“ и „Громобой“ окончательно легли на сѣверо-западъ, и думая, что „Рюрикъ“ самъ справится съ атаковавшими его двумя небольшими японскими крейсерами и самостоятельно доберется до Владивостока, все время сражаясь съ эскадрой Камимуры, слѣдовавшей параллельнымъ курсомъ, продолжали идти по принятому направленію. При этомъ наши крейсера получили значительныя поврежденія: на „Россіи“ были продырявлены три трубы и выведены изъ строя три котла, что мѣшало держать должнымъ образомъ пары. Около половины девятаго „Рюрикъ“ сталъ сильно отставать и повернулъ носомъ къ двумъ японскимъ крейсерамъ, и видно было, какъ онъ завязалъ съ ними оживленный бой. Адмиралъ Камимура неотступно шелъ однимъ курсомъ съ „Россіей“ и „Громобоемъ“, которые, отстрѣливаясь, продолжали идти къ Владивостоку. Около 10 часовъ японская эскадра подошла на разстояніе до 42 кабельтовыхъ и огонь ея достигъ своего апогея; можно было ожидать, что послѣ этого они пойдутъ въ атаку, но, къ удивленію, она вдругъ прекратила огонь и, повернувъ, быстро скрылась за гори-



Японскій крейсеръ „Ниссенъ“.

зонтомъ. Наши поврежденія были: на „Россіи“ въ подводной части и у ватерлиніи имѣлось 11 пробоинъ и на „Громобоѣ“ 6, кромѣ того, на обоихъ судахъ были сильно повреждены трубы и во многихъ мѣстахъ пробиты борты, наконецъ, мы потеряли крейсеръ „Рюрикъ“ со всей его артиллеріей, съ его доблестнымъ командиромъ и частью экипажа. 25°/₀ личнаго состава офицерскихъ чиновъ выбыло изъ строя. Понесенныя аваріи не дали возможности оставшимся крейсерамъ вернуться на выручку „Рюрика“. Исправивъ кое-какъ свои поврежденія, „Россія“ и „Гробомой“, оставивъ „Рюрика“ въ 30 миляхъ, пошли во Владивостокъ, предоставивъ „Рюрика“ на жертву враговъ и не зная о постигшей его судьбѣ. Что произошло съ этимъ крейсеромъ—русское общество впервые узнало изъ статьи, написанной по разсказамъ іеромонаха отца Алексѣя, бывшаго судовымъ священникомъ на „Рюрикѣ“, спасеннаго японцами и



47 мм. пушка Гочкеса.

возвратившагося изъ плѣна, куда онъ былъ первоначально отправленъ. Приводимъ разсказъ этого іеромонаха, помѣщенный на страницахъ „Лѣтописи войны съ Японіей“ изд. Дубенскаго 1904 года.

„Изъ судовъ нашего флота уже нѣсколько стали жертвой нынѣшней ожесточенной войны“.

Ужасная гибель „Петропавловска“ и миноносца „Страшный“, выходъ изъ строя другихъ нашихъ судовъ представляютъ достойныя описанія событія. Но ни одно изъ этихъ судовъ не погибло въ открытомъ бою съ непріятелемъ. „Петропавловскъ“ наткнулся на мину, „Страшный“ случайно нарвался на врага, „Новикъ“ самъ выбросился на берегъ... Только гибель „Рюрика“ ознаменовала собою конецъ сраженія. „Рюрикъ“ боролся до конца, до полнаго истощенія силъ. Когда осталась только одна пушка, когда вся артиллерійская прислуга была перебита, когда погибъ самъ командиръ, только тогда, не думая о своемъ спасеніи, а заботясь только о томъ,

чтобы не отдать столь драгоцѣнный трофей въ руки враговъ, оставшійся невредимымъ и принявшій на себя командованіе кораблемъ лейтенантъ Ивановъ 13-й рѣшилъ открыть кингстоны и пустить „Рюрикъ“ ко дну.

Возвратившійся въ Петербургъ отецъ Алексѣй сообщилъ много подробностей какъ относительно самого боя, такъ и о смерти командира „Рюрика“, капитана 1-го ранга Евгенія Александровича Трусова.


Адмиралъ Скрыдловъ.

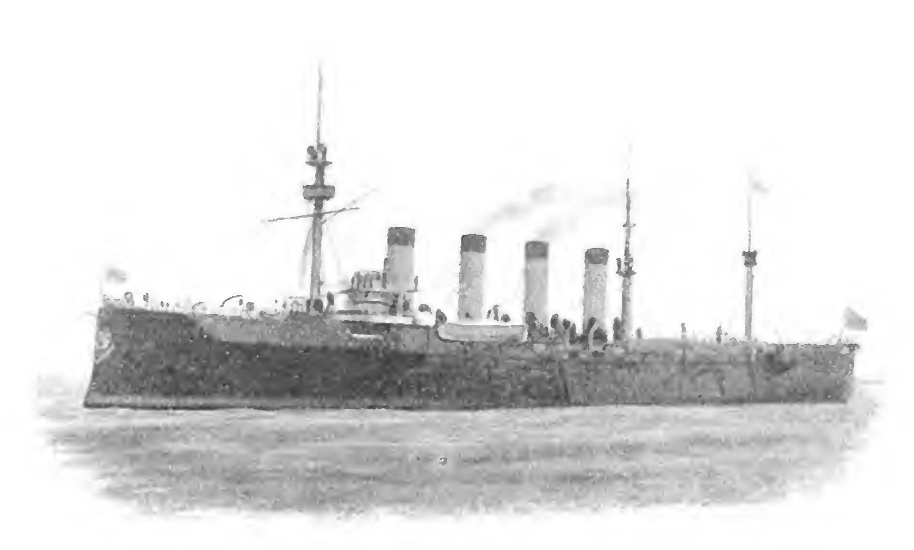
Не неосторожность или невнимательность были причиной гибели корабля, а печальный жребій войны. „Рюрикъ“ изнемогъ въ неравной борьбѣ съ болѣе чѣмъ вчетверо сильнѣйшимъ врагомъ, прикрывая своимъ израненнымъ тѣломъ остальныя суда эскадры.

Владивостокская эскадра въ составѣ крейсеровъ: „Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“, назначенная къ выходу изъ порта 31-го іюля, не знала куда и зачѣмъ она идетъ. По крайней мѣрѣ „рюриковцы“ были убѣждены, что это будетъ одно изъ плаваній, которыя они совершали раньше. Только уже въ открытомъ морѣ имъ стало извѣстнымъ, что они идутъ навстрѣчу портъ-артурской эскадры. Судя по словамъ отца Алексѣя, они ожидали встрѣтить именно эту эскадру; появленіе же японцевъ было для нихъ до нѣкоторой степени неожиданностью.


Депутація старшинъ, представлявшаяся адмиралу Скрыдлову.

Около четырехъ часовъ утра они замѣтили на горизонтѣ четыре идущія имъ навстрѣчу судна,—то были японцы. Приближаясь, японскія суда выстроились въ кильватерную колонну и загородили путь нашей эскадрѣ. Въ 4 часа 45 минутъ грянулъ первый выстрѣлъ съ японскаго адмиральскаго корабля, а затѣмъ началась непрерывная и страшная канонада. Обѣ стороны продолжали все время огонь, маневрируя другъ

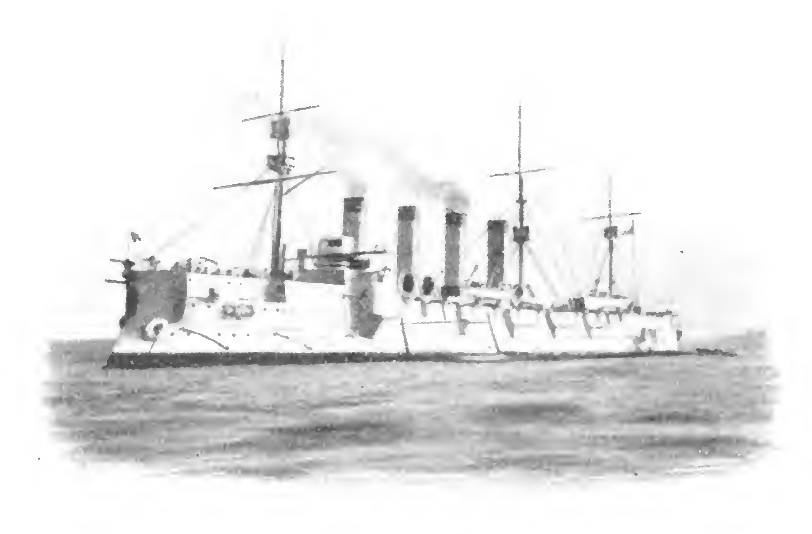
около друга. Въ чемъ, собственно, заключалось это маневрированіе, отецъ Алексѣй, какъ не спеціалистъ, въ точности сообщить не могъ, равно какъ и не могъ указать положенія судовъ во все время боя, но хорошо помнилъ расположеніе сражавшихся сторонъ въ нѣкоторые особо важные моменты. Они нанесены на прилагаемыхъ приблизительныхъ схематическихъ чертежахъ.



Крейсеръ „Россія".

Бой тянулся уже около трехъ часовъ и потери въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ на „Рюрикѣ" были весьма значительны, когда, около 8 часовъ, при поворотѣ, положенный лѣво на бортъ руль заклинило попавшимъ въ него снарядомъ и судно лишилось возможности управляться.

„Командиръ все время находился въ боевой рубкѣ, откуда управлялъ кораблемъ и боемъ, будучи уже тяжело раненымъ. Около 9 часовъ утра, когда лишенный уже возможности управляться „Рюрикъ" сталъ жертвой сосредоточеннаго огня японцевъ, остальныя суда владивостокской эскадры сдѣлали попытку подойти къ нему, во всякомъ случаѣ, производили какую-то эволюцію, но вслѣдъ за тѣмъ на флагманскомъ суднѣ былъ поднятъ сигналъ: „крейсерамъ полный ходъ", и „Россія" и „Громобой" двинулись къ Владивостоку. „Рюрикъ" не могъ послѣдовать за ними; онъ съ положеннымъ лѣво на бортъ и заклиненнымъ въ такомъ положеніи рулемъ не могъ послѣдовать за ними и могъ только дѣлать большіе и меньшіе круги, но хода впередъ не имѣлъ.



Крейсеръ „Громобой".

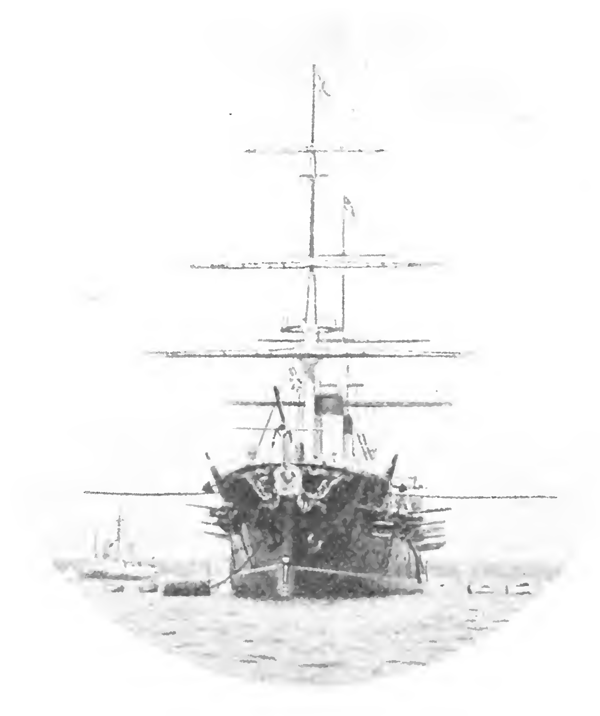
„Потрясающее впечатлѣніе произвелъ на „рюриковцевъ" моментъ, когда оба боевыхъ товарища покинули его. Вся команда была ошеломлена и на мгновеніе какъ бы оцѣпенѣла, но это продолжилось, дѣйствительно, мгновеніе.

„Быстро опомнилась команда, быстро поняла все величіе минуты и съ удвоенной энергіей, среди труповъ товарищей, крови и валявшихся кусковъ человѣческаго

мяса, бросилась къ своимъ орудіямъ и бой закипѣлъ съ новой силой. Безмолвно, какъ бы по соглашенію, всѣ рѣшили заставить японцевъ дорого заплатить за свою жизнь и за „Рюрика“.

Такимъ образомъ, съ 9 часовъ утра до 12-го часу, когда „Рюрикъ“ пошелъ ко дну, онъ былъ предоставленъ самому себѣ. Противъ него были подавляющія силы врага. Кромѣ ведшихъ все время бой японскихъ судовъ, вдали показались еще два непріятельскихъ крейсера и пять миноносцевъ.

„Гибель или сдача, вотъ два выхода, которые представлялись теперь „Рюрику“. Всѣ рѣшили погибнуть, и когда были открыты кингстоны, команда сначала не хотѣла покидать своего корабля. На суднѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ пожаръ, оно было изборождено непріятельскими снарядами, всѣ орудія подбиты, оставалось цѣлымъ только одно. Мостикъ, боевая рубка и всѣ палубы были покрыты убитыми и ранеными. Оставшійся послѣ гибели командира старшимъ начальникомъ лейтенантъ Ивановъ 13-й, видя всю безвыходность положенія, рѣшилъ взорвать крейсеръ, но это оказалось невыполнимымъ, такъ какъ всѣ проводы были перерваны, тогда открыли кингстоны и судно медленно стало наполняться водою.



Броненосный крейсеръ 1-го ранга „Рюрикъ“.

„Еще въ 11 часовъ утра, узнавъ, что командиръ раненъ, о. Алексѣй, занятый внизу перевязкой раненыхъ и напутствіемъ умирающихъ, поднялся на верхъ и нашелъ командира окровавленнымъ, совершенно блѣднымъ, лежащимъ на матрасѣ, который ему привезъ его вѣстовой; когда, истекая кровью, раненый командиръ не могъ уже держаться на ногахъ, онъ передалъ командованіе лейтенанту Зенилову. Послѣдній вслѣдъ за этимъ былъ также раненъ въ голову и дальнѣйшее командованіе перешло къ лейтенанту Иванову 13-му“.

„Все время, лежа на матрасѣ, командиръ продолжалъ распоряжаться, указывая какъ управлять судномъ. Командиръ „Рюрика“ былъ раненъ въ голову и, вѣроятно, долгое время былъ безъ перевязки, на что указывала сильно запекшаяся кровь. Онъ былъ такъ занятъ управленіемъ, что даже во время перевязки продолжалъ давать указанія и ни слова не говорилъ съ перевязывавшимъ его священникомъ. Ни одного стона, ни одной жалобы не вырвалось у него, и только когда перевязка была кончена, онъ попросилъ пить“.

„Во время перевязки онъ все совѣтовался съ лейтенантомъ Ивановымъ о томъ, чтобы какъ-нибудь таранить какое-нибудь изъ непріятельскихъ судовъ и попытаться

пустить его ко дну. Но это оказалось неисполнимымъ, такъ какъ съ положеннымъ на бортъ рулемъ нельзя было развить должнаго для этого хода. Тогда онъ приказалъ стать къ непріятелю лѣвымъ бортомъ и выпустить мину. Это было выполнено, но мина не достигла цѣли. Кингстоны были открыты, когда около полудня на суднѣ раздался крикъ: командиръ убитъ! О. Алексѣй находился въ это время внизу и былъ занятъ исповѣдью умирающихъ. „Рюрикъ" медленно погружался въ воду. Здоровые перевязывали и привязывали къ койкамъ раненыхъ и бросали ихъ въ воду. За недостаткомъ времени пришлось прибѣгнуть къ общей исповѣди, окончивъ которую о. Алексѣй поднялся на верхъ. Мостикъ былъ сплошь покрытъ обезображенными трупами, въ боевой рубкѣ же не было ни одного живого человѣка. На полу лежала только одна голова командира „Рюрика", остального не было. Матрацъ, на которомъ онъ лежалъ, былъ весь взбитъ и окровавленъ".



Командиръ крейсера „Рюрикъ" капитанъ І-го ранга Евгеній Александровичъ Трусовъ.

Такъ погибъ крейсеръ 1-го ранга „Рюрикъ" вмѣстѣ съ своимъ доблестнымъ командиромъ и частью команды. Даже враги отдали должную честь доблести и мужеству „рюриковцевъ", описаніе гибели которыхъ составляетъ грустную, но тѣмъ не менѣе блестящую страницу въ исторіи нашего флота. Вотъ что сами японцы писали по этому поводу: „Эскадра Камимуры получила извѣстіе, что 28-го іюля въ Желтомъ морѣ разсѣяна русская эскадра и что возможно появленіе нѣкоторыхъ судовъ ея въ Корейскомъ проливѣ съ намѣреніемъ достичь владивостокской эскадры. Получивъ это извѣстіе адмиралъ Камимура немедленно занялъ въ морѣ позицію для наблюденія какъ за судами, идущими изъ Портъ-Артура, такъ и за могущими появиться со стороны Владивостока. Къ счастью густые туманы, господствовавшіе около Цусимы, внезапно прекратились. Утромъ 1-го августа четыре бронированныхъ крейсера: „Итзума", „Азума", „Токива" и „Ивате", составлявшіе эскадру Камимуры, прошли къ югу и въ 5 часовъ утра увидали три крейсера владивостокской эскадры на разстояніи 10000 метровъ".



СХЕМА МОРСКОГО БОЯ 1 АВГУСТА. ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ 4 Ч. 30 М. УТРА.

„Много разъ въ прежнихъ встрѣчахъ русская эскадра уходила невредимою, благодаря своему

быстрому ходу, но въ этомъ случаѣ непріятель ушелъ слишкомъ далеко на югъ, чтобы уйти отъ нашей эскадры. Казалось даже, что непріятель насъ замѣтилъ позднѣе, чѣмъ мы его. Наши моряки были въ сильно приподнятомъ настроеніи и горѣли нетерпѣніемъ вступить въ бой. Съ нашего флагманскаго судна было отдано приказаніе готовиться къ бою".

„Наши суда тогда пошли впередъ и старались зайти въ тылъ, чтобы помѣшать русскимъ отступить, если они повернутъ на Владивостокъ".

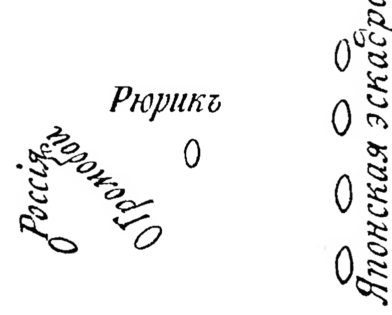


СХЕМА МОРСКОГО БОЯ 1 АВГУСТА. ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ 8 Ч. УТРА.
Сломанъ руль.

„Когда русскіе крейсера это замѣтили, то стали поворачивать на сѣверъ. „Россія" шла впереди, за нею шелъ „Громобой", а „Рюрикъ" шелъ послѣднимъ". Это было въ 5 часовъ 20 минутъ утра и разстояніе раздѣлявшее противниковъ было около 8000 метровъ. Мы открыли огонь, непріятель сталъ отвѣчать и бой длился нѣкоторое время въ такомъ положеніи. Послѣ этого наша эскадра перестроилась въ видѣ буквы T противъ вертикальной линіи русскихъ судовъ, которыя были въ колоннѣ. Наша эскадра имѣла солнце позади себя и оно прямо освѣщало непріятеля, которому било въ глаза и мѣшало стрѣлять".

„Это обстоятельство благопріятствовало намъ и было не въ пользу врагу. Наши суда нѣсколько разъ въ теченіе боя становились поперекъ дороги противника, при чемъ построеніе въ видѣ буквы T давало намъ возможность сосредоточивать свой огонь на любомъ изъ непріятельскихъ судовъ, тогда какъ русскія суда находясь въ кильватерной колоннѣ и имѣя въ головѣ крейсеръ „Россію", могли стрѣлять только съ этого судна, остальныя же не могли открыть огня, такъ какъ ихъ закрывала „Россія". Въ это время русская эскадра перемѣнила курсъ, чтобы выйти изъ такого невыгоднаго положенія, при чемъ „Рюрикъ" ближе всего подошелъ къ нашей эскадрѣ на разстояніе отъ 4000—5000 метровъ и сдѣлался фокусомъ нашего сконцентрированнаго огня. „Рюрикъ" былъ тихоходъ по сравненію со своими товарищами и остался позади. Снарядовъ сыпавшихся на него было такъ много, что скоро онъ весь покрылся чернымъ дымомъ. Крики „банзай" непрерывно раздавались на нашихъ судахъ, гдѣ стрѣляли, какъ на практической стрѣльбѣ. „Россія" и „Громобой" описали полукругъ, чтобы подойти на помощь къ „Рюрику". При этомъ они опять попали въ неудобное положеніе и были снова сильно обстрѣляны. Въ это время „Рюрикъ" не только прекратилъ стрѣльбу, но и руль его былъ сломанъ. Онъ хотѣлъ подвигаться впередъ на парахъ, но могъ только вертѣться кругомъ. Видя ухудшеніе положенія русскіе крейсера почти одновременно перестали стрѣлять. Искры развѣваемыя сильнымъ вѣтромъ клубами выходили изъ ихъ бойницъ, а дымъ застилалъ небеса. Страшная суматоха была видна на русскихъ судахъ, видъ былъ

Россія Рюрикъ Японская эскадра Громобой

СХЕМА МОРСКОГО БОЯ 1 АВГУСТА. ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ 9 Ч. УТРА.
«Россія» и «Громобой» покидаютъ «Рюрика».



Западная часть внутренняго рейда Портъ-Артура.

потрясающій. „Россія“ и „Громобой“, впрочемъ, скоро справились и вновь открыли правильную стрѣльбу, но что касается „Рюрика“, онъ началъ погружаться въ воду съ кормы, благодаря большой пробоинѣ, сдѣланной однимъ изъ нашихъ снарядовъ, и корпусъ накренило налѣво. Продолжая отстрѣливаться, „Громобой“ и „Россія“ плавали около несчастнаго крейсера, подвергаясь нашему сконцентрированному огню. Это продолжалось четыре часа и разстояніе между противниками было такъ мало, что люди стоящіе около пушекъ едва могли прицѣливаться. „Россія“ нѣсколько разъ переставала стрѣлять, „Громобой“ раза три или четыре. „Рюрикъ“ потерялъ способность управлять своими пушками кромѣ двухъ, а его мачта была сломана пополамъ“.

„Въ 9 часовъ „Россія“ и „Громобой“ оставили „Рюрика“ и на всѣхъ парахъ поспѣшили на сѣверъ. Въ это время на сцену явились крейсера „Нанива“ и „Такашихо“. „Рюрикъ“ остался съ этими крейсерами, тогда какъ остальныя наши суда погнались за уходившими двумя судами. Оба были сильно повреждены и только двѣ или три пушки на каждомъ продолжали стрѣлять. Не догнавъ русскіе крейсера, наша эскадра вернулась назадъ, когда адмиралу былъ поданъ рапортъ, что „Рюрикъ“ потонулъ, но часть команды спасена. Позднѣе узнали, что когда наши крейсера пошли въ погоню за уходившимъ непріятелемъ, „Рюрикъ“, очевидно бравируя, вдругъ вернулъ свою дѣятельность и сталъ оказывать сопротивленіе, но былъ вновь яростно атакованъ нашими судами. Между тѣмъ вода съ кормы стала заливать крейсеръ и его судовая команда, карабкаясь, поднималась на верхнюю палубу. Несомнѣнно только, что „рюриковцы“ продолжали стрѣлять до тѣхъ поръ, пока судно совсѣмъ не погрузилось въ воду, чѣмъ вызвали восхищеніе японскихъ командъ. „Рюрикъ“ тонулъ съ кормы, но вдругъ онъ сдѣлалъ скачокъ въ вертикальномъ направленіи, но опять погрузился и въ двѣ минуты скрылся подъ водою. Послѣ исчезнувшаго судна множество гамаковъ и другихъ предметовъ плавало на поверхности. Наши корабли выслали шлюпки для спасенія погибавшихъ и спасли около 613 человѣкъ, которыхъ отвезли на свои крейсера, больше трети были ранены“.

„Тотъ фактъ, что крейсеръ, имѣющій 10000 тоннъ водоизмѣщенія потонулъ отъ артиллерійской стрѣльбы, считается выдающимся дѣломъ въ морской тактикѣ“.

„Пораженный геройскимъ стоицизмомъ „рюриковцевъ“ адмиралъ Камимура приказалъ оказывать всевозможный почетъ и вниманіе спасеннымъ изъ воды людямъ“.

Такъ закончилась лебединая пѣснь нашей тихоокеанской эскадры, потрясающій конецъ которой останется навсегда славнымъ памятникомъ геройскаго самоотверженія нашихъ моряковъ, положившихъ жизнь свою за интересы родины, что вызвало даже справедливое уваженіе и восхищеніе нашихъ враговъ.

Страннымъ является то обстоятельство, что адмиралъ Скрыдловъ, будучи начальникомъ тихоокеанской эскадры, и отправляя ее изъ Владивостока, очевидно не



Корсаковскій постъ.

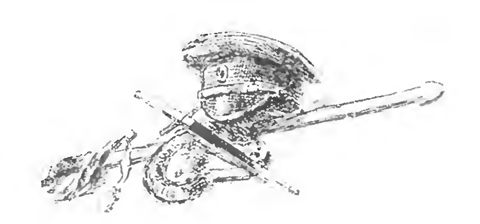
имѣлъ въ виду одинъ изъ тѣхъ поисковъ, которые она производила раньше, это уже ясно видно изъ того, что въ секретномъ пакетѣ, который получилъ адмиралъ Іессенъ и который должно было вскрыть въ морѣ, заключалось приказаніе идти на встрѣчу портъ-артурской эскадрѣ. Въ этой операціи страннымъ является то, что владивостокская эскадра была отправлена 30-го іюля, т. е. когда портъ-артурская эскадра какъ боевая сила уже перестала существовать. Впрочемъ, безцѣльная высылка владивостокскихъ крейсеровъ еще можетъ быть объяснена неполученіемъ свѣдѣній о размѣрахъ несчастья, постигшаго насъ въ морскомъ бою 28-го іюля. Но что уже совсѣмъ необъяснимо, такъ это то, какъ адмиралъ Скрыдловъ, будучи главнымъ начальникомъ нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ, самъ не повелъ свои владивостокскіе крейсера на соединеніе съ большею частью своего флота въ Портъ-Артурѣ, а предоставилъ это важнѣйшее дѣло младшему по себѣ адмиралу Іессену. Дѣйствительность, однако, показала, что адмиралъ Скрыдловъ предпочелъ спокойно оставаться во Владивостокѣ ни съ чѣмъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться возможностью про-

браться въ Портъ-Артуръ, чтобы руководить дальнѣйшими дѣйствіями оставшагося флота, что было на него Высочайше возложено.

Мы оставили крейсеръ „Новикъ“ затопленнымъ нами на мелководьѣ залива Анива у поста Корсаковскаго и знаемъ, что 7-го августа японцы разстрѣливали выдающуюся изъ воды часть „Новика“. На другой день, т. е. 8-го августа, непріятель, подойдя верстъ на 7 къ посту Корсаковскому, съ 6 часовъ утра началъ его бомбардировать, но, не нанеся никакого серьезнаго вреда, ушелъ назадъ и долго послѣ того не показывался; но 24-го августа, въ 6 часовъ утра, въ посту Корсаковскомъ замѣтили на горизонтѣ два отдѣльныхъ пароходныхъ дыма, вслѣдствіе чего, находившаяся въ посту наша команда заняла заранѣе выбранную позицію. Замѣченные пароходы оказались японскими транспортами по 6000 тоннъ водоизмѣщенія, которые, подойдя довольно близко, бросили якоря и стали спускать два паровыхъ катера. Послѣдніе подошли къ „Новику“ и высадили на него своихъ людей. Когда японцы показались на палубѣ затонувшаго крейсера, нашъ отрядъ открылъ по нимъ сильный ружейный огонь, осыпая пулями паровые катера. Послѣ первыхъ же залповъ непріятель поспѣшно очистилъ палубу „Новика“, и сѣвъ на свои катера, сопровождаемый нашимъ огнемъ, поплылъ къ ожидавшимъ ихъ транспортамъ. Цѣль этой непріятельской экскурсіи очевидно была взорвать нашъ затопленный крейсеръ, такъ какъ взошедшая послѣ ухода японцевъ на „Новикъ“ наша команда нашла одну оставленную винтовку и проводы къ двумъ заложеннымъ минамъ, которыя остались не взорванными. Кромѣ того, было еще извлечено много минъ, заложенныхъ въ разныхъ мѣстахъ крейсера. Вскорѣ японскіе транспорты снялись съ якоря и скрылись за горизонтомъ.



Пристань Корсаковскаго поста (на южномъ Сахалинѣ).





Ворота г. Ляояна.



После овладѣнія перевалами, изолированія Портъ-Артура, уничтоженія нашего флота въ Тихомъ океанѣ и неудачнаго нашего перехода въ наступленіе, японцы заняли первенствующее положеніе и, не безпокоясь болѣе о морѣ, которое всецѣло было въ ихъ распоряженіи, направили всѣ свои усилія на достиженіе дальнѣйшихъ успѣховъ на сушѣ, куда переносится теперь центръ тяжести войны и гдѣ сосредоточивается весь интересъ ея. Такъ какъ военныя дѣйствія находятся въ прямой зависимости отъ свойствъ мѣстности, которая служитъ имъ театромъ, и значеніе ихъ зависитъ отъ экономическаго и политическаго значенія даннаго района, то болѣе подробное знакомство съ южной Манджуріей, гдѣ разыгрались важнѣйшія событія войны, является не только полезнымъ, но и необходимымъ. Какъ театръ военныхъ дѣйствій, южная Манджурія имѣетъ значеніе, такъ какъ по ней пролегаютъ пути нашего наступленія въ Корею и для японцевъ при движеніи ихъ изъ Кореи на Квантунъ, къ Мукдену и Гирину.

Въ административномъ отношеніи южная Манджурія составляетъ Мукденскую или Шеньцзянскую провинцію. Она ограничивается съ запада Кореей, съ юга Корейскимъ заливомъ и граничитъ съ Квантунской областью, на западѣ омывается Ляодунскимъ заливомъ и примыкаетъ къ Китаю и Монголіи, а на сѣверѣ и сѣверовостокѣ къ ней примыкаетъ Гиринская провинція. Вся Манджурія теперь составляетъ часть Китая, но нѣсколько вѣковъ тому назадъ южная часть ея была занята ко-

рейцами и составляла часть ея территоріи. Какъ далеко простиралась власть корейцевъ—неизвѣстно, но слѣды корейской архитектуры и теперь доходятъ до самаго Ляояна. Въ этотъ періодъ времени манджурскій народъ состоялъ изъ нѣсколькихъ могущественныхъ племенъ, монгольскаго происхожденія, общаго съ китайцами, но имѣлъ свои характерныя черты. Сыны дикой страны, привыкшіе къ бродячей жизни, распространились на западныя равнины и скоро сдѣлались силою, страшною даже для могущественнаго Китая. Въ началѣ XVI столѣтія они совершили набѣгъ на Китай, который и былъ покоренъ полудикими манджурами, проявившими при этомъ ловкость и хитрость на ряду съ большой жестокостью. На китайскій престолъ взошла манджурская династія, богдыханы которой придавали особое значеніе манджурамъ и, раздѣливъ ихъ на 8 знаменъ, опредѣлили имъ на вѣчныя времена жалованье, получаемое ежемѣсячно. Корейцы должны были уйти и южная Манджурія распространилась до береговъ Ялу на востокъ и до океана на югъ и востокъ.



Видъ Манджуріи.

Но не суждено было дальнѣйшее развитіе манджурскаго племени въ государственномъ отношеніи. Манджуры удовольствовались дарованнымъ имъ жалованьемъ и, отдѣлавшись такимъ образомъ отъ необходимости вести суровую жизнь охотника, вмѣстѣ съ тѣмъ не желали трудиться надъ землей.

Бокъ-о-бокъ съ ними былъ высококультурный Китай, и какъ только окончились смуты завоеванія, трудолюбивые земледѣльцы китайцы, несмотря на запрещеніе пріобрѣтать въ Манджуріи землю, нахлынули туда и всякими правдами и неправдами завладѣли лучшими и самыми богатыми мѣстами. Предпочитая жизнь номада, манджуры съ удовольствіемъ уступали землю китайцамъ, получая даже, въ особенности первое время, отъ этого извѣстную выгоду, но скоро китайцы въ такомъ количествѣ запрудили страну, что лишившіеся своей земли манджуры, вынужденные довольствоваться скуднымъ солдатскимъ жалованьемъ, очутились въ безпомощномъ положеніи.

Въ южной Манджуріи находятся самыя богатѣйшія сокровища страны и самое многочисленное населеніе. Восточная часть южной Манджуріи гориста и покрыта большими лѣсами, впрочемъ не представляющими большой стоимости, но въ горахъ находится золото, мѣдь, желѣзо и каменный уголь, широко разрабатываемый въ янтайскихъ каменно-угольныхъ копяхъ. Но самую богатую часть южной Манджуріи пред-

ставляетъ собою долина рѣки Ляохе, которая прорѣзываетъ ее съ сѣвера на югъ. Долина эта чрезвычайно плодородна и представляетъ собою заливную почву. Климатическія условія превосходны и о неурожаѣ тамъ не имѣютъ понятія. Эта долина главнымъ образомъ отличается производствомъ бобовъ и гаоляна, но, кромѣ того, тамъ произрастаетъ въ большомъ количествѣ кукуруза и табакъ, а также имѣется хлопокъ, макъ, изъ котораго выдѣлывается опій, индиго и конопля. Изъ Ньючжуна ежегодно вывозится такое громадное количество бобовъ, что стоимость ихъ достигаетъ до 10 милліоновъ рублей. Долина Ляохе такъ богата, что въ состояніи прокормить какой угодно величины армію и для владѣющаго ею вопросы продовольствія не представляютъ никакихъ затрудненій.



Размывъ желѣзной дороги дождями.

Самый значительный городъ въ южной Манджуріи Мукденъ, тамъ резиденція генералъ-губернатора и всѣ главныя управленія, это столица Манджуріи; между прочимъ находятся священныя гробницы китайскихъ императоровъ. Городъ насчитываетъ до 30.000 жителей и расположенъ недалеко отъ рѣки Хунь, впадающей въ Ляохе, которая лѣтомъ судоходна для китайскихъ джонокъ до самаго Мукдена. Другимъ важнымъ пунктомъ южной Манджуріи служитъ городъ Ляоянъ. Онъ расположенъ въ 60 верстахъ къ югу отъ Мукдена на рѣкѣ Тайцзыхе и у станціи южной вѣтки восточно-китайской желѣзной дороги. Въ глубокой древности Ляоянъ былъ столицей Манджуріи, только послѣ завоеванія Мукдена столица была перенесена туда, но Ляоянъ продолжалъ играть свою выдающуюся роль, въ особенности благодаря своему расположенію на большой торговой дорогѣ, соединяющей Корею съ Пекиномъ.



Желѣзнодорожная станція Ляоянъ.

Наконецъ, когда послѣ цѣлаго ряда междоусобицъ столица окончательно была

перенесена въ Пекинъ и императоры лишь только наѣзжали въ Мукденъ для поклоненія праху предковъ, началось постепенное паденіе значенія Мукдена, а за нимъ и Ляояна. Но въ послѣднее время положеніе города на сокрещеніи дорогъ, идущихъ къ Инкоу, корейской границѣ и Мукдену и его огромное торговое значеніе обратили на себя вниманіе администрации постройки нашей желѣзной дороги: въ Ляоянѣ начали постройку желѣзнодорожнаго депо, около котораго началъ образовываться большой русскій поселокъ, который во время боксерскаго возстанія былъ сожженъ бунтовщиками, но когда возстаніе улеглось, то все разрушенное было возстановлено и подъ сѣдымъ Ляояномъ образовался цѣлый русскій городокъ.

Старый Ляоянъ окруженъ высокою стѣною, имѣющею 6 воротъ. Главная квартира генерала Куропаткина находилась въ русскомъ поселкѣ близъ желѣзнодорожной станціи, но онъ не жилъ въ приготовленномъ для него зданіи, а предпочелъ жить въ роскошныхъ пульмановскихъ вагонахъ желѣзной дороги съ превосходными кабинетами, столовой, кухней, помѣщеніями для служащихъ, электрическимъ освѣщеніемъ и прочими удобствами, отнимая этимъ часть подвижного состава отъ и безъ того неполнаго подвижного состава дороги. Въ русскомъ поселкѣ находилось желѣзнодорожное депо, помѣщенія штаба арміи, желѣзнодорожная больница, почтовотелеграфная станція, мастерскія желѣзной дороги, далѣе шли продовольственные склады, затѣмъ этапъ и госпиталь Краснаго Креста и огромный продовольственный пунктъ. Всѣ эти многочисленныя учрежденія, стоившія огромныхъ денегъ, въ связи съ стратегическимъ значеніемъ Ляояна, прикрывающаго Мукденъ со стороны Инкоу, и нахожденіе этого города среди богатѣйшей житницы всего края, дѣлали Ляоянъ особенно важнымъ для насъ пунктомъ, что еще усиливалось рѣшеніемъ нашимъ, серьезно помѣряться силами и дать рѣшительное сраженіе противнику именно около Ляояна.



Поѣздъ генерала Куропаткина съ сдѣланнымъ передъ нимъ навѣсомъ.

Слѣдующимъ по своему значенію городомъ южной Манджуріи послѣ Ляояна и Мукдена является городъ Нью-Чжуанъ. Лѣтъ двѣсти тому назадъ, говорятъ, Нью-Чжуанъ стоялъ на берегу моря при устьѣ Ляохе, но рѣка эта такъ много несетъ илу, что теперь городъ на 40 верстъ отошелъ отъ моря, на берегу котораго въ настоящее время имѣется портъ Нью-Чжуана городъ Инкоу. Во время боксерскаго возстанія онъ былъ занятъ нами и тамъ была учреждена наша администрація, которая и находилась до самаго занятія его японцами. Инкоу самый крупный бобовый рынокъ

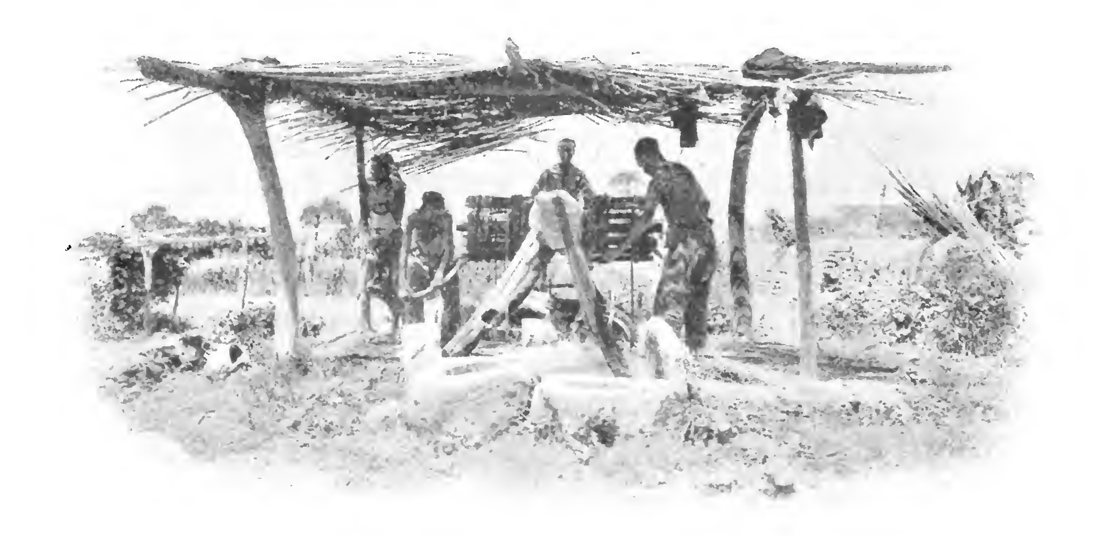
въ мірѣ; говорятъ, что транспортировкой бобовъ ежегодно на Ляохе занято свыше 20.000 джонокъ и оборотъ ввозной и вывозной торговли доходитъ до 80 милліоновъ рублей. Нью-Чжуанъ есть конечный юго-восточный пунктъ императорской китайской желѣзной дороги, идущей отъ Тянцзина, онъ также расположенъ на южной вѣткѣ русской манджурской дороги въ 200 верстахъ отъ Портъ-Артура. Слѣдующимъ затѣмъ пунктомъ, игравшимъ роль въ минувшую войну съ Японіей, является Хайченъ, что въ переводѣ значитъ приморскій городъ. Какъ самое названіе показываетъ, онъ находился нѣкогда на берегу моря. Онъ, какъ и вся южная Манджурія, въ древности находился въ рукахъ корейцевъ, но послѣдніе были оттуда вытѣснены. Во время японо-китайской войны Хайченъ былъ въ теченіе цѣлаго года занятъ японцами. Городъ стоитъ на южной вѣткѣ восточно-китайской желѣзной дороги и имѣетъ большое торговое значеніе. Достопримѣчательностью его служитъ громадный буддійскій кумиръ, около 30 футовъ высотою. Въ Янтаѣ, находящемся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Ляояномъ, въ разстояніи около 25 верстъ отъ послѣдняго, существуютъ наши каменноугольныя копи, на которыхъ вырабатывалось до 150 тоннъ угля ежегодно. Въ 40 верстахъ сѣвернѣе Мукдена расположенъ городъ Тѣлинъ, или городъ желѣзнаго холма. Онъ окруженъ стѣною, внутри которой находится живописная пагода, построенная въ память изгнанія корейцевъ. Тѣлинъ представляетъ собою узелъ дорогъ и благодаря сообщенію по Ляохе связанъ съ моремъ. Онъ также представляетъ важный торговый пунктъ, гдѣ происходитъ крупная торговля бобами. Мы не будемъ больше останавливаться надъ описаніемъ другихъ болѣе или менѣе важныхъ пунктовъ южной Манджуріи, такъ какъ они не играли существенной роли въ грядущихъ событіяхъ.

Въ сжатомъ общемъ очеркѣ театра войны, помѣщенномъ на страницахъ перваго тома нашей исторіи, мы говорили о значеніи, которое имѣли для хода военныхъ операцій горы и рѣки Манджуріи, теперь напомнимъ только нашимъ читателямъ, что вліяніе рѣкъ южной Манджуріи было непостояннымъ. Онѣ имѣли значеніе лишь весною во время таянія снѣговъ и лѣтомъ въ періодъ тропическихъ дождей, когда, разливаясь на большое пространство, онѣ обращали мѣстность въ болото, трудно проходимое для войскъ, артиллеріи и обозовъ. Въ указанные періоды рѣки имѣли огромное значеніе тѣмъ болѣе, что большая часть дорогъ Манджуріи пролегаетъ по долинамъ рѣкъ, иногда даже по самому



Кумирня.

руслу ихъ. Въ сухое время года, осенью и зимою рѣки южной Манджуріи никакого вліянія на передвиженія не оказываютъ. Южная Манджурія отличается климатомъ, характеризующимся рѣзкими перемѣнами: 30-ти градусныя жары лѣта смѣняются такими же морозами зимою. Лѣто дождливое, и наибольшее ко-



Китайская пытка.

личество дождей выпадаетъ съ половины іюля до августа, который бываетъ сухой. Съ сентября начинается очень мягкая осень, которую надо признать лучшимъ временемъ года въ Манджуріи. Зима большею частью малоснѣжная, такъ что саннаго пути не бываетъ. Дороги въ южной, какъ и вообще въ Манджуріи исключительно грунтовыя и отличаются своимъ крайне плохимъ качествомъ. Большая часть дорогъ пролегаетъ по долинѣ Ляохе и побережью Ляодунскаго залива, въ гористой части страны дорогъ очень мало и во многихъ случаяхъ онѣ представляютъ собою не болѣе какъ вьючныя тропы. Почти на всѣхъ дорогахъ Манджуріи нѣтъ мостовъ, почему переправы черезъ рѣки производятся вбродъ.



Китайскіе полицейскіе.

Выше уже было говорено, что полудикіе воинственные манджуры, завоевавшіе когда-то Великую Небесную имперію, хотя и потеряли свою прежнюю воинственность, но сохранили черты дикости и свирѣпости до настоящаго времени. Отъ поглотившихъ ихъ китайцевъ они заимствовали непримиримую ненависть къ иностранцамъ, которые и называются у нихъ иностранными дьяволами. Эта ненависть, еще усилившаяся по отношенію къ намъ во время постройки восточно-китайской желѣзной дороги, создавала для насъ

не особенно благопріятное положеніе въ странѣ, въ которой приходилось вести военныя операція и нейтралитетъ Китая игралъ не послѣднюю роль.

Когда центръ тяжести военныхъ дѣйствій перешелъ въ южную Манджурію, то вопросъ о сохраненіи Китаемъ объявленнаго нейтралитета составлялъ особую заботу иностранныхъ государствъ, не исключая и Японіи. Дѣло заключалось въ томъ, что расовое родство и столѣтнія сношенія могли заставить Китай нарушить нейтралитетъ въ пользу Японіи. Для иностранныхъ державъ это было невыгодно, потому что вынуждало ихъ вмѣшаться въ дѣло и, можетъ быть, преждевременно повело бы къ раздѣлу Китая, а для Японіи такое вмѣшательство было также крайне невыгодно, такъ какъ въ будущемъ, въ борьбѣ великихъ державъ при раздѣлѣ Китая легко могъ пострадать не только самъ Китай, но и весьма легко и Японія. Какъ открытый союзникъ, Китай былъ неудобенъ для Японіи. Расовое единство, единство религіи и культуры стихійно влекли китайцевъ къ японцамъ. И вотъ настаивая на соблюденіи Китаемъ нейтралитета, японцы принялись за подпольную работу и начали фанатическую проповѣдь ненависти къ Россіи и пропаганду идеи „Азія для Азіятовъ“. На этой почвѣ быстро стали организоваться партизаны, разбойники и мародеры. Нужны были только деньги, оружіе и хоть самое незначительное руководство, и небольшіе кадры, чтобы организовать солидныя силы, могущія самостоятельно наносить вредъ врагу. Японцы и принялись за это дѣло, которое, впрочемъ, не представляло для нихъ особаго труда. Вице-короли и правители Манджуріи, почти независимые отъ пекинскаго правительства и легко поддающіеся на подкупъ, не были связаны никакимъ нейтралитетомъ и склонны были сквозь пальцы смотрѣть на организацію враждебныхъ намъ хунхузскихъ шаекъ, и даже, можетъ быть, исподтишка и содѣйствовали этому. Это была оборотная сторона китайскаго нейтралитета, которая и не замедлила дать себя почувствовать. Правильно организованныя шайки хунхузовъ, снабженныя магазинными ружьями, подъ командой переодѣтыхъ японскихъ офицеровъ, стали появляться въ тылу нашего стратегическаго фронта и производили нападенія на желѣзную дорогу, портили сообщенія и нападали на каменноугольныя копи. Борьба съ этими шайками не представляла серьезной опасности, но отвлекала наши силы и сильно утомляла наши тыловыя войска, тѣмъ болѣе, что близость китайской границы, предоставляя этимъ шайкамъ возможность быстро скрываться въ нейтральную полосу, сильно мѣшала ихъ полному уничтоженію. Но не одно это обстоятельство служило во вредъ намъ.



Китайскіе солдаты.

Ненавидящее насъ населеніе помогало нашему врагу чѣмъ только могло, оно доставляло непріятелю хорошихъ проводниковъ, всевозможные предметы потребленія и служило усердными шпіонами, укрыться отъ которыхъ мы никакъ не могли и которые всегда и своевременно предупреждали японцевъ о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ. Въ такой неблагопріятной обстановкѣ вести военныя дѣйствія было чрезвычайно затруднительно.

Описаніе боя подъ Вафангоу, помѣщенное въ первомъ томѣ нашего труда, мы закончили сообщеніемъ текста телеграммы генерала Куропаткина генералу Штакельбергу отъ третьяго іюля, въ которой послѣднему предписывалось: задерживая наступленіе противника лишь мелкими частями и кавалеріей, какъ можно скорѣе отходить на Сеньюченъ, а на другой день, т. е. 4-го іюля прибыть уже въ Гайджоу. Въ ту же ночь истомленныя боемъ войска выступили и послѣ ночного тридцатипятиверстнаго перехода были въ Сеньюченѣ, а затѣмъ продолжали дальнѣйшее движеніе къ Гайджоу, куда и прибыли 6-го іюля. Мы уже говорили, что освободившаяся послѣ высадки на Квантунѣ третьей арміи генерала Ноги, вторая японская армія немедленно начала свое движеніе на сѣверъ. Это наступленіе, какъ уже упомянуто, совпало съ выступленіемъ корпуса генерала Штакельберга на выручку Портъ-Артура. Въ результатѣ этого встрѣчнаго движенія былъ побѣдоносный для японцевъ бой подъ Вафангоу, послѣ котораго, установивъ связь между арміями генераловъ Оку и Нодзу, японцы стали продолжать свое медленное движеніе впередъ къ Хайчену. Вторая ихъ армія направлялась по желѣзной дорогѣ, а четвертая черезъ Далинскій и Феншуилинскій перевалы, которыми она и овладѣла. Послѣ этого генералъ Нодзу останавливается на нѣкоторое время.

Съ своей стороны мы оборудовали огромную оборонительную линію, идущую отъ Ньючжуана къ Симучену и перерѣзали ею всѣ дороги, ведущія съ юго-запада къ Ляояну. Центромъ этой оборонительной линіи была укрѣпленная позиція при Дашичао, служившемъ узломъ сообщеній между Инкоу, Портъ-Артуромъ, Ляояномъ и Мукденомъ, сюда временно была перенесена и главная квартира генерала Куропаткина. Защита западнаго участка этой оборонительной линіи была поручена войскамъ корпуса генерала Штакельберга, восточный же участокъ былъ порученъ войскамъ корпуса генерала Зарубаева. Непосредственно на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса находилась казачья бригада генерала Мищенко, а далѣе влѣво находилась 5-я вост.-сиб. стр. бригада, которая поддерживала связь между корпусомъ Зарубаева и войсками генерала графа Келлера. На помянутой оборонительной линіи были произведены обширныя оборонительныя работы, которыя указывали, что горькій опытъ прежнихъ столкновеній не прошелъ для насъ даромъ: такъ, для артиллеріи были устроены

окопы позади прикрывавшихъ ихъ гребней высотъ: это отлично маскировало батареи и допускало стрѣльбу по закрытымъ цѣлямъ, дѣлая сами батареи неуязвимыми. Для пѣхоты были устроены нѣсколько рядовъ траншей, соединенныхъ крытыми, блиндированными ходами сообщеній, а передъ фронтомъ траншей были примѣнены искусственныя препятствія, какъ-то: волчьи ямы, проволочныя сѣти и т. п. Передъ фронтомъ позицій, въ видахъ лучшаго обстрѣла на большое разстояніе, былъ вырубленъ гаолянъ. Такимъ образомъ, оборонительная линія представляла собою трудно одолимое препятствіе, пользуясь которымъ мы могли бы разсчитывать дѣйствительно задержать наступленіе врага, если бы не отступательныя увлеченія Куропаткина, не желавшаго пользоваться частными успѣхами войскъ, когда они отбивали всѣ атаки японцевъ. Между тѣмъ послѣдніе стали приближаться къ Дашичао.



Привалъ.

Чтобы лучше представить себѣ общую картину наступленія японскихъ армій, вспомнимъ вкратцѣ ходъ движенія первой ихъ арміи. 23-го іюня, послѣ сосредоточенія у Фынхуанчена генералъ Куроки тремя колоннами двинулся впередъ. Почти безъ сопротивленія японцы заняли укрѣпленныя нами позиціи у Мотіенлинга. Здѣсь Куроки нѣсколько пріостановился, и, утвердившись основательно и обезпечивъ себѣ свободный выходъ, началъ дальнѣйшее наступленіе съ цѣлью приближенія къ Ляояну, что отвлекало наши силы съ юга и тѣмъ облегчало наступленіе второй и четвертой японскихъ армій, онѣ могли скорѣе выйти на высоту первой арміи. Понявъ значеніе такъ легко отданныхъ врагу проходовъ, графъ Келлеръ дѣлаетъ попытку вернуть ихъ обратно, но предпріятіе оканчивается полной неудачей, и генералъ Куропаткинъ, опасаясь за путь своего отступленія на Мукденъ, начинаетъ отзывать войска съ юга. Всѣ предпринятыя мѣры къ задержанію наступленія Куроки не имѣли успѣха. 17-го іюля генералъ графъ Келлеръ былъ вновь разбитъ, 19-го



Гаолянъ.

іюля былъ разбитъ генералъ Гершельманъ, и первая японская армія неукоснительно продолжала свое движеніе впередъ, когда наконецъ 31-го іюля она овладѣла Янзелиномъ и стала на главныхъ дорогахъ, ведущихъ къ Ляояну, угрожая со стороны Бенсиху нашему пути отступленія. Здѣсь и оставалась первая армія Куроки до самаго начала наступленія непосредственно на Ляоянъ.



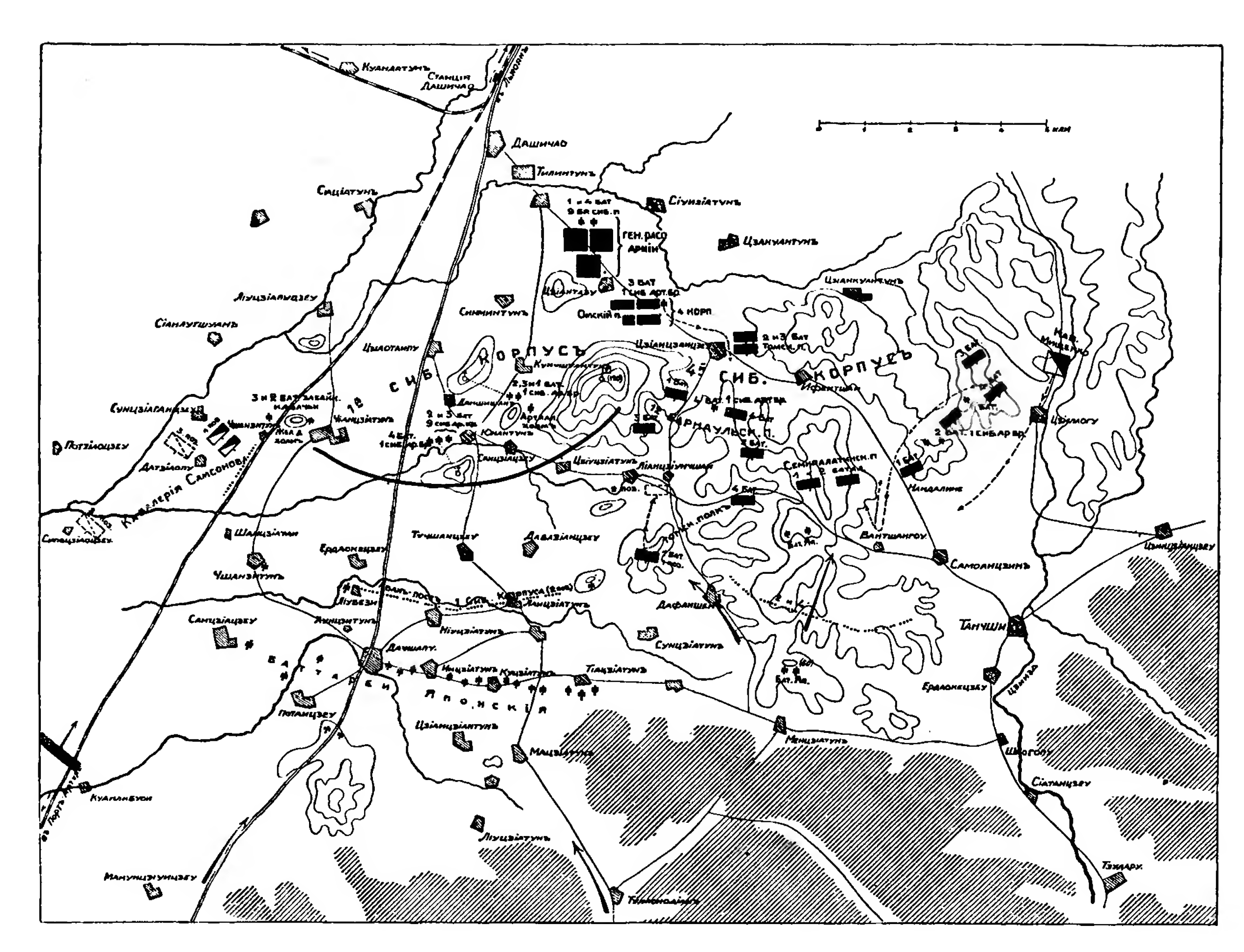
Проволочныя загражденія.

Въ первыхъ числахъ іюля японцы уже совсѣмъ близко подошли къ Дашичао. 10-го іюля японскій авангардъ около дер. Макуцзяоцзеу столкнулся съ нашими сторожевыми постами, которые стали отходить, японцы немедленно начали преслѣдованіе и оттѣснили ихъ на линію Ліубайцза-Ліанцзятуна. Въ это же время японская артиллерія продвинулась къ дер. Макуцзяоцзеу, и около 4-хъ часовъ дня, когда ихъ батареи развернулись впереди вышеупомянутой деревни, наши аванпосты должны были отойти на свою главную позицію; на этотъ разъ японцы ихъ не преслѣдовали. Въ то же время находившаяся на нашемъ лѣвомъ флангѣ кавалерія генерала Мищенко, производя развѣдки впереди дашичаоскаго фронта, замѣтила движеніе небольшихъ непріятельскихъ колоннъ, и вскорѣ развѣдчики обнаружили наступленіе трехъ дивизій, изъ которыхъ одна направлялась въ пространствѣ между желѣзной дорогой и дер. Ліацзятунъ, другая по дефилѣ между дер. Ліацзятунъ и Туландяномъ и третья между Менцзіатуномъ и Шаогопу. Замѣчено было также движеніе и со стороны дер. Танчи. Ночь на 11-ое число прошла спокойно. Мы воспользовались этимъ и перевели наши батареи съ прежнихъ мѣстъ, которыя онѣ занимали, на новыя мѣста, такъ какъ прежнее ихъ расположеніе, благодаря китайскимъ шпіонамъ, было хорошо извѣстно японцамъ. Прикрывъ батареи эполементами, мы расположили ихъ совершенно укрыто.



Орудіе въ гаолянѣ.

11-го числа, утромъ, расположеніе нашихъ войскъ было таково: первый сиб. корпусъ занималъ правый участокъ позиціи отъ дер. Тіацзятунъ до холма 120. Войска занимали крытыя резервныя траншеи, которыя были соединены съ передовыми тран-



Кроки сраженія при Дашичао.

шеями блиндированными ходами сообщеній. Вторая и третья батареи 9-й сиб. арт. бригады расположились въ 400 шагахъ позади небольшого холма, служившаго превосходнымъ обсерваціоннымъ пунктомъ. Далѣе на сѣверо-востокъ отъ дер. Юнантунъ въ 800 шагахъ позади возвышенности, прозванной артиллерійской, были расположены 2-я и 3-я батареи 1-й вост.-сиб. арт. бригады, немного далѣе къ востоку, между артиллерійской возвышенностью и холмомъ 120, стала 1-я батарея 1-й вост.-сиб. арт. бригады. 4-я батарея 1-й вост.-сиб. арт. бригады и 1-я и 4-я батареи 9-й сиб. арт. бригады назначены были въ резервъ, гдѣ находились еще двѣ казачьихъ батареи. Лѣвый участокъ позиціи былъ занятъ 4-мъ сиб. арм. корпусомъ. Участокъ этотъ занималъ пространство отъ дер. Тянцзацзеу на Дафаншенъ до рѣки Тянцза, при чемъ съ лѣваго фланга все расположеніе 4-го корпуса прикрывалось кавалеріей генерала Мищенко. Весь этотъ участокъ въ свою очередь дѣлился на болѣе мелкіе участки: правый, подъ начальствомъ генерала Огановскаго, и лѣвый, подъ начальствомъ генерала Шилейко. На правомъ участкѣ, выдвинутая нѣсколько впередъ, находилась главная позиція на высотахъ между Дафаншеномъ и Эрдаокецзеу. Въ первой линіи на главной позиціи, на высотахъ южнѣе Тянцзацзу находились два батальона Барнаульскаго полка и 4-я батарея 1-й сиб. арт. бригады. Въ частномъ резервѣ за правымъ флангомъ сталъ третій батальонъ того же Барнаульскаго полка. Лѣвый малый участокъ дорогою отъ Танчи на Нандалинъ самъ собою дѣлился еще на два подучастка—на восточномъ въ первой линіи стояли два батальона Тоболь-

скаго полка и одна батарея 1-й вост.-сиб. арт. бригады и 11-я и 20-я конныя батареи, въ частномъ резервѣ за лѣвымъ флангомъ находился 4-й батальонъ Тобольскаго полка. На западъ отъ дороги въ траншеяхъ, расположенныхъ на гребняхъ высотъ, стояли два батальона Семипалатинскаго полка. Одинъ батальонъ Томскаго полка находился на высотахъ къ сѣверо-западу отъ Дафаншена и поддерживалъ связь съ войсками перваго корпуса, два другіе батальона этого полка находились въ частномъ резервѣ у дер. Тіанцзацзеу. Въ корпусный резервъ 4-го сиб. арм. корпуса были назначены три съ половиной батальона Омскаго полка и 3-я батарея 1-й сиб. арт. бригады. Позади дер. Цзянтази былъ расположенъ главный резервъ, состоящій изъ



Въ траншеѣ.

Красноярскаго полка, 34-го и 36-го вост.-сиб. стр. полковъ, двухъ пѣшихъ и одной конной батарей. Подобно первому корпусу, и здѣсь войска передовыхъ траншей не занимали.

Главный ударъ японцевъ обрушился на 4-й сиб. арм. корпусъ и бой разыгрался тамъ; въ 1-мъ сиб. арм. корпусѣ все дѣло ограничилось артиллерійскимъ состязаніемъ. Въ бою подъ Дашичао, наученные опытомъ предшествовавшихъ столкновеній, мы первый разъ прибѣгли къ скрытому расположенію своихъ батарей и къ стрѣльбѣ по закрытымъ цѣлямъ; наши пушки стояли позади гребней высотъ и окоповъ среди гаоляна, совершенно скрывавшаго ихъ отъ взоровъ противника. Главная масса японской артиллеріи была сосредоточена противъ нашего праваго фланга, гдѣ находились войска перваго корпуса. 18 батарей противника были расположены слѣдующимъ образомъ: двѣ батареи были на башнѣ въ дер. Потаицзеу, три батареи къ востоку отъ Даншапу, три батареи на кладбищѣ Инцзіатунъ, три батареи въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, еще три были разбросаны на пространствѣ Санцзяцзеу, Потаицзеу и Кунцзятунъ. Одна японская батарея заняла выдающееся положеніе позади холма къ

сѣверо-востоку отъ дер. Лицзятунъ. Эта батарея, впрочемъ, скоро поплатилась за свою дерзость: наша артиллерія быстро сосредоточила на ней свой огонь и въ нѣсколько минутъ она была уничтожена.

Около 6 часовъ утра двѣ японскихъ батареи, расположенныхъ въ Потаицзеу, одновременно открыли огонь, вскорѣ присоединился и огонь всѣхъ прочихъ батарей противника. Первые выстрѣлы были направлены на гребень, гдѣ находились наши эполементы, въ полуверстѣ за которыми стояли батареи 9-й сиб. арт. бригады. Стрѣльба началась ударными снарядами, при чемъ получавшіеся недолеты попадали во внѣшній склонъ холма, гдѣ были наши эполементы. Скоро, впрочемъ, они пристрѣлялись и снаряды стали попадать въ самый гребень окоповъ, прикрывавшихъ нашу пѣхоту. Японскія батареи стрѣляли хорошо и, вопреки своему обыкновенію, стояли совершенно открыто, но на разстояніи предѣльнаго выстрѣла, такъ что попаданія не могли быть хорошими. Вскорѣ двѣ японскихъ батареи выѣхали нѣсколько южнѣе Датшапу и третья около дер. Тянцзатунъ. Наши батареи 1-й вост.-сиб. арт. бригады получили приказаніе перенести огонь на эти батареи противника, но въ это время на всемъ непріятельскомъ фронтѣ стали появляться новыя ихъ батареи группами по двѣ, по три, такъ: двѣ появились около дер. Датшапу, двѣ стали на высотахъ къ западу отъ Датшапу, три батареи показались между высотами и дер. Сянцзацзеу, одна около дер. Тіанцзятунъ и одна около Инцзятунъ. Японцы очень искусно подводили свои новыя батареи, выѣзды ихъ на позиціи были совершенно незамѣтны. Менѣе чѣмъ въ часъ времени эти новыя батареи противника пристрѣлялись и стали сильно вредить траншеямъ, за которыми скрывалась наша пѣхота. Японцы старались разрушить наши закрытія и съ этою цѣлью выпускали массу ударныхъ снарядовъ, которыхъ потратили огромное количество, при этомъ залпы ударными снарядами смѣнялись залпами шрапнелей. Противникъ видимо былъ убѣжденъ, что наши батареи расположены на холмѣ, гдѣ были вырыты эполементы, и что орудія стоятъ въ этихъ окопахъ, такъ какъ сконцентрировалъ массу огня противъ этихъ эполементовъ. Сначала японцы направили огонь на самые окопы, а затѣмъ принялись разбивать землю около нихъ. Но ихъ стрѣльба не вліяла на нашъ артиллерійскій огонь, снаряды не достигали цѣли и ложились шагахъ въ 200, не долетая до нашихъ орудій. Обезкураженные этой неудачей, они принялись разби-

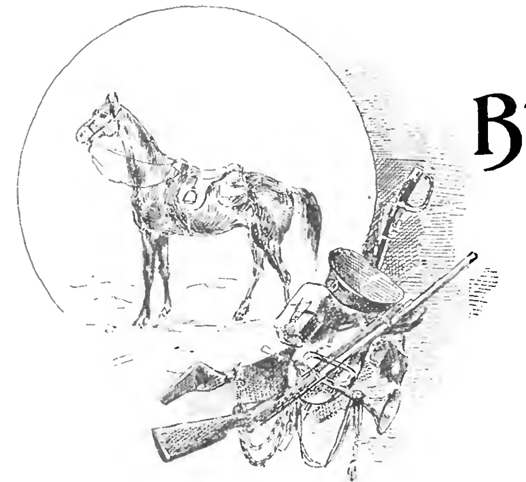


Наблюдательный пунктъ.

вать весь склонъ холма, за которымъ находились наши орудія, перенося концентрированный огонь то направо, то налѣво, но все было напрасно—они не могли перейти какихъ-нибудь 100 саженъ и не обнаружили нашихъ батарей. Весь склонъ былъ покрытъ японскими снарядами. Случайные снаряды рвались въ 20, 30 саженяхъ передъ дулами нашихъ пушекъ и нѣсколько снарядовъ упали даже на самыя батареи, но не принесли никакого вреда. Деревни Юнантунъ и Сянцзацзеу были совершенно разрушены и мѣстность позади нашихъ батарей была совершенно изрыта снарядами. Въ три часа дня на нашъ правый флангъ была выдвинута изъ резерва одна батарея 9-й сиб. арт. бригады. Движеніе это было замѣчено противникомъ, и блескъ ея орудій, недостаточно прикрытый гребнемъ выбранной ею позиціи, былъ ясно виденъ японцамъ съ наблюдательнаго пункта у Датшапу, находившагося внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ. Какъ только выѣхавшая наша батарея открыла огонь, японцы стали засыпать ее шрапнелью, нанося вредъ прислугѣ, впрочемъ, не особенно большой, такъ какъ японская батарея стала на дистанціи предѣльной для попаданія шрапнелей и потому и процентъ попаданія былъ не особенно великъ. Нашъ артиллерійскій огонь былъ вообще настолько силенъ, что мѣшалъ маневрированію батарей непріятеля, они не могли передвигать ихъ; два раза они пытались подвести передки, но оба раза испугавшіяся лошади оттаскивали ихъ далеко назадъ. Двѣ японскія батареи замолчали совсѣмъ, но тотчасъ же были замѣнены новыми. Въ пять часовъ вечера японцамъудалось подвести одну батарею къ дер. Танцзятунъ на четыре версты противъ нашего праваго фланга, но въ этотъ моментъ наша казачья батарея заняла эполементъ на высотѣ у желѣзной дороги къ западу отъ дер. Танцзятунъ и привлекла огонь японцевъ на себя. Казачьи пушки были хорошо маскированы и были неуязвимы, сами же наносили большой вредъ непріятелю. Эта попытка принесла японцамъ только новую неудачу. Въ 8 часовъ вечера, подъ прикрытіемъ деревни Датшатунъ и сосѣднихъ холмовъ они выдвинули еще одну батарею, которая расположилась у ограды деревни Ліубайза, но мы хорошо знали данныя прицѣла для этого пункта и послѣ первыхъ же нашихъ выстрѣловъ японская батарея начала неправильно стрѣлять, въ самой деревнѣ скоро вспыхнулъ пожаръ и непріятельская батарея совсѣмъ замолчала. Къ 9 часамъ вечера стрѣльба прекратилась по всему фронту и пятнадцатичасовая канонада не принесла японцамъ никакой пользы, они не только не нанесли намъ потерь, а, наоборотъ, пострадали сами: одна ихъ батарея была уничтожена въ самомъ началѣ боя, а три вынуждены были замолчать, можетъ быть даже перестали существовать.



Сигнализація.



Въ то время какъ происходилъ описанный артиллерійскій бой въ центрѣ 1-го сиб. арм. корпуса, наша кавалерія, находившаяся за нашимъ правымъ флангомъ, развернулась въ пространствѣ между желѣзнодорожнымъ путемъ и дер. Сунцзіаганцзеу, но появленіе японской пѣхоты заставило ее передвинуться къ дер. Сипоицяоцзеу, откуда она къ 7 часамъ вечера отошла на Дацзяопу. Этимъ дѣло и ограничилось.

Весь натискъ японской пѣхоты пришлось выдержать 4-му сиб. арм. корпусу. Здѣсь дѣйствовали 7 японскихъ батарей, часть изъ нихъ была направлена къ Дафаншену, другая же часть къ Ваншангоу. Съ начала боя японскія батареи сосредотичили весь свой огонь на 4-й батареѣ 1-й вост.-сиб. арт. бригады, расположенной къ югу отъ Тіацзяоцзеу, которая была недостаточно хорошо замаскирована и сильно страдала отъ огня противника. Ясное превосходство непріятельской артиллеріи поставило нашу батарею въ трудное положеніе и она не могла мѣшать непріятельской подготовкѣ атаки огнемъ нашей передовой позиціи къ сѣверо-западу отъ Дафаншена. Это могло бы не случиться, если бы были введены въ бой батареи резерва, которыя совершенно напрасно стояли безъ дѣла въ Тіантацзу. Батальонъ, который занималъ передовую позицію, сильно обстрѣливаемый артиллерійскимъ огнемъ противника, вынужденъ былъ отойти къ дер. Ліанцзіутшаи, такъ какъ несъ сильныя потери. Два батальона японской пѣхоты съ одной горной батареей заняли очищенную позицію. Въ это самое время генералъ Огановскій просилъ генерала Шилейко поддержать его части, направивъ огонь своей артиллеріи на Дафаншенъ. Пока обдумывали этотъ вопросъ, прошло много времени и только въ полдень одна батарея сиб. арт. бригады и два орудія 11-й конной батареи открыли наконецъ огонь по этой деревнѣ. Стрѣльба велась по указаніямъ офицера, наблюдавшаго съ высотъ къ западу отъ Нангалина, откуда замѣчанія передавались въ редутъ, гдѣ былъ генералъ Шилейко, а отсюда просто голосомъ передавались на батарею. Разумѣется, результатъ такой передачи наблюденій не могъ принести особой пользы и успѣхъ стрѣльбы былъ очень посредственный. Тогда рѣшили передвинуть къ западу отъ дороги и 20-ю конную батарею, но въ ней было только два орудія. Батарея двинулась, но огонь японцевъ былъ настолько силенъ, что она быстро понесла большія потери въ прислугѣ и должна была вернуться на старое мѣсто, гдѣ ея цѣлью служила



Пулеметы.

японская пѣхота. Наконецъ, только къ часу дня была двинута въ дѣло одна изъ батарей резерва, но эта поздняя помощь не принесла никакой пользы. Войска генерала Штакельберга не несли особыхъ потерь, такъ какъ онъ не приказалъ занимать передовыхъ траншей потому, что это не входило въ намѣренія генерала Куропаткина, который ему писалъ, что „Я считаю обязанностью высказать свой взглядъ, что нужно сражаться отступая". Тѣмъ не менѣе въ 1 часъ дня, когда напряженіе огня непріятельской артиллеріи противъ войскъ его корпуса достигло своего апогея, генералъ Штакельбергъ вообразилъ, что главный ударъ направляется именно на его корпусъ; въ то же время генералъ Зарубаевъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія, и полагая, что передъ нимъ находятся главныя японскія силы, онъ выслалъ



Манджурскій видъ.

одну батарею, которая и развернулась у восточной окраины дер. Тіецзаицзеу, куда присоединилась 1-я вост.-сиб. арт. бригада. Полагая, что главный ударъ направляется именно на эту деревню, онъ приказалъ генералу Шилейко, условившись съ генераломъ Мищенко, перейти въ наступленіе, чтобы атаковать японцевъ во флангъ, но одинъ *) частный начальникъ нѣсколькихъ сборныхъ частей 4-го корпуса, несмотря на выраженное согласіе генерала Мищенко, не согласился послать въ Нангалинъ два батальона, которые требовались для поддержки находившейся тамъ нашей артиллеріи. Тѣмъ временемъ въ видѣ подготовки къ предполагаемому переходу въ наступленіе генералъ Шилейко послалъ 4-й батальонъ Тобольскаго полка въ Ваншангоу. Японцы встрѣтили этотъ батальонъ такой стремительной атакой, что онъ отступилъ частью къ 11-й конной батареѣ, частью къ резерву. Такимъ образомъ, попытка перейти въ наступленіе не удалась и съ этого момента о немъ не могло быть и рѣчи. Оцѣнивъ вѣрно положеніе, японцы въ это самое время, воспользовавшись минутой, перешли въ энергичное наступленіе всѣмъ своимъ фронтомъ, опираясь на сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь. Это заставляло насъ расходовать свои послѣдніе резервы. Такъ тянулось до наступленія ночи, когда, наконецъ, не примыкая

*) Имя осталось неизвѣстно.

даже штыковъ, японцы яростно бросились на штурмъ высоты, находившейся къ западу отъ Ліанцзуитшао. Но лихая контръ-атака барнаульцевъ опрокинула ихъ. Затѣмъ въ 9 часовъ 30 минутъ и въ 10 часовъ ночи они повторили свои атаки, но также безуспѣшно. Послѣ этого бой этого дня прекратился. Въ виду недостатка въ резервахъ, которыхъ оставалось только одинъ батальонъ и одна батарея, генералъ Зарубаевъ не рискнулъ продолжать бой на слѣдующій день и, на основаніи формальнаго приказанія генерала Куропаткина, ночью приказалъ войскамъ отходить на Хайченъ, что и совершено было въ ночь съ 11-го на 12-е іюля. Только небольшая часть запасовъ, сосредоточенныхъ въ Дашичао, была увезена, большая же часть, чтобы не отдать ее въ руки непріятеля, была сожжена. Наши потери были: 60 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.



Манджурская грязь.

При оцѣнкѣ сраженія при Дашичао прежде всего обращаетъ на себя вниманіе распредѣленіе войскъ на позиціи, сдѣланное повидимому наугадъ, не имѣя свѣдѣній о противникѣ, его намѣреніяхъ и планахъ. Тутъ также, какъ и вездѣ, проявилось присущее намъ свойство нарушать существующую организацію войскъ, нарушалась цѣльность не только корпусовъ дивизій и бригадъ, но даже полковъ и батальоновъ. Распредѣленіе позиціи было сдѣлано не руководствуясь частями войскъ, которыя были назначены для защиты ея, а, наоборотъ, позиція была раздѣлена на какіе-то участки, которые были ввѣрены особымъ отрядамъ, къ которымъ были назначены начальники, зачастую не имѣвшіе ничего общаго въ мирное время съ тѣми людьми, которыми имъ приходилось руководить въ бою. Такое созданіе новыхъ начальниковъ участковъ имѣло еще и то значеніе, что каждый изъ нихъ естественно могъ думать, что на немъ-то и покоится центръ тяжести всего хода дѣла. Такъ: генералу Штакельбергу показалось, что главный ударъ японцы направляютъ именно на его корпусъ, тогда какъ стоило только внимательно отнестись къ происходившему, чтобы ошибочность такого заключенія сдѣлалась ясной. Ограничиваясь канонадой, японцы далеко не употребили всѣхъ усилій противъ перваго армейскаго корпуса, за все время стрѣльбы японская пѣхота ни разу и не подумала сдѣлать попытку перейти въ наступленіе, тутъ она не показывалась совсѣмъ, артиллерійскій бой противъ нашего праваго фланга скорѣе надо было разсматривать какъ демонстрацію, имѣвшую цѣлью сдержать нашъ правый флангъ на мѣстѣ, въ то время какъ главная задача будетъ рѣшаться на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Такому же миражу подвергся и пол-

ковникъ Пащенко, который вообразилъ, что его батареи, хотя и отлично помѣщенныя, въ состояніи имѣть перевѣсъ надъ японской артиллеріей и отразить всѣ противъ нихъ покушенія. Но не наши батареи заставили японцевъ прекратить огонь, а недостатокъ снарядовъ, которые уже всѣ израсходовались. Батареи 9-й сиб. арт. бригады сыграли свою роль въ сраженіи при Дашичао, но не въ смыслѣ побѣды надъ непріятельской артиллеріей,— онѣ показали только то, что хорошо маскированная артиллерія свободно и безъ вреда для себя можетъ состязаться съ сильнѣйшей артиллеріей противника и можетъ заставить послѣднюю израсходовать всѣ свои снаряды. Онѣ показали также, что если противникъ выказываетъ такую же осторожность, то не слѣдуетъ такъ много тратить снарядовъ и никогда не слѣдуетъ отвѣчать на огонь противника, если выстрѣлы его не наносятъ особаго вреда и если мы не можемъ

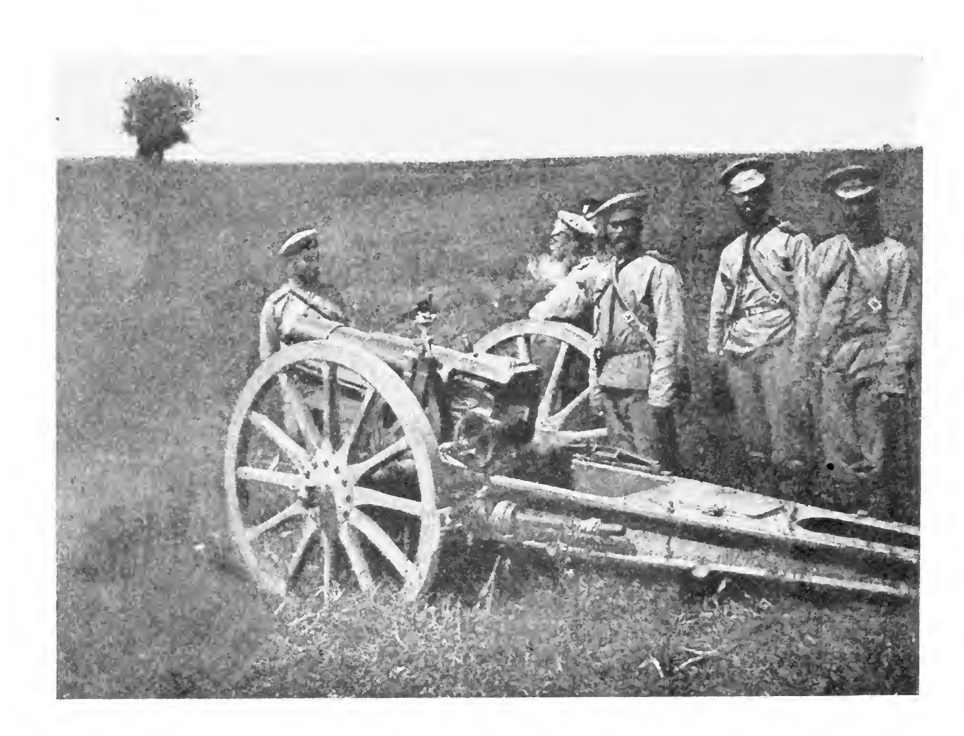


Орудіе на позиціи.

нанести ему бо̀льшаго вреда. Обращаютъ на себя вниманіе также и взаимныя отношенія начальствующихъ лицъ и ихъ подчиненныхъ, которыя составляютъ особое явленіе въ нашей арміи. Въ 1 часъ дня генералъ Штакельбергъ заявляетъ, что онъ думаетъ, что главный ударъ японцы направляютъ на него, тогда какъ въ то же время генералъ Зарубаевъ, думая совершенно противоположное, беретъ на себя держаться на позиціи. Кто же въ данное время являлся главнымъ начальствующимъ лицомъ? Неизвѣстно. Далѣе мы видимъ, что въ то время, когда генералъ Мищенко соглашается оказать поддержку предполагаемому переходу въ наступленіе, другой частный начальникъ не даетъ требуемыхъ для этого батальоновъ. Кто же являлся главнымъ начальникомъ въ день боя подъ Дашичао, и гдѣ находилось то лицо, которому всѣ должны были повиноваться и которое должно было руководить ходомъ сраженія? Отвѣтъ на этотъ важный вопросъ мы находимъ въ вышедшей въ свѣтъ брошюрѣ „Куропаткинъ“, написанной однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ, находившихся при главной квартирѣ Куропаткина. Вотъ что тамъ сообщается: „Неудачи подъ Тюрин-

ченомъ и Вафангоу, отвѣтственность за которыя въ арміи возлагалась на генераловъ Засулича и Штакельберга, сильно поколебали необходимое для успѣха на войнѣ довѣріе войскъ къ своимъ вождямъ. Особенно сильно возбуждены были страсти противъ барона Штакельберга. Ясно всѣми сознавалось, что пока войсками перваго сибирскаго корпуса будетъ непосредственно руководить этотъ генералъ, на нихъ нельзя возложить никакой отвѣтственной боевой задачи. Но генералъ Куропаткинъ упорствовалъ и не желалъ отнимать отъ Штакельберга командованіе, котораго съ началомъ войны самъ вызвалъ въ армію".

„*) И вотъ, чтобы заполнить пропасть, раздѣлившую войска отъ ихъ старшаго начальника, чтобы сглаживать всѣ шероховатости въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, чтобы поддержать духъ однихъ и удерживать другихъ отъ поспѣшныхъ и ошибочныхъ рѣшеній, генералъ Куропаткинъ рѣшилъ оставить Ляоянъ и приблизиться къ войскамъ. 5-го іюня, въ 7 часовъ вечера, онъ уѣхалъ въ Дашичао. Съ этого времени Куропаткинъ началъ размѣниваться, не найдя середины, на которой онъ былъ бы близокъ къ войскамъ въ нужные моменты, какъ командующій арміей, и въ то же время далекъ отъ вмѣшательства въ распоряженія частныхъ войсковыхъ начальниковъ. Для него, какъ человѣка ординарныхъ способностей, великаго на малыя дѣла, эта близость оказалась пагубной: мелочи жизни все болѣе и болѣе стали его увлекать, частныя распоряженія по войскамъ южнаго отряда стали заслонять директивы и общія идеи, которыя и такъ мало были ему свойственны. Мы перестали слышать о Штакельбергѣ, ибо все уже дѣлалось именемъ генерала Куропаткина. Командующій арміей сталъ командовать корпусомъ. Позже онъ командовалъ дивизіями, позже—полками и ротами. Съ высоты этихъ должностей все труднѣе стало ему охватывать общее положеніе дѣлъ, оцѣнивать обстановку, проникать въ замыслы противника. Онъ сталъ болѣе впечатлителенъ къ слухамъ, вслѣдствіе чего и начинается рядъ ударовъ по воздуху. Такъ 14-го іюня генералъ Левестамъ, командуя дивизіей на Далинскомъ перевалѣ, очистилъ его, полагая, что на него вышли здѣсь главныя силы арміи Куроки"...



Полевая мортира.

*) „Куропаткинъ", изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ В. А., изд. В. К. Тенца.

„Многіе этому не вѣрили. Однако иначе отнесся къ этому Куропаткинъ. Повѣривъ донесенію, что на Далинскій перевалъ вышли главныя силы арміи Куроки, командующій арміей собралъ 40 батальоновъ и самъ повелъ ихъ отбивать перевалъ обратно. Къ его удивленію и негодованію, разсказывалъ участникъ этой экспедиціи, ударъ этимъ кулакомъ пришелся по воздуху. Японцевъ на перевалѣ не оказалось и онъ безъ боя былъ снова нами занятъ. Генералъ Левестамъ остался командовать дивизіей, а генералъ Куропаткинъ вернулся командовать корпусомъ въ Дашичао".

„Въ Петербургъ было донесено, что произведенною рекогносцировкою въ направленіи къ Далинскому перевалу обнаружено, что японцы нѣсколько отступили отъ занятыхъ ими наканунѣ позицій; оставленныя японцами заставы, силою въ нѣсколько ротъ, послѣ небольшой перестрѣлки отошли назадъ".



Батарея замолчала.

„Назрѣвалъ бой подъ Дашичао. Чувствовалось какъ все болѣе и болѣе скапливалось электричество вокругъ этого пункта, который охватывался кольцомъ японскихъ армій, пока еще достаточно широкимъ. Всѣ съ тревогой и нетерпѣніемъ ждали слова, которое въ значительной степени предрѣшитъ исходъ кампаніи. Отступимъ ли мы отъ Дашичао или нѣтъ? вотъ вопросъ, который волновалъ всѣхъ. Большинство высказывалось противъ отступленія просто потому, что вѣрило въ себя, въ наши силы, способныя сломить японцевъ; другіе—потому, что понимали какъ эти безпрерывныя отступленія подрывали духъ войскъ, деморализировали ихъ; третьи — потому, что сознавали важное стратегическое значеніе этого пункта, которымъ нельзя было, не слѣдовало поступаться. Въ особенности такъ легко, какъ мы потомъ имъ поступились".

„Стоя на позиціяхъ у Дашичао, мы владѣли Инкоу—владѣли всѣмъ теченіемъ Ляохе, что было крайне важно уже потому, что по этой рѣкѣ доставлялись намъ въ изобиліи изъ Монголіи фуражъ, скотъ и продовольственные припасы; потому, что владѣя Ляохе, мы закрывали доступъ японцамъ въ Монголію и тѣмъ обезпечивали ея спокойствіе".

„Опасенія за Монголію мы почувствовали очень скоро послѣ эвакуаціи Инкоу-Дашичао. Уже 5-го августа у командующаго арміей было совѣщаніе относительно ляохейскаго отряда, положеніе котораго становилось серьезнымъ, и который требовалъ новыхъ усиленій. Японцы отправили по обоимъ берегамъ Ляохе сильные отряды и мы испытывали уже нѣкоторое затрудненіе въ доставкѣ мяса".

„Въ штабѣ думали иначе, тамъ видимо подготовляли общественное мнѣніе арміи къ новому отступленію и потому утверждали, что Дашичао намъ не нужно, что ошибочно заставляютъ Куропаткина сосредоточивать армію между Дашичао и Ляояномъ, а не между Телиномъ и Мукденомъ, а нѣкоторые говорили даже и Харбиномъ. Самъ Куропаткинъ еще колебался, не только въ томъ, отстаивать ли упорно Дашичао или нѣтъ, но и вообще принимать ли ему подъ Дашичао бой или очистить позиціи безъ него. Для рѣшенія этихъ вопросовъ 25-го или 26-го іюня въ вагонѣ командующаго арміей состоялся военный совѣтъ, на который приглашены были только начальникъ штаба арміи и генералъ-квартирмейстеръ. Генералъ Харкевичъ высказался за бой, указывая на превосходныя позиціи и личное присутствіе Куропаткина. Генералъ Куропаткинъ сочувственно покачивалъ головою, соглашаясь съ его мнѣніемъ. Генералъ Сахаровъ болѣе критически отнесся къ достоинствамъ позицій подъ Дашичао, не находя ихъ превосходными. Онъ говорилъ, что боится ставить въ этомъ бою на карту вѣру арміи и рус-



Генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ обходитъ войска.



Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ со свитою.

скаго народа въ Куропаткина“.—„До сихъ поръ мы могли утѣшаться, что терпѣли пораженія Засуличи, Штакельберги и успокаивать себя тѣмъ, что когда возьмется за дѣло самъ Куропаткинъ, побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Если мы будемъ разбиты подъ Дашичао—у насъ изсякнетъ послѣдняя надежда“. Послѣ его рѣчи, Куропаткинъ долго сидѣлъ въ раздумьи и, наконецъ, сказалъ: „Сдадимъ Дашичао безъ боя. Сдѣлайте распоряженіе объ отступленіи къ Хайчену“.

„Въ тотъ же вечеръ часть обоза отправлена была назадъ къ Хайчену. Составлялась диспозиція войскамъ для отступленія. А за ночь Куропаткинъ передумалъ. Утромъ слѣдующаго дня эвакуація Дашичао была остановлена, обозы возвращены. Сказано: „будемъ сражаться". Еще на слѣдующій день рѣшено опять отступать отъ Дашичао безъ боя, но и это рѣшеніе не приведено было въ исполненіе, благо японцы не настаивали, не атаковали".

„И предоставивъ это дѣло волѣ Божіей, командующій арміей 9-го іюля уѣхалъ изъ Дашичао въ Ляоянъ, а 10-го утромъ въ Анпинъ и далѣе въ Гудзядзы, говорятъ, оттуда предполагалось наступленіе на Фынъ-Хуанъ-Ченъ".


На развѣдкѣ.

„Казалось бы, Куропаткину слѣдовало отнестись и къ факту перехода японцевъ въ наступленіе на Дашичао и къ принятому генераломъ Зарубаевымъ бою подъ нимъ, какъ явленіямъ давно ожидаемымъ, и отдавъ приказаніе очистить Дашичао, оставаться въ Гудзядзахъ ради того дѣла, за которымъ онъ туда поѣхалъ. Но генералъ Куропаткинъ нервничалъ и, получивъ извѣстіе о началѣ Дашичаоскаго боя, тотчасъ же бросилъ лѣвый флангъ и поскакалъ опять на правый".

„Оку и Куроки его совсѣмъ загоняютъ", шутили въ Ляоянѣ и увѣряли о переименованіи штаба манчжурской арміи въ полевой летучій штабъ".

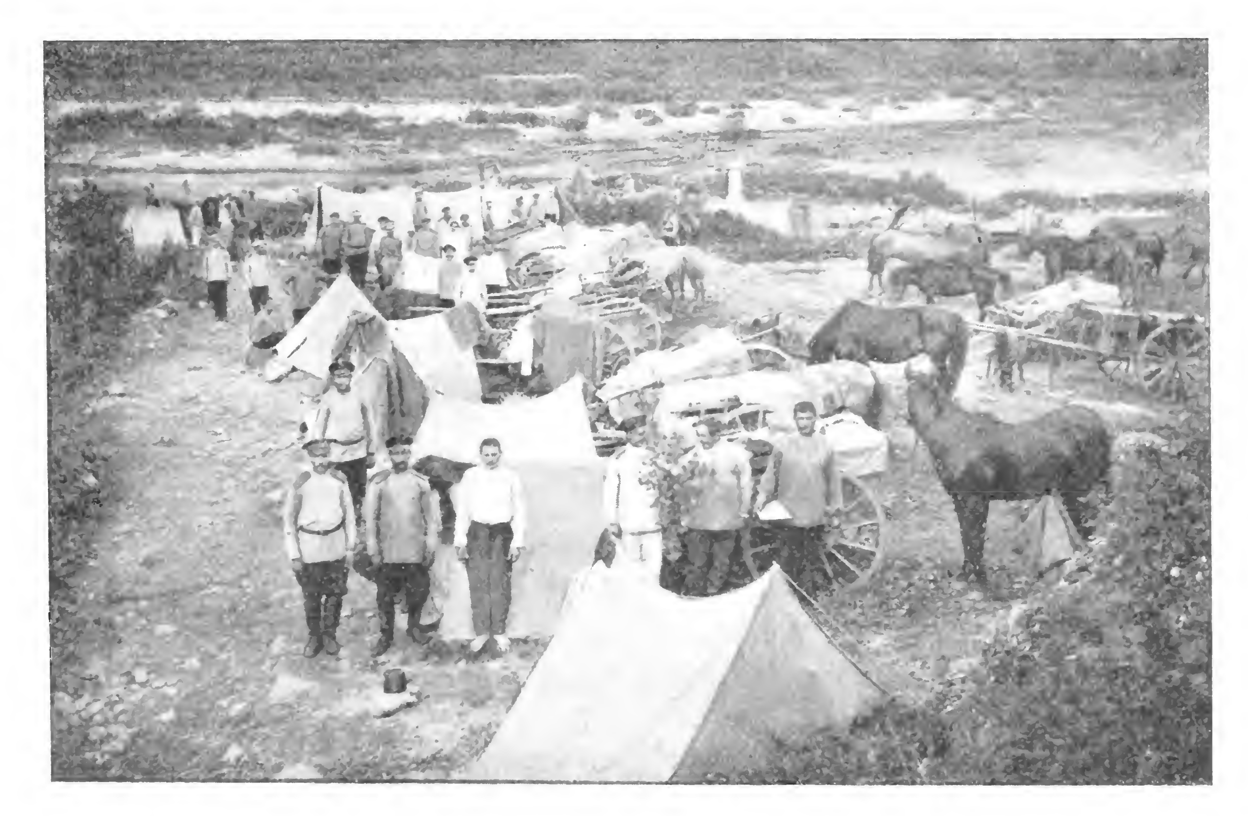
„Какая надобность была въ возвращеніи Куропаткина къ войскамъ южнаго отряда,—не знаю. Думаю, что вызвано это было опасеніемъ за настроеніе войскъ послѣ новаго ихъ отступленія—и на этотъ разъ уже послѣ несомнѣннаго боевого успѣха".

„Такія отступленія страшно деморализировали войска. Мнѣ пришлось говорить съ цѣлымъ рядомъ войсковыхъ начальниковъ — командирами ротъ, батальоновъ, батарей и дивизіоновъ, и всѣ жаловались на то, что становится все труднѣе и труднѣе удерживать солдатъ въ бою на мѣстѣ".

„Далекіе отъ проникновенія въ замыслы своего полководца, далекіе отъ пониманія тактической и стратегической обстановки, ея не знали подчасъ офицеры высокихъ ранговъ и положеній, солдаты инстинктивно узнали одно, что какъ ни дерись, а все равно отступать велятъ. Стало быть, всѣ эти жертвы, что ложатся вокругъ, напрасны и неизвѣстно, когда и гдѣ окажутся ихъ результаты. Къ тому же палящее манджурское солнце дѣйствовало на людей, несоотвѣтственно обмундированныхъ и

нагруженныхъ, разслабляюще и духовно и физически. Ничего, что бодрило бы и поддерживало въ нихъ энергію, не было".

„Тѣмъ не менѣе атаки японцевъ подъ Дашичао были блистательно отбиты; наши войска вездѣ удержали позиціи и оставили ихъ лишь по приказанію, опять-таки ихъ глубоко оскорбившему и возмутившему. Разсказывали, что это возмущеніе сказалось въ буйствѣ и безчинствѣ проходившихъ черезъ станцію войскъ на вокзалѣ;—что вслѣдъ уѣзжавшему изъ Дашичао въ коляскѣ генералу Штакельбергу слышались бранныя слова... Все это, конечно, вновь требовало присутствія генерала Куропаткина при этихъ войскахъ, такъ какъ авторитетъ его стоялъ еще высоко, а



Обозъ.

вѣра въ его полководческіе таланты еще не изсякла. Не для спасенія ли ея онъ и уѣхалъ изъ-подъ Дашичао наканунѣ боя, чтобы предрѣшенный имъ отрицательный исходъ его (отступленіе) и на этотъ разъ не былъ связанъ съ его именемъ".

„14-го іюля командующій арміей отбылъ изъ Гудзядзы. Въ Хайченъ, уже стянулись войска, отступившія изъ Дашичао. Одинъ изъ военныхъ корреспондентовъ, которыхъ генералъ Куропаткинъ, по личному съ ними знакомству, удостаивалъ иногда откровеніемъ, разсказывалъ, что командующій арміей самъ вписалъ въ его телеграмму слова: „первый періодъ войны кончился, сосредоточеніе закончено, мы переходимъ въ наступленіе".

„Не знаю, насколько это отвѣчало его истиннымъ намѣреніямъ, но, встрѣтившись 17-го іюля въ Хайченѣ же съ генераломъ Гернгросомъ, я самъ услышалъ отъ него, что Куропаткинъ сказалъ ему, показывая на рѣку Хейченъ же: „Дальше этой рѣки ни шагу".

„И я готовъ уже повѣрить въ начало новой эры. Я включилъ эти слова въ свою телеграмму; я отстоялъ ихъ передъ очень строгимъ цензоромъ, хотѣвшимъ было исключить ихъ; я отправилъ уже телеграмму со своимъ вѣстовымъ на телеграфную станцію. Но недовѣріе мое къ рѣшительности и энергіи генерала Куропаткина взяло верхъ, я самъ поспѣшилъ на телеграфъ и вычеркнулъ тамъ слова, передача которыхъ по телеграфу въ Россію могла только на минуту ободрить русское общество, чтобы затѣмъ еще горше было его разочарованіе въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Предчувствіе меня не обмануло. Прибывъ въ 4 съ половиной часа утра изъ Ляояна къ Хайчену, я нашелъ уже станцію очищаемой. Спѣшно грузили раненыхъ въ товарные вагоны, спѣшно отправляли подвижной составъ станціи и дѣлали это такъ поспѣшно, что платформы и вагоны уходили совершенно пустыми, тогда какъ по бокамъ пути лежали горы мѣшковъ муки и крупы, горы круговъ прессованной чумизы, горы бочекъ съ сахаромъ, соломенныхъ матовъ и стоги сѣна. Все это было сожжено въ тотъ же день поздно вечеромъ. Командующій арміей уже покинулъ Хайченъ и, когда того же дня я проѣзжалъ Айсядзянъ, я видѣлъ тамъ его освѣщенный поѣздъ“.



Переправа артиллеріи.

„Мы очистили Дашичао, потому что боялись обхода слѣва. Мы очистили Хайченъ, потому что боялись обхода слѣва. Было несомнѣнно, что мы очистимъ и Айсядзянъ, боясь того же обхода слѣва. Но никто не думалъ и не хотѣлъ вѣрить, что мы очистимъ и Ляоянъ изъ боязни обхода слѣва“.

„Всѣ были убѣждены, что Ляоянъ-то, эта столица манджурской арміи, этотъ обнесенный оградою фортовъ пунктъ, подъ которымъ съ самаго начала войны всѣ ждали, какъ праздника, рѣшительнаго генеральнаго сраженія и вѣрили всѣ до послѣдняго солдата, что отдать его японцамъ нельзя, — не будетъ имъ отданъ. И если что еще поддерживало духъ войскъ, угашаемый рядомъ отступленій, такъ это именно сближеніе съ Ляояномъ, ожиданіе боя подъ нимъ и вѣра въ побѣду, послѣ которой пойдемъ впередъ“.



Сжиганіе при отступленіи.

Въ обоихъ случаяхъ, какъ подъ Дашичао, такъ и подъ Хайченомъ генералъ

Куропаткинъ отказался руководить боемъ своихъ войскъ, уѣхавъ наканунѣ ожидаемыхъ сраженій, и, давъ директивы для отступленія, предоставилъ раздѣлываться другимъ, какъ бы снимая съ себя передъ войсками отвѣтственность за уничтоженіе ихъ геройскихъ подвиговъ. Французскій военный писатель Meunier, разбирая сраженіе подъ Дашичао, говоритъ, что несмотря на изученіе кампаній 60-хъ, 70-хъ годовъ и 77-го и 78-го годовъ, стратегическая способность наша не пошла дальше позиціонныхъ войнъ. Обороняться на заранѣе укрѣпленной позиціи, нанести вредъ непріятелю и сейчасъ же отойти, чтобы повторить то же самое дальше. Это, очевидно, и была единственная идея Куропаткина, дальше которой онъ не шелъ. Та же идея лежала въ основѣ дѣйствій Засулича на Ялу, Стесселя въ Наншанѣ, Штакельберга подъ Вафангоу, Зарубаева подъ Дашичао и самого Куропаткина подъ Ляояномъ и Мукденомъ. Одинаковая идея дала и одинаковые результаты. Эта идея настолько укоренилась въ Куропаткинѣ, что въ приказѣ своемъ отъ 28-го августа 1904-го года онъ писалъ: „оборонительные бои 10-го и 11-го іюля при Дашичао должны считаться какъ самые блистательные успѣхи“.



Видъ Манджуріи.



Первый русскій раненый подъ Тюренченомъ.

(При печатаніи I-го тома, этого снимка Редакція не имѣла).

До сраженія подъ Дашичао общая стратегическая обстановка была такова: послѣ очищенія нами Гайджоу общій фронтъ японскихъ армій тянулся отъ Гайджоу до лѣваго берега Тайцзыхе, на протяженіи около 170 верстъ по направленію Сеньюченскаго и Феншуинлинскаго горныхъ хребтовъ. Всѣ главные перевалы были заняты японцами и сильно укрѣплены. Наша армія, начиная отъ Дашичао, занимала своими передовыми отрядами линію Дачапу—Танчи—Симученъ—Янзелинъ—Гудзяцза на протяженіи 120 верстъ. Къ 18-му іюня выяснилось усиленіе и сосредоточеніе армій генераловъ Оку и Нодзу противъ нашего праваго фланга, Дашичао — Хайченъ и сосредоточеніе арміи генерала Куроки въ направленіи Саймацзы — Ляоянъ. 10-го іюля обнаружилось наступленіе арміи Оку въ числѣ двухъ, трехъ или четырехъ дивизій по двумъ направленіямъ: отъ Гайджоу по главной дорогѣ на Дашичао и долиною Цинсахе на Дачапу и Танчи. Наступленіе это, какъ мы уже знаемъ, было отбито нами, но въ силу стратегическихъ соображеній генерала Куропаткина, мы все-таки отдали японцамъ Дашичао. 11-го іюля, въ самый разгаръ дашичаоскаго сраженія обнаружено было сосредоточеніе японскихъ силъ въ направленіи на Яотунъ, лежащій между Симученомъ и Танчи. На фронтѣ противъ Симучена оказалось около двухъ японскихъ дивизій. Но, очистивъ Дашичао, мы удержали за собою Симученъ. Послѣ дѣла подъ Дашичао оба противника съ 13-го по 16-е іюля занимались непрерывными развѣдками, сопровождавшимися многочисленными стычками между производившими ихъ отрядами, и только 16-го іюля начали обнаруживаться признаки готовящагося наступленія всѣхъ трехъ японскихъ армій. Ихъ авангардъ, силою въ одинъ полкъ пѣхоты съ батареей и полкомъ кавалеріи, началъ наступленіе по направленію отъ Дашичао на Хайченъ. Встрѣченный сильнымъ огнемъ нашего арьергарда, остановился въ 18-ти верстахъ отъ Хайчена.



Кавалерія.

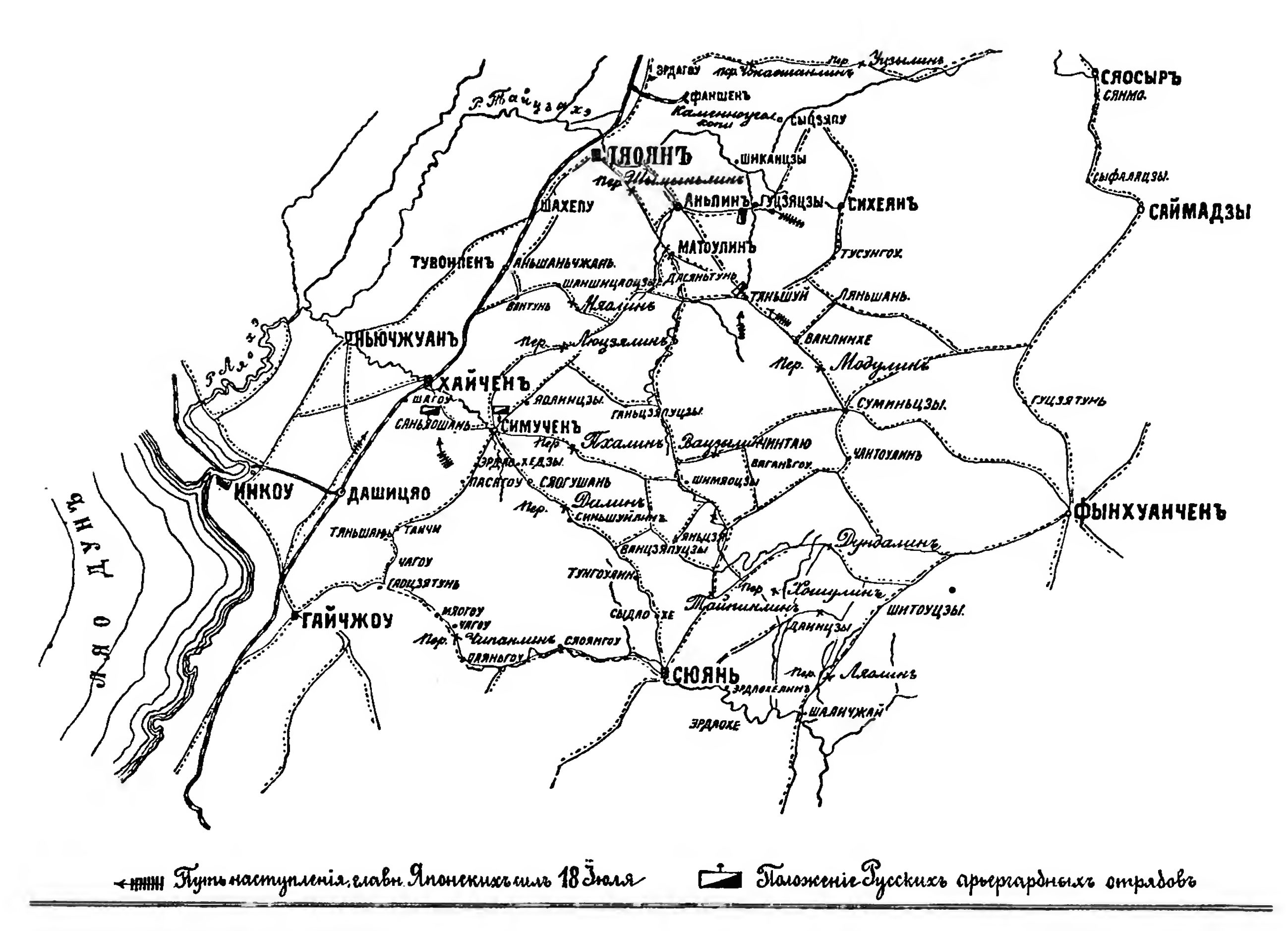


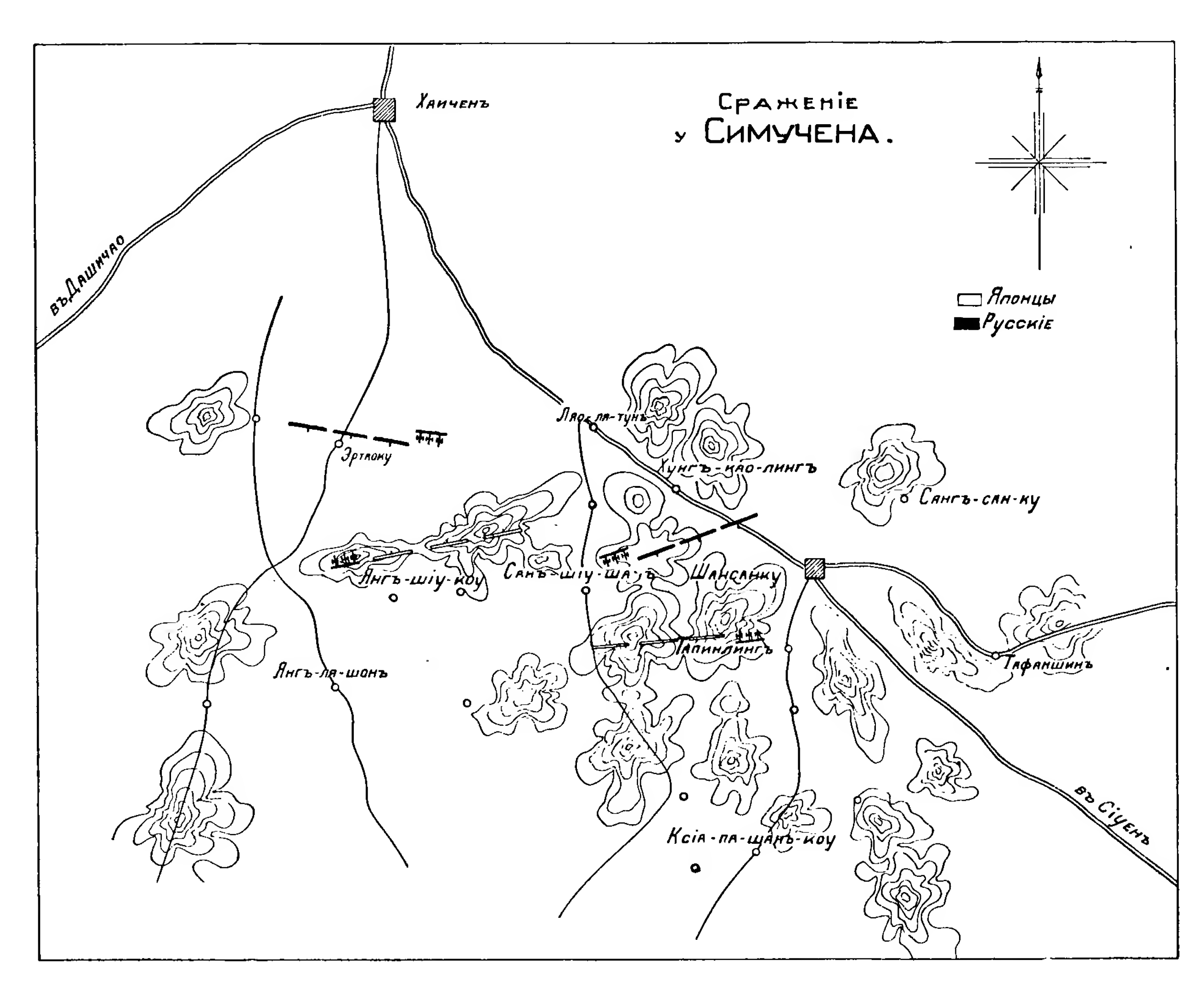
Схема къ телеграммѣ Куропаткина отъ 1-го іюля.

Впрочемъ это наступленіе имѣло демонстративный характеръ; цѣлью его, вѣроятно, было прикрыть перемѣщенія частей арміи генерала Нодзу противъ праваго фланга нашего симученскаго расположенія. Маршалъ Ойяма направилъ главный ударъ большими силами въ разрѣзъ между хайченской и симученской группами нашихъ войскъ, въ надеждѣ разбить каждую изъ нихъ порознь, но планъ этотъ не удался и направленный ударъ пришелся по воздуху. Противъ Хайчена японцы ограничились однимъ артиллерійскимъ боемъ, а энергичное наступленіе повели частями арміи Нодзу на правый флангъ нашей позиціи у Кангаулина, въ 4-хъ верстахъ къ сѣверо-западу отъ Симучена, и на высоты у дер. Сянченцзы, въ 8-ми верстахъ къ западу отъ Симучена.

Дѣло въ окрестностяхъ Симучена, по японскимъ источникамъ, происходило слѣдующимъ образомъ: наши войска занимали позицію къ сѣверу отъ Хункіаолинга, тянувшуюся до Сяншанкоу. Наши артиллерійскіе окопы были расположены на высотахъ Хункіаолингъ, а пѣхота находилась на высотахъ Ліутатунъ. Наканунѣ боя главныя силы японцевъ занимали линію отъ западныхъ отроговъ Тафаншина сѣвернѣе Ксіапашанкоу, при чемъ лѣвый флангъ ихъ доходилъ до высотъ къ юго-западу отъ Янгіаошана. 18-го іюля японцы перешли въ наступленіе и атаковали наши войска къ сѣверу, по обѣ стороны Янгшанкоу. Подъ сильнѣйшимъ огнемъ артиллеріи противника мы вынуждены были сначала отступить, но затѣмъ къ намъ подошли подкрѣпленія и около Эртаоку развернулись наши новыя батареи. Но японцы въ свою очередь получили подкрѣпленія и уже готовы были броситься на

наши позиціи, когда около десяти съ половиной часовъ утра съ высотъ у Саншанпу мы открыли по нимъ убійственный артиллерійскій огонь. Къ пяти съ половиной часамъ дня бой разгорѣлся по всему фронту нашей позиціи, но всѣ попытки японцевъ опрокинуть насъ не увѣнчались успѣхомъ. На крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ, вслѣдствіе огромныхъ потерь отъ артиллерійскаго огня, находившійся тамъ полкъ нѣсколько подался назадъ, и, чтобы поддержать положеніе, рѣшено было произвести контръ-атаку. Подъ прикрытіемъ огня своихъ орудій, сбросивъ ранцы, наша пѣхота стремительно бросилась на врага, который не выдержалъ натиска и отошелъ на свои первоначальныя позиціи. Здѣсь было получено приказаніе остановиться, и такимъ образомъ бой къ 7-ми часамъ вечера окончился, послѣ чего было получено новое приказаніе отходить къ Хайчену. Въ этомъ бою наши потери были 29 офицеровъ и около 1000 нижнихъ чиновъ; японскія потери были приблизительно одинаковыя.

Какъ мы уже знаемъ, того же числа, т. е. 18-го іюля, и армія генерала Куроки перешла въ рѣшительное наступленіе въ направленіяхъ Саймацзы—Ляоянъ и Феншуиңлинъ—Ляоянъ, атакуя наши передовыя позиціи впереди Гудзяцзы и Тхавуана. Хотя обѣ эти позиціи и были удержаны нами, но, въ виду понесенныхъ нами большихъ потерь и обнаруженныхъ значительныхъ силъ непріятеля, рѣшено было отвести



Сраженіе въ окрестностяхъ Симучена 18 іюля 1904 года.

войска къ Анпину и Ляндяньсаню, въ 30 верстахъ отъ Ляояна. 20-го іюля генералъ Куропаткинъ приказалъ очистить Хайченъ и войска были отведены на фронтъ Айсядзянъ — Ляндяньсань, гдѣ и сосредоточились на фронтѣ въ 36 верстъ длиною. Вся же манджурская армія сосредоточилась на линіи Айсядзянъ— Ляндяньсань и лѣвый берегъ Тайцзыхе, около 70 верстъ длиною.



Японская артиллерія.

Выше уже мы говорили, что ближайшимъ послѣдствіемъ сраженія при Дашичао было занятіе японцами порта Инкоу и города Ньючжуана. О значеніи этого занятія было говорено раньше, теперь же остается упомянуть, что при занятіи Инкоу японцамъ содѣйствовала ихъ эскадра миноносцевъ. Находившаяся въ порту наша канонерская лодка „Сивучъ", не имѣвшая возможности ни сопротивляться, ни даже уйти, еще до вступленія японцевъ въ Инкоу была взорвана своимъ командиромъ и затонула, а команда ея пѣшкомъ пробралась къ Хайчену.

Подходя къ описанію ляоянскаго сраженія, не имѣвшаго себѣ подобныхъ въ предшествовавшее время, необходимо вспомнить обстановку, въ которой происходило это безпримѣрное столкновеніе, обстановку не только непосредственно на театрѣ войны, но и внѣ его, такъ какъ все отражалось такъ или иначе вліяя на ходъ военныхъ дѣйствій, заставляя нашихъ руководителей считаться съ внѣшними для нихъ событіями, настроеніями и взглядами, и давало то или другое направленіе ихъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ.



Постройка проволочныхъ загражденій.

На японскомъ архипелагѣ стали зарождаться грозовыя тучи, которыя должны были направиться къ западу, чтобы разразиться тамъ страшною грозою и разрядить

свои запасы электричества. На Ялу, въ Цзинь-чжоу и въ Дагушанѣ впервые показались на континентальномъ горизонтѣ три отдѣльныя тучи, тогда еще очень слабо связанныя между собою, при чемъ въ первыхъ двухъ пунктахъ произошли и первые грозовые разряды, показавшіе насколько серьезенъ можетъ быть разрядъ, когда эти тучи соединятся. Постепенно сближаясь, всѣ три японскія арміи неотразимо надвигались на Ляоянъ, подобно подвижнымъ стѣнамъ инквизиціонныхъ тюремъ, долженствовавшихъ или столкнуть узника въ пропасть или окончательно замкнуть его въ своемъ желѣзномъ кольцѣ. Цѣль, которую поставилъ себѣ маршалъ Ойяма, заключалась въ томъ, чтобы отрѣзать нашу манджурскую армію отъ Мукдена и, окруживъ, заставить положить оружіе. Какъ мы знаемъ, эти мечты не осуществились, но къ осуществленію ихъ были направлены всѣ усилія японцевъ, почему Ляоянъ имѣлъ для нихъ первенствующее значеніе. Кромѣ того, Ляоянъ имѣлъ большое стратегическое значеніе, которое заключалось въ томъ, что онъ являлся узломъ колесныхъ путей изъ Кореи и южной Манджуріи и стоялъ на пересѣченіи желѣзной дороги и большой по размѣрамъ рѣки; кромѣ того, онъ былъ пунктомъ сосредоточенія нашей арміи и потеря его имѣла громадное нравственное значеніе для обѣихъ армій, къ тому же владѣніе Ляояномъ давало возможность маневрированія на обоихъ берегахъ Тайцзыхе. Въ тактическомъ отношеніи Ляоянъ былъ важенъ потому, что около него имѣлись двѣ хорошія позиціи, передовая и главная, и онъ представлялъ собою тетъ-де-понъ, въ которомъ было 8 мостовъ.



Японскій полевой телеграфъ.

За все это время японцы использовали всѣ выгоды своего географическаго положенія и своей подготовки къ войнѣ, которую они, притомъ, начали внезапно. Благодаря близости къ театру военныхъ дѣйствій, удобному сообщенію и хорошо оборудованному флоту, они пріобрѣли сразу численный перевѣсъ и стали въ положеніе наступающаго, которому всегда принадлежитъ иниціатива, составляющая важный факторъ успѣха. Неудавшійся прорывъ портъ артурской эскадры и проигранное нами морское сраженіе въ Корейскомъ проливѣ предоставили японцамъ исключительное господство на морѣ, а цѣлый рядъ успѣховъ на сушѣ предоставилъ Японіи большую часть южной Манджуріи; кромѣ того, они пріобрѣли огромное

нравственное вліяніе на Китай и могли распоряжаться въ немъ почти какъ полновластные хозяева, и раньше больше симпатизировавшее мѣстное населеніе стало еще усерднѣе помогать имъ, какъ въ смыслѣ доставленія всевозможныхъ продуктовъ,



Конный топографъ на съемкѣ.

такъ службою въ качествѣ шпіоновъ и даже отчасти вооруженной силой, дѣйствуя подъ видомъ хунхузовъ у насъ въ тылу и заставляя затрачивать лишнія усилія на обезпеченіе себя съ этой стороны. Само собой, что то, что выиграли японцы— проиграли мы. Но къ войнѣ мы готовы не были. Послѣ китайской войны 1900 года наши войска на Дальнемъ Востокѣ не только не были усилены, а, наоборотъ, въ нѣкоторой мѣрѣ ослаблены, крѣпости были не оборудованы и флотъ разбросанъ, продовольственныхъ продуктовъ и военныхъ припасовъ заготовлено не было, а наша артиллерія находилась въ періодѣ перевооруженія новыми пушками. Намъ приходилось имѣть дѣло съ противникомъ, который какъ на морѣ, такъ и на сушѣ оказался сильнѣе насъ и лучше подготовленнымъ. Съ самаго начала войны нашъ флотъ оказался не способнымъ ни къ какому полезному дѣйствію и не могъ оказать никакого благопріятнаго вліянія на ходъ войны, онъ не могъ не только угрожать территоріи Японіи, онъ не могъ даже оказать никакого вліянія на высадку ихъ войскъ на материкъ. Несмотря на выдающуюся храбрость, самоотверженіе и выносливость, выказанныя на-



Въ Манджуріи.

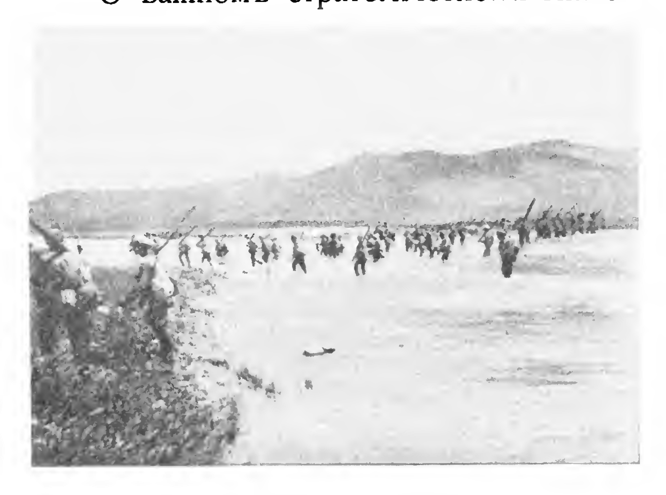
шими войсками, они ничего не могли сдѣлать противъ столь же храбраго и упорнаго противника, который, вдобавокъ, имѣлъ постоянный численный перевѣсъ. Къ тому же бездарное веденіе военныхъ операцій, начиная съ самыхъ верховъ арміи и



Возвращеніе со сторожевой службы.

кончая частными начальниками, незнаніе условій и свойствъ страны и организаціонныя импровизаціи, нарушавшія цѣльность хозяйственныхъ и тактическихъ единицъ,— все это были отрицательныя данныя, которыя не могли сулить побѣды и о которыя главнымъ образомъ разбивались доблесть и отвага нашей славной арміи. Постоянныя отступленія не окончательно еще подорвали духъ войскъ. Войска стремились къ Ляояну въ полной надеждѣ, что тутъ произойдетъ рѣшительное столкновеніе, и что, разбивъ японцевъ подъ этимъ сильно укрѣпленнымъ городомъ, мы перейдемъ въ наступленіе, и всѣ вѣрили въ побѣду, когда мы, наконецъ, погонимъ врага и войска могутъ вознаградить себя за претерпѣнныя раньше пораженія.

О важномъ стратегическомъ значеніи Ляояна для японцевъ уже было говорено, но и такое же значеніе, если не большее, онъ имѣлъ и для насъ въ томъ смыслѣ, что обладаніе этимъ пунктомъ давало намъ возможность маневрировать на обоихъ берегахъ Тайцзыхе, предоставляя возможность разбить противника въ случаѣ какой-нибудь съ его стороны оплошности или въ случаѣ сосредоточенія значительныхъ нашихъ силъ.



Переправа черезъ рѣку.

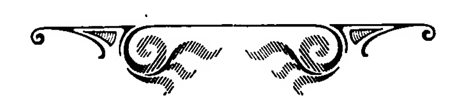
Но, вотъ, въ то самое время, когда наша и японская арміи оспаривали другъ у друга пальму первенства, когда оба главнокомандующіе соперничали въ проявленіяхъ своихъ дарованій, когда прибывающія изъ европейской Россіи войска знакомились съ презрѣнными желтокожими и когда каждый день непрерывная пере-

стрѣлка слышалась на аванпостахъ и между развѣдчиками, — появился на свѣтъ наслѣдникъ нашего престола, столь страстно всѣми желаемый и такъ долго ожидаемый. Можно полагать, что появленіе его на свѣтъ имѣло большее значеніе, чѣмъ генералъ Куропаткинъ или маршалъ Ойяма, или сраженіе при Наншанѣ, или пораженіе нашего флота во время прорыва портъ-артурской эскадры. Отсутствіе благословенія Божія, не дававшаго Царю сына, которое, по народному убѣжденію, тяготѣло надъ царской семьей, вдругъ исчезло. Рожденіе Наслѣдника Цесаревича еще больше закрѣпило связь между царемъ и народомъ, что было такъ необходимо въ переживаемое тогда время. Стремительной волной прокатилась эта радостная вѣсть изъ конца въ конецъ земли русской и докатилась до Портъ-Артура и Манджуріи и вызвала искреннюю радость въ сердцахъ солдатъ, потому что удовлетворила желаніе каждаго имѣть прямого наслѣдника престола и, во-вторыхъ, потому, что генералъ Куропаткинъ на парадѣ по этому счастливому случаю, объявляя эту радостную вѣсть войскамъ, торжественно обѣщалъ имъ повести ихъ къ побѣдѣ. Къ несчастью, событіе это не имѣло благодѣтельнаго вліянія на успѣхъ войны, посредственность Куропаткина помѣшала этому.



После сраженія.

Рожденіе наслѣдника престола имѣло еще и другое важное вліяніе на рѣшимость продолжать войну до конца. Хотя наши усилія въ значительной мѣрѣ парализовались успѣхами адмираловъ Того и Камимуры на морѣ и безтолковой ошибкой адмирала Ухтомскаго, уведшаго большую часть нашего флота обратно въ Портъ-Артуръ, мы все-таки не теряли надежды, что неудачи на морѣ могутъ быть возмѣщены успѣхами на сушѣ. Европейскія подкрѣпленія стали прибывать на театръ войны въ большемъ количествѣ и болѣе правильно, такъ что ко времени ляоянскихъ боевъ у генерала Куропаткина было больше войскъ, чѣмъ у противника.





Передъ японцами теперь становился вопросъ: будетъ ли генералъ Куропаткинъ сражаться передъ Ляояномъ, или онъ покинетъ его такъ же, какъ покинулъ многiе другiе пункты Ляодунскаго полуострова. Судя по тому, что онъ сильно укрѣплялъ какъ самый Ляоянъ, такъ и всѣ ближайшiе подступы къ нему и сосредоточивалъ туда всѣ свои силы и огромные интендантскiе склады, надо было думать, что онъ считаетъ Ляоянъ конечнымъ пунктомъ, который нельзя было ни подъ какимъ видомъ покидать безъ особенно важныхъ причинъ или крайней необходимости. Генералъ Куропаткинъ прежде всего стремился собрать въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе силъ, и въ этомъ направленiи велъ всѣ свои операцiи. Безразсудный переходъ въ наступленiе для выручки Портъ-Артура, который былъ навязанъ генералу Куропаткину адмираломъ Алексѣевымъ, выбилъ его изъ всѣхъ его разсчетовъ по усиленiю своихъ войскъ, и онъ легко могъ бы очутиться въ очень затруднительномъ положенiи при натискѣ всѣхъ трехъ соединенныхъ армiй противника, который могъ произойти раньше, чѣмъ это дѣйствительно случилось, и раньше, чѣмъ мы могли бы пополнить потери вафангоускаго сраженiя. Весьма вѣроятно, что здѣсь надо искать объясненiя послѣдовавшимъ поспѣшнымъ отступленiямъ остатковъ того, что называлось корпусомъ генерала Штакельберга. Хотя во время отступленiй отъ Гайджоу, Дашичао, Симучена и Хайчена мы несли весьма значительныя потери, но за то выигрывали время, въ продолженiе котораго къ Ляояну подходили свѣжiя войска. Этотъ выигрышъ времени, впрочемъ, находился въ зависимости не только отъ маневрированiй Куропаткина, но и отъ слишкомъ большой методичности и медлительности японцевъ. Сраженiе подъ Вафангоу произошло 2-го iюня и генералъ Оку не болѣе какъ черезъ двѣ недѣли могъ уже быть подъ стѣнами Хайчена, тогда какъ въ дѣй-



Въ городѣ.

ствительности онъ достигъ этого пункта только въ концѣ іюля. На стратегическую обстановку, сложившуюся во время наступленія японцевъ къ Ляояну, не малое значеніе оказывала упорная оборона Портъ-Артура. Японцы разсчитывали взять крѣпость открытой силой и сосредоточили около нея стотысячную армію генерала Ноги. Но то, что казалось японцамъ такъ легко, не удалось, Артуръ держался упорно. Японцы разсчитывали на быстрое овладѣніе Портъ-Артуромъ и не особенно были довольны оказаннымъ имъ сопротивленіемъ, они употребляли всѣ усилія, чтобы овладѣть этимъ пунктомъ до намѣченнаго ими окруженія Куропаткина въ Ляоянѣ. Паденіе Портъ-Артура знаменовало бы собою не только огромный нравственный успѣхъ японцевъ, но и усиливало бы ихъ ляоянскія арміи почти на 100.000 штыковъ. Получилось, что атака Ляояна тормозилась упорствомъ Портъ-Артура, а паденіе послѣдняго находилось въ нѣкоторой зависимости отъ существованія Ляояна. Если бы Куропаткинъ былъ разбитъ подъ Ляояномъ, то взятіе Портъ-Артура обратилось бы въ небольшое предпріятіе, было бы лишь вопросомъ времени и не повлекло бы за собой тѣхъ жертвъ, которыя должны были принести японцы подъ стѣнами этой крѣпости. Нельзя не указать еще на слишкомъ медленное движеніе арміи генерала Оку, который могъ бы на нѣсколько недѣль раньше быть у Хайчена, а слѣдовательно, и у Ляояна. Хотя и нельзя отрицать значенія методичности и пунктуальности въ военныхъ операціяхъ, но все-таки не слѣдовало быть въ этомъ отношеніи слишкомъ одностороннимъ, генералу Оку не было надобности замедлять свое движеніе, чтобы выравниваться по арміямъ Куроки и Нодзу, такъ какъ болѣе быстрое его движеніе впередъ, съ одной стороны, облегчало бы движеніе первыхъ двухъ армій, а съ другой, и что самое главное, онъ могъ помѣшать отходившимъ нашимъ арьергардамъ получать подкрѣпленія. Но все это только предположенія, сказать же, какія были истинныя причины такого промедленія, и въ настоящее время нѣтъ данныхъ: операціи армій



Китайскіе офицеры въ штабѣ 5-го Сибирскаго корпуса.



Китайцы.

Оку и Нодзу были обставлены большою таинственностью и совершались въ глубокомъ секретѣ, туда не были допущены военные корреспонденты, которые были только въ арміи Куроки.



Полевая конно-желѣзная дорога.

Приступая къ описанію сраженія подъ Ляояномъ, слѣдуетъ замѣтить, что трудно выбрать моментъ, которому могло бы быть присвоено названіе „сраженія подъ Ляояномъ", подъ этимъ именемъ надо разумѣть цѣлый рядъ многочисленныхъ боевъ, происходившихъ въ продолженіе значительнаго времени и на огромномъ пространствѣ. Всѣ происходившія тутъ событія вѣрнѣе могутъ быть названы „ляоянской операціей", которой завершился первый період нашей войны съ Японіей.

Послѣ нашего отхода, въ концѣ іюля, отъ Хайчена, наступили сильныя жары, сопровождаемыя большими тропическими ливнями, и наступилъ продолжительный, около трехъ недѣль, перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, вызванный трудностями сообщеній. Всѣ дороги сдѣлались непроходимыми, въ особенности въ долинѣ Ляояна, сплошь покрытой гаоляномъ и обратившейся въ сплошное топкое болото, мосты на рѣкахъ были почти всѣ снесены и, напримѣръ, 10-й армейскій корпусъ, находившійся въ Восточномъ отрядѣ, въ теченіе двухъ дней былъ совершенно отрѣзанъ отъ Ляояна разливомъ рѣки Танхе. Пользуясь затишьемъ, войска наши дѣятельно готовились къ обѣщанному наступленію и усиленно работали по возведенію фортовъ около самаго города и укрѣпленію вновь выбранной передовой позиціи.



Затишье.

Въ началѣ августа японскія силы были расположены слѣдующимъ образомъ:

Вторая японская армія стояла противъ нашего южнаго фронта въ районѣ Хайченъ—Ньючжуанъ, имѣя передовые посты въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нашими аванпостами на линіи: Хеянъ, Джансянтунь, Толунчжай, Янтай, Байсязай и Моасанъ. Въ составъ этой арміи входили: третья, четвертая и шестая японскія дивизіи, одна резервная дивизія и отдѣльныя кавалерійская и артиллерійская бригады, или: 43 батальона, 26 эскадроновъ, 216 полевыхъ и 36 горныхъ пушекъ.

Четвертая японская армія находилась въ окрестностяхъ Симучена, сходясь своими аванпостами у Мохоасана съ аванпостами второй своей арміи и распространяясь на Айцзяпуцзы, Тыашентунъ, Вандяпуцзы и Ліудохыа. Въ составъ этой арміи входили: восьмая, девятая и десятая дивизіи, одна резервная бригада и одна отдѣльная артиллерійская бригада, или: 36 батальоновъ, 9 эскадроновъ и 108 горныхъ орудій.



Обозъ.

Первая японская армія была сосредоточена въ окрестностяхъ Тхавуана и состояла изъ гвардейской, двѣнадцатой и второй дивизій съ одной или нѣсколькими резервными бригадами, или: 76 батальоновъ, 14 эскадроновъ, 180 полевыхъ и 36 горныхъ орудій.

Кромѣ того, японцы занимали небольшими отрядами нѣкоторые пункты лѣваго берега Тайцзыхе къ востоку отъ Ляояна, противъ Бенсиху, Санцяцзы и Сяосыра. Около трехъ тысячъ японцевъ находились въ Цзянчанѣ и противодѣйствовали нашимъ развѣдкамъ. Всѣ пути, ведущіе отъ Тайцзыхе къ фынхуанченской операціонной линіи, были заняты непріятелемъ и перевалы хорошо укрѣплены.

Въ общемъ, во всѣхъ трехъ японскихъ арміяхъ въ началѣ августа было: 160 батальоновъ, 52 эскадрона и 576 орудій и нѣсколько осадныхъ орудій изъ числа взятыхъ на цзинчжоуской позиціи. Боевая численность всѣхъ этихъ армій, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, доходила до 200.000 человѣкъ, первая и четвертая арміи базировались на Квантунъ, а вторая имѣла базою Инкоу.

Въ такомъ положеніи онѣ находились долгое время, не приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, что вызывалось необходимостью пополненія убыли въ людяхъ и въ боевыхъ припасахъ, подвозомъ тяжелой артиллеріи, устройствомъ тыла, оборудованіемъ этаповъ, и, кромѣ того, военнымъ дѣйствіямъ мѣшали сильные дожди.

Одновременно съ этимъ наша манджурская армія составляла отряды:

*) Западный, подъ начальствомъ генерала Зарубаева, занималъ Айсядзянскую укрѣпленную позицію и состоялъ изъ войскъ перваго сибирскаго армейскаго корпуса, въ которомъ было 21 батальонъ, 20 эскадроновъ и сотенъ и 88 орудій. Затѣмъ сюда же входили войска второго сибирскаго армейскаго корпуса—12 батальоновъ, 11 сотенъ и 32 орудія; четвертый сибирскій армейскій корпусъ—24 батальона, 32 орудія и 11 сотенъ, затѣмъ отдѣльный конный отрядъ—18 сотенъ и 6 конныхъ орудій. Всего въ западной группѣ было 57 батальоновъ, 60 эскадроновъ и сотенъ и 158 орудій.

Восточная группа, подъ начальствомъ генерала Бильдерлинга, занимала ляндянсанскія позиции и состояла изъ десятаго армейскаго корпуса, который занималъ Анпинлинскія высоты и имѣлъ въ составѣ 20 батальоновъ, 17 сотенъ и 88 орудій. Затѣмъ въ стоявшемъ на правомъ берегу Тайцзыхе отрядѣ генерала Янжула было 8 батальоновъ, 6 эскадроновъ и 44 орудія—19 батальоновъ, 6 эскадроновъ и 64 орудія находились въ резервѣ въ окрестностяхъ Ляояна. Всего въ группѣ генерала Бильдерлинга было 47 батальоновъ, 29 эскадроновъ и сотенъ и 196 орудій. Общій армейскій резервъ находился въ Ляоянѣ и Мукденѣ. 19 батальоновъ, 11 сотенъ и 24 конныхъ орудія, которые были на работахъ по сооруженію ограды города. Въ Мукденѣ находились: пятый сибирскій армейскій корпусъ и гарнизонъ Мукдена. Всего 30 батальоновъ и 48 орудій.

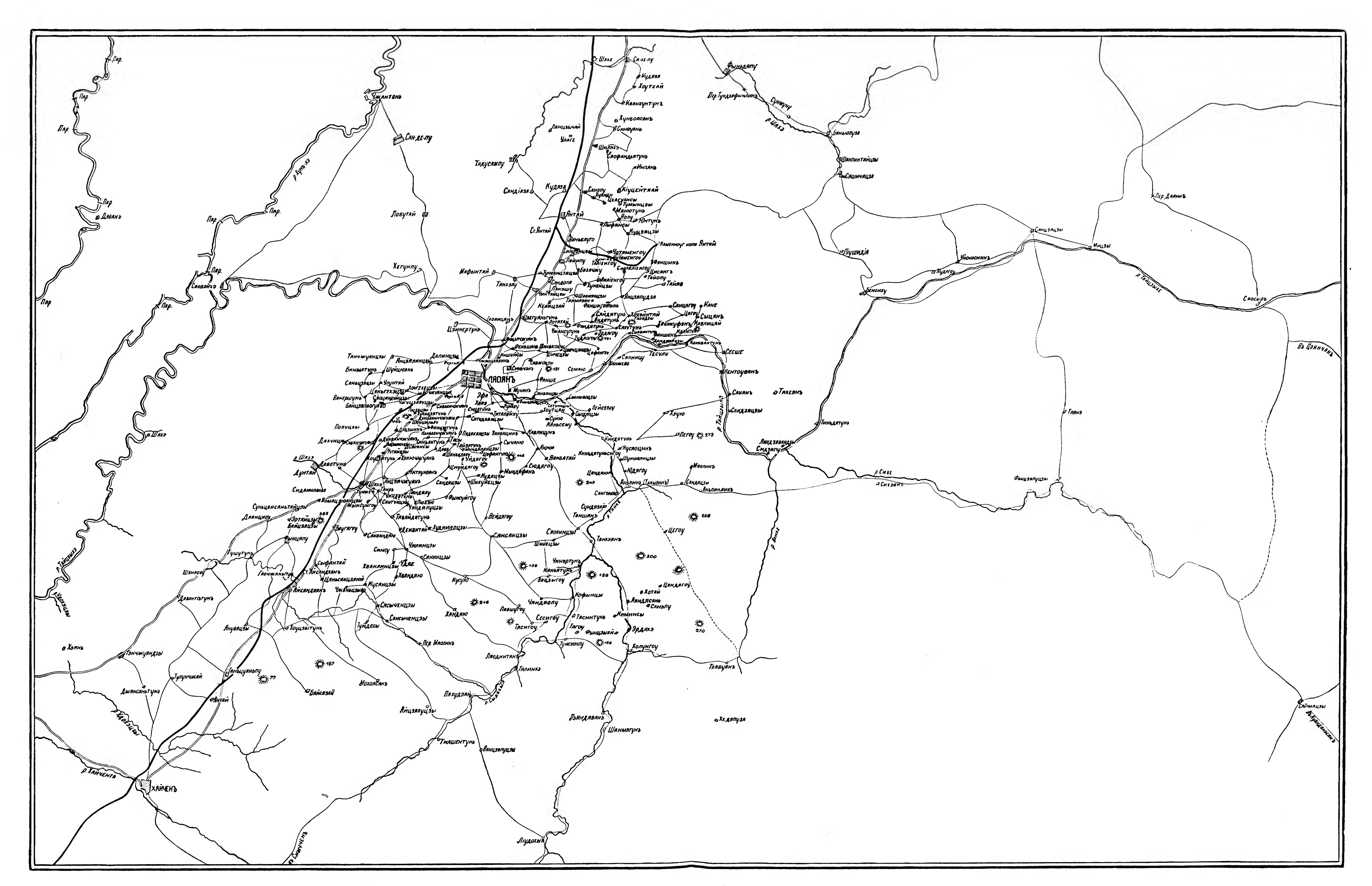

На берегу Тайцзыхе.

Для охраненія фланговъ: пять батальоновъ, 6 сотенъ и 4 орудія стояли въ Бенсиху; 12 сотенъ и 4 орудія занимали Уйнюнинъ; 2 батальона, 22 сотни и 2 орудія въ Ляоченѣ и три батальона, 8 сотенъ и 4 орудія были у Давана. На охранѣ тыла и на этапахъ было 6 батальоновъ.

Въ общемъ, въ первой половинѣ августа манджурская армія считала въ своемъ составѣ 164 батальона, 136 эскадроновъ и сотенъ и 440 орудій и по отношенію къ японскимъ арміямъ была почти равносильна по количеству орудій, втрое превосходила въ конницѣ и на нѣсколько батальоновъ имѣла больше, чѣмъ японцы. Такимъ образомъ, въ періодъ ляоянскихъ операцій наша армія имѣла численный перевѣсъ.

Мы уже упоминали раньше объ общихъ планахъ обѣихъ сторонъ, въ частности же японскій планъ сводился къ тому, чтобы овладѣть айсядзянской позиціей и занять линію Танхе, затѣмъ демонстрировать противъ Ляояна и нанести арміей Куроки рѣшительный ударъ, обойдя нашъ лѣвый флангъ.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.



Общая карта операцій подъ Ляояномъ.

Мы же намѣтили себѣ удерживаться на айсядзянской, ляндянсанской и анпинлинской позиціяхъ возможно дольше, затѣмъ отойти на передовую ляоянскую позицію, гдѣ, опираясь на тетъ-де-понъ, маневрировать на обоихъ берегахъ рѣки, выжидая удобной минуты, чтобы обрушиться на японцевъ въ превосходныхъ силахъ. Въ виду этихъ соображеній генералъ Куропаткинъ поставилъ главной задачей генералу Зарубаеву сосредоточить подъ Ляояномъ всѣ корпуса, не разстроенные боемъ съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, и въ предписаніи отъ 4-го августа указывалось: на айсядзянской позиціи ограничиться боемъ сильными арьергардами и отвести засимъ войска на передовыя ляоянскія позиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, генералу Зарубаеву указывалось, что не слѣдовало преждевременно оставлять



Видъ на Тайцзыхе.

айсядзянскую позицію, а лишь тогда, когда противникъ обнаружитъ намѣреніе атаковать ее и притомъ значительными силами.

Что касается до восточной группы, то здѣсь вопросъ объ образѣ дѣйствій былъ болѣе сложнымъ, ибо преждевременное отступленіе войскъ съ ляндянсанской или анпинлинской позицій открывалъ флангъ другой позиціи, даже если бы непріятель и не атаковалъ ее. Вслѣдствіе этого генералу Бильдерлингу была дана слѣдующая директива: „*) Во всякомъ случаѣ вы, давая общія указанія, должны предоставить командирамъ корпусовъ самимъ рѣшить, сообразно съ данными указаніями, когда именно начать отходить назадъ, ибо по телеграфу такія приказанія могутъ оказаться или запоздалыми или преждевременными. Довѣряя вашей опытности, предоставляю вамъ, въ зависимости отъ нравственнаго духа начальствующихъ лицъ и степени утомленности войскъ, начать отводить войска даже безъ арьергарднаго боя, если по группировкѣ силъ противника, по близости расположенія значительныхъ силъ его и другимъ причинамъ, атака тѣхъ или другихъ позицій нашихъ станетъ неизбѣжною и при томъ вы придете къ заключенію, что атака эта будетъ произведена въ невыгодныхъ для насъ условіяхъ. Охраняйте правый флангъ Восточнаго отряда, дабы

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генер. Штаба.

японцы, сбивъ его, не прорвались бы къ Лаояну, въ разрѣзъ нашихъ войскъ южной группы и войскъ, ввѣренныхъ вашему командованію". Генералъ Куропаткинъ не хотѣлъ, однако, сидѣть въ бездѣйствіи и во время происходившаго перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ приказалъ обратиться къ способамъ малой войны, чтобы, постоянно развѣдывая противника, держать его все время въ напряженномъ положеніи. По этому поводу было подтверждено начальникамъ группъ въ письмахъ отъ 5-го августа. Вотъ, между прочимъ, что писалось генералу Бильдерлингу: „Вмѣстѣ съ симъ мною послана телеграмма генералу Случевскому": „Продолжаю находить дѣятельность войскъ 10-го корпуса по отношенію къ противнику слишкомъ пассивной. Предлагаю организовать подъ отвѣтственностью начальниковъ дивизій нападенія днемъ и особенно ночью, на сторожевое храненіе противника и отдѣльныя его части, слишкомъ зарвавшіяся впередъ, командами и частями войскъ, а ночью даже отдѣльными людьми. Надо противника держать въ тревогѣ и напряженіи. Оттѣснивъ сторожевое храненіе, съ подкрѣпленіями, если онѣ значительны, въ бой не ввязываться. Надо увеличить охотничьи команды. Отнюдь не переутомлять людей. Производившіе ночью нападеніе безъ крайности должны отдыхать два дня. Разсчитываю на Гершельмана, Орбеліани, славные потомки оренбуржцевъ, терцевъ и кубанцевъ. Убитыхъ и раненыхъ уносить. Съ убитыхъ японцевъ приносить отличія формы одежды. За каждаго плѣннаго кромѣ награды какъ за военное отличіе, назначаю еще денежную награду: за нижняго чина сто рублей, за офицера триста рублей. Надѣюсь, что вы пробудите во ввѣренныхъ вамъ войскахъ точно заснувшій въ нихъ духъ лихости, молодечества. Повторяю, что тѣ начальники частей, которые относятся къ врагу съ преувеличеннымъ почтеніемъ, чтобы не сказать со страхомъ, и думаютъ о томъ, чтобы уйти назадъ, должны быть вами представляемыми къ отчисленію отъ должностей. Начальнику Восточнаго отряда мною также предложено придать болѣе активный характеръ дѣятельности ввѣренныхъ ему войскъ. Прошу и Ваше Высокопревосходительство оказать содѣйствіе и наблюсти за исполненіемъ данныхъ мною указаній".



Замаскированная батарея.

Ляоянъ имѣлъ три линіи обороны: первая была позиціи у Айсядзяна, Ляндянсаня и у Анпинга, вторая была передовая ляоянская позиція, которая простиралась отъ

Шоушаньпу, черезъ Мыньдяфанъ и Яучи къ Сяпу, и наконецъ третью линію составляла укрѣпленная ограда непосредственно у самаго Ляояна. На лѣвомъ флангѣ всего нашего расположенія находилась анпинлинская позиція. Длина ея, около 20 верстъ, совершенно не отвѣчала силамъ 10-го армейскаго корпуса, назначеннаго для ея обороны, но сократить ее было невозможно, такъ какъ съ одной стороны надо было примкнуть къ ляндянсанской позиціи, съ другой же нельзя было не протянуть фронта до берега Тайцзыхе въ виду обезпеченія своего лѣваго фланга, куда легко могли прорваться японцы. Рѣка Танхе раздѣляла эту позицію на двѣ отдѣльныя части: на лѣвомъ берегу была позиція у Цегоу, а на правомъ—у Пегоу. Сложный рельефъ мѣстности не давалъ обороняющемуся хорошаго обстрѣла ни ближняго, ни дальняго, а для наступающаго представлялъ много хорошихъ подступовъ и мертвыхъ пространствъ. Танхе, раздѣлявшая позицію на двѣ части, затрудняла маневрированіе. Единственнымъ путемъ отступленія служила узкая долина Танхе, трудно доступная для движенія артиллеріи и, такимъ образомъ, отступленіе съ этой позиціи было въ высшей степени трудно... Для уменьшенія хотя бы нѣкоторыхъ недостатковъ анпинлинской позиціи въ тылу ея на фронтѣ: высота 300 таампинъ Пегоу была устроена тыловая позиція, на которой была выставлена артиллерія, такъ какъ выставленіе ея на передовыхъ позиціяхъ, въ виду плохого обстрѣла, было признано невыгоднымъ... Анпинлинскія позиціи были заняты войсками только 20-го іюля, а потому и укрѣпленія ея носили поспѣшный характеръ.



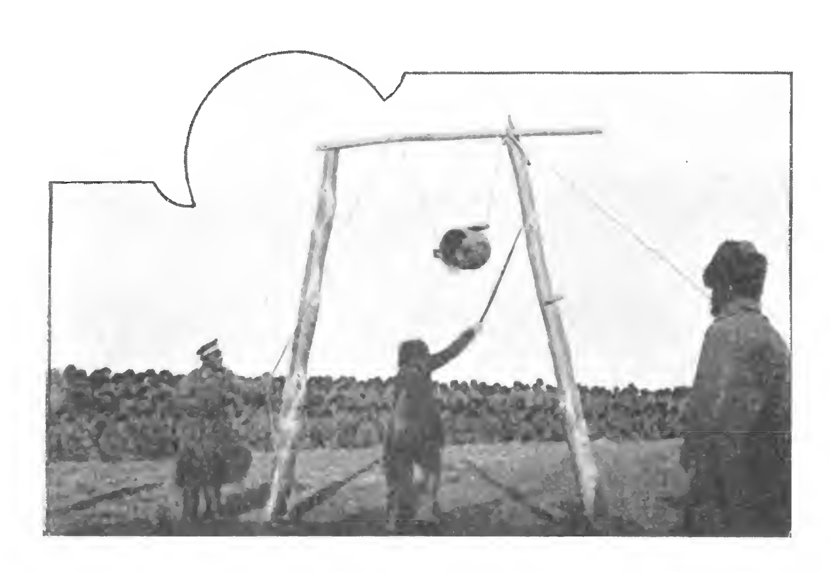
Остатки китайской фанзы послѣ артиллерійскаго огня.

Къ востоку отъ Анпинлинской позиціи находилась ляндянсанская позиція; она находилась между высотами у дер. Кофынцзы на правомъ флангѣ, до горнаго массива 300 на лѣвомъ. Фронтъ этой позиціи былъ обращенъ на юго-востокъ и она прикрывала подступы къ Ляояну со стороны Фынъ-Хуанъ-Чена. Она обладала широкимъ командованіемъ, но мѣстность впереди позиціи была слишкомъ пересѣченная, что давало противнику хорошіе подступы и много хорошихъ артиллерійскихъ позицій, кромѣ того, ее раздѣляли рѣки Танхе и Сидахе, которыя въ дождливое время непроходимы въ бродъ. Отступленіе съ этой позиціи, такъ же какъ и съ анпинлинской, было затруднено вслѣдствіе того, что имѣлся только одинъ колесный перевалъ Вантабай. Самой слабой точкой этой позиціи были фланги, въ особенности лѣвый,

даже маневрами противникъ, угрожая пути отступленія на Ляоянъ, могъ заставить очистить эту позицію. Протяженіе ея фронта въ 12 верстъ также не соотвѣтствовало силамъ занимавшаго ее отряда.

Между нею и айсядзянской позиціей имѣлся большой промежутокъ въ 22 версты между деревнями Куанцзы и Кофынцзы, а между тѣмъ въ этомъ промежуткѣ пролегали пути на Чилинзу и Вейдягоу, по которымъ можно было обойти лѣвый флангъ айсядзянской позиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ правый флангъ ляндянсанской позиціи.

На самомъ правомъ нашемъ флангѣ находилась айсядзянская позиція, она протягивалась по гребню горнаго отрога между долиной Шахе и низменностью Тайцзыхе. Эта позиція имѣла большое командованіе и превосходный обстрѣлъ, но была тѣсна въ глубину и представляла трудности при отступленіи, такъ какъ всѣ выходы съ нея были хорошо извѣстны противнику и хорошо видны. Кромѣ того, лѣвый флангъ могъ быть обойденъ въ направленіи со стороны Чилинзы. Эта позиція, какъ и всѣ предыдущія, обладала еще однимъ крупнымъ недостаткомъ—она была слишкомъ велика для занимавшаго ее отряда.



Солдатскія забавы во время затишья.

Ознакомившись съ этимъ далеко выдвинутымъ впередъ расположеніемъ передъ Ляояномъ, мы видѣли, что всѣ три, избранныя нами позиціи, имѣли свои и весьма крупные недостатки. Все наше расположеніе страдало, во-первыхъ, большой растянутостью, а расположеніе по выгнутой отвѣчало лишь цѣлямъ пассивной обороны; кромѣ того, въ занятой нами линіи въ южной части ея между айсядзянской и ляндянсанской позиціями существовалъ весьма опасный перерывъ въ 22 версты, которымъ легко могъ воспользоваться противникъ для прорыва всего нашего расположенія.

Въ 20-ти верстахъ позади этой первой линіи нашихъ позицій была выбрана и укрѣплена передовая ляоянская позиція, которая тянулась отъ Маѣтуня на Мындяфань, Яючи на Сипу. Позиція эта шла по гребню высотъ, окружавшихъ амфитеатромъ Ляоянъ и главную ляоянскую позицію. Высоты маѣтунской позиціи оканчивались примыкавшей къ желѣзной дорогѣ высотою, которая, находясь въ 4-хъ верстахъ отъ главной ляоянской позиціи, сильно командовала послѣдней. Передовая ляоянская позиція состояла изъ трехъ участковъ: на правомъ крайнемъ флангѣ, примыкавшемъ къ линіи желѣзной дороги, она шла по хребту, отходящему на юго-востокъ отъ Маѣтуня до дороги изъ Сяонсы въ Синьлитунь. Послѣ небольшого перерыва уступомъ назадъ на высотѣ у Синьлитуня находилась весьма важная для насъ пози-

ція, съ которой фланкировались всѣ выходы изъ горъ на ляоянскую равнину. Маѣтунская позиція имѣла превосходный обстрѣлъ.

Далѣе слѣдовала Цофантунская позиція, которая находилась на высотахъ отъ Цофантуня до дороги изъ Сычаня въ Мындяфань. Эта позиція была неудобна для обороны, чрезвычайно запутанный рельефъ и крутые скаты образовывали много мертвыхъ пространствъ и удобныхъ подступовъ для атакующаго. Далѣе на востокъ отъ дороги изъ Сычаня въ Мындяфань до Тайцзыхе у Сяпу была такъ-называемая Кавлицунская позиція. Она имѣла 8 верстъ длины, и условія для обороны здѣсь были значительно лучше. Перерывъ, имѣвшійся между Маѣтунской и Цофантунской позиціями, не имѣлъ особаго значенія, такъ какъ отлично обстрѣливался съ сосѣднихъ позицій. Длина всей передовой ляоянской позиціи достигала 22-хъ верстъ.



Послѣ дождя.

Отъ 4 до 6 верстъ позади передовой позиціи была устроена главная ляоянская позиція, которая представляла собою рядъ временныхъ фортовъ, редутовъ, промежуточныхъ батарей и окоповъ. Обоими флангами позиція эта упиралась въ Тайцзыхе отъ деревни Эфа на западъ до желѣзной дороги, откуда она поворачивала на сѣверъ къ Цзинертуню, при чемъ одинъ изъ фортовъ приходился на правомъ берегу Тайцзыхе.

На западномъ фронтѣ была устроена вторая линія обороны, а внутри было выстроено, къ сѣверу отъ города, не считая желѣзнодорожнаго, еще пять мостовъ черезъ Тайцзыхе, которые были прикрыты тетъ-де-пономъ.

Всѣ укрѣпленія были очень солидно выстроены, отлично примѣнены къ мѣстности, хорошо маскированы, имѣлось много крѣпкихъ блиндажей и разныхъ убѣжищъ, а передъ укрѣпленіями имѣлись разнообразныя искусственныя препятствія. Ляоянская позиція имѣла два весьма крупныхъ недостатка. Въ весьма небольшомъ разстояніи находились командующія высоты, съ которыхъ можно было обстрѣливать не только самыя укрѣпленія, но и внутренность позиціи, въ томъ числѣ и самый городъ, тѣснота же внутри позиціи подвергала обстрѣливанію и резервы, расположенные на лѣвомъ берегу Тайцзыхе. Кромѣ того, крайне невыгодно было то, что позицію окружали гаолянныя поля. Хотя часть гаоляна передъ позиціей и была вырублена, но онъ все-таки скрывалъ передвиженія японцевъ и мѣшалъ дѣйствіямъ нашей кавалеріи.



Послѣ дождя.

10-го августа манджурская армія занимала слѣдующія мѣста впереди Ляояна:

I. Айсяндзянская позиція.

а. Первый сибирскій армейскій корпусъ по обѣ стороны желѣзной дороги отъ Гушутуня до Няньсянцзюющ.

б. Второй сибирскій армейскій корпусъ (только одна 5-я вост.-сиб. дивизія) въ окрестностяхъ Кусацзы.

в. Четвертый сибирскій армейскій корпусъ около желѣзной станціи Айсяцзянъ. Авангарды были выдвинуты:

1. Къ Давантетуню 3 батальона, 16 эскадроновъ и 12 орудій.
2. Къ Янувацзы 5 батальоновъ, 6 сотенъ и 22 орудія.
3. Къ Хоуцзытунь 8 батальоновъ, 6 сотенъ и 16 орудій.
4. Къ Тудейсы 2 батальона, 4 сотни и 4 орудія.
5. Къ Сансыченцзы — батальона и 5 сотенъ.

II. Восточная группа на Ляндянсанской позиціи.

Третій сибирскій армейскій корпусъ.

а. На правомъ флангѣ и въ центрѣ, начиная отъ высотъ къ западу отъ Кофынцзы до этапной дороги Ляндянсань-Вантабай 6 батальоновъ и 36 орудій.

б. На лѣвомъ флангѣ отъ этапной дороги до высоты 300 6 батальоновъ и 12 орудій.

Общій резервъ:

а. Правая часть въ долинѣ Сидахе къ сѣверу отъ Кофынцзы—7 батальоновъ и 16 орудій.

б. Лѣвая часть у этапной дороги къ востоку отъ высоты 189,—3 батальона.



Передъ позиціей.

Особый отрядъ занималъ передовую позицію между Тасинтунемъ и Ляндянсанемъ 1 батальонъ.

Затѣмъ тыловыя позиціи были укрѣплены у Чинертуня, Сяолинцзы и на маломъ Вантабаѣ.

Для связи съ войсками западной группы въ долинѣ Сидахе были поставлены отряды: у Талинхе генерала Грекова 1 батальонъ и 12 сотенъ и у Тунсинпу-- рота и двѣ сотни.

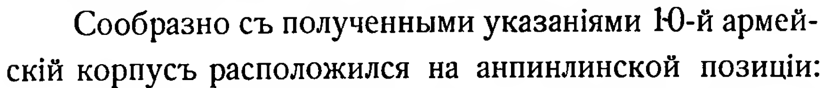
Что касается до расположенія 10-го армейскаго корпуса, то въ виду труднаго положенія, въ которомъ находился этотъ корпусъ, назначенный для защиты этой непомѣрно растянутой позиціи, въ зависимости отъ полученныхъ свѣдѣній о сосредоточеніи въ долинѣ Ланхе 30000 японцевъ и настоятельныхъ ходатайствъ генерала Случевскаго, командующій арміей разрѣшилъ присоединить къ 10-му корпусу вто-

рую бригаду 31-й пѣхотной дивизіи, которая была на правомъ берегу Тайцзыхе, и Елецкій полкъ, бывшій на работахъ укрѣпленій на главной ляоянской позиціи. Вотъ образчикъ, въ какія детали вмѣшивался генералъ Куропаткинъ. 10-го августа онъ пишетъ генералу Случевскому: *) „Съ прибытіемъ Елецкаго полка и второй бригады 31-й пѣхотной дивизіи полагалъ бы полезнымъ сдѣлать слѣдующія измѣненія во ввѣренномъ вамъ корпусѣ: Пензенскій полкъ отвести въ резервъ, который составить изъ трехъ полковъ 31-й пѣхотной дивизіи. Объединить начальствованіе надъ позиціями Анпинлинъ-Цегоу въ рукахъ начальника дивизіи, назначивъ ему всю дивизію. Въ частныхъ резервахъ на трехъ позиціяхъ держать отъ 8 до 10 батальоновъ, что съ общимъ резервомъ составитъ силу до 20 батальоновъ. Эта сила дастъ возможность на рѣшительномъ участкѣ боя собрать достаточныя для отпора врага силы. Примите мѣры къ скорѣйшей переправѣ второй бригады 31-й пѣхотной дивизіи на лѣвый берегъ Тайцзыхе“.



Рыбакъ монголецъ.

Сообразно съ полученными указаніями Ю-й армейскій корпусъ расположился на анпинлинской позиціи:



1. Правый боевой участокъ—16 батальоновъ, 8 сотенъ и 54 орудія, сталъ для обороны переваловъ отъ высоты 300 до Мауерлина; тамъ приказано было держать не менѣе 10 батальоновъ, лѣвѣе же ихъ находились 5 батальоновъ съ артиллеріей. На лѣвомъ флангѣ, къ югу отъ Таамнина, были расположены двѣ батареи съ однимъ батальономъ прикрытія, назначенныя спеціально для обстрѣливанія передовой позиціи у Цегоу, когда она будетъ покинута нашими войсками.

2. Лѣвый участокъ—4 батальона, 2 сотни и 8 орудій расположились для защиты позиціи у Цегоу.

3. Общій резервъ былъ расположенъ въ двухъ группахъ: 4 батальона у Тампина и 8 батальоновъ и 50 орудій у Шушвянцзы.



Вьючныя носилки на мулахъ для перевозки раненыхъ.

Тѣмъ временемъ къ намъ подходили подкрѣпленія, и настолько успѣшно, что явилась возможность предполагать, что послѣ 10-го августа закончится сосредоточеніе 5-го сибирскаго армейскаго корпуса въ районѣ Мукденъ—сѣверное Шахе, а эшелоны перваго армейскаго корпуса уже подходили къ Харбину. Вслѣдствіе этого генералъ Куропаткинъ рѣшается измѣнить первоначальный планъ арьергардныхъ боевъ въ войскахъ Зарубаева и

*) Сообщенія въ Академіи Генер. Штаба.

Бильдерлинга и 11-го августа рѣшаетъ дать на этихъ позиціяхъ рѣшительный бой, съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ оттѣснить японцевъ и потомъ, при удобномъ случаѣ, самому перейти въ наступленіе. Въ результатѣ такого рѣшенія генералу Зарубаеву приказано было: „дать отпоръ на айсядзянской позиціи арміямъ: Оку и Нодзу, въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго наступленія“. Генералу же Бильдерлингу было послано нижеслѣдующее приказаніе: „На ввѣренные вашему командованію 3-й, 10-й и 17-й армейскіе корпуса возлагаю дать отпоръ противнику, въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія, на нынѣ занимаемыхъ 3-мъ сибирскимъ армейскимъ корпусомъ позиціяхъ“ *).

Намѣреваясь дать рѣшительное сраженіе на Айсядзянской, Ляндянсанской и Анпинлинскихъ позиціяхъ, генералъ Куропаткинъ все же опасался за правый берегъ Тайцзыхе, за свой лѣвый флангъ, считая находившіяся тамъ наши силы слишкомъ слабыми.



Подъ Ляояномъ.

Впрочемъ оба наши фланга не имѣли хорошаго обезпеченія. Для усиленія лѣваго фланга производились большія оборонительныя работы на правомъ берегу Тайцзыхе, правый же флангъ, обезпечиваемый нейтралитетомъ Китая, былъ не надеженъ,—японцы уже показали свои отношенія къ нейтралитету почтенной „Небесной Имперіи“, кромѣ того, даже были свѣдѣнія, что японскіе разъѣзды показывались на правомъ берегу Ляохе, и находившагося тамъ нашего отряда было недостаточно въ случаѣ появленія противника съ этой стороны. Поэтому рѣшено было задержать части подходившаго 5-го корпуса въ окрестностяхъ Шахе сѣверное.

Послѣднее рѣшеніе генерала Куропаткина нельзя не признать вполнѣ отвѣчающимъ сложившейся обстановкѣ. Во-первыхъ, упорные бои на выбранныхъ позиціяхъ даже въ случаѣ успѣха не могли привести къ полному пораженію японцевъ, ибо переходъ въ наступленіе съ расположенія по выгнутой къ сторонѣ противника дугѣ былъ неудобенъ; во-вторыхъ, упорная оборона на позиціяхъ, фланги которыхъ были обнажены, сама по себѣ представляла трудное дѣло, а въ третьихъ, требовала огромной траты силъ, которая, въ свою очередь, могла ослабить войска для дальнѣйшихъ наступательныхъ предпріятій.

*) Сообщенія въ Академіи Генеральнаго Штаба.

11-го августа, когда у генерала Куропаткина созрѣлъ указанный планъ, японцы, точно предчувствуя это, въ тотъ же день сами начали свое наступленіе.

Въ туманное утро 11-го числа небольшой японскій отрядъ началъ наступленіе со стороны Пьяндявана и Шанмантуна и оттѣснилъ сторожевые посты отряда полковника Дружинина у Тунсинпу. Здѣсь двумъ нашимъ ротамъ и двумъ сотнямъ пришлось вести бой съ тремя или пятью японскими батальонами. Къ полудню нашъ отрядъ отошелъ къ Тасинтуню, но такъ какъ японцы дальше не пошли, то отрядъ вскорѣ снова вернулся на прежнее мѣсто. Японцы ограничились занятіемъ высоты 166, на которой приступили къ постройкѣ окоповъ фронтомъ противъ Кофынцзы. На поддержку полковника Дружинина были высланы три батальона къ высотѣ 166, а тремъ спѣшеннымъ охотничьимъ командамъ, подъ начальствомъ полковника Одишелидзе, приказано было занять высоту къ сѣверо - востоку отъ Киминсы.

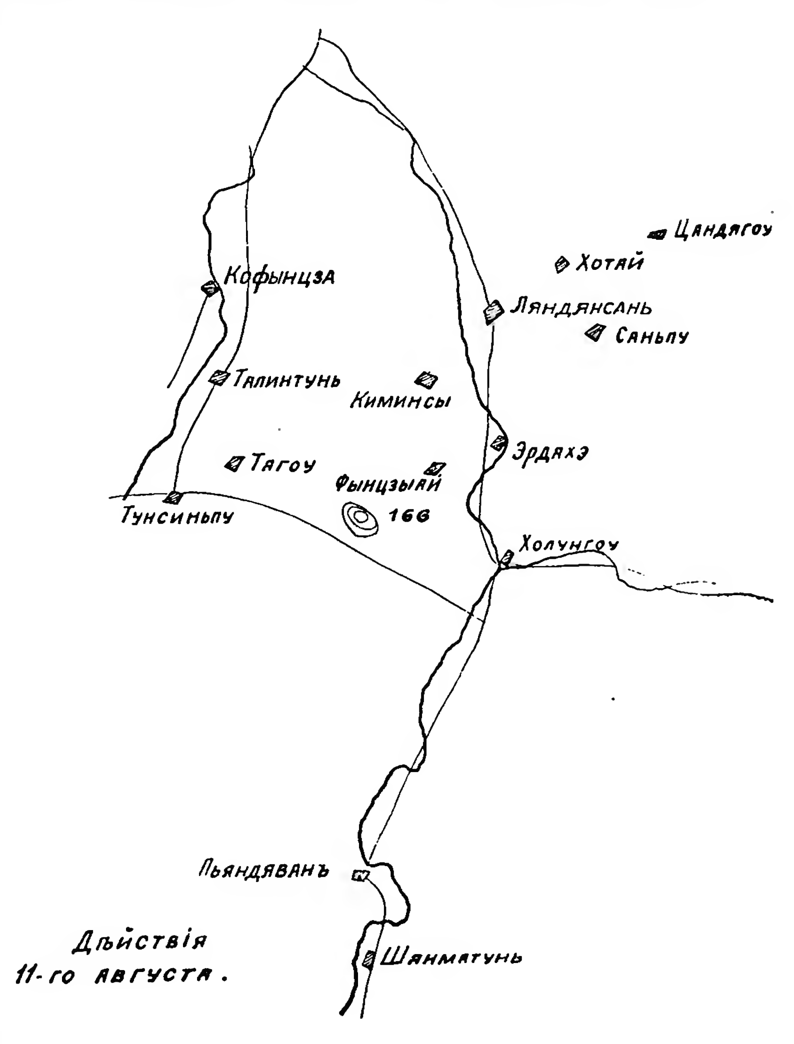


Подъ Ляояномъ.

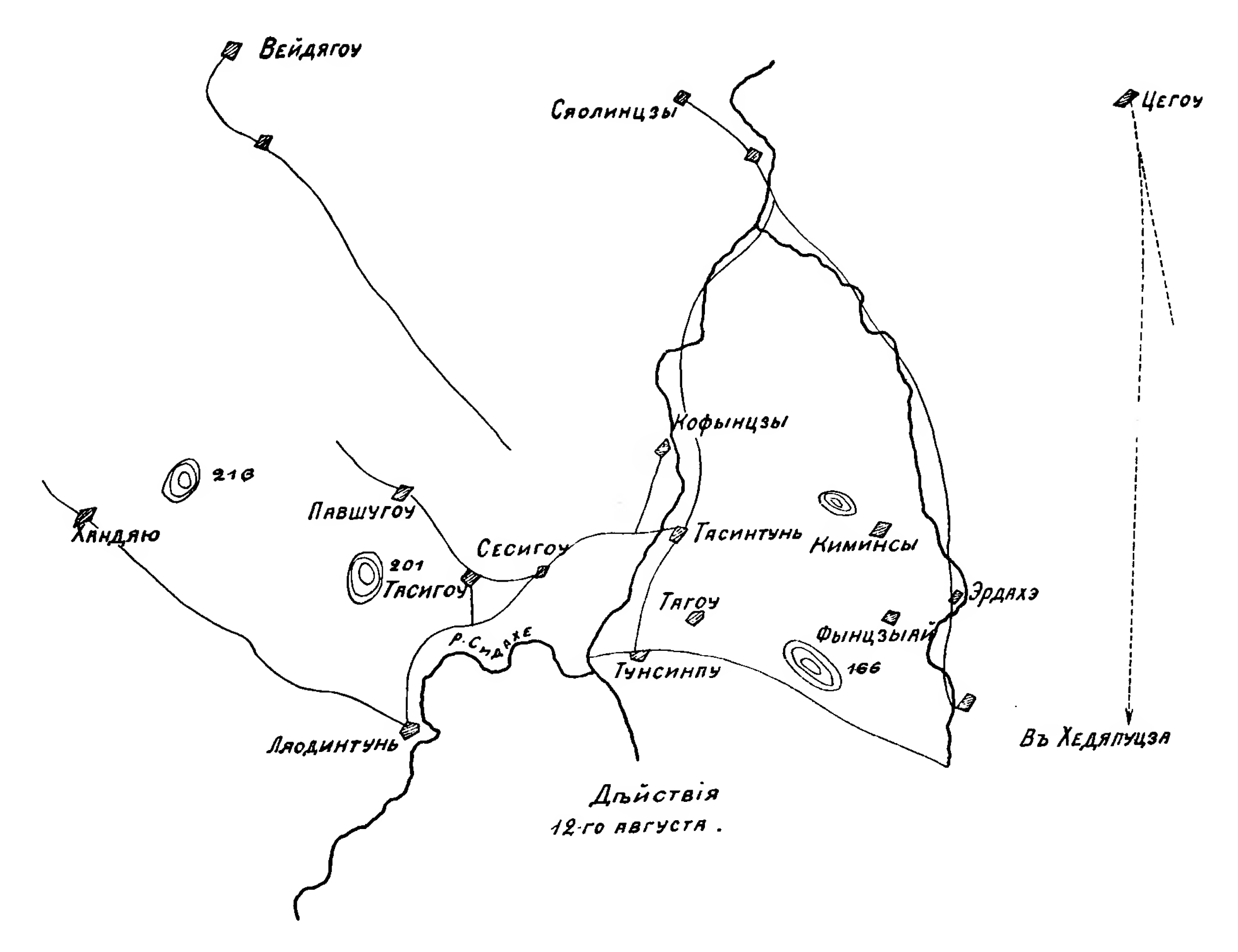
Въ это же время обнаружилось и наступленіе другихъ японскихъ частей съ востока къ Ляндянсаню, со стороны Цандягоу и Синьпу. Наши сторожевые посты медленно отходили къ Хотаю. Въ полдень около шести японскихъ ротъ заняли Эрдахе и начали постройку окоповъ между Фынцзыай и Эрдахе. Къ вечеру происходившимъ боемъ было выяснено, что высота 166 занята тремя японскими батальонами и что на противоположномъ ея скатѣ собрались значительныя ихъ силы въ направленіи на Эрдахе, почему нашему отряду приказано было отойти на главную позицію.

Когда все это происходило на ляндянсанской позиціи, одинъ японскій батальонъ сталъ наступать на крайній нашъ правый флангъ, со стороны Пафуцзая, противъ отряда генерала Грекова, занимавшаго Ляодитанъ, но здѣсь наступленіе непріятеля было отбито огнемъ и нашъ отрядъ остался на своей позиціи. Такимъ образомъ, 11-го августа было выяснено, что противникъ, сосредоточивъ значительныя силы у Эрдахе, повидимому, намѣренъ оперировать противъ праваго фланга позиціи у Кофынцзы. Наши аванпосты отошли версты на 4 назадъ и расположились: Хотай-высота у Куминсы. Въ 10-мъ корпусѣ и въ прочихъ мѣстахъ расположенія нашей арміи все было спокойно, лишь противъ западной группы нашихъ войскъ было замѣчено усиленіе японскаго сторожевого охраненія, силившагося кое-гдѣ продвинуться впередъ.

Въ 6-мъ часу 12-го августа японскія батареи, расположенныя на западномъ склонѣ высоты 166, открыли огонь по нашимъ позиціямъ на правомъ флангѣ у Кофынцзы, но огонь нашей 1-й батареи 3-й стрѣлковой артиллерійской бригады заставилъ ихъ замолчать. Одновременно съ этимъ около бригады японской пѣхоты стало наступать на Тунсинпу и оттѣснили отрядъ Дружинина къ Тасинтуню, а отрядъ генерала Грекова въ то же время подъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля долженъ былъ отойти къ Тасигоу. Здѣсь, попавъ подъ нашъ артиллерійскій огонь, японцы пріостановились и дальше не пошли. Но въ первомъ часу дня ихъ пѣхота заняла передовую позицію нашу, между Киминсы и Тасинтунемъ, ихъ батареи выѣхали къ Фынцзыайю, и 36 орудій направились къ западу отъ Эрдагоу, кромѣ того, большія пѣхотныя части были обнаружены въ лощинѣ между Киминсы и Тагоу. Такимъ образомъ выяснилось, что противъ ляндянсанской позиціи японцы сосредоточили болѣе дивизіи пѣхоты съ 10-ю батареями. Опасность, угрожавшая нашему правому флангу, было очевидна, почему онъ былъ удлиненъ версты на двѣ вправо. По поводу этого генералъ Куропаткинъ писалъ 11-го августа генералу Иванову: „Завтра возможно, что противникъ будетъ обходить вашъ правый флангъ, значительными силами; не признаете ли вы полезнымъ, ввиду передвиженія вамъ резерва, незамѣтно для противника удлинить вашъ правый флангъ версты на двѣ даже при слабомъ занятіи этого участка и довольно прочно занять хотя бы спѣшенными казаками высоту 201 къ югу отъ Павшугоу; конно-горныя батареи облег-




Обѣдъ на бивуакѣ.



чатъ удлиненіе фланга. Эти мѣры послужатъ къ задержанію обхода, дабы выиграть время для подхода резервовъ“ *).

Одновременно съ этимъ удлиненіемъ праваго фланга, отрядъ полковника Дружинина занялъ высоты къ сѣверу отъ Сесигоу, а генералъ Грековъ составилъ крайній правый флангъ боевого порядка, развернувшись отъ этихъ высотъ къ Павшигоу.

Около 4-хъ часовъ дня японцы заняли своей пѣхотой Ляндянсань, и къ пяти часамъ дня бой прекратился. Съ нашей стороны принимали участіе только 20 орудій, и хотя у японцевъ было вдвое больше, но перевѣсъ все-таки былъ на нашей сторонѣ.



Конно-горная батарея.

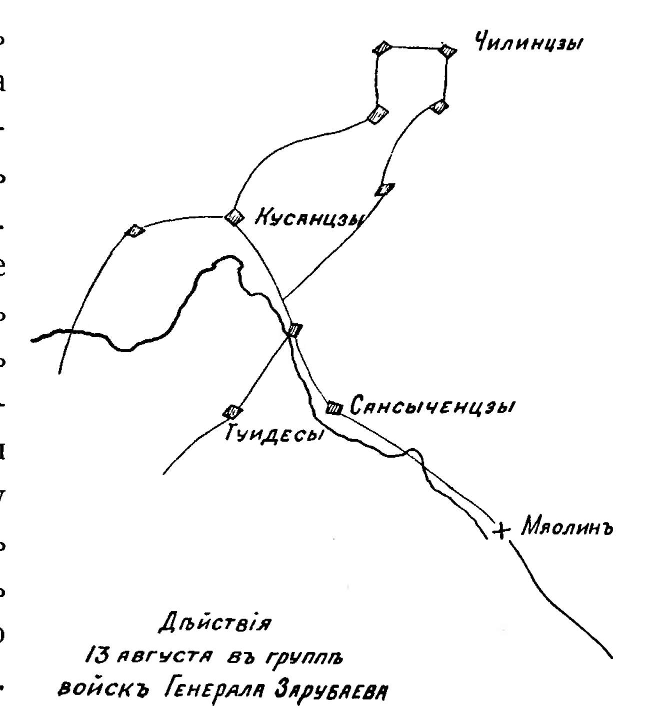
Въ виду ясно обозначившагося такимъ образомъ намѣренія противника превосходными силами атаковать правый флангъ Ляндянсанской позиціи, генералъ Куропаткинъ отправилъ три полка 35-й пѣхотной дивизіи, изъ которыхъ два въ 11 часовъ ночи стали у Сяолинцзы, а третій въ полночь выступилъ изъ Цофаетиня на Вейдягоу и Кофынцзы.

Въ районѣ 10-го корпуса все было въ этотъ день спокойно, и генералъ Бильдерлингъ для содѣйствія корпусу генерала Иванова приказалъ генералу Случев-

*) Сообщенія въ Академіи Генеральнаго Штаба.

скому произвести энергичное наступленіе, для чего послѣднимъ былъ назначенъ отдѣльный отрядъ, въ составѣ двухъ полковъ пѣхоты, трехъ батарей и одной сотни. Отрядъ этотъ, по сосредоточеніи у Цегоу, долженъ былъ 13-го утромъ начать наступленіе по направленію на Хедяпуцза. Для **поддержки** же 10-го корпуса два полка пѣхоты были переведены съ праваго берега Тайцзыхе и расположились на лѣвомъ берегу рѣки у моста у Сетунцзы. Что касается до западной группы войскъ, то тамъ было замѣчено значительное скопленіе японскихъ войскъ къ западу отъ желѣзной дороги, вслѣдствіе чего войска генерала Зарубаева частью заняли назначенныя имъ позиціи. Для связи между восточной и западной группами выдвинуты были три сотни и одна охотничья команда, которыя заняли высоты 216, что было выполнено въ 4 часа утра 13-го числа. Затѣмъ, съ цѣлью развѣдки и для дѣйствія на сообщенія противника, былъ посланъ отрядъ въ составѣ двухъ ротъ, 6 сотенъ и двухъ орудій отъ Уйнюмыня къ Фанцзяпуцзы. Перейдя на правый берегъ Тайцзыхе, отрядъ сбилъ непріятеля съ его передовыхъ позицій и въ 25-ти верстахъ отъ рѣки обнаружилъ у Таяна сильно укрѣпленную позицію. Взять эту позицію, по слабости силъ, отрядъ не могъ и ночью отошелъ обратно къ Уйнюмыню. Эта развѣдка обнаружила, что японцы не принимаютъ серьезнаго наступленія противъ крайняго нашего лѣваго фланга, такъ какъ большихъ силъ непріятеля въ этомъ направленіи не было. Въ ночь на 13-е число японцы вдругъ перешли въ наступленіе по всему фронту. Ихъ дѣйствія начались противъ войскъ западной группы, именно противъ авангарда генерала Толмачева, занимавшаго позицію на юго-востокъ отъ Сансыченцзы.


Наше орудіе, подбитое японскимъ снарядомъ.

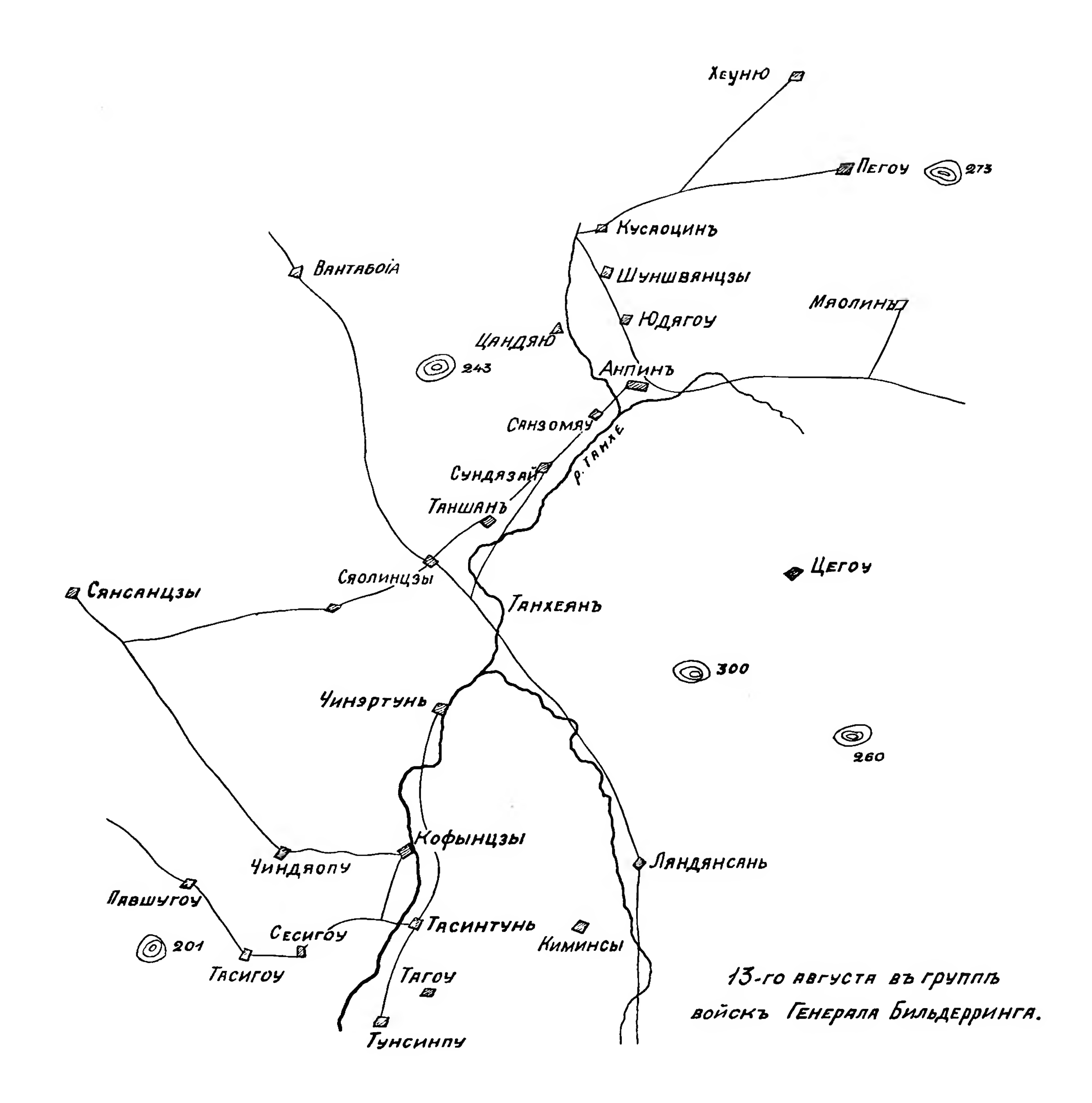


На аванпостахъ находились три роты, занимавшія дикую, трудно доступную мѣстность перевала Мяолинъ. Еще 12-го числа, въ 11 часовъ ночи, одинъ батальонъ противника охватилъ правый флангъ нашего сторожевого охраненія, которое отошло къ Сансыченцзы, и одновременно одинъ японскій батальонъ охватилъ лѣвый флангъ авангарда полковника князя Трубецкого, сторожевая цѣпь отошла къ своему авангарду, который занималъ позицію въ одной верстѣ южнѣе Тудейсы. Около 8-ми часовъ утра японцы сосредоточили противъ нашего авангарда три полка пѣхоты и двѣ батареи, подъ давленіемъ каковыхъ Трубецкой долженъ былъ отойти и занять позицію сѣвернѣе Тудейсы. Въ это время 5-й вост.-сиб. стр. дивизіи приказано было отойти и занять участокъ Айсядзянской позиціи, между Чжанцзыво и Кусанцзы. Японцы дальше не пошли, но генералъ Толмачевъ все-таки отошелъ къ Кусанцзы, чѣмъ обнажилъ лѣвый флангъ полковника Трубецкого, который послѣ этого не могъ держаться у Тудейсы и долженъ былъ отойти къ своимъ главнымъ силамъ. Непріятель не преслѣдовалъ, и къ пяти часамъ дня пѣхота авангардовъ присоединилась къ своимъ полкамъ, а кавалерія отошла на Чилинцзы.



Кумирня Флекшонь близъ Ляояна.

Въ 11 часовъ ночи на 13-е августа японцы стремительно атаковали наши сторожевые посты на лѣвомъ флангѣ ляндянсанской позиціи и овладѣли высотою 260, и всѣ попытки наши вернуть ее обратно остались безъ успѣха, такъ какъ они успѣли занять ее очень сильно. Генералъ Ивановъ, опасаясь за правый флангъ позиціи у Кофынцзы, двинулъ туда изъ Сяолинцзы два полка съ двумя батареями и однимъ эскадрономъ драгунъ, которые, выступивъ во второмъ часу ночи, остановились въ одной верстѣ къ сѣверу отъ Кофынцзы, а одинъ полкъ съ батареей въ полночь вышелъ изъ Цофантуня и къ разсвѣту находился на дорогѣ въ Сянсанцзы... Это передвиженіе значительно увеличивало резервъ праваго фланга ляндянсанской позиціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно ослабляло общій резервъ всей восточной группы. Въ шестомъ часу утра непріятель возобновилъ артиллерійскій огонь по всей ляндянсанской позиціи, при чемъ 10 японскихъ орудій дѣйствовали противъ центра, а 50, находившихся къ сѣверу отъ Тагоу, обстрѣливали позицію у Кофынцзы. Около 8 часовъ утра открыли огонь и наши орудія и скоро заставили замолчать японскія пушки, расположенныя у Эрдагоу. Наши батареи праваго фланга позиціи несли тяжелыя потери, но, несмотря на это, не прекращали огня и, сосредоточивъ огонь 32-хъ орудій на японской батареѣ у Тагоу, совершенно разгромили ее. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня японцы повели наступленіе по всей линіи отъ Тасинтуня до высоты 201, стараясь охватить нашъ правый флангъ.



Нашъ артиллерійскій огонь сильно, впрочемъ, замедлялъ наступленіе непріятеля и, такимъ образомъ, противникъ успѣха не имѣлъ. Припомнимъ, что въ ночь на 13-е августа въ 10-мъ армейскомъ корпусѣ было предположено наступленіе на Хедзяпуцзу, а въ эту ночь войска корпуса были расположены слѣдующимъ образомъ. На позиціяхъ у Цегоу стояла 9-я пѣхотная дивизія, изъ которой 9 батальоновъ находились въ боевой линіи, а 7 были въ резервѣ уступомъ позади праваго фланга между высотою 300 и Цегоу. На позиціи у Пегоу находился одинъ полкъ съ 8 орудіями. 12 батальоновъ и 80 орудій составили общій резервъ у Анпина, но изъ нихъ 8, назначенныхъ для предполагаемаго наступленія, были уже въ движеніи и находились около Цегоу. Въ 11 часовъ ночи японцы сами перешли въ наступленіе по всему фронту 10-го корпуса. Они оттѣснили наше сторожевое расположеніе на всемъ пространствѣ между высотою 300 и Мяолиномъ. Задуманное наше наступленіе пришлось отмѣнить, и одинъ полкъ, дошедшій до Цегоу, оставили тамъ, а другой вер-

нулся къ Анпину. Японцы наступали очень энергично и, несмотря на сильное сопротивленіе, послѣ многихъ штыковыхъ схватокъ, мы повсюду должны были отойти, но высота 300 осталась въ нашихъ рукахъ. Однако японцы, занявъ наши позиціи, не могли удержаться на нихъ, вслѣдствіе огня нашихъ батарей. Мѣстность, на которой разыгрывались эти бои, была крайне пересѣченная, что вызывало большую трату резервовъ, тѣмъ болѣе, что надо было поддержать части 9-й дивизіи, сильно утомленныя ночнымъ боемъ на передовыхъ позиціяхъ. Пришлось еще выслать два батальона изъ общаго резерва на поддержку частей у Пегоу, также сильно атакованныхъ японцами. Къ утру у генерала Случевскаго оставался въ резервѣ только одинъ батальонъ, между тѣмъ какъ положеніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ корпуса становилось критическимъ. Потеря позиціи у Пенгоу угрожала лѣвому флангу всей восточной группы, и тогда 10-му корпусу, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ отъ Ляояна, не оставалось бы ничего, какъ отступить на передовую ляоянскую позицію. Генералъ Случевскій нѣсколько разъ просилъ у генерала Бильдерлинга подкрѣпленій, но только къ 8-ми часамъ вечера получилъ 8 батальоновъ.



Саперы 1-го В. С. сапернаго баталіона подъ Ляояномъ.

На позиціи у Пегоу стоялъ Тамбовскій пѣхотный полкъ съ 7-й батареей 31-й артиллерійской бригады. Въ центрѣ позиціи находилась высота 273, гдѣ было около 10 ротъ и 6 орудій, за лѣвымъ флангомъ къ сѣверу отъ Пегоу были около пяти ротъ съ двумя орудіями, а къ югу отъ высоты 273 около двухъ ротъ. Въ часъ ночи 13-го августа японцы атаковали высоту 273 съ сѣверо-востока, но были штыками отбиты, а ихъ части, наступавшія со стороны Пекина, были задержаны огнемъ съ позиціи лѣваго фланга. Утромъ японцы выставили одну горную батарею къ сѣверо-востоку отъ Хеую, но, вслѣдствіе огня двухъ лѣвофланговыхъ орудій, она должна была скоро замолчать. Около 8-ми часовъ утра Тамбовцы опять пошли въ штыки и отбросили непріятеля на версту восточнѣе высоты 273. Къ 10 часамъ утра японцы усилили артиллерійскій огонь по высотѣ и по обѣ стороны впереди лежащаго хребта показалось около двухъ



Бивуакъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи близъ Цовчипузы.

полковъ ихъ пѣхоты, но Тамбовцы третій разъ атаковали противника и отбросили его. Послѣ этого японцы остановились и прекратили свои дѣйствія какъ противъ праваго фланга 10-го корпуса, такъ и противъ Пегоу.



Кумирня близъ гор. Маймакай.

Не безъинтересно теперь посмотрѣть, что дѣлалось и въ какомъ положеніи находились японцы.

Около 20-го іюля задача 1-й японской арміи, какъ самостоятельной единицы, была закончена; съ переходомъ 2-й и 4-й ихъ армій на линію Хайченъ — Симученъ ей приходилось теперь сражаться бокъ о бокъ съ своими сосѣдками и сообразовать свои дѣйствія съ ними подъ высшимъ управленіемъ и по указаніямъ маршала Ойямы.

Въ концѣ іюля, среди массы захваченной японцами корреспонденціи имъ попалось изданное у насъ росписаніе ихъ силъ, помѣченное іюнемъ. Тутъ японцы впервые узнали, что армія Куроки считается вдвое сильнѣе, чѣмъ она была въ дѣйствительности; въ росписаніи было показано въ арміи Куроки 6 дивизій и одна отдѣльная кавалерійская дивизія, изъ этого числа три дивизіи были показаны въ Фынъ-Хуанъ-Ченѣ, одна въ Антунгѣ, одна въ Суантеченѣ и одна въ Хаматанѣ. Такое значительное преувеличеніе силъ противника и было, можетъ быть, причиной постоянныхъ нашихъ отступленій, равно какъ и послужило къ тому, что одинъ японскій эскадронъ, появившійся на полѣ сраженія 4-го іюля, былъ принятъ за цѣлую бригаду и помѣшалъ такимъ образомъ генералу Ренненкампфу броситься на сообщенія японскихъ войскъ.



Отпѣваніе убитаго хунгузами.

Какъ мы уже знаемъ, въ ночь на 13-е августа японцы опредѣлили начать свое рѣшительное наступленіе на сообщенія генерала Куропаткина. Армія Куроки наступала, сохраняя свое первоначальное относительное расположеніе, т. е. 12-я дивизія на правомъ флангѣ, 2-я въ центрѣ и гвардейская дивизія на лѣвомъ флангѣ.

Не было ни малѣйшаго перемѣшиванія частей, что составляло у насъ постоянное явленіе, каждая часть имѣла свои строго опредѣленныя задачи и цѣли и свой, также опредѣленный, планъ дѣйствій; въ распоряженія частныхъ начальниковъ никто не вмѣшивался и на помочахъ ихъ не водилъ. Японская гвардія должна была двигаться прямо на западъ въ обходъ праваго фланга восточной группы нашихъ войскъ, при чемъ японцы ожидали встрѣтить тамъ значительное скопленіе войскъ, но разсчитывали, что къ моменту дѣйствій ихъ гвардія войдетъ въ связь съ арміей генерала Нодзу. Кромѣ того, къ гвардейской дивизіи была присоединена и вся артиллерія 2-й дивизіи, такъ послѣдней приходилось дѣйствовать на мѣстности, гдѣ артиллерія не могла свободно маневрировать. Такимъ образомъ, противъ нашего расположенія у Кофынцзы наступали только три японскія дивизіи. Оттѣснивъ во время ночной атаки наше сторожевое охраненіе, они заняли небольшую часть лѣваго фланга нашей позиціи, но центръ и правый флангъ одолѣть не могли. Японцы весьма умѣло и искусно пользовались всѣмъ, что случай давалъ имъ въ руки. Такъ, у одного изъ нашихъ раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ нашли инструкцію, въ которой дѣйствовавшимъ противъ японцевъ войскамъ особенно рекомендовалось тщательно оберегать свои фланги. Это дало Куроки мысль атаковать центръ нашего расположенія, такъ какъ весьма вѣроятно было, что центръ слабѣе занятъ и меньше готовъ къ удару. На нашемъ лѣвомъ флангѣ находился горный массивъ Хунжалинъ, представляющій собою огромный чрезвычайно дикій кряжъ съ крутыми, почти отвѣсными скатами, этотъ кряжъ служилъ тактическимъ ключомъ нашей позиціи и японцы сомнѣвались въ возможности овладѣть имъ. Противъ Хунжалина дѣйствовала 12-я японская дивизія, и, главнымъ образомъ, бригада генерала Кигоши. Около 8-ми часовъ главная квартира Куроки получила извѣстіе, что часть Хунжалина находится въ рукахъ Кигоши и что замѣчено отступленіе нашихъ войскъ къ Анпину. Высоты Хунжалина имѣли для насъ большое значеніе, такъ какъ занятіе ихъ противникомъ угрожало


Бивуакъ артиллеріи.


Бивуакъ обоза.

пути нашего отступленія по отношенію нашего лѣваго фланга и центра. Но въ это время положеніе ихъ гвардейской дивизіи становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, наши силы противъ нея все увеличивались и угрожали охватить бригаду генерала Асада, переправившуюся въ верховьяхъ Танхе и нѣсколько оторвавшуюся отъ остальныхъ частей. Положеніе было настолько серьезно, что генералъ Куроки рѣшилъ тотчасъ же отправить свой единственный резервъ на помощь гвардіи. Этотъ резервъ былъ въ лицѣ одного полка, сформированнаго изъ резервистовъ 2-го разряда. Такое рѣшеніе надо признать подвигомъ со стороны генерала Куроки, такъ какъ онъ рѣшался остаться совсѣмъ безъ резерва въ то время, какъ бой впереди его самого только разгорался и неизвѣстно было, какое онъ приметъ направленіе. Стоитъ только вспомнить дѣйствія генерала Фока подъ Цзинь-Чжоу, чтобы понять, какая неизмѣримая пропасть лежала между разумомъ и дарованіями этихъ генераловъ. Около 9-ти часовъ бой не двигался ни въ ту, ни въ другую сторону, мы поддерживали очень сильный огонь съ высоты, находившейся около центра нашей позиціи, и всѣ усилія японцевъ противъ этого пункта сводились къ нулю. Въ это время двѣ маленькія японскія горныя пушечки отдѣлились отъ своей батареи и подъ прикрытіемъ густого гаоляна пробрались на разстояніе около версты противъ этого пункта нашей позиціи, и заняли нѣсколько фланговое относительно насъ положеніе. Въ пылу боя мы этотъ маневръ не замѣтили, но когда, около 11-ти часовъ дня, по нашей позиціи былъ открытъ фланговый огонь, то защитники позиціи не выдержали и начали отступленіе по всей линіи. Японцы тотчасъ же массой бросились на наши окопы и черезъ минуту япон-



Деревня Тайфулинъ.



Деревня Тайфулинъ.

ское знамя взвилось надъ одной изъ вершинъ, а вскорѣ и еще другія знамена показались на многихъ мѣстахъ, служившихъ только что нашей позиціей.

Приблизительно въ это же время произошло и занятіе японцами сѣверной половины Хунжалинскаго кряжа. При занятіи этого пункта произошло приблизительно то же, что было и на Макураямѣ, только нѣсколько другого характера; тамъ аванпосты просто проспали непріятеля, здѣсь же не понимали, что передъ ними происходитъ. Ждали непріятеля съ востока и потому все вниманіе было обращено туда, бригада же Кигоши стала подниматься по отвѣснымъ скаламъ съ сѣвера, не допуская возможности серьезнаго движенія противника съ этой стороны,—наши сторожевые посты приняли это за какую-нибудь мелкую развѣдку непріятеля и не подняли тревоги. Японцы, такимъ образомъ, въ мертвой тишинѣ, безъ выстрѣловъ продолжали продвигаться впередъ, наши же посты отходили назадъ, изрѣдка пострѣливая. Взобравшись на вершину, японцы все также молча продолжали свое движеніе, сметая все, что попадалось на ихъ пути. Къ разсвѣту они достигли самаго узкаго прохода и тутъ были остановлены нѣсколькими нашими стрѣлками и дальше уже продвинуться никакъ не могли.



Закрытый постъ.

Какъ мы уже знаемъ, бой 13-го августа въ 10-мъ корпусѣ окончился отступленіемъ къ Анпину, но при этомъ отступленіи намъ надо было переправляться черезъ Танхе, которая вслѣдствіе шедшихъ все время дождей сильно поднялась и броды сдѣлались почти не проходимы, мостъ же имѣлся только одинъ. На наше счастье у японцевъ не было въ этомъ мѣстѣ достаточно полевой артиллеріи, такъ какъ большая часть артиллеріи 2-й дивизіи ушла съ гвардіей, а артиллерія 12-й дивизіи стояла очень далеко и не могла обстрѣливать переправы, продвинуть же орудія безъ по-



Отступленіе.



Кумирня.

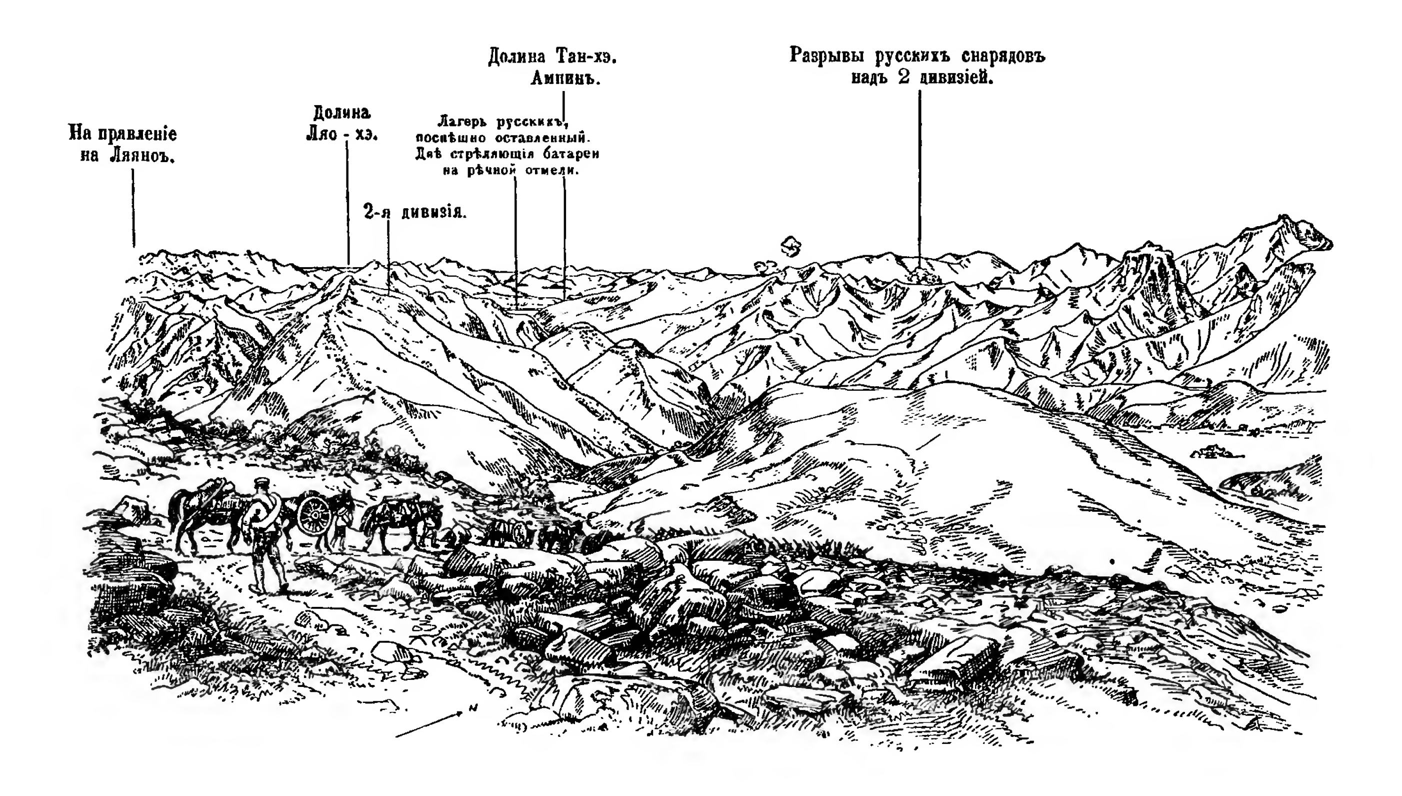
стройки дорогъ оказывалось совершенно невозможнымъ. Если бы японцамъ удалось сосредоточить артиллерійскій огонь по мѣсту переправы, то на Танхе повторилась бы та же исторія, что и съ французами на Березинѣ. Японская пѣхота начала было уже спускаться къ рѣкѣ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, но въ это время выѣхали двѣ наши батареи и снялись съ передковъ на плоскомъ песчаномъ берегу рѣки и своимъ огнемъ остановили движеніе, какъ 12-й японской дивизіи, такъ и 2-й. Мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ и быстро переправили всѣ наши части на лѣвый берегъ Танхе. На другой день, т. е. 14-го августа, положеніе гвардейской, дивизіи настолько улучшилось, что она получила возможность продвинуться на линію Кофынцзы—Чандяопу, но генералъ Куроки все-таки еще не былъ доволенъ этимъ и рѣшилъ лично отправиться въ Ляндянсань, чтобы быть ближе къ гвардіи. Генералъ Гамильтонъ приводитъ очень интересные обрывки разговоровъ объ общемъ ходѣ дѣлъ, которые ему удалось слышать во время остановокъ и приваловъ. Изъ этихъ разговоровъ ясно усматривается, насколько во многіе моменты ляоянскихъ боевъ нашъ врагъ находился въ опасномъ положеніи и какъ мы могли бы этимъ воспользоваться, если бы наши руководители обладали бы рѣшимостью, наблюдательностью и пониманіемъ дѣла. Вотъ что мы у него читаемъ:

„Непріятелю представлялось нѣсколько удивительно благопріятныхъ случаевъ для атаки обоихъ фланговъ, но онъ упустилъ ихъ вслѣдствіе недостатка иниціативы. На нашемъ лѣвомъ флангѣ онъ проявилъ нѣкоторую энергію и поставилъ насъ въ весьма не-



Долина близъ Вантабая.

пріятное положеніе. Маршалъ Куроки предвидѣлъ эту опасность и взялъ на себя смѣлость высказать маркизу Ойямѣ настойчивое мнѣніе, что манджурская армія должна выдѣлить нѣсколько частей со спеціальнымъ назначеніемъ наблюдать за нашимъ лѣвымъ флангомъ, во время выполненія возложеннаго на насъ маневра. Главнокомандующій однако не согласился съ этимъ мнѣніемъ. Вѣроятно, была необходимость отклонить эту просьбу, но нельзя не пожалѣть, что нашъ лѣвый флангъ не могъ быть прикрытъ, если не прямо, то хотя бы косвенно, если не тактически, то хотя бы стратегически. Предположимъ, что движеніе 2-й и 4-й армій замедлилось бы по какой-нибудь причинѣ; тогда нѣсколько русскихъ дивизій могли бы быть двинуты по большой дорогѣ противъ нашего лѣваго фланга. Однако, все хорошо,



что хорошо кончается и, безъ сомнѣнія, непріятель упустилъ весьма благопріятный случай, не пожелавъ ударить на нашъ правый флангъ и тылъ праваго фланга по направленію отъ Бенсиху. Маршала Куроки все время безпокоилъ отрядъ русскихъ, состоявшій по меньшей мѣрѣ изъ одного пѣхотнаго полка, одной полевой батареи и нѣсколькихъ тысячъ кавалеріи и ему мало улыбалась мысль оставить его позади себя у Бенсиху въ такомъ грозномъ положеніи относительно пути нашего наступленія. Въ виду этого онъ выработалъ подробный планъ разсѣять русскіе отряды какъ въ Чаотао, такъ и въ Бенсиху, но въ самый послѣдній моментъ былъ принужденъ съ крайнимъ сожалѣніемъ и опасеніемъ отказаться отъ этой мысли и обратить все свое вниманіе на совмѣстныя дѣйствія съ 2-й и 4-й арміями. Тѣмъ не менѣе мы могли спать спокойно, такъ какъ сильный отрядъ у Бенсиху, не нанеся намъ никакого вреда, спокойно отошелъ вмѣстѣ съ другими войсками къ Ляояну".

„Ночью 13-го августа, непріятель, находившійся передъ фронтомъ 2-й и 4-й

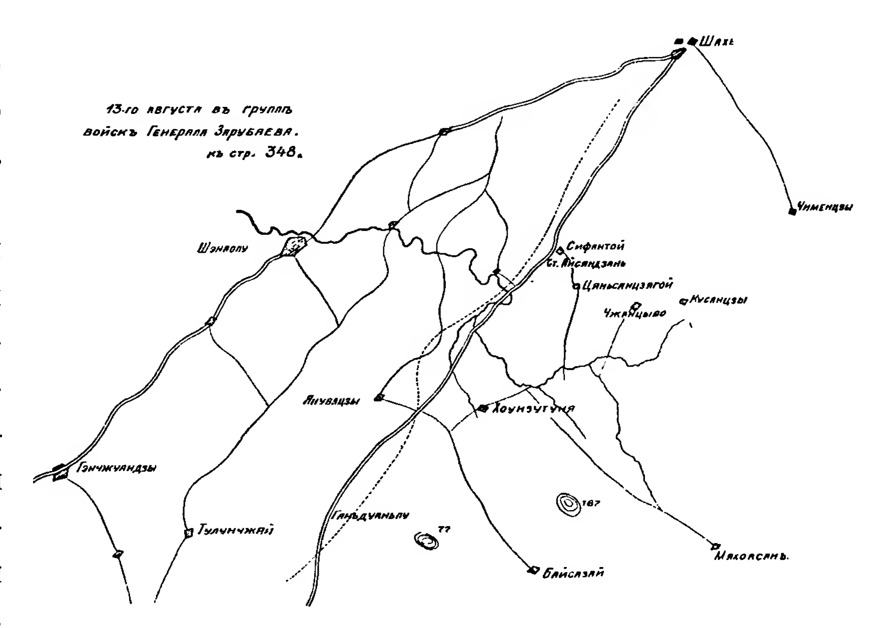
армій, началъ отступать отъ Айсядзяна, но мы узнали объ этомъ только въ полдень 14-го августа. Это движеніе было для насъ совершенной неожиданностью и мы никогда серьезно не разсчитывали на нее. Мы считали Айсядзянъ лучшей оборонительной позиціей между Дашичао и Ляояномъ. Всѣмъ также извѣстно, что непріятель потратилъ массу энергіи, времени и денегъ, чтобы увеличить естественную силу позиціи полевыми укрѣпленіями и искусственными препятствіями всякаго рода. Мы не рѣшились бы сами приписать такое имѣющее важное значеніе отступленіе непріятеля заслугамъ 1-й арміи, но маршалъ Ойяма въ своей телеграммѣ, извѣщающей объ этомъ отступленіи, подчеркиваетъ, что оно повидимому явилось послѣдствіемъ разыграннаго нами 13-го августа славнаго боя и что поэтому онъ вмѣняетъ себѣ въ удовольствіе поздравить насъ. Такая лестная похвала должна поощрить насъ къ новымъ усиліямъ и потому маршалъ Куроки отдалъ вчера вечеромъ приказъ по арміи, чтобы сегодня же, во что бы то ни стало, не взирая на положеніе непріятеля, занять линію отъ Тайцзыхе до праваго фланга 4-й арміи".



42-хъ линейное орудіе на позиціи.

Съ пяти часовъ утра того же 13-го числа начались дѣйствія и противъ айсядзянскихъ позицій. Съ самаго начала они заняли: Генчжуанцзы, Толунчжай, Ганцуаньпу, высоту 77, Байсязай и высоту 167. Артиллерійскій огонь противника не имѣлъ успѣха, а наша артиллерія удачно обстрѣливала ихъ пѣхоту, удерживая ее на мѣстахъ. Было отлично видно движеніе густыхъ массъ японской пѣхоты по всему фронту, кромѣ того, они стали устанавливать батареи на высотахъ 77 и 167 и у Ганцюаньпу. Еще въ 6 часовъ утра генералъ Зарубаевъ просилъ генерала Куропаткина вернуть полки, находившіеся на инженерныхъ работахъ, и усилить его войска присылкой артиллерійскихъ подкрѣпленій. Вслѣдствіе этого, къ 10 часамъ вечера къ общему резерву у дер. Сифантай прибыло 7 батальоновъ, и были направлены въ 4 часа дня изъ Сяолинзы три батареи 35-й артил. бригады. Для обезпеченія направленія на Чилинзы къ Шахе былъ отправленъ только что прибывшій Бугульминскій полкъ, для связи между Чилинзы и правымъ флангомъ ляндянсанской позиціи на Вейдягоу былъ отправленъ одинъ казачій полкъ. Къ вечеру насту-

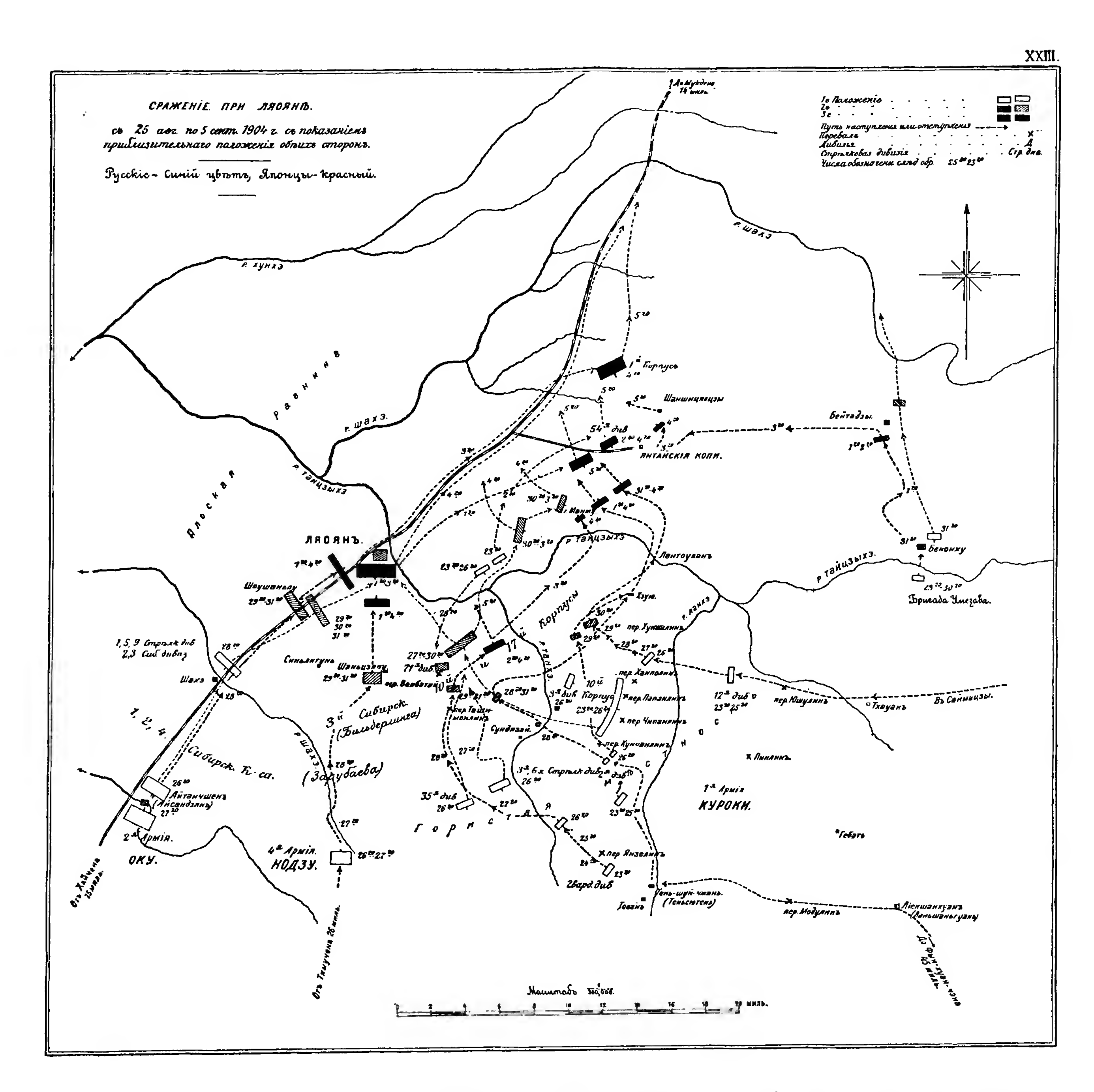
пленіе японцевъ пріостановилось, но вслѣдствіе отхода авангардовъ Толмачева и Трубецкого обнажился лѣвый флангъ авангарда 4-го корпуса, находившагося у Хоуцзытына, который и отошелъ на главную позицію. Точно также и авангардъ перваго корпуса былъ отведенъ отъ Янувацзы.



Около 12-ти часовъ дня 13-го августа японцы стали сильно тѣснить отряды генерала Грекова, полковника Дружинина и генерала Столицы на ляндянсанской позиціи и ихъ большія силы сосредоточились между Киминсы и Тасинтунемъ съ намѣреніемъ атаковать центръ позиціи, гдѣ былъ расположенъ 24-й вост.-сиб. стр. полкъ. Занявъ линію отъ Сесигоу на Тасигоу до Павшугоу, они заняли охватывающее положеніе и, въ виду собравшихся ихъ значительныхъ силъ, положеніе праваго фланга ляндянсанской позиціи становилось критическимъ. Но въ это время отъ Сянсанцзы на Чангоу двигался Зарайскій пѣхотный полкъ съ своимъ командиромъ полковникомъ Мартыновымъ, который еще на пути узнавъ, что положеніе вещей на правомъ флангѣ ляндянсанской позиціи опасно, рѣшилъ атаковать лѣвый флангъ японцевъ. Полкъ подошелъ къ Павшугоу совершенно незамѣтно, а двѣ охотничьи команды прошли по горамъ западнѣе Павшугоу. Японцы не ожидали такого сюрприза и пробовали загнуть свой флангъ, но стремительная атака Зарайцевъ, огонь охотничьихъ командъ и съ позиціи, а также и атака двухъ ротъ нашихъ стрѣлковъ на Тасигоу принудили непріятеля къ поспѣшному отступленію, почти къ бѣгству. Зарайцы преслѣдовали и къ 2-мъ часамъ дня остановились на высотахъ сѣвернѣе Тасигоу и оставались тамъ до конца боя, обстрѣливая долину Сидахе. Потерпѣвъ неудачу противъ нашего праваго фланга, японцы направили свои усилія противъ центра, гдѣ былъ 24-й вост.-сиб. стр. полкъ. Здѣсь противъ Кофынцзы они сосредоточили около двухъ дивизій, вслѣдствіе чего направленный на поддержку Болховской полкъ отправилъ 8 ротъ къ 24-му полку, а 6 на правый флангъ.



У братской могилы.



Сначала японцы атаковали правый флангъ 24-го полка, но всѣ ихъ попытки остались безъ успѣха, чему много способствовала удачная стрѣльба нашей артиллеріи, которая сначала разсѣяла японскую пѣхоту у Тасинтуна, а потомъ перенесла огонь западнѣе этой деревни, гдѣ происходила переправа непріятеля въ бродъ и по мосту. Японцы упорствовали и стали собираться противъ лѣваго фланга 24-го полка, но полилъ сильный дождь и, подъ покровомъ поднявшагося тумана, они опять попробовали возобновить свои атаки, но также безуспѣшно; тогда они стали отходить на правый берегъ Сидахе и къ 8 часамъ вечера бой затихъ на всемъ этомъ фронтѣ. Такимъ образомъ, 13-го августа 3-й сибирскій корпусъ удержалъ свои позиціи.

Въ то время, какъ происходило все вышеописанное на ляндянсанской позиціи, войска 10-го армейскаго корпуса на анпинлинской позиціи постепенно отходили на новую позицію къ Таампину и къ Юдягоу. Отходить приходилось подъ напоромъ непріятеля, который насѣдалъ такъ, что нѣсколько разъ приходилось отбрасывать его штыками. Потери были очень велики, въ особенности въ офицерахъ, нѣкоторыми

ротами командовали фельдфебеля, даже унтеръ-офицеры. Въ это время генералъ Случевскій, описывая затруднительное положеніе его корпуса, въ третій разъ просилъ генерала Бильдерлинга о поддержкѣ хотя бы однимъ полкомъ, но послѣдній считалъ высказываемыя опасенія преувеличенными и подкрѣпленій не высылалъ. Силы общаго резерва генералъ Бильдерлингъ считалъ и безъ того недостаточными. Въ общемъ все положеніе 13-го августа не представляло еще для насъ ничего опаснаго. Противъ группы Зарубаева японцы дѣйствовали вяло, ляндянсанская позиція осталась за нами, а отходъ частей 10-го корпуса не представлялъ особой опасности, такъ какъ Пегоу было еще въ нашихъ рукахъ, также и высота 300. И теперь еще генералъ Куропаткинъ продолжаетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи твердо держаться на занятыхъ позиціяхъ и даетъ слѣдующія уканія: „*) наиболѣе угрожаемыми являются слѣдующія три направленія: первое—въ разрѣзъ между войсками южнаго и восточнаго фронта, приводящее по отношенію восточнаго фронта къ атакѣ и обходу позиціи при Кофынцзы, при чемъ, при ударѣ противника, войска третьяго корпуса отрѣзываются отъ пути Кофынцза—Вендянгоу—Ляоянъ; второе — между Тайцзыхе и лѣвымъ флангомъ 10-го корпуса—угрожаетъ пути отступленія его; третье направленіе въ разрѣзъ между 10-мъ и 3-мъ сибирскими корпусами на высоту 300 угрожаетъ пути отступленія какъ у Таампина, такъ и у Сяолинцзы при условіи прорыва здѣсь значительныхъ непріятельскихъ силъ. Въ случаѣ же нашего успѣха, для перехода въ наступленіе хотя бы на короткѣ представляется удобной мѣстность отъ Кофынцзы къ Ляндянсаню и Киминсы“. Тутъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Куропаткинъ высказываетъ и опасенія за свой лѣвый флангъ, такъ какъ, указывая генералу Бильдерлингу опасенія генерала Случевскаго и на слабое занятіе позиціи у Пегоу, онъ писалъ: „До сихъ поръ не опредѣлилось куда Куроки собирается нанести свой главный ударъ, но скопленіе войскъ у Кофынцзы и появленіе ихъ изъ долины Сидахе указываютъ, что въ ударѣ на правый флангъ 3-го сибирскаго корпуса, быть можетъ, принимаетъ участіе и часть арміи Нодзу. Необходимо бережливое расходованіе резервовъ, пока направленіе главнаго удара не будетъ выяснено. Обращаю также вниманіе, что съ уходомъ бригады генерала Янжула правый берегъ Тайцзыхе остался безъ охраны пѣхоты. Поэтому на случай, если Куроки переброситъ часть своихъ силъ на правый берегъ Тайцзыхе, прошу имѣть



Спускъ осадныхъ орудій съ платформы.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

возможность перебросить на правый берегъ Тайцзыхе хотя одинъ полкъ пѣхоты. Намъ весьма важно сохранить за собой путь Кофынцзы—Вейдягоу—Ляоянъ. Примите мѣры, чтобы мы имѣли на этомъ пути, даже и при отходѣ съ позиціи у Кофынцзы, достаточный заслонъ. Опасайтесь ночной атаки со стороны японцевъ. Повторяю, лучшее противъ нихъ средство, тревожить, хотя небольшими частями ночью, что необходимо исполнять".

Пока писались эти наставленія, положеніе дѣлъ въ 10-мъ корпусѣ измѣнилось къ худшему. Въ пять часовъ дня японцы повели энергичное наступленіе противъ Пегоу и стали укрѣплять высоты на лѣвомъ флангѣ Тамбовскаго полка, туда были направлены подкрѣпленія и генералъ Случевскій опять настоятельно просилъ подкрѣпленій въ видѣ третьей пѣхотной дивизіи, которую просилъ расположить у Кусаоцзына, чтобы противодѣйствовать обходу непріятеля. Наконецъ, въ 8 часовъ вечера генералъ Бильдерлингъ посылаетъ два полка 3-й пѣхотной дивизіи, но помощь эта пришла слишкомъ поздно. Уже въ 6-мъ часу дня Тамбовскій полкъ долженъ былъ очистить позицію у Пегоу. Тутъ во время схватки произошло досадное замѣшательство: орудійная прислуга, передки и зарядные ящики вдругъ отошли назадъ, побросавъ свои орудія, изъ которыхъ успѣли вытащить замки. Послѣ этого, впрочемъ, Тамбовцы еще около двухъ часовъ держались на высотѣ 273, но послѣ натиска врага они вынуждены оставить наконецъ свою позицію. Потеря Пегоу была очень важна и генералъ Куропаткинъ приказалъ взять ее во что бы то ни стало обратно, но еще до начала приведенія этого въ исполненіе было получено приказаніе объ отступленіи на передовую ляоянскую позицію. Объясненія такому приказанію надо искать въ томъ, что ко времени потери нами Пегоу, высоты 300 и Цегоу пошли сильные дожди, вода въ Танхе стала подниматься и броды закрывались, а мостъ ежеминутно могъ быть снесенъ и угрожалъ полный разрывъ сообщеній 3-го и 10-го корпусовъ съ передовой позиціей подъ Ляояномъ. Весьма естественно, что отходъ этихъ корпусовъ повлекъ за собой и отходъ войскъ западной группы, такъ что вечеромъ 13-го августа началось уже отступленіе всего нашего фронта на передовую ляоянскую позицію.



Офицерское жилье.

Въ то самое время, когда въ штабѣ Куропаткина писались приказанія объ отступленіи, онъ получилъ отъ генерала Бильдерлинга донесеніе: „*) Генералъ Ивановъ изложилъ о затруднительномъ положеніи 3-го корпуса, въ виду полученныхъ имъ вечеромъ свѣдѣній объ оставленіи 10-мъ корпусомъ позиціи впереди Цегоу и объ отходѣ къ Анпину. По мнѣнію генерала Иванова, его лѣвый флангъ теперь совершенно обнаженъ и съ занятіемъ высоты 300, которую удержать будетъ трудно, ляндянсанская позиція обстрѣливается продольно горной артиллеріей. Ивановъ проситъ моего разрѣшенія отойти сегодня ночью, съ тѣмъ, чтобы до разсвѣта снять орудія. Днемъ японцы не дадутъ отступить безъ большихъ потерь. Имѣя указанія вашего высокопревосходительства войскамъ восточнаго фронта упорно держаться на занятыхъ позиціяхъ, я приказалъ генералу Иванову обратиться къ вамъ лично по телефону, такъ какъ время не позволяетъ прибѣгнуть къ письменному разрѣшенію. Поступаю такъ потому, что только ваше высокопревосходительство, какъ командующій арміей, имѣя свой планъ и зная обстановку на обоихъ фронтахъ, можете рѣшить вопросъ, продолжать ли, хотя съ большими потерями, упорное сопротивленіе на занятыхъ позиціяхъ или теперь же отходить для рѣшительнаго боя подъ Ляояномъ“. Генералъ Куропаткинъ положилъ на этомъ донесеніи слѣдующую резолюцію: „Все это, къ сожалѣнію, вполнѣ предусмотрѣно и распоряженія объ отходѣ дѣлались, когда депеша эта обдумывалась“.



Казачій разъѣздъ на отдыхѣ.

Итакъ, неблагоразумное рѣшеніе генерала Куропаткина вести упорное сопротивленіе привело къ тому, что было обнаружено наступленіе двухъ японскихъ дивизій противъ западной группы нашихъ войскъ и двухъ противъ восточной. Само собой, что такой результатъ могъ бы получиться и съ меньшими съ нашей стороны затратами и потерями, при этомъ все-таки направленіе главнаго удара не выяснялось и куда были намѣрены обрушиться японцы, оставалось неизвѣстнымъ. Мы добыли немного свѣдѣній, но слишкомъ дорогою цѣною. Чтобы выяснить то, что было выяснено, не надо было перемѣнять первоначальное рѣшеніе вести бои только

*) Русско-Японская война въ сообщеніяхъ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба. Изд. 1906 г.

арьергардами и переходить къ несоотвѣтствующему обстановкѣ рѣшенію упорной обороны всѣми силами. Всѣ эти бои, ведомые нами, потребовали отъ войскъ огромнаго напряженія и сильно подорвали физическія и нравственныя силы войскъ, и можно думать, что все, перенесенное нашими войсками за время описаннаго трехдневнаго боя, могло быть скорѣе подготовкой собственныхъ войскъ къ грядущимъ пораженіямъ.

Рѣшивъ ночью 13-го августа отступить съ айсядзянской, ляндянсанской и анпинлинской позицій, генералъ Куропаткинъ послалъ генералу Зарубаеву новое приказаніе, совершенно противоположное первому, а именно: упорнаго боя на айсядзянской позиціи не принимать, ограничившись только арьергардными боями съ цѣлью задержать наступленіе противника, пока главныя силы не отойдутъ къ Шахе сѣверному. 3-му и 10-му корпусамъ было послано приказаніе отходить на передовую ляоянскую позицію. Отступленіе послѣднихъ двухъ корпусовъ началось въ 4 часа утра и происходило при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. 7 батальоновъ, одинъ эскадронъ и 16 орудій, подъ начальствомъ генерала Глинскаго, были отправлены для занятія арьергардной позиціи къ югу Сяолинцзы, а 4 батальона, подъ начальствомъ генерала Марданова, заняли позицію къ югу отъ этой деревни на высотахъ. Артиллерія, еще ночью снятая съ прежнихъ позицій, была отправлена къ Сяолинцза, до которой она добралась съ большимъ трудомъ. Вздувшіяся отъ дождя рѣки, закрывшіеся броды и невообразимая грязь на и безъ того плохихъ дорогахъ настолько замедляли движеніе, что, напримѣръ, отрядъ генерала Глинскаго съ 3-хъ часовъ ночи только къ 12 часамъ дня подошелъ къ Сяолинцза, сдѣлавъ 8 верстъ въ 8 часовъ времени. Только къ 2-мъ часамъ дня этотъ отрядъ, наконецъ, занялъ назначенную для него позицію. Отсюда проходила единственная дорога черезъ перевалъ Вантабай, дожди страшно ее испортили, въ особенности самый перевалъ, такъ что, несмотря на усиленныя работы по его исправленію, являлась опасность, что обозы задержатся тамъ, что было бы гибельно для отряда; но, на наше счастье, японцы вели наступленіе довольно нерѣшительно и вяло, и только вечеромъ, когда войска 3-го корпуса всѣ перешли на лѣвый берегъ Танхе, ихъ снаряды стали ложиться у Танхеяна. 3-й армейскій корпусъ отступалъ подъ прикрытіемъ 2-хъ батальоновъ Болховскаго полка, 4-хъ батальоновъ Зарайскаго и отряда генерала Грекова, которые



У вагона Китайской дороги.

заняли позиціи къ сѣверо-западу отъ Кофынцзы, у Павшугоу и Чандяопу. Около Наньятуня и Шиченцзы также была занята аррьергардная позиція, на которой стоялъ 24-й вост.-сиб. стр. полкъ. Но особенно тяжело было отступленіе 10-го корпуса: всѣ броды на Танхе сдѣлались недоступными, а ущелье Сыпуйцзы, черезъ которое пролегала дорога къ Ляояну, стало отъ дождя почти непроходимымъ. 10-й корпусъ началъ отступать съ праваго фланга, при чемъ 8 батальоновъ и 24 орудія заняли позицію между Сангомяу и Сундязой и между Киндятунемъ, Сипу и Цандяо. Войска генерала Гершельмана должны были идти и, подъ прикрытіемъ этихъ позицій, переправляться въ бродъ черезъ Танхе; 12 батальоновъ должны были перейти по мосту у Кусаоцына, но могли начать движеніе только послѣ отхода отряда генерала Гершельмана, послѣ чего они должны были занять позицію Киндятунъ — Цандяо. Для обезпеченія лѣваго фланга корпуса отъ обхода на пространствѣ Пегоу — Тайцзыхе, было выдвинуто 8 батальоновъ, которые заняли позицію между Кусаоциномъ и Хеую. Эти батальоны должны были отступить на правый берегъ Тайцзыхе у Сетунцзы. По исполненіи всего этого, войска корпуса должны были занять позицію на лѣвомъ берегу Танхе между Таншанемъ и Наньему. Общій резервъ долженъ былъ стать въ двухъ верстахъ къ востоку отъ Вантабая, на дорогѣ отъ Сундязая въ Суйю, и немедленно приступить къ разработкѣ находившагося тамъ перевала. Хотя войскамъ 10-го корпуса на правомъ берегу Танхе нѣсколько разъ приходилось переходить въ наступленіе, чтобы отбрасывать насѣдавшаго врага, тѣмъ не менѣе наступленіе японцевъ было довольно нерѣшительное. Самымъ труднымъ для насъ дѣломъ была переправа черезъ Танхе. Для содѣйствія этой переправѣ, мы выставили батареи между Киндятунемъ и Сигоу. Эти батареи помѣшали непріятельской артиллеріи расположиться для обстрѣливанія мѣстъ переправы и держали въ отдаленіи японскую пѣхоту. Къ 8 часамъ вечера всѣ переправились и 10-й корпусъ вышелъ изъ непосредственной сферы вліянія противника, но торопиться все-таки было надо, такъ какъ въ тылу еще было трудно проходимое ущелье Сыпуйцзы; но рано утромъ 15-го августа и это препятствіе было пройдено.



Похороны китайца.

*) Въ этотъ день, т. е. 14-го августа, въ группѣ генерала Зарубаева происходило слѣдующее: 1-й сибирскій корпусъ долженъ былъ отходить въ четырехъ колоннахъ:

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

1-я, въ составѣ 5 батальоновъ и 30 орудій, должна была двигаться отъ Гушутуна на Фыцзяпу и ночевать у Дунтая.

2-я колонна, въ составѣ 17 эскадроновъ и сотенъ и 6 орудій, у Шенаопу должна была прикрывать правый флангъ всего отступленія и должна была производить развѣдки по линіи желѣзной дороги на Тайцзы.

3-я колонна, въ составѣ 6 батальоновъ и 6 орудій, должна была слѣдовать отъ Шенаопу на Сундзясантайцзы и ночевать у Яоманцюянцзы.

4-я колонна, въ составѣ 5 батальоновъ, одной сотни, 16 орудій и 8 пулеметовъ, должна была слѣдовать отъ Тачжаньпу на Байцзяцзы и ночевать у Даястуня.

4-й корпусъ, въ составѣ 20 батальоновъ и 16 орудій, долженъ былъ слѣдовать отъ Айсядзяня по мандаринской дорогѣ и ночевать у Шахе.

2-й корпусъ, въ составѣ 7 батальоновъ и 16 орудій, направлялся отъ Кофынцзы къ Чиндятуню и Пендялу.

Все это отступленіе должно было совершаться подъ прикрытіемъ трехъ аррьергардовъ:

1) Въ составѣ 7 батальоновъ, 9 сотенъ и 24 орудій, подъ начальствомъ генерала Рутковскаго.

2) Въ составѣ 8 батальоновъ, 6 сотенъ и 16 орудій, подъ начальствомъ генерала Коссовича.

3) Въ составѣ 4 батальоновъ и 8 орудій отъ 2-го сибирскаго корпуса и боковой отрядъ въ составѣ двухъ батальоновъ и 6 сотенъ, подъ начальствомъ генерала Толмачева.

По предположенію, всѣ эти аррьергарды, получившіе приказанія задерживать наступленіе противника, чтобы дать своимъ главнымъ силамъ время достичь назначенныхъ имъ мѣстъ, должны были къ вечеру 14-го августа быть на линіи Байцзяцзы, Багуагоу, Синту, Чилинза. Отступленіе должно было начаться въ 6 часовъ утра.

Само собой разумѣется, что успѣхъ этого отступленія находился въ прямой зависимости отъ его обдуманности, оно требовало тщательнаго разсчета движенія, которое должно было быть выравнено, и каждая колонна, соразмѣряя свои дѣйствія съ другими, должна была быть постоянно освѣдомлена о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла у сосѣдей. Какъ мы увидимъ ниже, ничего подобнаго сдѣлано не было.

Первая колонна 1-го корпуса, задержанная размокшей отъ дождя дорогой, не могла подойти къ переправѣ у Гуншутуня раньше 11 часовъ утра, почему генералъ Штакельбергъ рѣшилъ начать отступленіе не въ 6 часовъ утра, какъ было предположено, а въ 11 часовъ дня, а тогда и генералъ Зарубаевъ отсрочилъ отступленіе своего корпуса до 12 часовъ дня. Аррьергарды означенныхъ корпусовъ, въ виду данныхъ имъ задачъ, вынуждены были начать свое отступленіе только въ 3 часа дня. Очевидно, что 2-й корпусъ не былъ поставленъ обо всемъ этомъ въ извѣстность и торопился начать отступленіе, его аррьергардъ, въ составѣ 3 батальоновъ при 8 орудіяхъ, остановился на позиціи между Хвалинцзы и Удяю, въ 8 верстахъ назадъ отъ оставшихся на прежнихъ мѣстахъ другихъ аррьергардовъ, и обнажилъ такимъ обра-

зомъ лѣвый флангъ арьергарда 4-го корпуса, чѣмъ и не преминули воспользоваться японцы. Къ 12-ти часамъ дня передовыя ихъ части показались у Хвандяу и ихъ 4 орудія стали обстрѣливать нашу батарею у Синпу, а къ 3-мъ часамъ дня, времени, когда долженъ былъ начать свое отступленіе арьергардъ 1-го корпуса, успѣли сосредоточить тутъ цѣлую дивизію съ артиллеріей. Такимъ образомъ получилось, что японцы врѣзались клиномъ между лѣвымъ флангомъ 4-го корпуса и правымъ 2-го, угрожая при этомъ тылу 4-го корпуса. Отступленіе 1-го и 4-го корпусовъ было чрезвычайно тяжело: пѣхота, которая сама завязала въ раскисшемъ грунтѣ дороги, принуждена была еще тащить свои орудія, при чемъ, несмотря на то, что снаряды, для облегченія лошадей, тащились на рукахъ, приходилось впрягать лишніе уносы, и все-таки передки и зарядные ящики засасывались въ липкой грязи дорогъ. Японцы наступали довольно нерѣшительно противъ фронта 1-го и 4-го корпусовъ и противъ 3-го и



Въ гаолянѣ.

10-го, но въ разрѣзъ между правымъ флангомъ 2-го корпуса и на лѣвый флангъ 4-го они наступали очень энергично. Особенно сильно напирали они въ направленіи отъ Кофынцзы на Вендягоу.

Къ ночи 14-го августа войска манджурской арміи расположились такъ:

10-й корпусъ:

*) 1) Отрядъ генерала Гершельмана на лѣвомъ берегу Танхе между Киндятусягоу и Таншенемъ.

2) Отрядъ генерала Васильева, 8 батальоновъ, 56 орудій и двѣ сотни, на участкѣ отъ Киндятусягоу до Тайцзыхе у устья Танхе.

3) Общій резервъ, подъ начальствомъ генерала Грекова: 4 батальона и 16 орудій у Сую и 4 батальона и 6 сотенъ у Сетунцзы.

4) Два полка и 32 орудія были направлены на Сипу и Кавлицуны.

3-й Сибирскій корпусъ и части 17-го:

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

а) Отряды генераловъ Грекова и Столицы и полковниковъ Дружинина и Мартынова, въ общемъ составѣ 8 батальоновъ, 14 сотенъ и 8 орудій, расположились въ окрестностяхъ Вейдягоу.

б) Шесть батальоновъ были на работахъ въ Вантабаѣ.

в) Шесть ротъ у Сендягоу.

г) Четыре батальона у Сыченцзы.

д) Четыре батальона и 40 орудій у Хинхванцана.

е) 56 орудій на позиціи у Яучи.

Всѣ эти войска прикрывались арьергардами: полковника Лечицкаго 3 батальона у Шиченцзы, генерала Глинскаго въ составѣ 5 батальоновъ, одного эскадрона и 8 орудій, южнѣе Сяолинцзы, и генерала Марданова, въ составѣ 4 батальоновъ, къ востоку отъ Сяолинцзы.

Связью между войсками 4-го корпуса и 3-мъ корпусомъ служили 3 сотни и одна охотничья команда подъ начальствомъ подполковника Посохова.

Западная группа:

1) 1-й сибирскій корпусъ на Шахе; къ западу отъ желѣзной дороги, конница у Даянципу и 4 батальона и 8 орудій въ правомъ боковомъ отрядѣ подъ начальствомъ полковника Бачинскаго, между Эртайцзы и Фыцзяпу, арьергардъ генерала Рутковскаго, 4 батальона, 3 сотни и 16 орудій, у Байсяцзы.

2) 4-й сибирскій корпусъ у Шахе, арьергардъ его подъ начальствомъ генерала Коссовича, въ составѣ 6 батальоновъ и сотенъ и 16 орудій, у Байгуагоу. Конный отрядъ подъ начальствомъ генерала Самсонова, въ составѣ 15 сотенъ и 6 орудій, у Тутаыцзы.

3) 2-й сибирскій корпусъ у Чиндятуна и Пандялу, имѣя въ арьергардѣ 3 батальона и 8 орудій, и боковой отрядъ подъ общимъ начальствомъ генерала Толмачева у Синпу и Сянинцзы.

Съ утра 15-го августа японцы перешли въ наступленіе по всему фронту.

Еще 14-го августа генералъ Штакельбергъ, въ виду трудности похода и утомленія людей, просилъ генерала Зарубаева исходатайствовать у командующаго арміей дать войскамъ на 15-е число дневку. Вслѣдствіе этого генералъ Зарубаевъ рѣшилъ оставаться на своихъ мѣстахъ и уходить на передовую ляоянскую позицію только лишь въ случаѣ наступленія значительныхъ силъ противника. Такимъ образомъ, и арьергарды вынуждены были оставаться на своихъ мѣстахъ, пока главныя силы не вытянутся. Когда состоялось такое рѣшеніе, то во 2-мъ корпусѣ произошло слѣдующее: командиръ 2-го корпуса генералъ Засуличъ получилъ отъ своей кавалеріи въ ночь на 15-е число извѣстіе, что въ близкомъ разстояніи находится около дивизіи японской пѣхоты, почему онъ, считая свое положеніе опаснымъ, приказалъ своему арьергарду у Синпу и боковому отряду у Сянинцзы ночью же отойти: первому на позицію у Деквитана, а боковому отряду къ Пандялу. Утромъ же 15-го августа, получивъ извѣстіе, что непріятель занялъ Худямяоцзы и что значительныя силы его наступаютъ съ юга долиною р. Шахе, онъ отвелъ спѣшно главныя свои силы на укрѣпленную позицію къ Иншауюаню. Какъ только наши охотники заняли гребень

высотъ къ востоку отъ Пандялу, японцы открыли артиллерійскій огонь со стороны Худямяоцзы. Здѣсь, повидимому, генералъ Засуличъ выказалъ столько же неумѣстной осмотрительности, сколько и на Ялу подъ Тюренченомъ выказалъ неумѣстной неосмотрительности. Но тамъ онъ дѣйствовалъ самостоятельно, здѣсь же долженъ былъ сообразовать свои дѣйствія съ другими, и если онъ, вслѣдствіе недостатка общаго руководства, не былъ освѣдомленъ о происходившемъ у сосѣдей, то, какъ корпусный командиръ, настолько долженъ былъ понимать свою роль и знать общее положеніе, чтобы дѣйствовать не въ смыслѣ вреда, а въ смыслѣ пользы общему дѣлу. Отходъ его корпуса не только обнажилъ лѣвый флангъ аррьергарда 4-го корпуса, но также и лѣвый флангъ, и тылъ главныхъ силъ его, находившихся еще у станціи Шахе.

4-й корпусъ въ своихъ дѣйствіяхъ былъ неразрывно связанъ съ первымъ корпусомъ. Обозы этого послѣдняго, вслѣдствіе затрудненій движенія по невообразимо



Землянки.

грязнымъ дорогамъ, только утромъ 15-го августа стали подходить къ р. Шахе, при чемъ растянулись на 7 верстъ. Это вызвало задержку главныхъ силъ, которыя должны были пропустить эти обозы, и аррьергардамъ 1-го и 4-го корпусовъ пришлось принять бой при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ.

На разсвѣтѣ 15-го августа японцы оттѣснили аванпосты аррьергардовъ 1-го и 4-го корпусовъ и черезъ короткое время уже открыли артиллерійскій огонь. Аррьергардъ 4-го корпуса занялъ позицію къ сѣверу отъ Баугоу, а 1-го—на высотѣ 385 къ востоку отъ Байцзяцзы. Двѣ изъ колоннъ 1-го корпуса тронулись дальше, а главныя силы 4-го корпуса продолжали оставаться у Шахе. Аррьергардъ 4-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Коссовича, былъ атакованъ съ фронта съ охватомъ лѣваго фланга, что было совершенно возможно съ уходомъ корпуса Засулича. Тогда генералъ Коссовичъ занимаетъ позицію на своемъ лѣвомъ флангѣ между Мынсюяпу и Байгуагоу—фронтомъ на востокъ. Около 8-ми часовъ утра аррьергардъ 4-го корпуса получаетъ подкрѣпленія: конницей генерала Сампсонова, которая прибыла въ Саншуанцзы, и Томскимъ полкомъ, занявшимъ позицію въ тылу у Тунчжи. Эти подкрѣпленія были высланы генераломъ Кондратовичемъ, начальникомъ аррьергарда 1-го корпуса, ко-

торый дошелъ уже до р. Шахе. Однако обозы его арьергарда двигались очень медленно, застрявая въ пути. Это обстоятельство заставило генерала Зарубаева рѣшиться на упорную оборону Байцзяцзы и Байгуагоу. Въ резервѣ нашей боевой линіи, у Тутайцзы на позиціи было 12 батальоновъ и двѣ батареи 4-го корпуса, да еще 6 батальоновъ 1-го корпуса. Генералъ Зарубаевъ, очевидно, не освѣдомленный генераломъ Засуличемъ объ его отступленіи, въ 8 часовъ утра посылаетъ въ Пандялу приказаніе Засуличу: „*) необходимо главными силами 4-го корпуса держаться въ Пандялу, такъ какъ главныя силы 4-го корпуса у Шахе, а 1-й корпусъ отойти не можетъ". Посланный съ этимъ приказаніемъ нашелъ Пандялу уже занятымъ японцами, отсюда они почти въ тылъ нашей позиціи открыли орудійный огонь, затѣмъ еще двѣ непріятельскихъ батареи открыли сильный огонь съ высотъ сѣвернѣе Чандяопу, а ихъ пѣхота стала наступать по линіи желѣзной дороги и отъ Савандяя въ обходъ лѣваго фланга генерала Коссовича. Положеніе послѣдняго становилось критическимъ, и онъ хотѣлъ уже отступать, когда получилъ приказаніе держаться во что бы то ни стало. Въ это время двѣ наши батареи выѣхали на позицію между Тунши и Янцзашуаномъ и открыли огонь по непріятельской артиллеріи, которая должна была замолчать, и по пѣхотѣ, которая тоже пріостановилась. Въ 11 часовъ дня японцы заняли деревню Таира и пытались продвинуться впередъ, но всякій разъ были отбрасываемы огнемъ нашихъ стрѣлковъ, занимавшихъ Янцзачжуанъ. Въ правомъ боковомъ отрядѣ дѣло кончилось неблагополучно, отрядъ этотъ съ ранняго утра сталъ отходить къ Эртайцзы, но завязъ въ топкой дорогѣ и былъ атакованъ, но огонь нашей батареи, находившейся у Эртайцзы, отбросилъ непріятеля. При дальнѣйшемъ отступленіи эта батарея попала въ невылазную грязь и завязла, вытащить ее не было никакой возможности, а японцы насѣдали съ обѣихъ сторонъ, нѣсколько контръ-атакъ нашей пѣхоты не помогли дѣлу и батарею пришлось бросить, она попала въ руки врага. По этому поводу генералъ Штакельбергъ доносилъ генералу Куропаткину: „**) не нахожу словъ выразить мое безпредѣльное горе въ виду новой тяжелой потери, понесенной 1-мъ сибирскимъ корпусомъ, какъ утратой одной батареи. Потеря батареи, это какой-то рокъ надо мною. По долгу



Корейская башня въ Ляоянѣ.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.
**) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

службы, по совѣсти—считаю себя не въ правѣ винить кого-либо въ потерѣ батареи. Стихія пересилила человѣческія усилія".

На реляціи объ этомъ генерала Зарубаева командующій арміей положилъ резолюцію: „Состояніе дорогъ не было оцѣнено. Обозы надо было отправить ранѣе, а артиллерію въ топкія мѣста не посылать".

Пока происходило все вышеописанное въ группѣ войскъ генерала Зарубаева, какъ мы уже упоминали, генералъ Засуличъ, отойдя къ Интоуюаню, занялъ тамъ позицію, фронтомъ къ деревнѣ Лихеюи Чандяпуцзы, японцы открыли со стороны Лихею артиллерійскій огонь, но въ наступленіе не переходили. Тѣмъ не менѣе, генералъ Засуличъ нашелъ положеніе своихъ войскъ опаснымъ и безъ разрѣшенія генерала Зарубаева, въ половинѣ десятаго часа утра, сталъ отходить на передовую ляоянскую позицію. Въ это же время ему послано было генераломъ Зарубаевымъ приказаніе: держаться у Интоуюаня во что бы то ни стало. Но въ это время главныя силы 1-го корпуса подошли къ Синванчжуаню и Даяотуну, арьергардъ миновалъ Яомоцзяюцзы; положеніе арьергарда генерала Коссовича было очень тяжелое, и генералъ Зарубаевъ нашелъ возможнымъ отдать приказаніе всѣмъ отходить на передовую ляоянскую позицію. Конница генерала Самсонова должна была прикрывать все это отступленіе.



Улица въ Ляоянѣ.

Въ то время, когда происходило описанное въ западной группѣ, въ группѣ генерала Бильдерлинга шелъ рядъ упорныхъ арьергардныхъ боевъ. Надо помнить, что ночью на 14-е августа, 3-й и 10-й корпуса получили приказаніе отходить на передовую ляоянскую позицію. 15-го августа, арьергардъ 3-го корпуса былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Танхе, отъ Сыченцзы до Сырицзы на протяженіи около 20 верстъ и прикрывалъ отходъ тяжестей черезъ горы, но такъ какъ послѣднимъ приходилось проходить черезъ испорченный дождемъ перевалъ Вантабай и движеніе происходило очень медленно, то и задача арьергардовъ становилась очень трудной и важной. Указывая на важность этихъ арьергардныхъ позицій, генералъ Куропаткинъ

писалъ генералу Случевскому: „*) Изъ аррьергардныхъ позицій 3-го сибирскаго корпуса придаю особое значеніе аррьергардной позиціи между Чинертунемъ и Сяолинцзы, а для войскъ 10-го корпуса—позиціи у Сыпуйцзы и Суйю, эту послѣднюю позицію, по моему мнѣнію, необходимо стараться удерживать даже при отходѣ войскъ 3-го и 10-го корпусовъ на позиціяхъ Сяпу—Кудяцзы". Аррьергарду генерала Гершельмана было приказано держаться на своихъ позиціяхъ до тѣхъ поръ, пока весь 3-й корпусъ не будетъ уже за переваломъ.

Въ два часа дня японцы повели наступленіе противъ 3-го и 10-го корпусовъ по двумъ направленіямъ, на Сяндязай, Чинертунь и Вантабай. Въ 5 часовъ, они, расположивъ свои батареи у Сунтязая и Таампина, открыли сильный огонь по позиціи между Сангомяо и Сундязай, занятой Брянскимъ полкомъ. Находившаяся тамъ наша батарея скоро вынуждена была замолчать, и тогда весь огонь японскихъ орудій направленъ былъ на позицію Брянскаго полка, который, понеся большія потери, сталъ отходить, что вынудило генерала Гершельмана отвести весь отрядъ на хребетъ 243, а японцы заняли высоты лѣваго берега Танхе, по направленію на Цандяо. Около 10-ти часовъ утра японцы стали наступать и на правый флангъ аррьергарда генерала Глинскаго, расположеннаго къ югу отъ Сяолинцзы, они заняли Танхеянъ и направились частью на Вацзыгоу, а частью на дальній обходъ праваго фланга отъ Кофынцзы на Чандяпу и Сянсацзы. Положеніе становилось критическимъ, но, къ счастью, въ это время обозы благополучно прошли перевалъ и аррьергардамъ приказано было, не ввязываясь въ упорный бой, начать послѣдовательное отступленіе. Въ это время на высотахъ къ сѣверу отъ Вейдягоу, на позиціи стоялъ Зарайскій полкъ и 8 конныхъ орудій. Хотя задуманный японцами обходъ и не удался, мы все-таки вынуждены были начать отступленіе на укрѣплявшуюся позицію у Мындяфаня. Утромъ 15-го же августа было замѣчено скопленіе большого числа лодокъ на Танхе у Сакана и обнаружены два японскихъ батальона на правомъ берегу Тайцзыхе. Въ это время тамъ у Семаю стояла наша 3-я пѣхотная дивизія и одинъ полкъ ея былъ отправленъ на позицію у Сыквантуня. Общая группировка силъ противника указывала, что они, вѣроятно, хорошо освѣдомленные о нашемъ растянутомъ расположеніи, рѣшились прорваться противъ центра на фронтѣ Шоушанпу—Цофантунь. Въ



Пулеметъ въ дѣйствіи.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

этомъ случаѣ отходъ генерала Засулича является несоотвѣтствующимъ, и генералъ Куропаткинъ съ особымъ офицеромъ послалъ генералу Засуличу слѣдующія указанія: „*) 2-му корпусу остановиться, гдѣ его застанетъ посланный. Если подъ давленіемъ противника придется отходить, то исполнить отходъ медленно, шагъ за шагомъ. Крайнимъ предѣломъ отступленія назначается линія Падяканцзы - Нанбаличжуанъ, гдѣ войскамъ 2-го корпуса остаться до послѣдняго и умереть, если корпусъ не успѣетъ отойти и 3-й и 10-й корпуса не займутъ передовыхъ позицій на линіи Сяпу - Мындяфанъ. Генералу Засуличу держать крѣпкую связь съ сосѣдними корпусами“.



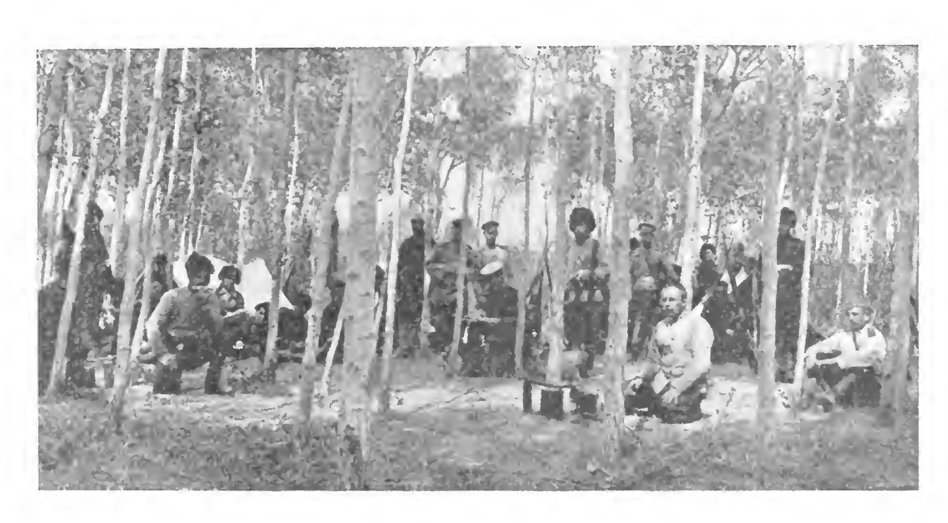
На форту.

Мы уже упоминали, что арьергардъ Мартынова вынужденъ былъ отступить съ позиціи у Вейдягоу и отходъ этотъ легко могъ повлечь за собой опасныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что въ этотъ моментъ обозы 3-го корпуса еще не прошли перевалъ Вантабай, и послѣдній, такимъ образомъ, былъ закрытъ для войскъ 3-го корпуса и они не могли скоро занять назначенный имъ участокъ позиціи. 2-й корпусъ легко могъ не выдержать напора врага, а отходившій арьергардъ Мартынова былъ слишкомъ слабъ, чтобы удержать позицію у Мындяфаня и Кудяцзы, и японцы легко могли прорваться, что было бы равносильно потерѣ всей передовой ляоянской позиціи. Въ такихъ обстоятельствахъ Мартынову было послано приказаніе держаться во что бы то ни стало, и къ Вейдягоу было послано 8 батальоновъ и 14 орудій. Это вмѣстѣ съ арьергардомъ Мартынова составило отрядъ силою въ 14 батальоновъ, 14 сотенъ и 24 орудія, который первоначально поступалъ подъ начальство генерала Столицы, а потомъ генерала Добржинскаго. Послѣднему черезъ командира Моршанскаго полка было дано знать, что онъ долженъ прибыть лично въ Цофантунь и принять командованіе отъ генерала Столицы. Задачу, возложенную на отрядъ, и обстановку генералъ Добржинскій долженъ былъ получить отъ генерала Столицы. Наконецъ, около 2-хъ часовъ дня перевалъ Вантабай очистился отъ обозовъ и генералъ Куропаткинъ послалъ генералу Случевскому новое приказаніе: „**) Какъ нынѣ выяснилось, противникъ направляетъ значительныя силы какъ арміи Куроки, такъ и изъ арміи Нодзу противъ центра нашего расположенія, въ направленіи на линію Чилинзы - Вейдягоу. Войска южнаго фронта отходятъ отъ Шахе къ передовымъ позиціямъ у Ляояна,

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.
**) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

при чемъ 2-й корпусъ не былъ въ состоянiи удержаться на позицiи восточнѣе Интауюаня. Такимъ образомъ, расположенiе 10-го армейскаго корпуса нынѣ представляется слишкомъ выдвинутымъ, безъ надобности въ томъ, и лишеннымъ возможности оказать содѣйствiе отраженiю атаки противника. Въ виду изложеннаго, прошу васъ сегодня же отвести корпусъ на назначенныя ему ранѣе позицiи на линiи Сяпу—Яучи, удерживая по возможности лишь позицiи у Сыпуйцзы. 3-му корпусу приказано также отойти на позицiи Мындяфанъ—Кудяцза".

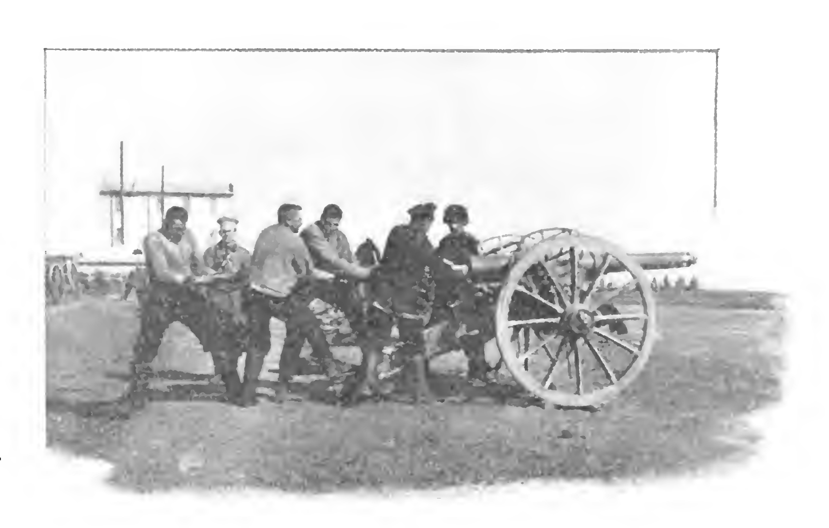
Въ это время генералъ Столица, получивъ приказанiе принять до прибытiя генерала Добржинскаго войска ввѣреннаго ему отряда, прибылъ къ арьергарду полковника Мартынова и остановилъ его. Послѣ этого онъ расположилъ войска слѣдующимъ образомъ: между Цофантунемъ и Кудяцзы сталъ Бугульминскiй полкъ фронтомъ на западъ, за лѣвымъ флангомъ его находился одинъ батальонъ Зарайскаго полка, а у Цофантуня два батальона 10-го в.-сиб. стр. полка и одинъ батальонъ 12-го такого же полка. Такимъ образомъ, опасное мѣсто нашего центра было хорошо обезпечено. Тѣмъ временемъ и войска 3-го сибирскаго корпуса, послѣ опаснаго и труднаго отступленiя, около 7 часовъ вечера, находились за Вантабайскимъ переваломъ и въ это время получили приказанiе генерала Куропаткина идти на передовую ляоянскую позицiю, и такое же приказанiе, только около 10 часовъ вечера, получилъ и 10-й армейскiй корпусъ.



Приналъ въ лѣсу.

Въ западной группѣ войскъ дѣло происходило такъ: около часу дня войска 4-го сибирскаго корпуса стали отходить къ Ляояну подъ прикрытiемъ конницы генерала Самсонова, для обезпеченiя частей, отступавшихъ къ Шоушанпу, былъ высланъ отрядъ въ 8 батальоновъ и 16 орудiй. Къ 9 часамъ вечера и 1-й сибирскiй корпусъ расположился въ районѣ Байцзялаогу-Синьлитунь, а 4-й сибирскiй корпусъ утромъ 16-го августа сталъ у Далинцзы на лѣвомъ берегу Тайцзыхе. Во второмъ корпусѣ все время шла перестрѣлка съ японцами, которые, впрочемъ, въ наступленiе не переходили, а, расположившись на линiи Люхею-Фынсуйгоу, остановились въ долинѣ Шахе. Главныя силы корпуса отошли къ Тассы, а ночью были оставлены и позицiи у Интоуюаня. Такимъ образомъ всѣ корпуса манчжурской армiи, послѣ невѣроятно труднаго и тяжелаго отступленiя, вышли на передовую ляоянскую позицiю, и въ теченiе цѣлаго дня 16-го числа устраивались на новыхъ мѣстахъ. Впрочемъ, въ этотъ день передовая ляоянская позицiя была занята нами еще не окончательно,

такъ какъ не всѣ еще части успѣли придти туда. 1-й сибирскій корпусъ собирался въ окрестностяхъ деревень Гудяцзы-Маѣтунь - Синлитунь-Канцзятунь, лѣвый флангъ его прикрывался конницей генерала Мищенко, которая содержала сторожевое охраненіе и производила развѣдки къ сторонѣ непріятеля. 4-й сибирскій корпусъ сосредоточился въ окрестностяхъ Далинцзы. 3-й сибирскій корпусъ долженъ былъ расположиться на позиціи къ сѣверу отъ Гудяцзы до дороги Сычанъ-Мындафанъ. Отрядъ генерала Добржинскаго все 16-е число простоялъ на Цофантунской позиціи. 8 батальоновъ,



Чистка орудія.

двѣ сотни и 32 орудія 10-го корпуса были расположены на позиціи у Сытуйцзы и такой же силы отрядъ находился на передовой ляоянской позиціи на пространствѣ отъ высоты 148 до Сяпу, 7 батальоновъ у Сяпу и 8 батальоновъ у Эмицвана. Еще 14-го явились у генерала Куропаткина предположенія о возможности перенесенія японцами операцій на правый берегъ Тайцзыхе и туда предположено было сосредоточить 17-й армейскій корпусъ, который, 16-го августа, въ составѣ 18 батальоновъ, 17 эскадроновъ и сотенъ и 60 орудій былъ на правомъ берегу рѣки и занималъ позиціи отъ Санванцзы до Цофангоу фронтомъ къ рѣкѣ и у Сыквантуня—фронтомъ на востокъ; кавалерія находилась у Сыквантуня и Сахутуня.

Въ два часа утра 16-го августа японцы заняли высоты къ югу отъ Вантабая и около 8-ми часовъ потѣснили одинъ нашъ полкъ, находившійся къ сѣверу отъ этого пункта, и хотя наше расположеніе здѣсь было довольно слабо и легко могло быть прорвано, такъ какъ 10-й корпусъ не занялъ еще позиціи, высота 148—Сяпу, но японцы пріостановились и дальше не пошли. Одновременно съ этимъ они начали наступленіе въ направленіи отъ Вейдягоу на Шихуйцзы и къ полудню заняли высоту около Кудяцзы и Мыньдяфаня. Здѣсь они остановились и ограничились одной канонадой, продолжавшейся до 7 часовъ вечера. Болѣе активный характеръ имѣли дѣйствія японцевъ противъ 2-го



По конно-желѣзной дорогѣ.

сибирскаго корпуса, арьергардъ котораго находился въ районѣ Интоуюань-Ціудягоу. Наступленіе непріятеля вынудило этотъ арьергардъ отойти къ Синьлитуню и Тауер-



Внутренность форта № 4, подъ Ляояномъ.

туню. Противъ 1-го корпуса противникъ ограничился только однимъ передвиженіемъ передъ нимъ своихъ войскъ, не переходя ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ. Въ общемъ, дѣйствія японцевъ 16-го августа сводились къ усиленной рекогносцировкѣ позицій 2-го и 3-го корпусовъ. Къ 17-му августа группировка японскихъ войскъ выяснилась. Большое скопленіе ихъ войскъ было замѣчено на правомъ берегу Шахе, гдѣ у Хенючжана строились укрѣпленія, большое скопленіе войскъ было на Бинмантунь-Ванертунь, на западъ отъ желѣзной дороги находилось сильное сторожевое охраненіе. Такъ же много ихъ войскъ находилось въ пространствѣ Шухуйецзы, Кудяцзы, Вейдягоу, на лѣвомъ берегу Тайцзыхе, при чемъ они заняли деревню Саканъ, находившуюся уже на правомъ берегу рѣки. Такая группировка силъ противника указывала на то, что непріятель намѣревается атаковать нашъ правый флангъ съ фронта и охватить его справа, затѣмъ прорвать наше рас-



Укрѣпленная деревня.

положеніе въ центрѣ и охватить нашъ лѣвый флангъ на правомъ берегу Тайцзыхе. Теперь закончился первый актъ ляоянской драмы, мы проиграли наше



Переправа на паромѣ.

первое расположеніе и отошли не болѣе какъ на полперехода къ самому Ляояну. Японцамъ осталось теперь преодолѣть только два препятствія: передовую ляоянскую позицію и укрѣпленный районъ самого города. Въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ за только что минувшій періодъ времени обнаружились два крупныхъ недостатка: это странность поведенія сторожевого охраненія, которое сейчасъ же начинало отходить, какъ только начиналось наступленіе противника, считая свою задачу съ этого момента какъ будто законченной, и непониманіе роли арьегардовъ; въ большинствѣ случаевъ, послѣдніе, не понимая значенія рекогносцировочнаго боя, не развивали его и слишкомъ рано отходили на свои главныя позиціи. Допускать такой образъ дѣйствій арьергардовъ было со стороны корпусныхъ командировъ большой ошибкой, ибо, такимъ образомъ, они лишали себя всякой возможности получать какія-либо свѣдѣнія о силахъ и направленіи противника и обрекали себя на дѣйствія какъ бы съ закрытыми глазами.



Китайскій колоколъ.

17-го августа отошедшія на передовую ляоянскую линію войска наши, согласно данной диспозиціи, расположились слѣдующимъ образомъ:

*) 1) 1-й сибирскій корпусъ въ составѣ 24-хъ батальоновъ, 64-хъ пѣшихъ, 6 горныхъ пушекъ и 8 пулеметовъ, 10-ти эскадроновъ и сотенъ и одного сапернаго батальона занялъ позицію на высотахъ лѣвѣе линіи Маѣтунь—Дацзыинъ—Сяоянсы—Синлитунь, корпусъ этотъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать пространство отъ Сяндяцзы до Тассы и поддерживать связь съ 3-мъ сибирскимъ корпусомъ. Вся эта позиція была раздѣлена на два участка: правый отъ Гудяцзы до дороги изъ Сяоянцзы въ Шоушанпу, артиллерія стояла укрыто въ сѣдловинѣ къ сѣверу отъ Шоушанпу, тутъ же остановился и частный резервъ этого участка въ составѣ 3-хъ батальоновъ, въ боевой же линіи на позиціи находилось 9 батальоновъ и 24 орудія. Лѣвый участокъ простирался отъ дороги Сяосанцзы—Шоушанпу до дороги Сяоянцзы—Синлитунь, тутъ въ боевой линіи было 6 батальоновъ и 24 пушки, которыя стояли также укрыто у деревни Фандзятунь. Частнаго резерва здѣсь не было, а въ общемъ резервѣ къ востоку отъ Шоушанпу находилось 9 батальоновъ и 14 орудій. Позиции 1-го корпуса были хорошо укрѣплены окопами, проволочными загражденіями и волчьими ямами, кромѣ того, всѣ деревни были приведены въ оборонительное положеніе и на дорогѣ отъ Синлитуня были заложены фугасы.



Постройка моста.

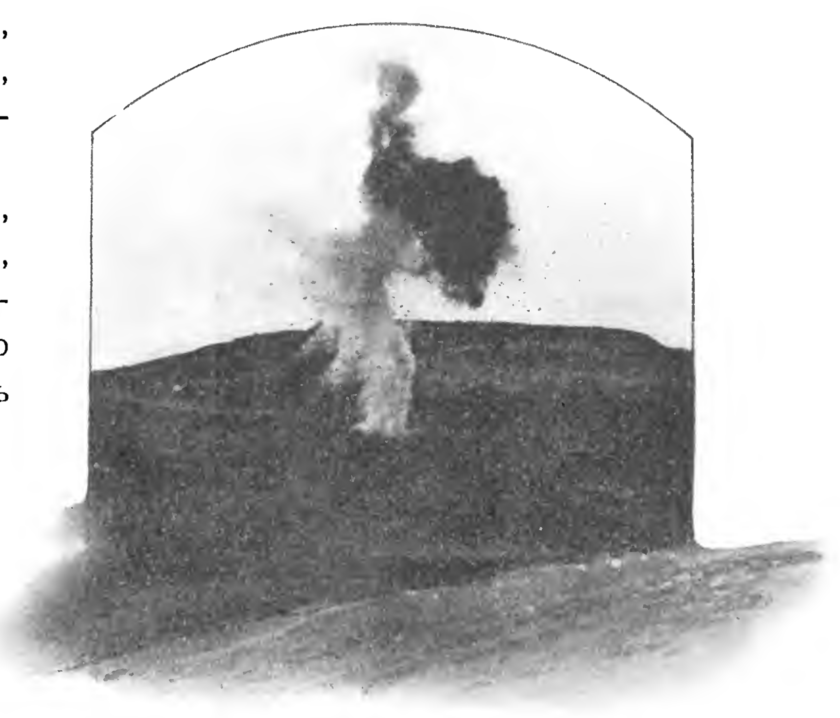
3-й сибирскій корпусъ въ составѣ 30 батальоновъ, 64 полевыхъ и 8 конно-горныхъ орудій, 6 сотенъ и одного сапернаго батальона занималъ такъ-называемую Цофантунскую позицію, простиравшуюся отъ высотъ западнѣе этой деревни до дороги Сычаню — Мындяфанъ. Эта позиція раздѣлялась на три боевыхъ участка: первый обнималъ высоты къ западу и къ югу отъ Цофантуня до дороги Цофантунь—Вейдягоу и Сычаню—Мындяфанъ, тутъ находилось 6 батальоновъ и 16 орудій, которыя стояли укрыто на заднихъ скатахъ хребтовъ. Въ одной верстѣ къ сѣверу отъ Кудяцза выдѣлялась скалистая высота, кото-



Пулеметы.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

рая была занята нами какъ передовая позиція. Тамъ находился одинъ батальонъ. Лѣвый участокъ позиціи обнималъ собою высоты отъ дороги Цофантунь Вейдягоу до дороги Сычаню – Мындяфанъ и доходилъ до западныхъ склоновъ высоты 148. Третій участокъ былъ собственно артиллерійскій, онъ въ свою очередь подраздѣлялся на два участка—на правомъ находилось 32 орудія, расположившіяся къ сѣверу отъ Цофантуня, эти пушки назначались для обстрѣливанія пространства между первымъ и третьимъ корпусами, сравнительно слабо занятаго войсками. На лѣвомъ артиллерійскомъ участкѣ было также 32 пушки, которыя стояли къ югу отъ Сычаню. Всѣ орудія были хорошо укрыты и хорошо маскированы. Связь между первымъ и третьимъ корпусами поддерживалась 8-ю эскадронами, находившимися у Нанбаличжуана, и 6-ю сотнями, стоявшими неподалеку отъ Цофантуня.


Взрывъ фугаса.

3) 10-й армейскій корпусъ, въ составѣ 32-хъ батальоновъ, 106 полевыхъ и 8 горныхъ орудій, 12 мортиръ, 6 сотенъ и одного сапернаго батальона, занималъ пространство отъ дороги Сычаню — Мындяфанъ до Сяпу. Эта позиція, подобно предыдущимъ, также раздѣлялась на участки. Правый былъ занятъ 8-ю батальонами и простирался на высотахъ отъ массива 148 до этапной дороги и лѣвый, занятый также 8-ю батальонами, обнималъ собою пространство отъ этапной дороги до Сяпу и Яучи. Артиллерія была расположена между Сяпу и Яучи, и у Сяпу, гдѣ было 32 пушки, 32 орудія были расположены у Кавлицуна, а 12 мортиръ стояли въ сѣдловинѣ на дорогѣ между Кавлицуномъ и Яучи.

Общій корпусный резервъ 10-го армейскаго корпуса былъ расположенъ въ двухъ группахъ: 8 батальоновъ и 24 орудія у Яучи и 8 батальоновъ у Сычаню.

Всѣ эти перечисленныя части составляли боевую линію манджурской арміи, въ главномъ же армейскомъ резервѣ находилось 38 батальоновъ, 70 орудій, 27 сотенъ и два саперныхъ батальона. Этотъ резервъ былъ раздѣленъ на три части и располагался: 16 батальоновъ, 32 орудія, двѣ сотни и одинъ саперный батальонъ между Ситундявайцзы и Сидятунемъ, 4 батальона, впрочемъ, были отдѣлены для занятія позиціи у Падяканцзы между первымъ и третьимъ корпусами; 22 батальона, 32 орудія, 6 сотенъ и одинъ саперный батальонъ у Далинцзы; 19 сотенъ и 6 орудій у Янцзаинцзы; въ самомъ городѣ Ляоянѣ находилось 9 батальоновъ, двѣ сотни и

32 орудія стараго образца. Кромѣ того, еще въ дальнемъ армейскомъ резервѣ у Шахе сѣвернаго было 8 батальоновъ, 16 орудій и одна сотня подъ начальствомъ генерала Орлова.

Для охраны праваго фланга арміи было назначено: 21 сотня, 16 орудій и два батальона подъ начальствомъ генерала Мищенко, который перешелъ къ Улунтаю, гдѣ вошелъ въ связь съ однимъ батальономъ, 14-ю сотнями и 12-ю орудіями, находившимися подъ начальствомъ генерала Грекова, составлявшаго дальнюю охрану праваго фланга всего армейскаго расположенія. Для охраны лѣваго фланга былъ назначенъ 17-й армейскій корпусъ генерала Бильдерлинга, который долженъ былъ защищать правый берегъ Тайцзыхе и поддерживать связь съ нашимъ отрядомъ, находившимся въ Бенсиху.


Внутренность редута.

Утромъ 17-го августа въ войскахъ генерала Бильдерлинга было 18 батальоновъ, 74 орудія, 13 эскадроновъ и сотенъ и одинъ саперный батальонъ. Изъ числа этихъ силъ два батальона и 8 пушекъ стояли на позиціи у Сыквантуна и 4 батальона и 24 орудія на позиціи у Сявагоцзы.

День 17-го августа начался съ атаки японцами позиціи 3-го сибирскаго корпуса. Они атаковали нашу охотничью команду, расположенную по близости отъ высоты, гдѣ была наша передовая позиція. Атака была такъ стремительна и неожиданна, что охотники, потерявъ своего командира и 42 стрѣлка, вынуждены были отойти на главную позицію у Цофантуня. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что эта японская атака была произведена двумя японскими эскадронами. Послѣ этого, около 6-ти часовъ утра, одинъ непріятельскій батальонъ атаковалъ нашу передовую позицію, занятую также однимъ нашимъ батальономъ, но атака была отбита; тогда японцы вторично атаковали передовую позицію, но также неудачно, и только послѣ сильнѣйшаго артиллерійскаго огня, нанесшаго намъ громадныя потери, овладѣли наконецъ этой передовой позиціей, но удержаться на ней все-таки не могли, вслѣдствіе страшной силы нашего огня. Вслѣдъ за произведенными атаками, они стали обстрѣливать сильнымъ огнемъ своихъ орудій весь правый участокъ позиціи. Здѣсь имѣлъ мѣсто слѣдующій эпизодъ: когда сбитый съ передовой позиціи батальонъ сталъ отходить, то для прикрытія его отступленія 3-я батарея 6-й вост.-сиб. стр. арт. бригады по собственной инициативѣ покинула свое укрытое расположеніе и вынеслась впередъ, гдѣ и снялась съ передковъ на совершенно открытой мѣстности очень близко отъ непріятеля; но долго не могла она стрѣлять, почти мгновенно былъ убитъ

командиръ батареи полковникъ Покотилло и половина прислуги была выведена изъ строя. Въ это время 4-я батарея той же бригады, стоявшая укрыто на позиціи у Цофантуня, подверглась атакѣ непріятельской пѣхоты, которая, впрочемъ, была немедленно отбита. Японцы двигались по долинѣ Шухуйецзы — Уйдягоу съ явнымъ намѣреніемъ обойти правый флангъ цофантунской позиціи. Японская артиллерія располагалась къ югу отъ Мындяфана, около Шихуйецзы, Уйдягоу и къ востоку отъ Сядяцзы и правый участокъ обстрѣливался такимъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ какъ съ фронта, такъ и съ обоихъ фланговъ, что положеніе защитниковъ его было крайне тяжелое. Успѣху обхода японцевъ много мѣшали батареи праваго артиллерійскаго участка, которыя, усиленно обстрѣливая подступы, не давали противнику возможности продвинуться впередъ. Это энергичное наступленіе японцевъ на правый флангъ цофантунской позиціи вынудило насъ сразу же расходовать резервы. Къ 9-ти часамъ утра 17-го августа на правомъ флангѣ на позиціи находилось у Цофантуня 11 батальоновъ и 8 орудій, а на позиціи у Падяканцзы 8 батальоновъ и 55 орудій. На лѣвомъ боевомъ участкѣ шелъ только артиллерійскій бой, и довольно для насъ удачный, наши орудія вначалѣ заставили даже замолчать японскую артиллерію, стрѣлявшую отъ Мындяфана. Тѣмъ не менѣе огонь артиллеріи противника къ 11-ти часамъ дня по лѣвому участку достигъ невѣроятнаго по силѣ напряженія и въ это же время стали приближаться его пѣхотныя части. Къ этому моменту боя боевая линія была усилена, правый участокъ 12-ю батальонами и лѣвый 8-ю, такъ



Перевязочный пунктъ въ отрядѣ полковника Мадритова.



Выгрузка изъ вагоновъ.

что въ частномъ резервѣ праваго участка оставался только одинъ батальонъ, а лѣваго — три. Въ общемъ резервѣ уже ничего не было и таковой составился изъ трехъ батальоновъ 2-го корпуса и 10-го армейскаго корпуса, который почти совсѣмъ не былъ атакованъ. Непріятель въ теченіе всего времени боя велъ наступленіе уступами съ лѣваго фланга и нѣсколько разъ очень близко подходилъ къ позиціямъ 11-го и 12-го полковъ, но всякій разъ былъ отбиваемъ огнемъ, неся страшныя потери. До полудня японцы продвинуться впередъ не могли и всѣ ихъ усилія оставались безплодными. Единственнымъ ихъ успѣхомъ въ этотъ день было только взятіе нашей передовой позиціи, но и тамъ, какъ уже было сказано, они удержаться не могли.

Въ 1-мъ сибирскомъ корпусѣ въ это время происходило слѣдующее: какъ только непріятель открылъ артиллерійскую канонаду, генералъ Штакельбергъ донесъ



Бивуакъ пѣхотнаго полка.

Куропаткину: „чѣмъ больше я знакомлюсь съ позиціей ввѣреннаго мнѣ корпуса, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что упорно обороняться невозможно, лишь въ случаѣ, если ваше в.-превосходительство найдете возможнымъ усилить меня еще одной дивизіей. Ходатайство свое основываю на томъ, что для упорной обороны необходимъ сильный резервъ, коего у меня нѣтъ, такъ какъ тѣ 9 батальоновъ, которые находятся въ настоящее время въ общемъ резервѣ, слишкомъ недостаточны, фронтъ позиціи растянутъ; на полкъ приходится болѣе полуторы версты по фронту, частные резервы слабы; въ бригадѣ генерала Кондратовича двѣ роты въ частномъ резервѣ; сторожевой нарядъ корпуса, ввиду близости противника, очень тяжелъ; фланговое положеніе корпуса таково, что позволяетъ противнику атаковать его съ трехъ сторонъ. Поэтому, если ваше высокопревосходительство не измѣнили своего рѣшенія упорно оборонять эту позицію, то, для усиленія войскъ первой линіи и для составленія болѣе сильнаго резерва, убѣдительно прошу направить въ мое распоряженіе еще одну дивизію и въ крайнемъ случаѣ одну бригаду“.

Въ отвѣтъ на эту помощь о поддержкѣ генералъ Куропаткинъ отвѣчалъ:

„*) Въ 3-мъ корпусѣ идетъ бой; приходится поддержать его войска своими резервами, поэтому не признаю возможнымъ послать сегодня что либо въ подкрѣпленіе 1-му корпусу, пока не кончится бой въ 3-мъ корпусѣ. Надѣюсь, что вы удержитесь собственными силами. Прикажите доносить каждый часъ. До сихъ поръ до 9 часовъ утра не имѣю ни одного донесенія о боѣ у васъ. Очень прошу съ вашихъ позицій лѣваго фланга у Синлитуна оказать возможное содѣйствіе генералу Иванову, въ случаѣ, если противникъ спустится въ обходъ праваго фланга генерала Иванова въ долину рѣки Тасы. Равняйтесь по генералу Иванову, по третьему корпусу. Если бы генералъ Ивановъ не удержался на своихъ позиціяхъ, хотя я вполнѣ надѣюсь, что онъ удержится, и сталъ бы отходить на главную позицію, то вамъ придется отойти на главную позицію. При этомъ займите фронтъ между фортами 4-мъ и 5-мъ и прилегающими къ нимъ съ фланговъ редутами“.



Продовольственная офицерская повозка.

Японскія батареи, дѣйствовавшія противъ 1-го корпуса, были расположены у Хейнючжуана, Тутайцзы и около нея. Пѣхота же ихъ сосредоточивалась къ югу отъ Синьлитуня. Около 10-ти часовъ утра они повели наступленіе противъ центра позиціи и одновременно обнаружили стремленіе обойти лѣвый флангъ корпуса. Генералъ Штакельбергъ, пославъ на усиленіе своего лѣваго фланга два батальона, вновь просилъ Куропаткина о подкрѣпленіи. Вслѣдъ засимъ было обнаружено движеніе японской пѣхоты отъ Шахе къ Сяоянсы и отсюда на Дафунцзы и Попуцзы, гдѣ они сосредоточили до дивизіи пѣхоты съ артиллеріей; японская же батарея, развернувшись у Ванертуня, стала фланкировать высоту 99. Къ 10 часамъ утра японцы подошли совсѣмъ близко къ позиціи у Фанцзятуня и заняли Сяоянсы, откуда завязали перестрѣлку съ маѣтунской позиціей. Намѣреніе противника обойти правый флангъ позиціи 1-го корпуса было очевидно, и кромѣ



Обстрѣливаніе станціи Ляоянъ.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

того, всѣ поступавшія оттуда донесенія подтверждали это. Наши кавалерійскія части, подойдя къ Шуншуяню, нашли деревни Улунтай, Байцзяогао и Шуйцюянь занятыми



Бивуакъ обоза.

непріятельскими частями, которыя не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ передовыми отрядами наступавшаго съ этой стороны противника. Около 12 часовъ дня бой принялъ очень энергичный характеръ: наша артиллерія понесла большія потери, почти всѣ офицеры выбыли изъ строя. Одна японская колонна подошла на версту отъ Маѣтуня, другая направлялась въ Гудяцзы, въ тылъ правому флангу 1-го корпуса. Въ такихъ обстоятельствахъ генералъ Куропаткинъ выслалъ подкрѣпленіе 7 батальоновъ съ 12-ю орудіями, которые и направилъ вдоль линіи желѣзной дороги для угрозы лѣвому флангу непріятеля, а въ Нанбаличжуанъ было направлено 4 батальона и 12 орудій. Дѣло вообще складывалось такъ, что можно было предполагать, что японцы поставили себѣ задачей прорвать наше расположеніе между 1-мъ и 3-мъ корпусами и одновременно атаковать 1-й корпусъ со всѣхъ сторонъ. Въ 17-мъ корпусѣ, на правомъ берегу Тайцзыхе, было все спокойно и противъ 10-го корпуса противникъ въ этотъ день также никакихъ активныхъ дѣйствій не предпринималъ. Отъ нашихъ лазутчиковъ получались свѣдѣнія о движеніи японцевъ на востокъ къ переправамъ черезъ Тайцзыхе и объ уходѣ ихъ войскъ передъ фронтомъ 10-го корпуса. Въ 1-мъ же корпусѣ шелъ ожесточенный бой, который, впрочемъ, около двухъ часовъ дня нѣсколько затихъ. Въ три часа дня бой въ 3-мъ корпусѣ разгорѣлся съ новой силой. Теперь, казалось, назрѣвалъ моментъ, когда талантли-



На кладбищѣ въ Ляоянѣ.

вый полководецъ, имѣя прежде всего въ виду пораженіе врага, могъ воспользоваться ослабленіемъ непріятеля впереди фронта 10-го корпуса и, собравъ возможно большія силы, ринуться съ ними въ разрѣзъ между увлеченными жаркимъ боемъ четвертой и второй японскими арміями и стягивающейся къ переправѣ черезъ Тайцзыхе 1-й арміей, разорвать такимъ образомъ ихъ расположеніе и разбить ихъ по частямъ. Надо еще при этомъ прибавить, что японцы, дравшіеся противъ 1-го и 3-го нашихъ корпусовъ, понесли большія потери и были сильно разстроены. Дѣйствительно, наша артиллерія дѣйствовала довольно удачно, японскія батареи къ западу отъ Кудяцзы приведены были къ молчанію, всѣ попытки японцевъ къ наступленію были остановлены, даже два наши батальона перешли въ наступленіе и заняли съ боя Уйдягоу, а японцы, атаковавшіе къ востоку Цофантунь-Вейдягоу, были съ большими потерями отброшены назадъ на цѣлую версту. Но ничѣмъ этимъ не воспользовался генералъ Куропаткинъ и продолжалъ оставаться на мѣстѣ, заставляя свои войска упорно сражаться, имѣя въ виду непремѣнное отступленіе отъ Ляояна. Особенно сильно напирали японцы на 11-й и 24-й стрѣлковые полки. Сначала они огнемъ своихъ пушекъ почти совершенно срыли наши окопы въ 11-мъ полку и заняли ихъ, но не могли тамъ удержаться, въ свою очередь, подъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ, мы вновь заняли эти окопы, непріятель же бѣжалъ въ безпорядкѣ; это же повторилось и на позиціи 24-го стрѣлковаго полка. Послѣ всѣхъ этихъ попытокъ непріятель прекратилъ всякія наступательныя дѣйствія и ограничился только орудійной перестрѣлкой, которая продолжалась до 8-ми часовъ вечера, послѣ чего стихла совершенно.



Разводка лошадей.



Разрушенныя фанзы.

Въ 1-мъ сибирскомъ корпусѣ бой находился въ полномъ разгарѣ, положеніе корпуса было тяжелое, почему къ нему вдвинуты подкрѣпленія изъ общаго резерва въ видѣ 2-го сибирскаго корпуса въ составѣ 8 батальоновъ и 16 орудій, которые изъ Дунбаличжуана передвинулись въ Синбаличжуанъ, а два батальона изъ нихъ были двинуты въ Фанцзятунь. Кромѣ того, къ 3-мъ часамъ дня къ правому флангу 1-го корпуса подходили Барнаульскій и Красноярскій полки. Въ это время японцы сдѣлали три неудачныя попытки атаковать лѣвый флангъ корпуса и больше таковыхъ не возобновляли. На правомъ же флангѣ бой продолжался съ полнымъ напряженіемъ, въ шестомъ часу вечера Барнаульскій полкъ двинулся къ деревнѣ Юцзячжуанзы, его артиллерія открыла огонь по деревнямъ, занятымъ японцами, а полкъ занялъ вышеупомянутую деревню. Въ 3-мъ корпусѣ положеніе было таково, что всѣ были убѣждены, что ни за что не отступимъ, всѣ потеряли вѣру въ храбрость японцевъ. Въ 1-мъ корпусѣ бой продолжался съ одинаковымъ напряженіемъ, но мы отбивали всѣ атаки японцевъ, нанося имъ большія потери; съ наступленіемъ темноты бой прекратился, пришлось отбить только нѣсколько ночныхъ атакъ непріятеля и, такимъ образомъ, корпусъ не уступилъ ни одной пяди земли противнику. Пока все это происходило въ 1-мъ и 3-мъ сибирскихъ корпусахъ, японцы повели наступленіе на правый флангъ 10-го армейскаго корпуса, расположеннаго къ югу отъ высоты 148. Сначала это наступленіе имѣло нѣкоторый успѣхъ, а затѣмъ было нами остановлено и дальше японцы никакихъ активныхъ дѣйствій не предпринимали.



Генералъ Эвертъ ѣдетъ со смотра стрѣльбы изъ гаубицъ.

На крайнемъ правомъ флангѣ въ отрядѣ генерала Мищенко весь день шла борьба за обладаніе деревней Шуйцзуанъ, которую наконецъ мы и заняли, но къ ночи генералъ Мищенко отошелъ къ Танчжуанцзы. Въ общемъ, въ бою 17-го августа мы повсюду имѣли успѣхъ и хотя потеряли около 3500 человѣкъ, но отбитые нами японцы понесли не меньшія, если



Видъ Манджуріи.

не большія потери. Наши резервы оказались, однако, сильно израсходованными и къ вечеру этого дня общій резервъ состоялъ изъ 19-ти батальоновъ, т. е. немного болѣе



Кумирня у деревни Сянтанцзы.

одной пѣхотной дивизіи. Этотъ резервъ попрежнему находился въ трехъ группахъ: 8 батальоновъ у Далинцзы, 8—на главной ляоянской позиціи у форта и 3 батальона у Синбаличжуана. Общій резервъ находился въ исключительномъ распоряженіи генерала Куропаткина, и, посылая подкрѣпленія командирамъ корпусовъ, онъ требовалъ возвращенія ихъ назадъ по минованіи надобности.

Тѣмъ не менѣе генералъ Штакельбергъ не считалъ возможнымъ выполнить это требованіе и доносилъ, что: „*) Хотя онъ и отбилъ всѣ атаки, но японцы расположились въ самомъ близкомъ разстояніи отъ позицій, продолжая охватывать правый флангъ маѣтунской позиціи, такъ какъ деревни Бацзялагоуво и Цянчехецзы остались за нимъ. Вслѣдствіе этого является весьма вѣроятнымъ, что, устроившись за ночь и подведя резервы, противникъ съ разсвѣтомъ вновь поведетъ атаку на 1-й корпусъ. Съ другой же стороны, испортившіяся отъ дождя дороги дѣлаютъ невозможнымъ благоустроенное очищеніе позиціи въ случаѣ, если это будетъ необходимо. Между тѣмъ въ корпусномъ резервѣ оставалось всего 4 батальона. Въ виду этого генералъ Штакельбергъ доносилъ, что данные въ его распоряженіе 7 батальоновъ 2-го сибирскаго корпуса онъ рѣшилъ направить въ корпусный резервъ въ Шоушаньпу, а



Наблюденіе за наступленіемъ японцевъ.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.



Внутренность редута.

10 батальоновъ 4-го сибирскаго корпуса оставить у Юцзячжуанцзы. Это свое распоряженіе генералъ Штакельбергъ просилъ утвердить, чтобы онъ имѣлъ возможность удержаться на позиціи и 18-го августа". На основаніи вышеизложеннаго Штакельбергъ не принималъ никакихъ мѣръ къ возвращенію присланныхъ ему частей другихъ корпусовъ и даже, когда получилъ копію съ предписанія командующаго арміей генералу Зарубаеву, которою требовалось возвращеніе батальоновъ, направленныхъ на поддержку 1-го корпуса, онъ отвѣтилъ не исполненіемъ, а лишь повтореніемъ своего перваго ходатайства. До крайности недовольный этимъ генералъ Куропаткинъ въ предписаніи за № 840 писалъ: „Части, высланныя вамъ на выручку, не имѣлось въ виду вамъ подчинять и вы не получили увѣдомленія о томъ, что онѣ вамъ подчинены. Невѣрно понявъ увѣдомленіе о движеніи этихъ частей, вы лишили меня значительной части оставшагося въ моемъ распоряженіи резерва. Между тѣмъ, еще не опредѣлилось направленіе главнаго удара арміи Куроки, 10-й корпусъ и въ особенности 3-й, болѣе, чѣмъ вы, нуждаются въ подкрѣпленіи. Предлагаю вамъ подъ вашей отвѣтственностью немедленно отпустить генерала Левестама съ 6-ю батальонами, замѣнивъ его частями 5-й вост.-стр. бригады. Затѣмъ обращаюсь къ вамъ, какъ къ военному начальнику, который не долженъ узко понимать поставленную ему задачу и думать только о себѣ. Имѣйте въ виду, что каждый батальонъ, что вы мнѣ возвратите, можетъ имѣть вліяніе на успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла и, наоборотъ, задержанные безъ основанія и права 10 батальоновъ, въ случаѣ неудачи, дѣлаютъ васъ нравственно отвѣтственнымъ за таковой".



Телеграфная станція у Ляояна.

Ночь съ 17-го на 18-е августа войска провели на позиціи, имѣя сильное сторожевое охраненіе, непосредственно соприкасавшееся съ противникомъ, вслѣдствіе чего перестрѣлка шла въ теченіе всей ночи, при чемъ японцы нѣсколько разъ старались атаковать правый флангъ 1-го корпуса, доводя дѣло до штыковъ, но не имѣли особаго успѣха, хотя имъ и удалось занять деревни: Уйдягоу, Мандзяланцзы и Тассы.

Къ 18-му августа, корпуса манджурской арміи оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, но въ общемъ резервѣ генерала Куропаткина было меньше, чѣмъ накканунѣ, всего 22 батальона и 30 орудій, которые находились частью у Далинцзы, частью у форта № 5. Въ шестомъ часу утра 18-го августа въ 1-мъ и 3-мъ корпусахъ опять возобновилась канонада. Затѣмъ японцы сразу повели самое энергичное наступленіе, ихъ цѣпи двигались противъ фронта 1-го корпуса, а сильныя колонны направлялись на Хоучехецзы, Чжуцзяпуцзы и на Ванертунь.



Улица въ Ляоянѣ.

Утромъ этого дня манджурская армія была расположена слѣдующимъ образомъ:

*) 1. 1-й сибирскій корпусъ, всего 32 батальона, 78 орудій и 6 эскадроновъ: а) правый участокъ 12 батальоновъ, 24 орудія—занималъ позицію отъ Гуцзяцзына высоту 99 до дороги изъ Сяоянсы въ Шоушаньпу, артиллерія, попрежнему, находилась въ сѣдловинѣ у мандаринской дороги, но въ частномъ резервѣ была только одна рота. б) Лѣвый участокъ—9 батальоновъ и 32 орудія, занималъ высоты между дорогами Сяоянсы-Шоушаньпу и Сяоянсы-Фанцзятунь. в) Общій резервъ 11 батальоновъ и 22 орудія у деревни Фанцзятунь. 6 эскадроновъ стояли у Нанбаличжуана.

2. 3-й сибирскій корпусъ—всего 40 батальоновъ, 107 орудій и 6 сотенъ: а) правый участокъ—17 съ половиною батальоновъ, 63 орудія, двѣ мортирныхъ батареи и 6 сотенъ, стоялъ на правомъ флангѣ цофантунской позиціи и занималъ уступомъ назадъ позицію у Падяканцзы. б) Лѣвый боевой участокъ—11 батальоновъ и 48 орудій, занималъ высоты отъ дороги Цофантунъ-Вейдягоу до западныхъ склоновъ высоты 148, его артиллерія была расположена у Сычаню, въ частномъ резервѣ было 6 батальоновъ, а въ общемъ 12 батальоновъ.

3. 10-й армейскій корпусъ 27 батальоновъ: а) правый участокъ—8 батальоновъ за-

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

нимали пространство отъ высоты 148 до этапной дороги. б) Лѣвый участокъ—6 батальоновъ отъ этапной дороги до Сяпу. в) Общій резервъ 6 батальоновъ у Сычаню.



Батарея на стоянкѣ.

4. Правый флангъ и тылъ 1-го корпуса охранялись 4-мя батальонами и 12 орудіями, стоявшими у Юдзячжуанцзы.

5. 21 сотня, 20 орудій и 2 батальона подъ начальствомъ генерала Мищенко находились у Танчжуанцзы, а 19 сотенъ и 6 орудій генерала Самсонова—у Янцзялинцзы.

6. Расположеніе и числительность общаго резерва указаны раньше.

Въ виду вышеупомянутаго наступленія непріятеля, 7 батальоновъ корпуснаго резерва были переведены изъ Фандзятуня въ Шоушаньпу и въ это же самое время генералъ Штакельбергъ получилъ отъ Куропаткина приказаніе оказать содѣйствіе генералу Иванову, намѣревавшемуся вытѣснить японцевъ, забравшихся въ Тассы. Тѣмъ временемъ японцы яростно наступали и положеніе 1-го корпуса, осыпаемаго сильнѣйшимъ огнемъ, было чрезвычайно тяжелое, но, несмотря на это, врагъ всюду былъ отбитъ.

На два часа раньше японцы начали столь же энергичное наступленіе и противъ войскъ 3-го сибирскаго корпуса, но всѣ ихъ атаки не имѣли никакого успѣха. Около полудня здѣсь наступило нѣкоторое затишье, продолжавшееся до 2-хъ часовъ дня. Замѣчено было также нѣкоторое ослабленіе непріятеля: орудій съ его стороны стрѣляло меньше, чѣмъ наканунѣ, и сама стрѣльба была не такъ интенсивна. Противъ 10-го армейскаго корпуса было все спокойно и лишь только въ 1-мъ сибирскомъ корпусѣ бой все сильнѣе и сильнѣе разгорался. По-



Передвиженія тяжести въ Манджуріи.

лучавшіяся свѣдѣнія о противникѣ и его расположеніи сводились къ тому, что между желѣзнодорожной линіей и линіей Сяоянсы-Вантабай отъ 7 до 8-ми дивизій и около двухъ къ западу отъ желѣзной дороги. Это, по всей вѣротности, было слишкомъ преувеличеннымъ, такъ какъ на сколько передъ началомъ войны мы склонны были умалять силы противника, на столько послѣ нѣсколькихъ понесенныхъ нами пораженій мы склонны были ихъ преувеличивать. Относительно переправы 1-й японской арміи на правый берегъ Тайцзыхе свѣдѣній не поступало, ясно было, что не всѣ силы генерала Куроки принимали участіе въ послѣднихъ бояхъ, но вопросъ о томъ, куда направлялась его армія и гдѣ надо было ожидать нанесенія главнаго удара, не былъ еще выясненъ Это вынуждало генерала Куропаткина держать резервъ арміи возможно больше въ рукахъ, чтобы поддержать тѣ части арміи, которыя еще не были атакованы, но которыя легко могли очутиться въ такомъ положеніи. Поэтому изъ состава 4-го сибирскаго корпуса 4 батальона были двинуты въ Хинхванцинъ, а 4 батальона—въ Ситудяванзы.



Поле труповъ.

Но, вотъ, въ седьмомъ часу утра 18-го августа нѣжинскіе драгуны, находившіеся у Хванкуфеназа, замѣтили, что около 6 часовъ утра непріятель началъ переходить въ бродъ черезъ Тайцзыхе между Каквантуномъ и Сесше, при чемъ черезъ часъ времени переправилось около дивизіи пѣхоты съ полкомъ кавалеріи и артиллеріей. Въ 8 часовъ утра голова ихъ главной колонны достигла Кавлицуна, а одинъ полкъ двинулся на Кавлицай и Кане. Переправившіеся японцы немедленно вступили въ перестрѣлку съ нѣжинскими драгунами, при чемъ послѣдніе, тѣснимые превосходными силами, къ 8-ми съ половиной часамъ утра отошли къ Хохейнтаю. Командиръ Нѣжинскаго драгунскаго полка тотчасъ же донесъ начальнику сыквантунскаго отряда о переправѣ японцевъ на правый берегъ Тайцзыхе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Непріятель занялъ высоты праваго берега, что къ востоку отъ Квантуна; на перевалѣ видна большая кишка пѣхоты, движеніе, кажется, на западъ (опредѣленно не знаю еще навѣрное). Непріятель открылъ оживленный огонь по моимъ двумъ эскадронамъ, выдвинутымъ впередъ. Продолжаю наблюдать". Въ виду этого, въ 17-мъ армейскомъ корпусѣ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: бригада пѣхоты должна была занять позицію у Сыквантуня и выдвинуть авангардъ съ артиллеріей для обстрѣ-

ливанія мѣста переправы. Вслѣдствіе этого распоряженія войска заняли юго-восточные склоны высоты 131, деревню Сыквантунь и высоту около нея, артиллерія же стала: 16 пушекъ у Сыквантуня и 32 къ востоку отъ Сахутуна, всего на позиціи было 8 батальоновъ и 48 орудій. Правый флангъ сыквантунской позиціи обезпечивался рѣкою Тайцзыхе, а для обезпеченія лѣваго фланга былъ сформированъ особый отрядъ, который перешелъ въ Яндзяпуцзу. Въ общемъ резервѣ оставалось 8 батальоновъ, 56 орудій и сотенъ, находившихся въ Сахутунѣ. Боевыя дѣйствія начались здѣсь съ артиллерійской перестрѣлки и стрѣльбы нашей артиллеріи по японскимъ пѣхотнымъ частямъ, передвигавшимся въ районѣ Санцагоу-Кане.



На вершинѣ перевала.

Донесеніе о совершившейся переправѣ японцевъ генералъ Куропаткинъ получилъ только около полудня, вслѣдствіе порчи телеграфа, которая, надо думать, была преднамѣренная. Переправиться могли, вѣроятнѣе всего, только части арміи Куроки, а, можетъ быть, и вся его армія, которая съ этого момента такимъ образомъ уже непосредственно угрожала нашимъ сообщеніямъ на правомъ берегу рѣки, гдѣ наши силы въ лицѣ 17-го армейскаго корпуса были слишкомъ недостаточны для отраженія непріятеля,—резервовъ не было и поддержка этого корпуса могла быть произведена только войсками, находившимися на лѣвомъ берегу Тайцзыхе, а это обстоятельство влекло за собой необходимость оставленія передовыхъ ляоянскихъ позицій. Нельзя не указать, что могло быть еще и другое рѣшеніе вопроса, но оно требовало выдающейся энергіи и способностей полководца, а у Куропаткина ни того, ни другого не было. Общее положеніе японцевъ 18-го августа было довольно рискованно. Съ переходомъ Куроки на правый берегъ Тайцзыхе и передъ фронтомъ нашего 10-го армейскаго корпуса японцевъ оставалось очень мало, войска же Нодзу и Оку вторыя сутки находились въ ожесточенномъ бою съ войсками нашей западной группы, понесли большія потери, ощущали недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ, были сильно утомлены и не могли не быть не разстроенными. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что мы владѣли обоими берегами Тайцзыхе, значитъ, могли маневрировать свободно, создавало для насъ возможность, собравъ хотя не особенно большія силы, броситься въ разрѣзъ между арміями Куроки и Нодзу и

Оку, отрѣзать первую японскую амію отъ остальныхъ силъ, при чемъ она очутилась бы окруженною съ трехъ сторонъ, и обрушиться на лѣвый флангъ японскихъ силъ, дѣйствовавшихъ въ районѣ мандаринской желѣзной дороги. Надо полагать, что генералъ Куропаткинъ не могъ не понимать этого, но надо было рѣшиться, а это, очевидно, не было въ характерѣ нашего полководца. О созрѣвшемъ рѣшеніи отступать на правый берегъ Тайцзыхе онъ донесъ на Высочайшее имя слѣдующимъ образомъ: „*) Такъ какъ въ теченіи 17-го и 18-го августа на позиціи 10-го корпуса, противъ которой должна была быть армія Куроки, атаки велись сравнительно съ атаками на позиціи третьяго и перваго корпусовъ, — весьма слабо, то съ полнымъ основа-



Подъ Ляояномъ.

ніемъ можно было предположить, что главныя силы Куроки предназначены были для обхода лѣваго фланга нашего расположенія и для дѣйствій на наши сообщенія. При такой обстановкѣ мнѣ предстояло рѣшить: или перейти въ наступленіе съ позицій перваго и третьяго корпусовъ, подкрѣпивъ войска этихъ корпусовъ всѣми, неизрасходованными еще частями общаго резерва, или же, отведя войска съ передовыхъ позицій на главную, сосредоточить значительныя силы противъ арміи Куроки и попытаться прижать эту армію къ рѣкѣ Тайцзыхе, проходимой въ бродъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я принялъ второе рѣшеніе, руководствуясь слѣдующими соображеніями: оставшійся въ моемъ распоряженіи общій резервъ не былъ достаточно силенъ, чтобы обезпечить успѣхъ при переходѣ въ наступленіе въ южномъ направленіи; отходъ на главную позицію, сокращая линію обороны, дозволялъ бросить на правый берегъ Тайцзыхе значительную часть арміи; позиціи, занятыя переправившимися на правый берегъ японскими войсками, находились отъ линіи желѣзной

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

дороги всего лишь въ 16 верстахъ; опасность выхода арміи Куроки на нашъ путь сообщенія представлялась несомнѣнною; поэтому главною цѣлью дѣйствій надлежало поставить обезпеченіе арміи ея сообщенія съ тыломъ".



Манджурскій видъ.

Между тѣмъ 18-го августа положеніе нашего противника было далеко не завидное. Послѣ помянутаго наступившаго около 2-хъ часовъ дня затишья на фронтѣ 3-го сибирскаго корпуса ихъ артиллерія вновь открыла огонь, а пѣхота перешла въ наступленіе, но ни артиллерійскій, ни ружейный огонь противника совершенно не походилъ на то, что было наканунѣ. Стрѣляло очень мало батарей, въ нѣкоторыхъ было только по четыре орудія и онѣ видимо были уже неспособны къ массированію огня. Повторныя атаки на правый флангъ цофантунской позиціи всѣ послѣдовательно были отбиты. Послѣ чего дальнѣйшихъ наступательныхъ попытокъ японцы уже больше не производили и ограничились только вялой перестрѣлкой съ большихъ разстояній. Со стороны Падяканцзы мы даже перешли въ наступленіе и выбили непріятеля изъ Тассы и Шандзяпу. Въ 10-мъ армейскомъ корпусѣ все было спокойно, но это и понятно, такъ какъ большая часть находившихся противъ него непріятельскихъ силъ ушла на правый берегъ Тайцзыхе. Нѣсколько болѣе энергично велось дѣло противъ 1-го сибирскаго корпуса. Въ тотъ моментъ, когда въ 1-мъ корпусѣ было получено увѣдомленіе о намѣреніи генерала Куропаткина отвести войска съ лѣваго берега Тайцзыхе и бросить Ляоянъ, японцы энергично атаковали правый флангъ Штакельберга и, несмотря на тяжкія потери, заняли часть нашихъ окоповъ, но огнемъ нашей артиллеріи и произведенной контръ-атакой были выбиты и отброшены; находившіяся передъ фронтомъ волчьи ямы были наполнены японскими



Рекогносцировка деревни.

тѣлами; кромѣ того, они много потеряли отъ взрывовъ фугасовъ, заложенныхъ на дорогѣ отъ Сяоянсы въ Синлитунь. Несмотря, однако, на это, около 3-хъ часовъ дня японцы опять перешли въ наступленіе, но вновь были отброшены, и на этотъ разъ уже окончательно, такъ какъ больше попытокъ къ наступленію не возобновляли. Съ этого момента опасность, которая угрожала 1-му Сибирскому корпусу, миновала. Въ это время на правомъ франгѣ его происходило слѣдующее: японцы нѣсколько разъ безуспѣшно атаковывали Маѣтунь и Гудяцзы, ихъ артиллерійскій огонь достигъ величайшаго напряженія, шрапнели цѣлыми букетами рвались надъ нашими окопами, а фугасные снаряды, разрушая окопы, отравляли удушливыми газами ихъ защитниковъ. Всѣ ожидали близкаго штурма, который долженъ былъ за этимъ послѣдовать, но онъ, однако, не состоялся. Обходное движеніе съ запада японцамъ также не удалось. 1-й сибирскій корпусъ ни шагу не уступилъ непріятелю и, въ продолженіе двухдневнаго отчаяннаго боя, духъ войскъ все время возрасталъ и побѣда точно чувствовалась въ воздухѣ. Это усматривается изъ одного донесенія генералу Куропаткину: „*) всѣ атаки противника на лѣвый флангъ отбиты съ большимъ урономъ непріятелю: волчьи ямы завалены вровень трупами; наши потери тяжки; настроеніе великолѣпное; непріятель не выдерживаетъ ни ружейнаго огня, ни штыка; большинство нашихъ потерь отъ артиллерійскаго огня; большинство ранено тяжело; большая убыль въ офицерахъ 34-го, 1-го и 3-го стрѣлковыхъ полковъ“. И эти-то побѣдители, потратившіе столько энергіи, перенесшіе столько страданій и пролившіе столько крови, обречены были отдать цѣною жизни пріобрѣтенный успѣхъ и, какъ побѣжденные, уступить врагу тѣ позиціи, которыя они такъ мужественно и такъ упорно отстояли. Понятно, какое впечатлѣніе должно было это произвести на армію. Солдаты не понимали, да и не могли понять всей глубокомысленности куропаткинской стратегіи, ввязыванія въ ненужные бои и послѣ отступленія отъ побѣдоносно отбитаго врага, когда


Походная кухня въ гаолянѣ.


Выдача горячей пищи.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

мы выносили противника на собственныхъ плечахъ, неся при этомъ наибольшія потери.

Красноярскій полкъ, усиленный еще однимъ батальономъ изъ резерва Штакельберга, удержался у деревни Яцзалинцза и долженъ былъ прикрывать станцію Ляоянъ, гдѣ въ это время происходила самая поспѣшная эвакуація раненыхъ, войскъ и обозовъ, которые только могли захватить съ собою.



Полевая конно-желѣзная дорога.

Между тѣмъ на правомъ берегу Тайцзыхе ходъ дѣлъ сталъ принимать все болѣе и болѣе энергичный характеръ. Около двухъ часовъ дня японцы приступили къ наводкѣ понтоннаго моста у Каквантуна, обозы и артиллерію направили по дорогѣ отъ Хейую къ Лентоувану, что можно было прямо наблюдать непосредственно съ нашихъ позицій. Непріятельская артиллерія въ это время выѣхала у Сяпинцзу и открыла огонь по нашей артиллеріи, находившейся у Цофангоу и Сыквантуня, мы же заняли высоту между Сыквантунемъ и Хванкуфеномъ. Между тѣмъ переправа японскихъ войскъ продолжалась довольно энергично. Къ вечеру 18-го августа развѣдчики отъ нашего отряда, назначеннаго для обезпеченія лѣваго фланга Сыквантунской позиціи, обнаружили у Тайяо въ 6 верстахъ отъ янтайскихъ копей одинъ японскій батальонъ и два эскадрона. Въ это время на янтайскихъ копяхъ находились 4 роты разныхъ полковъ и нѣсколько орудій пограничной стражи. Кромѣ того, значительныя силы японцевъ сосредоточились между деревнями Хандяланцзы, Санцагоу и Кане и Квантунъ и Тесулу. Между Хванкуфеномъ и Квантуномъ противникъ приступилъ къ постройкѣ окоповъ и началъ переправу между Саканомъ и Сандяцзы, равно какъ были получены донесенія о начавшейся переправѣ непріятеля у Бенсиху. Въ этотъ же день, т. е. 18-го августа, утромъ, начали переправу небольшія непріятельскія части у Тиндятуна, Худапу, Линдзявацзы и устья Сихе. Противъ нихъ находился Дагестанскій полкъ, который отошелъ частью къ Тахеяну, частью къ Ліу-



Разрушенная фанза.

шидія. Бенсиху было занято отрядомъ генерала Любавина въ составѣ 8 сотенъ и 4 орудій, при чемъ одна сотня стояла у Уйнюнина, а двѣ у Сяндзяцзы, версты 4 восточнѣе Уйнюнина. Сотня у Уйнюнина была отрѣзана отъ отряда Любавина, а самый отрядъ, передъ которымъ переправилось около двухъ батальоновъ японцевъ, отошелъ къ Сашичацзы, гдѣ на другой день онъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ одного полка пѣхоты и 8 орудій. Такъ наступила ночь и непріятель остановился на занимаемыхъ имъ мѣстахъ. Въ эту самую ночь и должно было совершиться начало намѣченнаго Куропаткинымъ отступленія, которое представляло громадныя трудности, но, какъ предрѣшенное заранѣе, было нѣсколько подготовлено, до нѣкоторой степени разработано и были приняты кое-какія мѣры къ возможному порядку. Манджурской арміи, расположенной на лѣвомъ берегу Тайцзыхе, предстояла крайне тяжелая задача совершить отступленіе ночью по дорогамъ, испорченнымъ дождемъ, при чемъ переправа могла происходить лишь по устроеннымъ мостамъ, такъ какъ въ бродъ идти было нельзя. Порядокъ слѣдованія частей на правый берегъ, впрочемъ, былъ предусмотрѣнъ заранѣе заготовленной диспозиціей. Но не всѣмъ частямъ манджурской арміи предстояли одинаковыя трудности, наиболѣе тяжелъ и опасенъ былъ отходъ 1-го сибирскаго корпуса: его сторожевое охраненіе стояло лицомъ къ лицу съ непріятельскимъ, и противникъ въ полномъ смыслѣ слова висѣлъ у него на плечахъ. Нѣсколько лучше было положеніе 3-го сибирскаго корпуса, противъ котораго непріятель былъ отброшенъ версты на двѣ. Противъ 10-го же армейскаго корпуса непріятеля почти совсѣмъ не было. Но вообще трудность затѣянной операціи отступленія увеличивалась обнаружившимся энергичнымъ наступленіемъ непріятельскихъ силъ къ янтайскимъ копямъ. Янтайскія копи, представляя собою отличную для насъ позицію для отраженія арміи Куроки, вмѣстѣ съ тѣмъ представляли для японцевъ отличную исходную точку для



Сборъ въ гаолянѣ.



Развѣска мясныхъ порцій.

операцій противъ нашихъ сообщеній и пріобрѣтали такимъ образомъ для обѣихъ сторонъ первенствующее значеніе. Но положеніе ихъ въ нашемъ смыслѣ было опасное, такъ какъ силы 17-го армейскаго корпуса для удержанія ихъ въ нашихъ рукахъ были недостаточны, а удержаніе ихъ, по крайней мѣрѣ до полнаго сосредоточенія всей арміи на правомъ берегу Тайцзыхе, являлось задачей первостепенной важности. Въ виду невозможности для отряда генерала Орлова своевременно поспѣть къ янтайскимъ копямъ, генералъ Куропаткинъ приказалъ генералу Самсонову съ крайняго праваго фланга, гдѣ онъ тогда находился, немедленно слѣдовать къ янтайскимъ копямъ. Это было въ шесть часовъ вечера.



3-ья батарея 9-й артиллерійской бригады.

Еще 17-го августа отрядъ генерала Орлова получилъ приказаніе передвинуться въ Чжансянтунь, теперь же ему была задача обезпеченія нашего лѣваго фланга, для чего ему приказано было идти на Сяоталіенгоу и дѣйствовать на правый флангъ противника, а въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами, отходить на ст. Янтай. О движеніи же отряда генерала Орлова къ янтайскимъ копямъ, которыя были гораздо далѣе на востокъ, въ приказаніи генералу Орлову и помину не было. Сначала при задуманномъ отступленіи было рѣшено удерживать Ляоянъ за собою, поэтому при распредѣленіи порядка отступленія было приказано 10-му армейскому корпусу выдѣлить для гарнизона Ляояна 8 батальоновъ и 24 орудія и для занятія позиціи у Мучана два батальона и 16 орудій, остальныя силы корпуса должны были отойти къ Синчену. 3-й сибирскій корпусъ долженъ былъ выдѣлить для Ляояна 6 батальоновъ и 16 орудій, а самъ сосредоточиться за сѣверной стѣной города, 2-й же и 4-й сибирскіе корпуса цѣликомъ должны были поступить въ составъ гарнизона города и расположиться на назначенныхъ имъ мѣстахъ укрѣпленія ограды города. Въ Ляоянѣ такимъ образомъ образовался гарнизонъ силою въ 64 батальона, 102 полевыхъ пушки и 22 орудія стараго образца, 24 мортиры, 10 сотенъ и два саперныхъ батальона и одна саперная рота. Отрядъ генерала Мищенко и весь первый сибирскій корпусъ должны были, не задерживаясь въ Ляоянѣ, перейти на правый берегъ



Переводчикъ китаецъ.

Тайцзыхе. Положеніе отряда генерала Мищенко и его отходъ представляли наибольшія трудности и потому 1-му корпусу было приказано сообразовать свое движеніе съ отрядомъ Мищенко, а 3-му сибирскому корпусу равняться по первому корпусу. Около 10 часовъ ночи 1-й сибирскій корпусъ началъ отступать, за нимъ двинулся 3-й сибирскій корпусъ, который къ 8-ми часамъ утра 19-го августа благополучно собрался на указанномъ ему мѣстѣ, точно также благополучно и въ полномъ порядкѣ отошелъ и 10-й армейскій корпусъ, и переправа назначенной части войскъ на правый берегъ Тайцзыхе совершилась вполнѣ благополучно. Японцы не двинулись; очевидно, они были сильно разстроены предыдущими боями и не въ состояніи были развить должной энергіи для преслѣдованія.



Въ разбродъ.

Этимъ закончился второй періодъ ляоянскихъ боевъ, характеризовавшійся тою же отступательной тенденціей, тѣмъ же отсутствіемъ опредѣленной руководящей идеи, тѣмъ же непониманіемъ обстановки, безконечной нерѣшительностью и колебаніями, которыя измучили войска и истощили ихъ силы: послѣднія были окончательно надломлены, гораздо раньше рѣшительнаго удара. Тяжелые бои, которые заставлялъ вести генералъ Куропаткинъ и въ которыхъ войска успѣшно боролись съ врагомъ, оканчивавшіеся непремѣнными отступленіями, въ значительной мѣрѣ подорвали духъ арміи, напрасно выказывавшей удивительную стойкость и непоколебимое мужество. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что коренная ошибка заключалась въ рѣшеніи вести упорные бои на всѣхъ позиціяхъ, удержаніе которыхъ



Переправа лошадей вплавь черезъ рѣку.

важно было лишь въ смыслѣ сосредоточенія своихъ силъ. Ко времени ляоянскихъ боевъ у Куропаткина было 7 корпусовъ, 4 сибирскихъ и 5-й, 10-й и 17-й армейскіе, 1-й армейскій корпусъ своими головными частями подходилъ къ Мукдену. Лучше было бы, задерживая непріятеля только арьергардами 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 10-го корпусовъ, 17-й корпусъ держать сосредоточеннымъ, а не разбросаннымъ на большомъ пространствѣ праваго берега Тайцзыхе, и не растаскивать 5-й корпусъ по частямъ, а цѣликомъ направить его на защиту янтайскихъ копей. Измученные боемъ передовые корпуса въ послѣднемъ случаѣ могли бы безъ особыхъ потерь отойти подъ прикрытіемъ своихъ арьергардовъ, обстановка и планы могли бы быть своевременно выяснены и тогда у насъ могли бы образоваться большія, а главное, почти



Дѣйствія въ окопѣ.

совершенно свѣжія силы не только для прекращенія дальнѣйшаго движенія непріятеля, но и для рѣшительнаго перехода къ активнымъ дѣйствіямъ. Сдѣланная первоначально ошибка имѣла гибельныя послѣдствія, но уже исправить ее было нельзя.

19-го августа генералъ Куропаткинъ получилъ отъ генерала Бильдерлинга донесеніе слѣдующаго содержанія: „*) Кромѣ дивизіи, переправившейся сегодня утромъ у деревни Каквантуна, съ поста на высотѣ 151, около 5 часовъ дня наблюдалась наводка понтоннаго моста японцами къ востоку отъ Каквантуна, по которому стала переходить пѣхотная колонна, тянувшаяся до 6 часовъ вечера, а затѣмъ, повидимому, переводилась артиллерія. Дальнѣйшему наблюденію помѣшали дождь и туманъ. Передовыя пѣхотныя части японцевъ около 5 часовъ вечера наблюдались полковникомъ Стаховичемъ на сопкахъ къ сѣверу отъ Санцагоу; въ рядахъ переправившагося противника были замѣчены и китайцы. Такое смѣлое движеніе противника въ виду нашихъ позицій и переходъ на правый берегъ Тайцзыхе въ те-

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

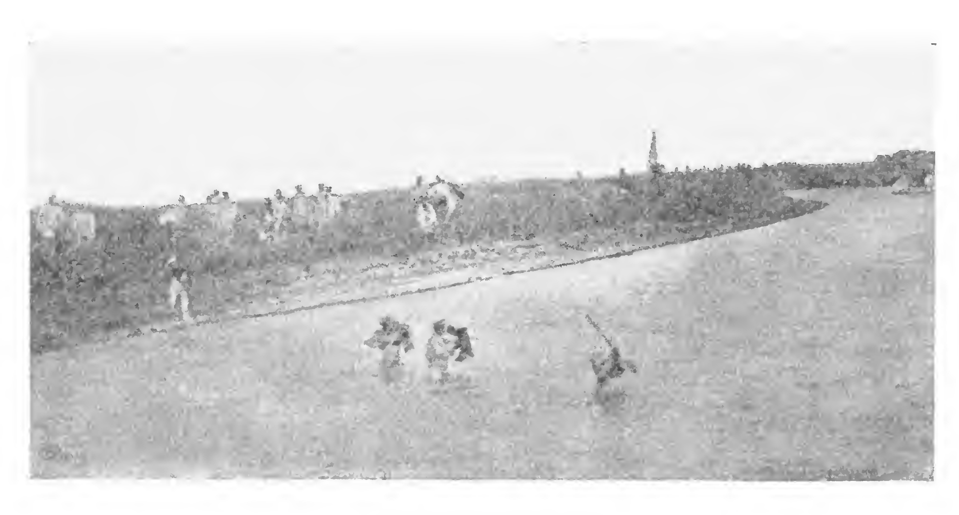
ченіи дня значительныхъ силъ приводятъ меня къ заключенію, что для задержки дальнѣйшаго наступленія противника на сѣверъ необходимъ приливъ свѣжихъ нашихъ частей завтра къ моему лѣвому флангу".



Объѣздъ позиціи.

„Ввиду невозможности эшелонировать при данной обстановкѣ обозы 2-го разряда по указанному корпусу пути № 1, нынѣ открытому для противника, прошу разрѣшенія временно сосредоточить эти обозы завтра къ Инчензы на пути № 3 и указать для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія другой путь, а не путь № 1".

На этомъ Куропаткинымъ была положена слѣдующая резолюція: „Необходимо скорѣе представить мнѣ соображенія о переходѣ въ наступленіе. Очень желательно сегодня собираться, завтра сближаться, послѣзавтра 21-го атаковать". Это жалкое подражаніе великому Суворову было крайне странно. Послѣ того, какъ Куропаткинъ упустилъ всѣ представлявшіеся ему благопріятные моменты къ переходу въ наступленіе и нанесенію пораженія врагу, послѣ того, что онъ отдалъ весь лѣвый берегъ непріятелю, при замѣчающемся уже недостаткѣ въ артиллерійскихъ припасахъ и въ то время, когда духъ арміи былъ подорванъ и принесенъ въ жертву куропаткинской стратегіи „терпѣнія", онъ такъ бравурно объявляетъ о переходѣ къ активнымъ дѣйствіямъ.



Переправа въ бродъ.

Дѣйствительно—почему вдругъ въ разгарѣ отступленія тяжелаго и опаснаго, когда нравственное состояніе да и само расположеніе войскъ не отвѣчали переходу въ наступленіе, оно вдругъ было рѣшено. Если причиной столь внезапнаго прилива энергіи было убѣжденіе въ переправѣ на правый берегъ Тайцзыхе всей арміи Куроки и вытекавшей для нея такимъ образомъ опасности быть разбитой отдѣльно, то почему же рѣшеніе не послѣдовало

наканунѣ, т. е. 18-го августа, когда армія Куроки находилась въ періодѣ переправы и была разрѣзана рѣкою на двѣ части, что Куропаткину должно было быть извѣстно. Пусть будущая исторія отвѣтитъ на эти вопросы, намъ же здѣсь остается разсмотрѣть, насколько данное рѣшеніе вытекало изъ обстановки и къ какимъ результатамъ оно могло привести. Поле сраженія на правомъ берегу Тайцзыхе представляло собою всхолмленную равнину, обрамленную съ востока рядомъ крутыхъ горныхъ массивовъ, крайне трудныхъ для движенія. На этихъ массивахъ находилась береговая позиція по берегу рѣки, которая тянулась почти отъ самаго Ляояна до деревни Сыквантунь. Позиція эта дѣлилась на три части: мучанскій участокъ самый право-фланговый, съ котораго обстрѣливались подступы къ лѣвому флангу ляоянскаго укрѣпленнаго района; средній участокъ образовывался горнымъ массивомъ 151, находившимся противъ долины Танхе, при чемъ эта долина превосходно обстрѣливалась на протяженіи отъ Сяпинцзу до Какквантуна, затѣмъ слѣдовала сыквантунская позиція, расположенная на горахъ между Сыквантунемъ и Яндяпуцзы, но противъ этой позиціи находились командующія высоты. Далѣе къ востоку находилась янтайская позиція, шедшая отъ Хандялацзы на четырехголовую сопку и копи Янтай. Несмотря на то, что давно былъ предвидѣнъ обходъ японцами нашего лѣваго фланга именно на правомъ берегу Тайцзыхе и выходъ ихъ на наши сообщенія, никакой подготовки поля сраженія сдѣлано не было, важнѣйшія точки не были укрѣплены и даже не былъ срѣзанъ гаолянъ, который въ видѣ густого лѣса покрывалъ всю площадь поля сраженія, до крайности затрудняя оріентированіе и передвиженіе; кромѣ того, не было хорошихъ картъ, а имѣлись только наскоро составленныя кроки съ перевранными названіями мѣстныхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что обстановка со стороны мѣстности не отвѣчала наступленію и не соотвѣтствовала оборонѣ, что, впрочемъ, и оправдалось дѣйствительностью.



Бивуакъ артиллеріи.

*) 19-го августа манджурская армія занимала слѣдующее положеніе: 1. 17-й армейскій корпусъ: а) 8 батальоновъ, 10 орудій и два эскадрона отъ Сянвацзы до Цо-

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

фангоу; б) 16 батальоновъ, 96 орудій и 4 эскадрона подъ начальствомъ генерала Добржинскаго располагались на сыквантунской позиціи; в) 7 батальоновъ, 8 орудій и двѣ сотни подъ начальствомъ генерала Экка у Тудагоу и Цовчинцзы; г) 2 батальона, 6 орудій и 12 эскадроновъ подъ начальствомъ генерала князя Орбеліани находились у Хохентая, откуда производили развѣдки на янтайскія копи.



Передъ братской могилой.

2. 10-й армейскій корпусъ: а) 22 батальона, 58 полевыхъ, 7 горныхъ орудій, 12 мортиръ и 4 сотни бивуакировали у деревни Феншанъ, Шанвагоцзы и Шинчензы; б) 8 батальоновъ и 24 орудія находились въ укрѣпленіяхъ Ляояна; в) два батальона и 16 орудій—на позиціи у Мучана.

3. 1-й сибирскій корпусъ: а) 1-я вост.-сиб. стр. дивизія у Люцзячжуана; б) 9-я вост.-сиб. стр. дивизія у Иншуйсы; в) кавалерія полковника Гурко у Лямипу.

4. 3-й сибирскій корпусъ: весь въ составѣ 18 батальоновъ, 48 орудій и 4 сотенъ находился у Чжанчжалинцзы. 5. 21 сотня, 12 орудій генерала Мищенко у Синдятуня. 6. 11 батальоновъ, 20 орудій и 2 сотни подъ начальствомъ генерала Орлова на походѣ въ Сяоталіенго. 7. 19 сотенъ и 6 орудій занимали янтайскія копи. 8. 4 батальона, 12 сотенъ и 12 орудій подъ начальствомъ генерала Любавина у Сясичанцзы и Шанпинчайцзы. 9. 4 батальона и 8 орудій подъ начальствомъ генерала Петрова въ Мадзяндянѣ. 10. 6 ротъ, 12 орудій и 14 сотенъ подъ начальствомъ генерала Грекова охраняли правый флангъ арміи отъ Ляояна до Сяобихе; 11. отрядъ полковника Мадритова стоялъ на Ляоченѣ, занимаясь развѣдками къ Корейской границѣ. Надо еще принять во вниманіе, что численный составъ арміи далеко не отвѣчалъ ея составу, такъ: во всемъ 10-мъ армейскомъ корпусѣ не было



Укрѣпленіе.

болѣе 10000 штыковъ, что также было и въ 1-мъ сибирскомъ корпусѣ, напримѣръ, въ 35 вост.-сиб. стр. полку имѣлось только пять ротъ, или около 1000 ч.; такимъ образомъ, какъ по численности, такъ и по расположенію, армія въ данный моментъ мало отвѣчала переходу въ наступленіе, кромѣ того, въ результатѣ этого наступленія теперь могло явиться лишь частичное пораженіе 1-й японской арміи, которая могла быть приперта къ рѣкѣ и была поставлена въ критическое положеніе. Рѣшеніе свое отступать 18-го августа генералъ Куропаткинъ мотивировалъ тѣмъ, что наступленіе не можетъ имѣть рѣшительныхъ результатовъ,—тогда почему же здѣсь не былъ этотъ вопросъ принятъ во вниманіе, тѣмъ болѣе, что результаты перехода въ наступленіе именно 18-го августа могли быть гораздо серьезнѣе, такъ какъ это могло повлечь за



Кладбище подъ Ляояномъ.

собой разбитіе всѣхъ трехъ японскихъ армій. Все это указываетъ на отсутствіе одной общей руководящей идеи, на отсутствіе ясно сознаннаго и вполнѣ обдуманнаго плана. Отсюда постоянныя колебанія и постоянная перемѣна рѣшеній.

Но перейдемъ къ описанію событій, имѣвшихъ мѣсто 19-го августа. До половины второго часа на правомъ флангѣ арміи все было спокойно, но потомъ японцы открыли бомбардировку Ляояна и его укрѣпленій, они стрѣляли изъ гаубицъ и одного осаднаго орудія. Бомбардировка продолжалась весь день и направлялась главнымъ образомъ по китайскому городу и району расположенія желѣзнодорожной станціи. Генералъ Куропаткинъ такъ поспѣшно бросилъ Ляоянъ, что забыли даже снять георгіевскій флагъ надъ его помѣщеніемъ, онъ-то и привлекалъ огонь японцевъ. Бомбардировка станціи была особенно непріятна, такъ какъ вносила путаницу и суматоху при спѣшной эвакуаціи раненыхъ и различныхъ запасовъ, которые уже нельзя было держать въ городѣ, долженствовавшемъ скоро перейти въ руки врага. Между тѣмъ въ штабѣ арміи вырабатывался планъ предстоящаго перехода въ на-

ступленіе, который, въ общемъ, заключался въ томъ, чтобы развернуть всѣ войска, находящіяся на правомъ берегу Тайцзыхе на линіи Сыквантунь—янтайскія копи, и затѣмъ, принявъ за ось сыквантунскую позицію, исполнить захожденіе арміи лѣвымъ плечомъ и опрокинуть Куроки въ Тайцзыхе. Въ это время ляоянская группа войскъ должна была упорно держаться въ ляоянскомъ укрѣпленномъ районѣ. Это была до крайности сложная операція, тѣмъ болѣе, что должна была происходить на большомъ пространствѣ и, какъ выше уже сказано, на совершенно неподготовленномъ театрѣ, даже при отсутствіи сколько-нибудь порядочныхъ картъ мѣстности. Для наступленія были назначены 17-й и 10-й армейскіе корпуса и 1-й и 3-й сибирскіе корпуса съ отрядомъ генерала Мищенко. 17-й корпусъ долженъ былъ пока оставаться на мѣстѣ и упорно удерживать сыквантунскую позицію. Для охраны лѣваго фланга было назначено 13 батальоновъ, 22 орудія и три сотни подъ начальствомъ генерала Орлова, которому указано было, сообразуясь съ движеніями корпуса генерала Штакельберга, слѣдовать въ направленіи на Хванкуфенъ; на крайнемъ лѣвомъ флангѣ находились 19 сотенъ и 6 орудій генерала Самсонова, которыя должны были производить развѣдки къ сторонѣ Бенсиху. Правый флангъ обезпечивался 8-ю батальонами, 60-ю орудіями и тремя эскадронами подъ начальствомъ генерала Янжула, на эти войска, между прочимъ, была возложена задача поддерживать ляоянскій укрѣпленный районъ, обстрѣливая подступы къ его лѣвому флангу; для охраны тыла были назначены 6 батальоновъ и 8 орудій съ 2-мя сотнями подъ начальствомъ генерала Кондратовича, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ и охранять переправы черезъ Тайцзыхе, кромѣ того, въ число войскъ, назначенныхъ для несенія охранительной службы, надо включить еще и отряды: Грекова, Коссоговскаго, Любавина и Мадритова. Такимъ образомъ выходило, что на второстепенныя операціи было удѣлено около 20% всѣхъ силъ, которыми располагалъ Куропаткинъ, на производство же собственно наступленія было назначено только около 50%— ясно, что при намѣреніи разгромить противника, такое распредѣленіе силъ надо считать не вполнѣ соотвѣтствующимъ. Общее начальство надъ войсками ляоян-


Японскій кавалеристъ.


Послѣднее топливо.

скаго укрѣпленнаго района было вручено генералу Зарубаеву, а начальствованіе надъ наступающей группой принялъ на себя самъ Куропаткинъ лично. Свѣдѣнія въ полевомъ штабѣ о непріятелѣ были немногочисленны и скорѣе были преувеличены, главнымъ источникомъ ихъ служили китайцы. Генералъ Куропаткинъ былъ нервно настроенъ и сдѣлался чувствительнымъ къ слухамъ, у него особенно развилась боязнь за свои фланги и больше всего его заботилъ правый флангъ, куда онъ въ распоряженіе генерала Кондратовича отправилъ еще нѣсколько батальоновъ, изъ состава войскъ генерала Зарубаева.



Перевозка тяжело-раненыхъ.

Это, конечно, уменьшало силы, назначенныя для рѣшительныхъ дѣйствій, и, не помогая существенно усиленію охраны, было во всѣхъ смыслахъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Достаточно было бы ограничиться однимъ наблюденіемъ. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ, какъ на примѣръ недостатка предусмотрительности и заботливости со стороны штаба арміи. Предыдущіе бои повлекли за собой огромный расходъ въ боевыхъ запасахъ арміи, въ особенности чувствовался недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ, что обратило на себя вниманіе только 19-го августа, въ самый разгаръ сраженій, и тогда генералъ Куропаткинъ телеграфировалъ генераламъ Левашеву и Надарову: „*) Благоволите разыскать, гдѣ находятся высланные патроны и экстренно препроводить ихъ въ армію“. Черезъ два дня послѣ этого, т. е. 21-го августа, Куропаткинъ получилъ отвѣтъ отъ военнаго министра, что высланные патроны должны были прибыть въ Иркутскъ въ періодъ времени съ 8-го по 18-е августа и что сдѣлано распоряженіе о дальнѣйшемъ ихъ немедленномъ слѣдованіи. Получить эти новые запасы



Блиндированное жилье.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

можно было разсчитывать только около половины сентября; конечно, это было плохимъ утѣшеніемъ, въ особенности, когда боевые запасы на театрѣ войны приходили уже къ концу. Пока все это происходило, утромъ 20-го августа было получено донесеніе отъ генерала Бильдерлинга о ходѣ дѣлъ 19-го августа. Командиръ 17-го корпуса писалъ: „*) съ наступленіемъ сумерекъ японцы перешли въ наступленіе противъ генерала Добржинскаго, направляя главный ударъ противъ сопки къ сѣверовостоку отъ Сыкватуня, занятой Нѣжинскимъ полкомъ“.

„Въ часовъ 30 минутъ атака японцевъ была отбита съ переходомъ въ штыки, но, видимо, обошлась дивизіи дорого, такъ какъ всѣ резервы были введены въ дѣло и въ одномъ Нѣжинскомъ полку потери исчисляются въ 100 нижнихъ чиновъ убитыми и до 200 ранеными. Въ полную темноту атака возобновилась. Полкъ дрогнулъ и въ безпорядкѣ сталъ отходить. Поднятый мною съ бивака Чембарскій полкъ далъ возможность остановить отходъ полка, съ восходомъ луны я принялъ мѣры по приведенію войскъ въ порядокъ и далъ знать командиру 10-го корпуса. Полагаю, что люди, утомленные боемъ въ теченіе всего дня при двухъ ночныхъ атакахъ, невольно поддались паникѣ, свойственной человѣку при ночной обстановкѣ, и понесли значительныя потери, какъ Нѣжинскій, такъ и Болховскій полки. Надѣюсь къ разсвѣту устроить войска, но въ виду сильныхъ потерь въ 1-й бригадѣ, разсчитываю возстановить прежнее расположеніе на нѣкоторыхъ участкахъ позиціи лишь при помощи резерва корпуса, т. е. сводной бригады генерала Экка“.



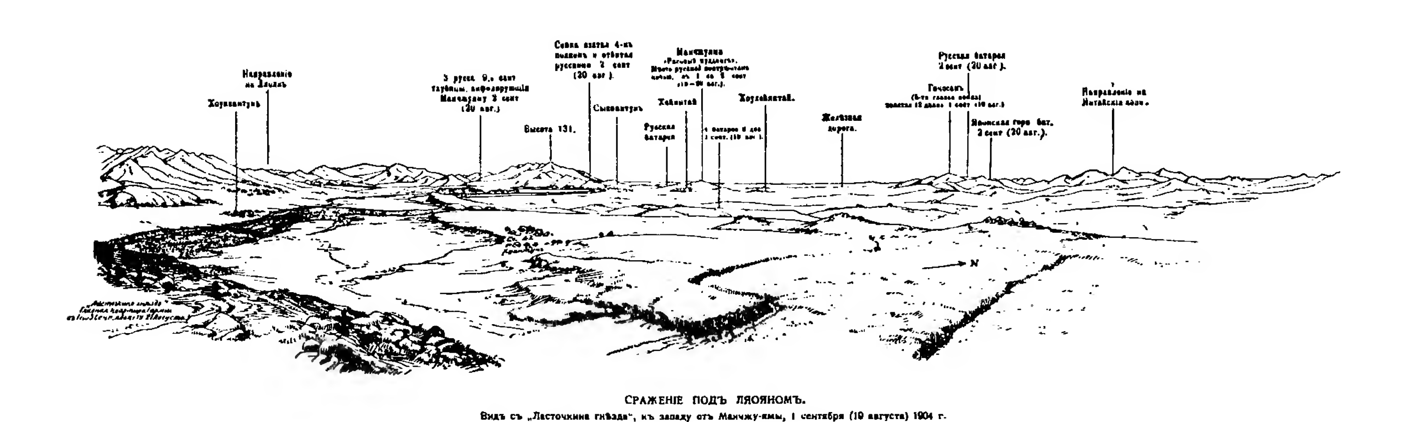
Фанза въ полѣ.

Это общее донесеніе говорило о происшедшей неудачѣ, но въ чемъ собственно заключалось дѣло и въ какомъ положеніи оно находилось, въ данную минуту судить было трудно. Въ дѣйствительности происходило слѣдующее: получивъ приказаніе маршала Ойямы переправиться на правый берегъ Тайцзыхе, генералъ Куроки долженъ былъ совершить эту переправу вечеромъ 18-го и въ теченіе ночи 19-го августа. Это была исключительно трудная и опасная операція, японцамъ предстояло переправиться черезъ рѣку въ виду непріятеля и при условіи, что оба берега рѣки были имъ заняты. Это была самая щекотливая военная операція, которая могла удаться только при такихъ инертныхъ начальникахъ, каковы были наши. Генералъ Куроки

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

отлично понималъ всю опасность предстоящаго ему предпріятія, для успѣха котораго необходимо было, чтобы 2-я дивизія сбила бы противника, расположеннаго къ югу и юго-западу отъ Сяпинцзу и Тесулу, но такъ какъ рѣшеніе Куропаткина отступать было отлично извѣстно японцамъ и онъ уже началъ приводить свое рѣшеніе въ исполненіе, то надо было положиться на много разъ проявленный нами недостатокъ инициативы, почему и рѣшено было оставить наши войска, занимающія сказанныя позиціи, въ покоѣ и начать переправу, не обращая на нихъ вниманія. Этотъ разсчетъ генерала Куроки оказался вѣрнымъ и блистательно подтвердился на дѣлѣ: наши войска не тронулись съ мѣста и 12-я японская дивизія еще на разсвѣтѣ 16-го августа цѣликомъ была уже на правомъ берегу Тайцзыхе и двинулась къ сѣверу для прикрытія переправы своей 2-й дивизіи.

Рѣшеніе маршала Ойямы перебросить часть своихъ армій на правый берегъ Тайцзыхе состоялось собственно 15-го августа и около полудня этого числа гене-



СРАЖЕНІЕ ПОДЪ ЛЯОЯНОМЪ.
Видъ съ „Ласточкина гнѣзда", къ западу отъ Манчжу-ямы, 1 сентября (19 августа) 1904 г.

ралъ Куроки получилъ телеграмму отъ начальника штаба Ойямы, въ которой сообщалось, что 2-я японская армія намѣревается въ этотъ день продвинуться на линію Шахе-Ляохе, а 4-я армія на линію Цофантунь-Тайертунь, поэтому 1-й арміи предлагалось немедленно спѣшить къ южному берегу Тайцзыхе и подготовиться къ переправѣ. По трудности это было почти неисполнимое приказаніе. 1-я армія въ это время находилась въ бою съ противникомъ фронтомъ на сѣверо-западъ, и притомъ на чрезвычайно пересѣченной мѣстности, и перемѣнить фронтъ или прекратить бой было почти невозможной задачей. Для исполненія этой задачи было приказано гвардіи занять линію Цофантунь-Тайертунь, 2-я дивизія должна была дойти до Сяпу, а 12-я до Свямаоцзы и подготовиться къ переправѣ между Лентоуваномъ и Саканомъ. Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ лучше всего усматривается изъ оффиціальнаго сообщенія одного японскаго офицера, принадлежащаго къ штабу Куроки. Онъ сообщаетъ: „*) Несмотря на внезапную перемѣну плана, вызванную приказомъ главной квартиры манджурской арміи, сообщеннымъ намъ вчера въ полдень, 12-й дивизіи вечеромъ удалось занять указанный ей пунктъ безъ серьезнаго боя. Главная квартира и главныя силы 2-й дивизіи были не такъ счастливы. Ихъ задержалъ туманъ,

*) Гамильтонъ. „Записная книжка офицера".

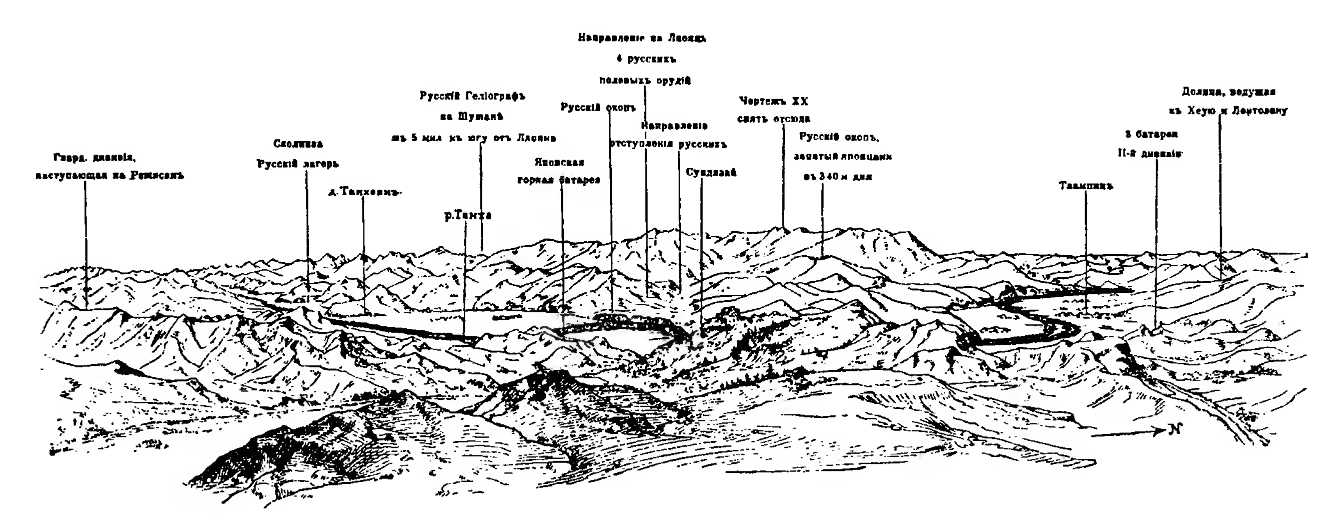
и кромѣ того черезъ Тайцзыхе оказалось очень мало удобныхъ бродовъ. Къ тому же, русскіе оказали упорное сопротивленіе не только при переправѣ, но также при дальнѣйшемъ наступленіи нашемъ на сопки, на западномъ берегу рѣки. Вслѣдствіе этого генералу Ниши удалось занять лишь одну сопку въ весьма небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Сандяцзы“.



Приготовленіе къ стрѣльбѣ.

„Лѣво - фланговая бригада 2-й дивизіи была счастливѣе. Ночью она атаковала непріятеля къ сѣверу отъ Сандяцзы и послѣ жестокаго боя овладѣла его позиціей. Недовольствуясь такимъ успѣхомъ, который можно было бы считать блестящимъ, генералъ Мацунага преслѣдовалъ непріятеля всю ночь, карабкаясь на отвѣсныя скалы и пробираясь по оврагамъ, пока на разсвѣтѣ не занялъ высшей точки впереди лежащаго хребта, онъ прислалъ донесеніе, что съ захваченной имъ вершины онъ видитъ простирающуюся передъ нимъ обѣтованную землю и прекрасный Ляоянъ, раскинувшійся вокругъ своей знаменитой кумирни“.

„Наступленіе императорской гвардіи обмануло наши ожиданія. Она храбро атаковала русскую бригаду, преградившую ей путь у Вейчаку, но непріятель подготовилъ три послѣдовательныя позиціи и оказалъ на нихъ упорное сопротивленіе.



Бой 15-го августа. Видъ передъ фронтомъ 2-й японской дивизіи.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

Вслѣдствіе чего гвардіи удалось дойти лишь до линіи Сифанъ. Гвардія дальше продвинуться не можетъ. Болѣе того, изъ донесеній видно, что какъ разъ та линія, которую гвардіи приказано было занять, повидимому, выбрана русскими для обороны и укрѣплена такъ, какъ не была еще ни одна изъ до сихъ поръ встрѣченныхъ позицій. Будущее покажетъ, чѣмъ это все кончится. Пока же гвардейская дивизія вошла въ связь съ кавалеріей четвертой арміи у Сяоянсы. Такимъ образомъ, удача перемѣшана съ неудачей и приблизительно уравновѣшиваютъ другъ друга".

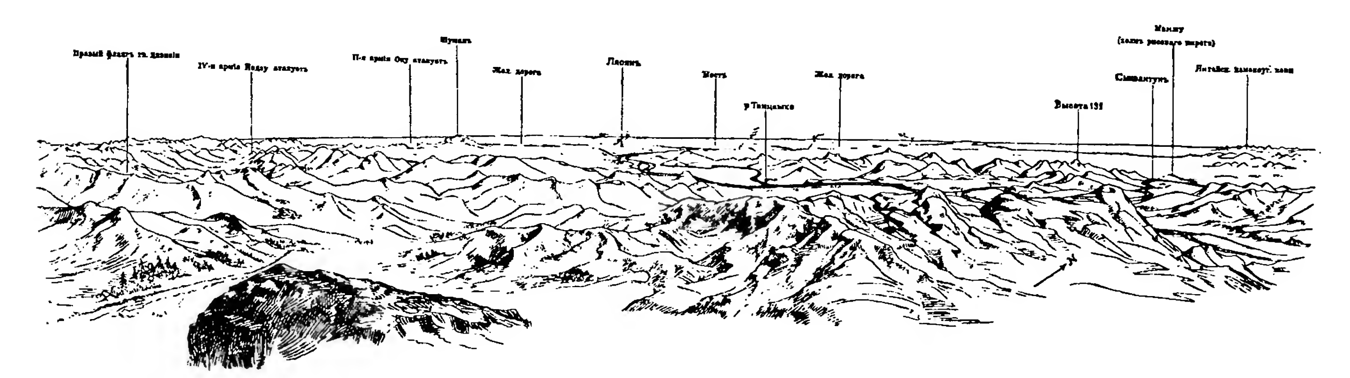


Кумирня.

„12-я дивизія выполнила все, что ей полагалось. Главныя силы второй дивизіи не дошли до мѣста назначенія 6 миль, но въ замѣнъ этого, бригада Мацунаги сдѣлала больше, чѣмъ ей было приказано, и вмѣсто того, чтобы только войти въ связь съ гвардіей, заняла важный командующій пунктъ впереди своего праваго фланга".

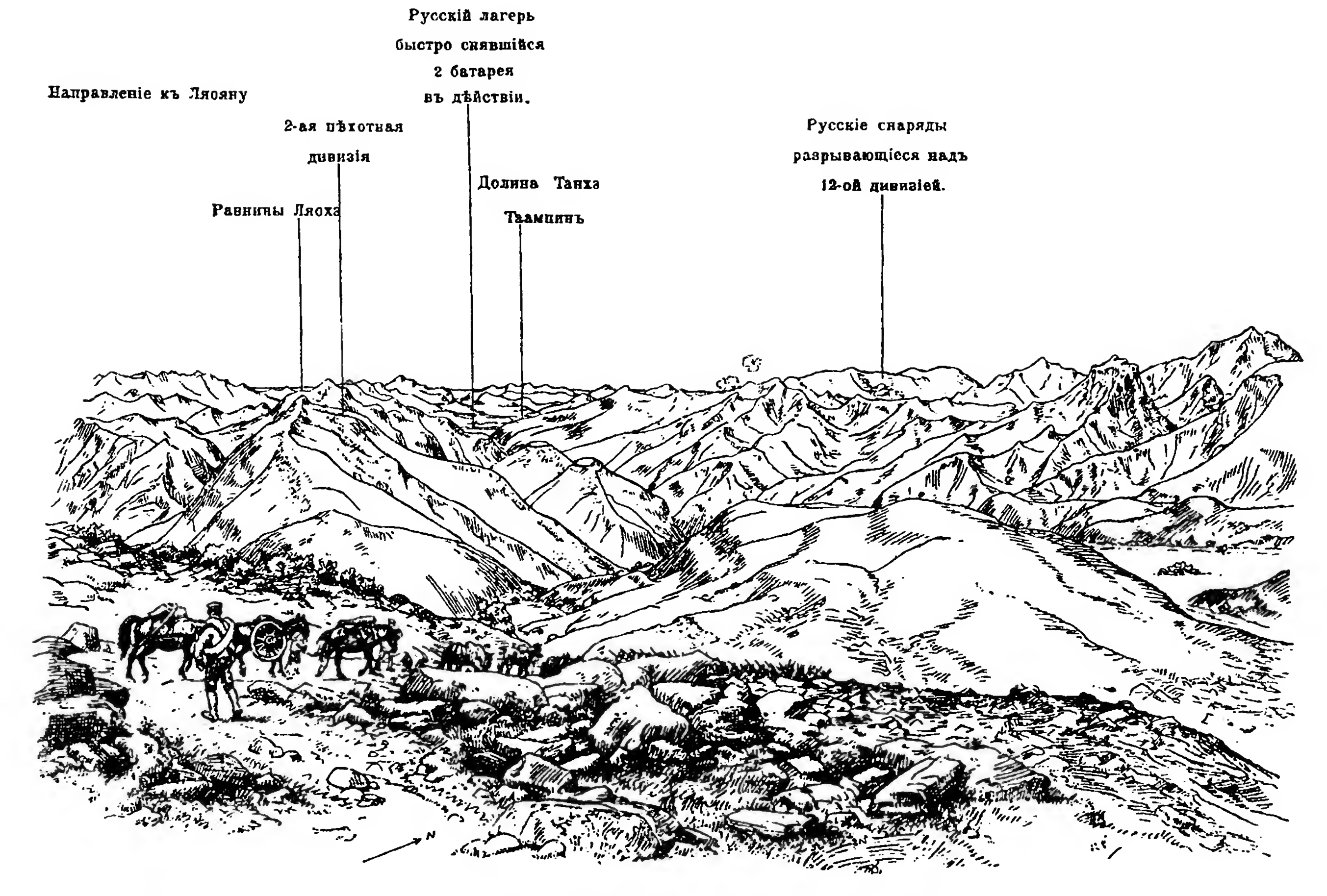
„Дивизія императорской гвардіи одна лишь не могла добиться никакого успѣха въ выполненіи возложенной на нее задачи. Съ этимъ ничего не подѣлаешь да и нельзя ничего большаго требовать отъ войскъ, выдержавшихъ три боя съ сильнымъ арьергардомъ на протяженіи столькихъ же миль и вышедшихъ побѣдоносно изъ всѣхъ трехъ. Кромѣ того весьма вѣроятно, что угрожающее положеніе Мацунаги относительно лѣваго фланга войскъ, сражающихся съ гвардіей, облегчитъ этой послѣдней сегодняшнее наступленіе".

„Нельзя забывать, что противъ каждой нашей дивизіи находится русская дивизія и что сверхъ того непріятель имѣетъ двѣ нетронутыхъ дивизіи въ резервѣ. Мы потеряли сравнительно немного людей въ послѣдніе два дня. 13-го числа наши



17-го и 18-го августа.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.



Бой 15-го августа. 2-я японская дивизія переправилась черезъ Танхэ между Судязаемъ и Таампиномъ.
Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

потери достигли 2000 человѣкъ. 2-я дивизія сильно пострадала во время ночной атаки".

„Сегодня четвертая армія дойдетъ до линіи, которую, согласно предположеніямъ, она должна была занять вчера, т. е. Шахе—Шоушаньпу; вторая армія, безъ сомнѣнія, достигнетъ линіи Шахе—Ляохе. Въ главной квартирѣ манджурской арміи желаютъ, чтобы первая армія расположилась по линіи отъ праваго фланга четвертой арміи и Шоушаньпу до оконечности горъ на правомъ берегу Тайцзыхе, но непріятель занимаетъ эту самую линію горъ и его окопы тянутся вдоль хребтовъ горъ въ сѣверо-восточномъ направленіи вплоть до Тайцзыхе".

„Позиція непріятеля была бы страшно сильна, если бы 1-я армія была одна, но четвертая армія имѣетъ передъ своимъ фронтомъ весьма благопріятную мѣстность, которая облегчитъ обходное движеніе противъ русскаго праваго фланга, находящагося передъ этой арміей. Будетъ ли непріятель обороняться на этой линіи, или же онъ отступитъ къ Мукдену,—вотъ задача, которая требуетъ въ настоящее время разрѣшенія. Если онъ станетъ отходить къ сѣверу, то ему придется считаться съ возможностью потерять значительную часть своихъ войскъ, чтобы спасти главныя силы арміи".

„Виды на будущее были бы весьма свѣтлы, если бы не утомленіе нашихъ войскъ, въ особенности гвардіи, которая вотъ уже пять дней и пять ночей бьется безъ передышки, а остальныя дивизіи четыре дня и четыре ночи. Непріятель думалъ,

что послѣ отчаяннаго боя 13-го числа, мы не будемъ въ состояніи наступать такъ быстро, какъ мы это дѣлаемъ. Въ предыдущіе разы мы всегда дѣлали передышку послѣ каждаго сраженія, но на этотъ разъ мы продолжали наступать денно и нощно, и въ настоящее время изъ китайскихъ источниковъ имѣются свѣдѣнія, что среди русскихъ, по дорогѣ изъ Хайчена въ Ляоянъ, царятъ величайшее смятеніе и безпорядокъ".

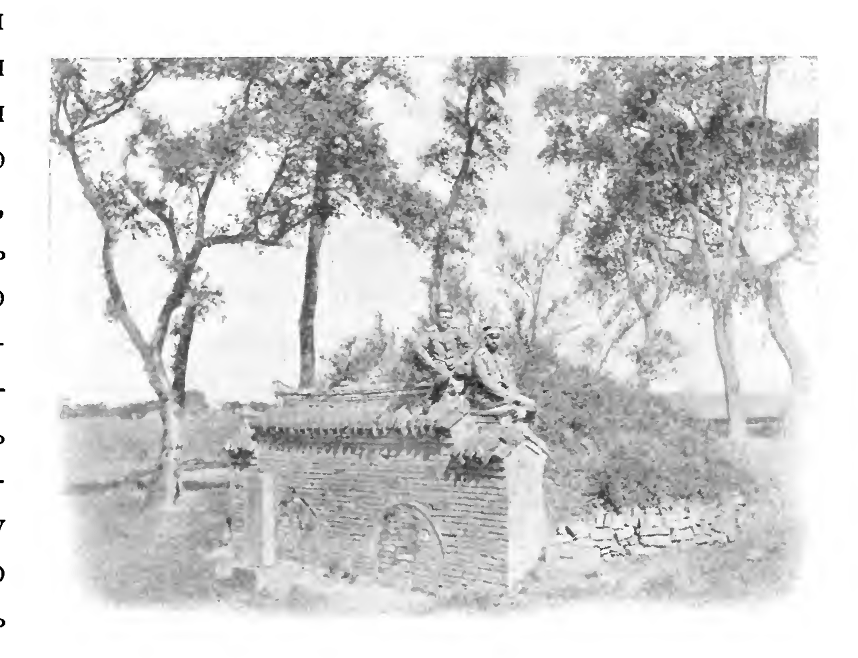
Изъ приведеннаго сообщенія мы видимъ, какъ спокойно и ясно оцѣнивали сами японцы свое положеніе и какъ внимательно относились ко всему происходившему.

Вышеприведенное приказаніе Куропаткина объ отступленіи начало приводиться въ исполненіе 16-го августа, но не могло быть выполнено въ той мѣрѣ, какъ разсчитывали. Съ другой стороны, хотя бригада Мацунаги и сдѣлала больше, чѣмъ должна была сдѣлать, но зато гвардія не только не выполнила своей задачи, но была даже потѣснена нѣсколько назадъ. Это было очень невыгодно японцамъ, но не измѣняло составленнаго ими плана атаки Ляояна, и если бы Куропаткинъ рѣшился дать рѣшительное сраженіе подъ стѣнами этого города, то торопиться съ переправой 1-й арміи на правый берегъ Тайцзыхе особой надобности не представлялось. Но 17-го августа было замѣчено начало отступленія нашихъ войскъ отъ Ляояна, что указывало на намѣреніе его уклониться отъ рѣшительнаго столкновенія. Это уже значительно мѣняло дѣло. Теперь вопросъ о переправѣ 1-й арміи на правый берегъ Тайцзыхе, а слѣдовательно, и о скорѣйшемъ выходѣ ея на наши сообщенія, являлся вопросомъ первостепенной и экстренной важности. Положеніе генерала Куроки при этомъ было довольно затруднительное: вся гвардейская дивизія и половина 2-й (бригада Мацунаги) не могли быть взяты съ лѣваго берега рѣки, это значило бы совершенно открыть манджурскую дорогу, по которой мы могли разрѣзать японскія силы пополамъ и нанести пораженіе по частямъ. Такимъ образомъ, генералъ Куроки долженъ былъ рѣшиться на переправу лишь только съ половиною своихъ силъ, и предпріятіе, вслѣдствіе этого, дѣлалось крайне рискованнымъ. Но это не остановило японскаго главнокомандующаго: приказаніе, отданное раньше, отмѣнено не было. Въ виду этого генераломъ Куроки приказано было, оставивъ гвардію и бригаду Мацунаги на лѣвомъ берегу рѣки, 12-й дивизіи и бригадѣ Окасаки 22-й дивизіи ночью на 18-е августа переправиться у Лентоувана на правый берегъ рѣки. 12-я дивизія выполнила эту переправу, а бригада Окасаки сосредоточилась у Кусаоцина; бригада Мацунаги находилась къ западу отъ Ампина, а гвардія еще дальше на западъ. Такимъ образомъ, направленіе

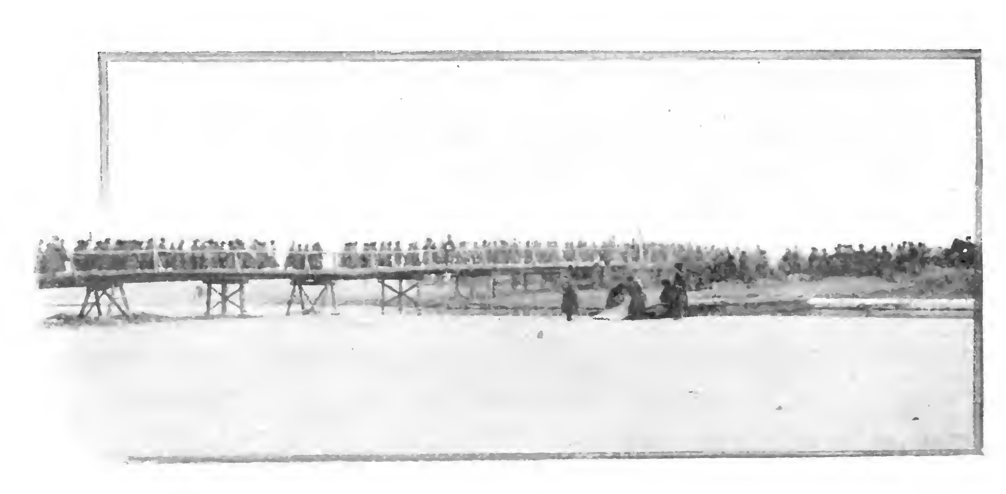


Отъ Ляояна къ Мукдену.

на Ампинъ было защищено очень слабо, тутъ всего было четыре японскихъ роты. Это былъ самый опасный для японцевъ моментъ, и если бы мы не проявили такого отсутствія инициативы и бросили бы къ Ампину хотя одну бригаду, то легко могли бы разрѣзать 1-ю японскую армію пополамъ и разбить ее, или, по крайней мѣрѣ, разметать ея обозы, что надолго лишило бы ее способности къ активнымъ дѣйствіямъ, но Куропаткинъ былъ весь поглощенъ своимъ отступленіемъ и о нанесеніи пораженія противнику не думалъ. Надо думать, что японцы никогда и не рѣшились бы на такое сумасшедшее предпріятіе, какъ переправа въ виду противника, если бы не знали точно объ отступленіи Куропаткина, которое вмѣстѣ съ тѣмъ было для нихъ неожиданностью. Что японцы твердо знали объ отступленіи нашихъ войскъ, это ясно усматривается изъ сообщенія одного офицера японскаго генеральнаго штаба, который говоритъ: „30-го августа случилось событіе, остановившее насъ отъ приведенія въ исполненіе подготовленной атаки Ляояна. Другими словами, атака не могла быть выполнена въ тѣхъ направленіяхъ, которыя мы тщательно обдумали, такъ что намъ пришлось начать преслѣдованіе прямо съ тѣхъ позицій, которыя мы въ тотъ моментъ занимали. Я не знаю, что могъ донести по этому поводу Куропаткинъ, но фактъ тотъ, что 17-го числа онъ началъ отступать. Съ позицій, занятыхъ 2-й и 12-й дивизіями, мы могли видѣть противника на южномъ берегу Тайцзыхе, отступавшаго къ Ляояну въ то время, какъ двѣ или три дивизіи перешли рѣку и двигались на сѣверъ. Съ позицій гвардіи мы также могли видѣть противника отступавшаго къ Ляояну. Наконецъ по извѣстіямъ, полученнымъ отъ маршала Ойямы, противникъ, казалось, отступалъ даже отъ самаго Ляояна. Если



Китайская могила.



Мостъ на сваяхъ.

это еще не достаточно убѣдительно доказываетъ, что Куропаткинъ находится въ полномъ отступленіи, то я могу добавить еще одинъ фактъ, а именно, что съ сопки 186, мы могли видѣть желѣзную дорогу, по которой къ Мукдену проходили поѣзда съ промежутками въ пять, шесть минутъ. Поэтому, что бы ни утверждали русскіе, мы на самомъ дѣлѣ собственными глазами видѣли ихъ 17-го августа отступающими такъ скоро, какъ могли. Вопросъ, который намъ нужно теперь разрѣшать, заключается въ томъ, что предприметъ при такой обстановкѣ командующій первой арміей. Казалось съ достаточной очевидностью, что ему слѣдовало отказаться отъ тщательно подготовленнаго имъ плана атаки. Какъ бы рискованно и трудно ни было подобное движеніе, онъ долженъ былъ немедленно перебросить черезъ Тайцзыхе всѣ силы, имѣвшіяся у него подъ рукою. 2-я и 4-я армія также вынуждены были



Внутренность китайскаго двора.

оставить свои тщательно обдуманные планы и просто преслѣдовать русскихъ по возможности быстрѣе. При этихъ-то условіяхъ генералъ Куроки приказалъ 12-й дивизіи и половинѣ 2-й переправиться черезъ Тайцзыхе у Лентоувана. Единственнымъ оправданіемъ того, что такія слабыя силы этимъ движеніемъ отрѣзывались отъ своихъ, быстрой и глубокой рѣкой, заключалось въ томъ, что противникъ отступалъ. Куропаткинъ рѣшился отступить и приступилъ къ подготовкѣ этой операціи 16-го августа вечеромъ. Если повѣрить донесенію Куропаткина, что его армія начала отступать 21-го августа, то тогда онъ не смогъ бы такъ искусно выполнить это, не разбивъ предварительно японскія арміи“.

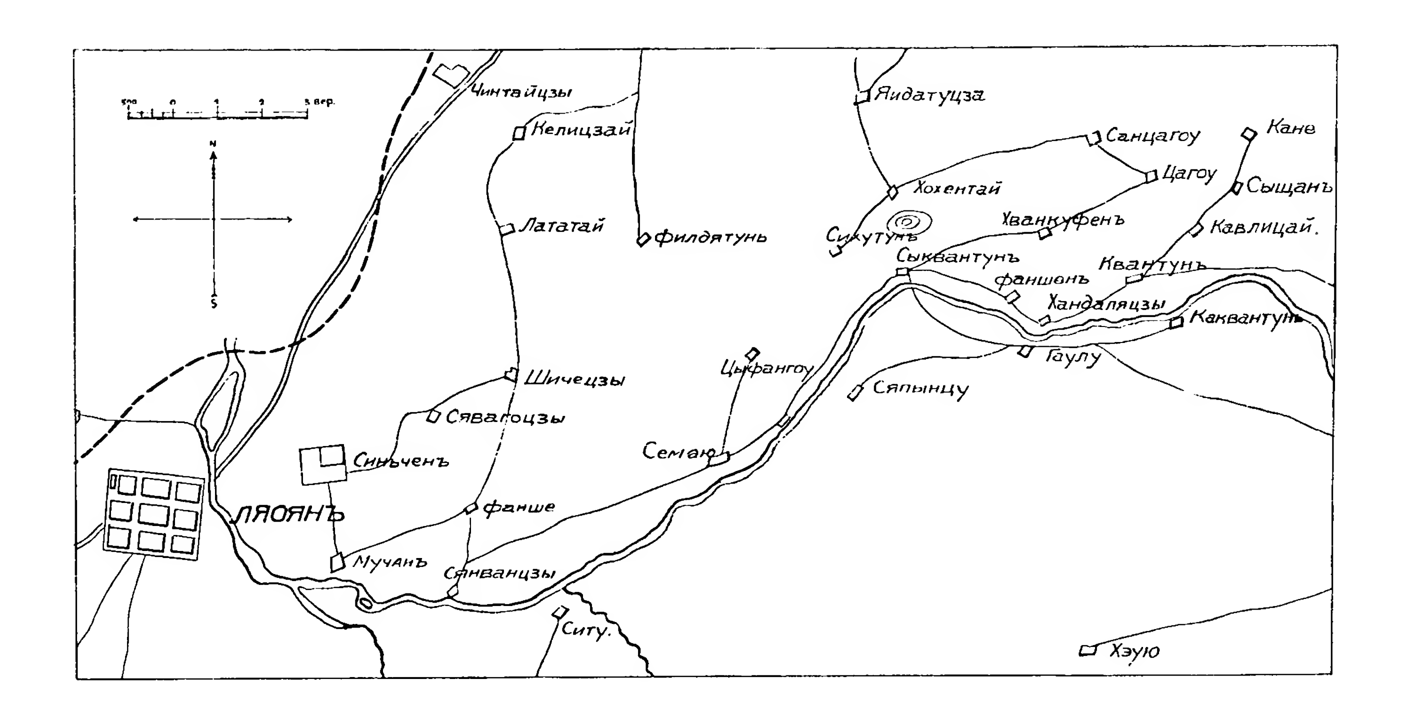
Такимъ образомъ оказывается, что не обходъ японцами нашего лѣваго фланга былъ причиной рѣшенія Куропаткина отступить, наоборотъ, наше отступленіе было причиной перехода японцевъ на правый берегъ Тайцзыхе и выхода ихъ на наши сообщенія противъ нашего лѣваго фланга.

Въ 6 часовъ утра 18-го августа, вслѣдъ за 12-й дивизіей переправилась и бригада Окасаки 2-й японской дивизіи, только ея артиллерія нѣсколько задержалась, такъ какъ должна была ожидать постройки понтоннаго моста. Чрезвычайно странными выглядятъ дѣйствія нашей кавалеріи, наблюдавшей рѣку въ моментъ переправы 12-й японской дивизіи: она не оказала никакого противодѣйствія переправѣ, даже не потрудилась выяснить точно силы противника, а просто пассивно отошла въ сѣверномъ направленіи. Послѣ переправы части арміи Куроки на правый берегъ рѣки, самъ онъ помѣстился на высотѣ, прозванной „Ласточкино гнѣздо", съ которой открывался обширный видъ на все расположеніе противника.

Утромъ 19-го августа сыквантунскую позицію занимали 16 батальоновъ, 96 орудій и 4 сотни подъ начальствомъ генерала Добржинскаго; въ резервѣ за ними у Тудагоу и Цовчинцы—7 батальоновъ, 8 орудій и 2 сотни подъ начальствомъ генерала Экка. Части, находившіяся въ передовой линіи, занимали позицію, начиная съ высоты 131 въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ Сыквантунь, высоту Манчжуяма и высоты Гочасанъ. Въ описываемый день изъ всей первой японской арміи на правомъ берегу Тайцзыхе были только 12-я дивизія и одна бригада генерала Окасаки изъ второй дивизіи, которая находилась на лѣвомъ флангѣ ихъ боевого порядка и имѣла задачу оперировать противъ высоты 131 и деревни Сыквантунь, тогда какъ 12-я дивизія составляла правый флангъ японскаго наступленія и къ 7-ми часамъ утра заняла высоты Гочасанъ. 24 японскихъ орудія заняли ложементы, вырытые въ теченіе ночи на гребнѣ высотъ, тянувшихся съ юга на сѣверъ, шагахъ въ 60, впереди деревни Хванкуфенъ, и открыли огонь по непріятельской позиціи. Шагахъ въ 400 позади этого хребта находился другой такой же хребетъ, на которомъ росло нѣсколько деревьевъ, между отдѣльными хребтами находилась глубокая лощина. Такая конфигурація создала для нашей артиллеріи оптическій обманъ, вслѣдствіе котораго она направляла свой огонь главнымъ образомъ по тому хребту, на которомъ росли деревья и гдѣ у японцевъ ничего не было, и вся сила страшно развитого нашего огня не приносила никакой пользы. Въ это время генералъ Куроки получилъ извѣстіе, что четвертая японская армія заняла Синлитунь, а вторая—Шоушаньпу, гвардія же получила возможность продвинуться нѣсколько впередъ. Теперь первой японской арміи предстояла трудная и важная задача сбить насъ съ позиціи у Манчжуяма, выйти на желѣзную дорогу, которая ясно была видна съ высоты „Ласточкина гнѣзда",



Начало постройки моста.



и отрѣзать нашу армію отъ ея сообщеній, однимъ словомъ, генералу Куроки предстояло повторить то, что сдѣлали нѣмцы подъ Седаномъ. Въ этотъ день была какъ разъ годовщина седанскаго событія, и японцы всѣми силами стремились повторить исторію и это было предметомъ ихъ самыхъ страстныхъ вожделѣній. Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе. Около двухъ часовъ дня, когда бой между Сыквантунемъ и Хванкуфеномъ былъ въ полномъ разгарѣ, пришло донесеніе, что большая непріятельская колонна двигается со стороны янтайскихъ копей въ обходъ праваго фланга 12-й японской дивизіи. Это значительно измѣняло положеніе дѣла и генералу Куроки предстояло рѣшить вопросъ о пріостановкѣ своего наступленія, но дѣло у Сыквантуня зашло слишкомъ далеко и отступить безъ пораженія было уже нельзя, почему пришлось доводить его до конца. Одной бригадѣ 12-й дивизіи было приказано загнуть флангъ фронтомъ на сѣверъ для встрѣчи надвигавшейся нашей колонны, другая же бригада получила приказаніе содѣйствовать бригадѣ Окасаки, а вся японская артиллерія должна была направить свой огонь по Манчжуямѣ. Въ 4 часа дня непріятельскій огонь достигъ такой силы, что вся вершина Манчжуямы покрылась густымъ чернымъ дымомъ отъ взрывавшихся фугасныхъ снарядовъ, и японцы полагали, что мы должны будемъ очистить эту позицію,—однако ничего подобнаго



Снятое гаолянское поле.

въ этотъ день не случилось. Огонь нашей артиллеріи съ высотъ къ сѣверо-западу и югу отъ Манчжуямы былъ такъ силенъ, что бригада Окасаки, по крайней мѣрѣ днемъ, и думать не могла приблизиться къ нашей позиціи на разстояніе штыкового удара. Жестокій бой тянулся цѣлый день, но безъ всякаго успѣха для японцевъ; силъ 12-й дивизіи и бригады Окасаки не хватало, чтобы сломить наше сопротивленіе. Тогда было приказано бригадѣ Мацунаги оставить свои позиціи на лѣвомъ берегу Тайцзыхе и переправиться на правый и поддержать бригаду Окасаки, а бригадѣ Умецавы, занявшаго къ тому времени Бенсиху, было приказано идти на копи Янтай. Съ заходомъ солнца бой нѣсколько стихъ, но около 11-ти часовъ ночи артиллерійская стрѣльба разгорѣлась съ новой и еще большей силой. Подъ покровомъ темноты и покровительствомъ своего огня Окасаки наконецъ удалось подвести свои войска на разстояніе штыкового удара. Каждый японскій батальонъ шелъ, имѣя впереди одну развернутую роту, тогда какъ три остальныхъ слѣдовали за нею во взводныхъ колоннахъ. Сигналомъ для атаки долженъ былъ послужить восходъ луны, и, дѣйствительно, съ первыми же лучами ея, скользнувшими по вершинѣ Манчжуямы, съ крикомъ „банзай“ японцы бросились на нашу позицію. Сначала они обрушились на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ находился батальонъ Нѣжинскаго полка, который и вступилъ съ японцами въ рукопашную. Одновременно съ этимъ они ворвались и въ деревню Сыквантунь, гдѣ 10 ротъ Новоингерманландскаго полка, по приказанію своего командира и безъ увѣдомленія старшихъ начальниковъ, отошли къ Сахутуню. Въ образовавшійся такимъ образомъ интервалъ и прорвались японцы, угрожая правому флангу и тылу сражавшагося Нѣжинскаго полка, которому на поддержку подошли и части Болховскаго полка. Безчисленное множество атакъ было произведено обѣими сторонами. Генералъ Добржинскій, получивъ донесеніе о происходившемъ,



Кумирня бога войны въ Ляоянѣ.



Казачій разъѣздъ на рекогносцировкѣ деревни.

направилъ изъ общаго резерва три роты Моршанскаго полка на помощь защитникамъ Манчжуямы, но эта помощь запоздала, произведенная нами контръ-атака была отбита и японцы утвердились на занятой позиціи. Когда, такимъ образомъ, лѣвый флангъ японцевъ имѣлъ успѣхъ, ихъ правый флангъ подвергался большой опасности. Наша колонна подъ начальствомъ генерала Орлова повела наступленіе съ сѣвера со стороны янтайскихъ копей, но въ отрядѣ генерала Орлова не было принято никакихъ мѣръ предосторожности, длинная кишка шла по морю гаоляна, не прикрывшись ни патрулями, ни развѣдочными отрядами, двигалась ощупью, наугадъ, и потому скоро голова колонны внезапно была застигнута врасплохъ и въ самомъ неудобномъ для боя строю. Произошло непродолжительное дѣло, въ которомъ японцы почти не понесли потерь, наши же были совершенно разбиты и отброшены, частью на западъ, частью на сѣверъ. Генералу Орлову дана была задача двигаться къ янтайскимъ копямъ и охранять лѣвый флангъ 17-го армейскаго корпуса, при чемъ ему указывалось дѣйствовать противъ праваго фланга противника, но въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами противника, онъ долженъ былъ отходить на станцію Янтай. Надо думать, что мы не предполагали оборонять янтайскія копи, а хотѣли главную оборону организовать на линіи Сыквантунь-Юцзяпуцза-Сяоталіенгоу, и генералу Орлову именно было приказано дойти до этого пункта и занять тутъ позицію, но генералъ Орловъ, произведя рекогносцировку окрестностей Сяоталіенгоу, нашелъ мѣстность неудобною для обороны, рѣшилъ поэтому идти къ янтайскимъ копямъ и занять позицію на высотахъ около нихъ, что, благодаря размытымъ дождемъ дорогамъ, совершилось только къ двумъ часамъ дня 18-го августа. Съ позиціи у янтайскихъ копей былъ отлично виденъ весь ходъ сраженія у Манчжуямы. Японцы, между тѣмъ, заняли деревню Цысангъ, у подножія четырехголовой сопки и деревню Тайопу. Тогда генералъ Орловъ рѣшилъ занять позицію между янтайскими копями и деревней Фаншинъ, фронтомъ на востокъ. Тутъ расположились на позиціи четыре батальона Инсарскаго полка съ 12-ю орудіями, остальные 8 батальоновъ съ 8 пушками оставались на бивакѣ у янтайскихъ копей, здѣсь же сталъ и отрядъ генерала Самсонова, а отрядъ полковника Орбеліани охранялъ правый флангъ позиціи. За ночь мы укрѣпили нашу позицію, при чемъ противникъ насъ не тревожилъ.



Китайская деревушка.

Къ утру 20-го августа 17-й армейскій корпусъ занималъ слѣдующія мѣста:

*) 1. Отрядъ генерала Добржинскаго: а) у Сахутуня 11 батальоновъ, 32 орудія; б) на позиціи въ трехъ верстахъ на сѣверо-западъ отъ Манчжуяма 4 батальона и 24 орудія; в) у Яндятуня 40 орудій; г) на гребнѣ къ югу отъ Сахутуня 2 батальона; д) у Тахоцзы для охраны лѣваго фланга 1 рота и 2 сотни.

2) Отрядъ генерала Экка у Тудагоу.

3) Отрядъ генерала Янжула на высотахъ между Санвянцзы и Цофангоу.



Эпизодъ изъ ляоянскихъ сраженій.

Остальные корпуса наступательной группы находились въ движеніи, согласно данной имъ диспозиціи.

Около 10-ти часовъ утра генералъ Куропаткинъ, взявшійся лично руководить затѣянной наступательной операціей, прибылъ на высоты между Чжансутунемъ и Фандятунемъ. Здѣсь онъ получилъ донесеніе отъ генерала Бильдерлинга:

„**) Послѣ двухъ ночныхъ атакъ, упорно веденныхъ японцами на нашу позицію сѣвернѣе Сыквантуня, мы, несмотря на большія потери Нѣжинскаго и Болховскаго полковъ, возстановили порядокъ и вновь заняли позицію, отбивъ противника. Какъ я вчера докладывалъ вашему высокопревосходительству, придаю владѣнію этой позиціей особенное значеніе въ виду предполагаемаго перехода въ наступленіе, а потому рѣшился держаться на ней во что бы то ни стало. Корпусный резервъ, сводная бригада генерала Экка еще въ моихъ рукахъ, части 10-го корпуса подходятъ; генералу Орлову послано отъ меня приказаніе, что онъ долженъ быстро наступать и получилъ уже отъ него извѣщеніе, что онъ выступилъ съ разсвѣтомъ. Въ 7 часовъ утра получилъ диспозицію по арміи. Самъ буду на позиціи у Сыквантуня".



Одно изъ мѣстъ въ Ляоянѣ.

Нѣсколько позже генералъ Куропаткинъ получилъ другое донесеніе слѣдующаго содержанія: „Доношу вашему высокопревосходительству, что генералъ Добржин-

---

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

**) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

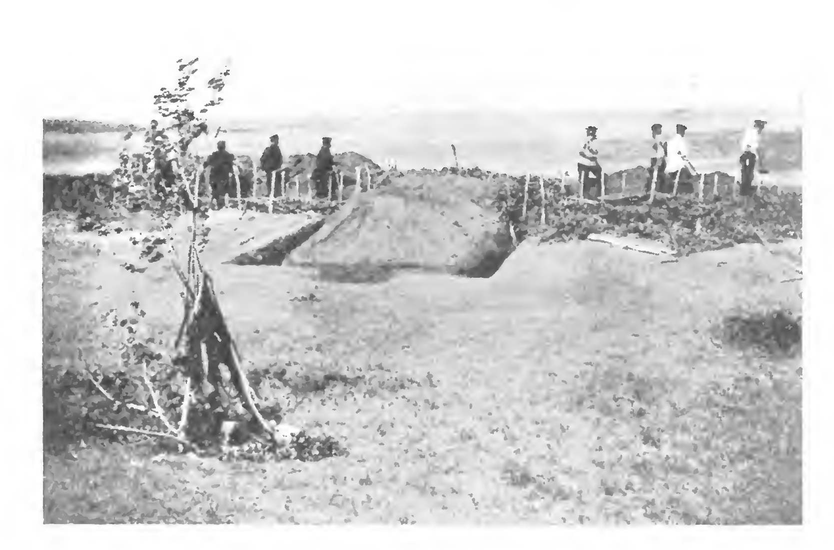
скій донесъ командиру корпуса о томъ, что результатомъ ночной атаки японцевъ нашей Сыквантунской позиціи было овладѣніе противникомъ деревней Сыквантунь и сопкой къ сѣверу-западу отъ нея, т. е. почти всей линіей позиціи 35-й дивизіи. Наши войска, сброшенныя съ позиціи, отошли частью на линію деревни Сахутунь, частью по гребню 131. Утренняя развѣдка выяснила, что сопка занята шестью батальонами японцевъ, которые строятъ окопы. Генералъ Бильдерлингъ выѣхалъ въ деревню Саутунь для личнаго руководства".



Кумирня Фукишань.

Одновременно съ этимъ было получено еще одно донесеніе отъ командира 17-го армейскаго корпуса, которое гласило: „Мною приказано начальнику 35-й дивизіи сосредоточить возможно большій огонь по деревнѣ Сыквантунь и по сопкѣ сѣвернѣе ея. Когда огонь артиллеріи достаточно подготовитъ атаку, предполагаю перейти въ наступленіе съ имѣющимися въ моемъ распоряженіи свободными войсками для занятія сыквантунской позиціи согласно диспозиціи, тѣмъ болѣе, что она представляетъ собою ось всего наступательнаго движенія арміи, захожденіемъ лѣвымъ флангомъ впередъ".

Трудно объяснить подобную разноголосицу; отсюда явствуетъ только то, что старшіе начальники не знали, о чемъ писали, и не знали ни обстановки, ни даже гдѣ находились ввѣренныя имъ войска и какія и когда они занимали позиціи, бродили какъ бы въ туманѣ. Въ отрядѣ генерала Орлова шелъ оживленный бой и въ это время 35-я пѣхотная дивизія получила приказаніе вновь овладѣть Манчжуямой и деревней Сыквантунь, для чего было назначено 8 батальоновъ отъ двухъ разныхъ полковъ и генералъ Куропаткинъ лично приказалъ 8-ми батальонамъ и 24-мъ орудіямъ, составлявшимъ авангардъ 10-го корпуса, поддержать эту атаку, вслѣдствіе чего генералъ



Внутренность редута.

Васильевъ, который былъ начальникомъ этого авангарда, отправилъ всѣ свои орудія къ 35-й артиллерійской бригадѣ, а 4 батальона направилъ въ боевую линію этой бригады. На предположенную атаку было назначено 5 батальоновъ отъ трехъ разныхъ полковъ: Болховскаго, Моршанскаго и Пензенскаго, наступавшихъ въ перемежку между собою, въ резервѣ находился Козловскій полкъ. При такомъ разношерстномъ составѣ, конечно, общее руководство атакой было крайне затруднено. Пензенскій полкъ занялъ высоты къ югу отъ Сахутуня и началъ обстрѣливать непріятельскую батарею, роты же Болховскаго полка, шедшія лѣвѣе, у подошвы Манчжуямы, нарвались на двухъ-ярусный огонь японцевъ и вынуждены были податься назадъ, но положеніе полка все-таки было нѣсколько выдвинутое, почему полкамъ, занимавшимъ сѣверные склоны массива 131, приказано было, въ случаѣ нужды, поддержать Пензенцевъ.



Туземный обозъ.

Около часу дня генералъ Куропаткинъ получилъ отъ генерала Бильдерлинга слѣдующее донесеніе: „35-я дивизія продолжаетъ занимать позицію у Сахутуня; вошла въ связь съ генераломъ Орловымъ, который предполагаетъ атаковать противника по направленію на трехрогую сопку, къ сѣверо-востоку отъ сопки, уступленной сегодня ночью японцамъ. Въ виду этого приказалъ начальнику 35-й дивизіи, основательно подготовивши атаку артиллерійскимъ огнемъ, поддержать къ вечеру атаку Орлова, который объ этомъ предупрежденъ. Въ то же время, продолжая энергичную подготовку огнемъ, предполагаю вновь занять къ вечеру всѣ высоты къ востоку отъ высоты 131 и прежде занятую нами позицію у Сыквантуня. Тогда, владѣя къ вечеру высотой 131 и деревней Сыквантунь и высотой къ сѣверо-востоку отъ нея, я буду считать мою задачу на сегодня исполненной“.

Изъ этого донесенія явствуетъ, что положеніе нашего лѣваго фланга оставалось тѣмъ же, но японцы впередъ продвинуться не могли и ничего не было для насъ угрожающаго, на крайнемъ правомъ флангѣ дѣла также шли удовлетворительно, такъ какъ генералъ Зарубаевъ доносилъ, что атака японцевъ на фортъ № 4-й укрѣпленнаго ляоянскаго района отбита нами съ большими для непріятеля потерями. Такъ тянулось дѣло до 3-хъ часовъ дня. 1-й сибирскій корпусъ двигался чрезвычайно медленно и подошелъ наконецъ къ отряду генерала Орлова тогда уже, когда послѣдній былъ окончательно разбитъ. Генералъ Куропаткинъ скоро получилъ извѣстіе объ этомъ, при чемъ стало также извѣстнымъ, что войска генерала Орлова отступили въ полномъ безпорядкѣ; получено было также свѣдѣніе, что передъ

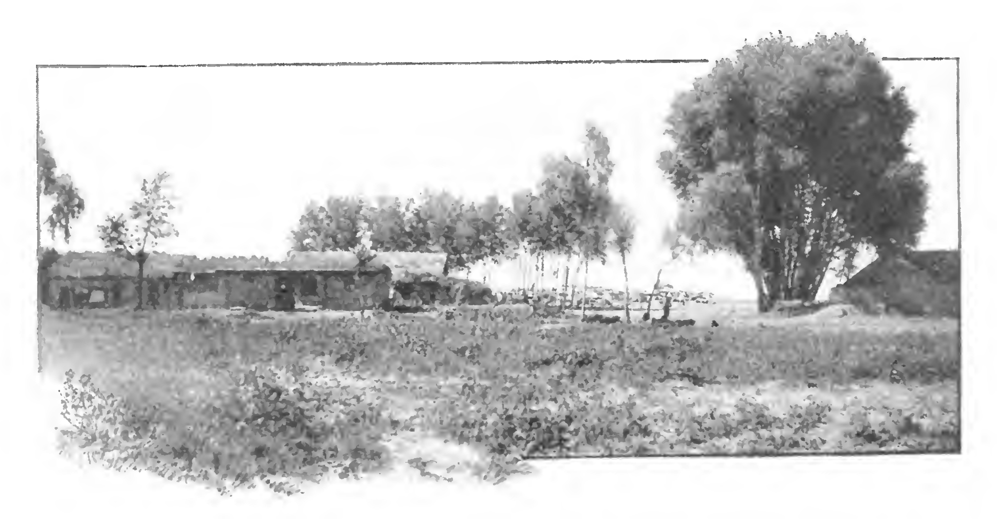
отрядомъ генерала Орлова было до двухъ японскихъ дивизій. Послѣднее, конечно, было слишкомъ преувеличеннымъ, но было принято за чистую монету и нахожденіе столь значительныхъ непріятельскихъ силъ въ 12-ти верстахъ отъ линіи нашей желѣзной дороги представлялось чрезвычайно опаснымъ, почему генералъ Куропаткинъ далъ генералу Штакельбергу слѣдующую директиву: „Вы составляете лѣвый флангъ наступающей арміи; съ отходомъ колонны генерала Орлова назадъ ваше положеніе является выдвинутымъ и не безопаснымъ. Не допустите, чтобы противникъ обрушился на васъ превосходными силами, поэтому не продвигайтесь впередъ, пока не будете поддержаны резервами. Сегодня вы резервами поддержаны не будете; резервы притянуты нынѣ для выполненія важной задачи овладѣнія позиціей у Сыквантуня, съ которой послѣ боя отошли ночью. Положеніе противника еще не достаточно выяснено, поэтому не можетъ быть опредѣлено достаточно точно направленіе, по которому вы должны дѣйствовать. Весьма важно, чтобы вы опредѣлили правый флангъ противника. Дѣйствія противъ праваго фланга противника должны составить вашу задачу. Если противникъ слишкомъ распространится на сѣверъ, то быть можетъ всего цѣлесообразнѣе прорвать его расположеніе. Предоставляю вашему усмотрѣнію выбирать направленіе удара, имѣя въ виду, что нашей задачей на 21-е августа ставится овладѣніе позиціей противника Хванкуфенъ—Хандяладзы. Наша бывшая позиція у Сыквантуня должна составить какъ бы ось для захожденія арміи лѣвымъ флангомъ впередъ. Подчиняю вамъ отрядъ генерала Орлова въ составѣ 12-ти батальоновъ. Вѣроятно за лѣвымъ флангомъ мною будутъ сосредоточиваться и резервы. При вашихъ дѣйствіяхъ поддерживайте связь съ 17-мъ армейскимъ корпусомъ. Когда предписаніе было написано, съ радостью узналъ, что Орловъ съ вами соединился, передайте ему, что отрядъ подчиняется вамъ. Быть можетъ, что противникъ будетъ занимать позицію Хванкуфенъ—Хандялацзы, какъ передовую, поэтому при благопріятныхъ условіяхъ желательно овладѣть главною позиціей на линіи Кане и высота къ югу на поворотѣ рѣки Тайцзыхе, вѣроятно составляющая главный опорный пунктъ японцевъ. Сдѣлать развѣдки этихъ направленій".



Походная церковь на передовыхъ позиціяхъ.

Пока все это писалось, бой шелъ своимъ порядкомъ и вдругъ показались разрывы японскихъ шрапнелей западнѣе янтайскихъ копей. Сначала ничего не могли понять, но впослѣдствіи оказалось, что это были наши шрапнели и было это вслѣдствіе паники, обуявшей отрядъ генерала Орлова на посту № 8-й между копями и станціей Янтай. Къ вечеру долженъ былъ уйти съ янтайскихъ копей и отрядъ ге-

нерала Самсонова, одновременно съ этимъ стали распространяться слухи объ обходѣ, совершенномъ арміей Нодзу, которая прямо горами прошла къ Мукдену, еще восточнѣе Бенсиху. Вслѣдствіе этого Куропаткинъ приказалъ подготовиться къ очищенію самаго Ляояна. Вмѣстѣ съ тѣмъ обстановка въ дѣйствительности вовсе не была для насъ такъ угрожающа, какъ это казалось. Со стороны янтайскихъ копей двухъ японскихъ дивизій не было, противъ Орлова дѣйствовала всего на всего одна японская бригада генерала Шимамуры, т. е. всего 6 батальоновъ, а армія Нодзу и не думала предпринимать столь дальняго обхода, она и не могла это сдѣлать. Около 11 часовъ ночи Куропаткинъ получилъ донесеніе отъ генерала Штакельберга, въ которомъ тотъ сообщалъ, что съ наступленіемъ ночи онъ намѣренъ перейти въ наступленіе, а генералъ Бильдерлингъ доносилъ, что мы вновь овладѣли всѣми



Лагерь полка.

утраченными раньше позиціями, въ томъ числѣ Сыквантунемъ и Манчжуяма. Такимъ образомъ, только безпорядочное отступленіе генерала Орлова, да фантастическое наступленіе арміи Нодзу прямо горами на Мукденъ были слабыми сторонами нашего положенія. Между тѣмъ положеніе нашего противника было гораздо болѣе труднымъ. Противъ двухъ перешедшихъ на правый берегъ Тайцзыхе японскихъ дивизій было нѣсколько нашихъ и подавляющая числительность нашей артиллеріи наносила имъ большія потери, упорная же борьба за обладаніе Манчжуямой ставила японцевъ въ критическое положеніе, и если бы мы удержали Манчжуяму въ своихъ рукахъ, то бригадѣ Окасаки могла угрожать гибель. Движеніе генерала Орлова также представляло для противника большую опасность: если бы японцамъ не удалось такъ легко его разбить, то вся армія Куроки понесла бы полное пораженіе. Говоря о сраженіи 19-го августа, генералъ Гамильтонъ указываетъ еще на одну слабую сторону японскаго расположенія. Дѣло въ томъ, что между Манчжуямой и Гочасаномъ было около 3-хъ съ половиною верстъ, которыя были заняты всего только тремя батальонами бригады Кигоши, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ увлеченъ боями у Манчжуямы. Если бы мы направили одну изъ нашихъ атакъ въ этомъ направленіи, то легко могли бы прорвать слабое расположеніе непріятеля и выйти въ тылъ

бригадѣ Окасаки, отрѣзавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и бригаду Шимамуры отъ остальныхъ частей 12-й японской дивизіи. 19-го августа первая японская армія была абсолютно отрѣзана отъ сообщеній со второй и четвертой ихъ арміями: кромѣ 30-верстнаго пространства ихъ раздѣляла еще порча телеграфа, такъ что онѣ не могли даже переговариваться между собою.



Разрушенныя фанзы.

Ночью на 20-е августа мы овладѣли утраченными раньше позиціями Сыквантунь-Манчжуяма; для выполненія этого предпріятія было назначено 7 батальоновъ, но не только отъ трехъ разныхъ полковъ, но даже отъ двухъ разныхъ дивизій и отъ двухъ корпусовъ, т. е. опять-таки не стройныя и цѣльныя тактическія единицы, а какой-то конгломератъ изъ разныхъ ротъ и батальоновъ, можетъ быть, раньше никогда другъ друга не видавшихъ. Эту атаку должны были подготовить 152 орудія, но на самомъ дѣлѣ подготовка была все-таки слаба: сначала подумали, что стрѣльбу ведутъ по своимъ, что задержало огонь на нѣкоторое время, потомъ приказано было беречь патроны въ ожиданіи рѣшительнаго боя на завтра, при этомъ еще нѣкоторыя батареи произвольно перемѣнили позиціи и отошли назадъ. Въ два часа ночи, части Выборгскаго и Чембарскаго полковъ начали свое наступленіе и Выборгскій полкъ занялъ весь южный отлогъ высоты 131, а также Сыквантунь и ближайшіе къ нему окопы, другія же роты заняли Манчжуяму. Японскій огонь съ ближайшихъ дистанцій былъ страшно силенъ, дѣло доходило до ручныхъ гранатъ, рвавшихъ людей на части. Въ темнотѣ всѣ части перемѣшались и трудно было отличить своихъ отъ непріятеля, часто случалось, что не только стрѣляли по своимъ, но даже и ходили въ штыки другъ противъ друга. Мы понесли огромныя потери, но зато Сыквантунь и Манчжуяма были отобраны нами обратно.



Видъ Манджурскихъ горъ.

Въ отрядѣ же генерала Орлова происходило слѣдующее. Еще 19-го числа онъ получилъ отъ генерала Бильдерлинга записку, въ которой ему сообщалось, что онъ подчиняется генералу Бильдерлингу, что на правомъ берегу Тайцзыхе до двухъ дивизій японцевъ, что на него возлагается поддержка 17-го корпуса и что, въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами непріятеля, ему надлежитъ отходить на станцію Янтай, для прикрытія желѣзной дороги. Ночью на 20-е августа Орловъ получилъ отъ генерала Бильдерлинга другое приказаніе, въ которомъ увѣдомлялось о намѣреніи на другой день перейти въ наступленіе и Орловъ приглашался принять въ немъ участіе. Когда же генералъ Орловъ сдѣлалъ всѣ распоряженія о предстоящемъ на завтрашній день наступленіи, изъ главной квартиры ему были присланы слѣдующія директивы: „Въ развитіе диспозиціи, командующій арміей приказалъ дать вамъ слѣдующія указанія: вамъ надлежитъ прежде всего установить связь съ генераломъ Бильдерлингомъ и, если онъ не будетъ атакованъ, слѣдовать въ указанномъ вамъ направленіи; въ случаѣ же, если онъ будетъ атакованъ на своей позиціи у Сыквантуня, вы должны идти кратчайшимъ путемъ ему на подкрѣпленіе“.



Постройка моста.

Остановивъ, вслѣдствіе этого, назначенное выступленіе, генералъ Орловъ сообщилъ полученное имъ указаніе генералу Бильдерлингу и просилъ его указаній, куда ему идти, и что если 17-й корпусъ будетъ атакованъ, то онъ, не ожидая приказаній, перейдетъ въ наступленіе. На это онъ не получилъ никакого отвѣта. Тогда генералъ Орловъ занялъ позицію у Фаншина фронтомъ на востокъ, въ центрѣ которой стояло 28 орудій. Наши орудія открыли огонь, на который японцы стали энергично отвѣчать изъ окоповъ, устроенныхъ ими ночью на трехголовой сопкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они заняли деревни Цысангъ и Тайопу. Былъ посланъ запросъ генералу Добржинскому о положеніи дѣлъ въ 17-мъ армейскомъ корпусѣ, на который также отвѣта не послѣдовало. Тогда генералъ Орловъ, придя изъ личныхъ наблюденій къ выводу, что Манчжуяма и деревня Сыквантунь находятся въ рукахъ японцевъ, рѣшилъ перейти въ наступленіе по направленію на Манчжуяма. Оставивъ на позиціи два батальона съ 8-ю орудіями, съ остальными пятью съ половиной батальонами въ боевой линіи и четырьмя въ резервѣ, спустился съ позиціи и двинулся впередъ, но тутъ онъ внезапно, идя въ густомъ гаолянѣ, гдѣ ничего нельзя было видѣть, наткнулся на двигавшихся къ нему навстрѣчу японцевъ и одинъ батальонъ

Инсарскаго полка, который въ полномъ безпорядкѣ отступалъ отъ деревни Цысангъ, откуда онъ былъ выбитъ японцами. Это обстоятельство въ связи съ занятіемъ японцами и деревни Тайопу было причиной, что весь отрядъ долженъ былъ измѣнить направленіе и двинуться на Сахутунь. Объ этомъ Орловъ донесъ генералу Штакельбергу и сообщилъ ему, что безъ него онъ двигаться не можетъ и вообще безъ помощи 1-го корпуса ему обойтись нельзя. Но 1-й сибирскій корпусъ не показывался, японцы же наступали весьма энергично, охватывая нашъ лѣвый флангъ. Около часу дня генералъ Орловъ получилъ увѣдомленіе отъ начальника штаба арміи, что 17-й армейскій корпусъ потерпѣлъ частную неудачу и что поэтому ему слѣдуетъ держаться осторожнѣе. Между тѣмъ японцы сильно обстрѣливали янтайскую позицію, такъ что мы вынуждены были убрать оттуда наши орудія. Всѣ резервы были уже введены въ дѣло. Въ такомъ положеніи генералъ Орловъ рѣшилъ отступить на станцію Янтай, и такое свое рѣшеніе онъ мотивировалъ такъ: „Послѣ введенія въ бой Бузулукскаго полка, выяснилось значительное превосходство силъ японцевъ (дивизіи двѣ), направленныхъ противъ моего отряда. Результатъ, съ одной стороны, былъ выгодный, ибо мы привлекли на себя большое количество непріятеля, но, съ другой стороны, продвинуться впередъ не было возможности. Въ это время я получилъ записку отъ командира 2-го сибирскаго корпуса, помѣченную 10 часовъ 30 минутъ утра. Онъ извѣщалъ, что идетъ съ авангардомъ, гдѣ 7 эскадроновъ полковника Гурко. Я отвѣчалъ съ тѣмъ же посланнымъ, что держусь на два фронта, продвинуться впередъ не могу, но какъ только 1-й сибирскій корпусъ подойдетъ, такъ и я постараюсь пойти впередъ. Прождавъ нѣсколько времени, я все-таки не увидѣлъ приближенія 1-го сибирскаго корпуса, а, между тѣмъ, положеніе становилось очень труднымъ; японцы усилили до крайности артиллерійскій и ружейный огонь и начали тѣснить насъ передъ собою. Дѣло дошло до штыковъ. Въ это время получена записка отъ штаба арміи; въ ней упоминалось о частной неудачѣ въ общей атакѣ арміи и рекомендовалось мнѣ дѣйствовать съ особой осторожностью. Тогда я приказалъ идти нѣсколько назадъ на слѣдующую позицію. Идти на соединеніе съ 17-мъ корпусомъ я уже не могъ, такъ какъ японцы продвинулись у Сахутуня. Къ 1-му сибирскому корпусу двигаться было нельзя, такъ какъ онъ не показывался; штабомъ же арміи указано было мнѣ раньше отходить на станцію Янтай; наконецъ, отходя въ этомъ направленіи, я продолжалъ висѣть надъ флангомъ противника".



Китайскій идолъ.

Это донесеніе, изъ котораго вѣрно только то, что генерала Орлова побили и что онъ не въ состояніи выполнить ни одной возложенной на него задачи, носитъ

на себѣ характеръ дѣтской попытки оправданія въ своей неудачѣ, при чемъ съ истиной не церемонятся. Генералъ Орловъ доноситъ, что противъ его отряда находилось до двухъ дивизій японцевъ; интересно знать, какъ могъ сдѣлать такое заключеніе генералъ, когда въ густомъ гаолянѣ ничего нельзя было разсмотрѣть, такъ что даже части его собственнаго отряда потеряли изъ виду другъ друга. Затѣмъ генералъ Орловъ говоритъ о своемъ рѣшеніи отступить,—врядъ ли это могло быть такъ, ибо онъ былъ просто разбитъ и вынужденъ былъ отступить, да еще въ полномъ безпорядкѣ. Въ дѣйствительности, какъ мы уже знаемъ, противъ него было не двѣ дивизіи, а только 6 батальоновъ Шимамуры, и онъ былъ опрокинутъ ими, а тогда вѣрно то, что онъ не былъ способенъ никуда двигаться, кромѣ какъ отступать, отрядъ его, такъ сказать, какъ бы не существовалъ, такъ какъ не былъ болѣе способенъ ни къ какому полезному дѣйствію.


Казнь шпіона. 1 моментъ. Чтеніе приговора.

Пѣхота противника заняла тѣмъ временемъ нашу позицію на высотахъ у янтайскихъ копей и, распространившись по южнымъ скатамъ этихъ высотъ, стала брать во флангъ въ безпорядкѣ отступавшія части отряда генерала Орлова. Въ это время къ Сяоталіенгоу стала подходить лѣвая колонна 1-го сибирскаго корпуса, но было уже поздно. Генералъ Штакельбергъ пригласилъ Орлова къ себѣ, и про это свиданіе послѣдній разсказываетъ: „Генералъ Штакельбергъ упрекнулъ меня, что батальонъ Бузулукскаго полка не двигается впередъ и приказалъ мнѣ лично продвинуть батальонъ. Я просилъ разрѣшенія предварительно, что важнѣе движенія одного


Казнь шпіона. 2 моментъ. Входъ на подставку.

батальона, но генералъ Штакельбергъ съ раздраженіемъ подтвердилъ свое приказаніе, при чемъ сказалъ, что онъ приказываетъ, какъ старшій, и что онъ хочетъ теперь же взять назадъ сопки. Несмотря на мое острое положеніе, я нашелъ въ себѣ силы доложить, что взятіе назадъ сопокъ дѣло серьезное, и прочиталъ только что полученную мною записку отъ генерала Добржинскаго, въ которой говорилось, что генералъ Бильдерлингъ желаетъ вечеромъ штурмовать сопку съ соскомъ и предлагаетъ мнѣ принять въ этомъ участіе: въ пять часовъ начнется часовое обстрѣливаніе, часъ перерыва, опять часъ обстрѣливанія и штурмъ. Я успѣлъ послать записку моему начальнику штаба и поѣхалъ черезъ гаолянъ къ Бузулукцамъ. Они стояли стройно въ боевомъ порядкѣ, хорошо примѣненные къ мѣстности и выжидали японцевъ. Я поднялъ ихъ резервъ и повелъ впередъ; стройность движенія его упорядочилъ командиръ второй бригады моей дивизіи генералъ Фоминъ; онъ былъ пѣшкомъ, я—верхомъ. Скоро мы очутились въ 20 шагахъ отъ японцевъ и крикнули „ура". Затѣмъ меня ранили въ животъ, его въ голову и наше командованіе кончилось".



Кумирня въ деревнѣ Чачангоуза.

Со своей стороны генералъ Штакельбергъ донесъ командующему арміей: „По прибытіи лѣвой колонны къ Сяоталіенгоу, я встрѣтилъ отрядъ генерала Орлова въ полномъ безпорядочномъ отступленіи и никакія мѣры, съ моей стороны принятыя, не могли помочь дѣлу. Только послѣ лично отданнаго мною приказанія генералу Орлову о переходѣ вновь въ наступленіе, послѣдній поѣхалъ лично въ свою боевую линію, но вскорѣ былъ раненъ и оставилъ поле сраженія. Его части продолжали безпорядочное отступленіе, несмотря на переходъ 2-го и 3-го стрѣлковыхъ полковъ въ наступленіе. Къ востоку отъ Сяоталіенгоу выѣхали двѣ батареи и расчищаютъ теперь дорогу для пѣхоты. 3-й и 4-й полки еще не подошли, бригада 9-й стрѣлковой дивизіи тоже. Надѣюсь, что позицію впереди Сяоталіенгоу удержу и, подготовивъ атаку, перейду въ наступленіе".

Въ этомъ донесеніи все есть: и „пришелъ" (хотя не во-время), и „увидѣлъ", но нѣтъ „побѣдилъ".

Атака подъ личнымъ предводительствомъ генерала Орлова не удалась и отбитые Бузулукцы разсѣялись въ гаолянѣ. Тогда генералъ Штакельбергъ атаковалъ позицію на янтайскихъ высотахъ; эта атака была произведена 2-мъ стрѣлковымъ

полкомъ и поддержана частями Московскаго и 1-го стрѣлкового полковъ, но она была неудачна и мы вынуждены отступить къ Сяоталіенгоу съ большими потерями.

Въ виду даннаго въ послѣднемъ донесеніи обѣщанія, генералъ Штакельбергъ лично произвелъ рекогносцировку янтайскихъ копей и рѣшилъ ночью атаковать непріятеля. Но это рѣшеніе было скоро отмѣнено, на что повліяло прекращеніе боя въ 17-мъ армейскомъ корпусѣ, отступленіе генерала Самсонова и окончательное занятіе японцами янтайскихъ копей. Въ виду этого генералъ Штакельбергъ рѣшилъ отойти къ Сяоталіенгоу, но въ дѣйствительности не ограничился этимъ, а отвелъ свой корпусъ къ Лиліенгоу, открывъ такимъ образомъ путь къ станціи Янтай. Мотивами для такого рѣшенія Штакельбергъ приводилъ: большія потери, имѣвшія мѣсто во 2-мъ стрѣлковомъ полку, чрезмѣрное утомленіе людей въ 1-й вос.-стр. дивизіи и указаніе Куропаткина принять на ночь сосредоточенное расположеніе и, притянувъ къ себѣ отрядъ генерала Орлова, сблизиться съ лѣвымъ флангомъ 17-го армейскаго корпуса. Въ то время, когда все это происходило на желѣзнодорожной вѣткѣ, у поста № 8 произошелъ слѣдующій эпизодъ: на посту № 8 собрались остатки разбитыхъ полковъ отряда Орлова и масса раненыхъ, приплевшихся съ разныхъ сторонъ. Около 6-ти часовъ вечера вдругъ кто-то крикнулъ: „японцы“, это послужило къ началу страшной всеобщей паники, люди открыли безсмысленный огонь по всѣмъ направленіямъ, повозки обозовъ понеслись вскачь куда глаза глядятъ, а два, бывшія здѣсь, орудія открыли огонь безъ установки трубки шрапнелью по



Казнь шпіона. 3 моментъ.



Казнь шпіона 4 моментъ. Выдергиваніе скамейки.



Офицерскія палатки.

стоявшимъ впереди ихъ повозкамъ обоза 1-го сибирскаго корпуса. Только съ большимъ трудомъ удалось прекратить разыгравшуюся панику; по счастью, не имѣвшую особо серьезныхъ послѣдствій.

Какъ мы уже знаемъ, къ вечеру 20-го августа высота Манчжуяма находилась отчасти въ нашихъ рукахъ, мы заняли ея вершину, восточные же скаты ея находились въ рукахъ японцевъ и мы никакъ не могли ихъ вышибить изъ занятыхъ ими окоповъ. Рѣшено было направить туда 5 батальоновъ новаго подкрѣпленія, которые должны были подойти къ разсвѣту. Но въ ночь на 21-е августа было получено приказаніе Куропаткина очистить Манчжуяму и отходить къ Сахутуню. Передъ окончательнымъ очищеніемъ нами Манчжуямы, Куропаткинъ мечталъ еще о наступленіи и съ этою цѣлью двинулъ 3-й и 10-й корпуса на линію Хунтоудай-Бохачжу, связью между ними служилъ отрядъ генерала Мищенко. 1-й сибирскій корпусъ долженъ былъ охранять направленіе на станцію Янтай, а отрядъ генерала Самсонова назначенъ былъ на охрану лѣваго фланга арміи. Но пока дѣлались по всему этому распоряженія, обстановка сильно измѣнилась къ худшему. Хотя всѣ атаки японцевъ на укрѣпленный ляоянскій районъ и были отбиты съ огромными для нихъ потерями, но у насъ были израсходованы всѣ резервы и сталъ ощущаться недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ. Вслѣдствіе этого генералъ Зарубаевъ просилъ Куропаткина поддержать его, хотя бы одной бригадой пѣхоты; у Штакельберга дѣло было также не ладно, онъ доносилъ Куропаткину, что безъ поддержки онъ не только не можетъ перейти въ наступленіе, но и вообще не можетъ принять боя, въ виду большихъ потерь, понесенныхъ полками во время предшествовавшихъ пятидневныхъ боевъ; генералъ Бильдерлингъ, въ свою очередь, доносилъ: „Вчера поздно вечеромъ и ночью войска наши были сбиты изъ Сыквантуня и очистили даже позади лежащія высоты. Высота 131 еще занята нами, Выборгскимъ полкомъ; части 35-й пѣхотной дивизіи отошли отъ



Императорскія могилы.

Сыквантуня и Сахутуня и занимаютъ позицію передъ Эрдагоу. Слѣдовательно, къ утру 21-го августа мы не въ силахъ были удержать Сыквантунь и впереди лежащія высоты, составляющія ось наступательнаго движенія, но вынуждены были отступить". Такимъ образомъ, обстановка вырисовывалась такъ: потеря Сыквантуня сбрасывала насъ на равнину и мы теряли опорный пунктъ для наступленія нашего лѣваго фланга, на 1-й сибирскій корпусъ, требовавшій поддержки, положиться было нельзя, да и, кромѣ того, своимъ отступленіемъ къ Лиліенгоу онъ совершенно обнажилъ главную линію нашей желѣзной дороги, войска генерала Орлова не могли идти въ счетъ, такъ какъ они были совершенно разбиты и на долгое время лишились всякаго боевого значенія. Недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ внушалъ опасенія за судьбу самого Ляояна, гарнизонъ котораго также требовалъ подкрѣпленія; возможное движеніе японцевъ отъ Бенсиху на Мукденъ угрожало нашему пути отступленія, и кромѣ того, что самое важное, войска, истомленныя постоянными, несмотря ни на что, отступленіями, потеряли вѣру въ своихъ начальниковъ и, что называется, выдохлись, такъ что къ наступленію способны уже не были. При такой обстановкѣ предстояло рѣшить вопросъ: удерживать ли линію Тайцзыхе или отступить къ Мукдену. Въ первомъ случаѣ, при умѣломъ руководительствѣ войсками, можно было разсчитывать, удержавъ Ляоянъ, сбросить противника за Тайцзыхе, атаковавъ его на позиціи у янтайскихъ копей, но при этомъ надо было хорошо обезпечить свой лѣвый флангъ, иначе непріятель, сбивъ 17-й армейскій корпусъ, легко могъ выйти въ тылъ ляоянскаго укрѣпленнаго района, такъ какъ отъ позицій 17-го корпуса до Ляояна было только 16 верстъ. Отходъ же къ Мукдену представлялъ большія невыгоды и трудности. Во-первыхъ, приходилось отходить подъ напоромъ противника, при чемъ размытыя дождемъ дороги вызывали опасенія за благополучный отходъ обозовъ, кромѣ того, покинутіе Ляояна должно было произвести удручающее впечатлѣніе на войска, такъ упорно его защищавшія, и должно было повліять на поднятіе духа японцевъ. Отходомъ отъ Ляояна какъ бы подписывался смертный приговоръ Портъ-Артуру, ибо надежда на поддержаніе его исчезала окончательно. Однимъ словомъ, отходъ къ Мукдену знаменовалъ собою проигрышъ всей первой половины войны. Но были данныя и за рѣшеніе вопроса въ послѣднемъ смыслѣ: во-первыхъ, отходя къ Мукдену, мы выходили изъ положенія, въ которомъ противникъ угрожалъ намъ какъ съ фронта, такъ и съ тыла, затѣмъ мы выигрывали время для подхода 4-го армейскаго корпуса и подвоза боевыхъ припа-


Башня бога войны въ Гиринѣ.

совъ, въ которыхъ уже начиналъ ощущаться недостатокъ. И вотъ, какъ разъ въ то время, когда Куропаткинъ получилъ послѣднее донесеніе генерала Бильдерлинга, онъ рѣшилъ



Казнь хунгуза китайцами.

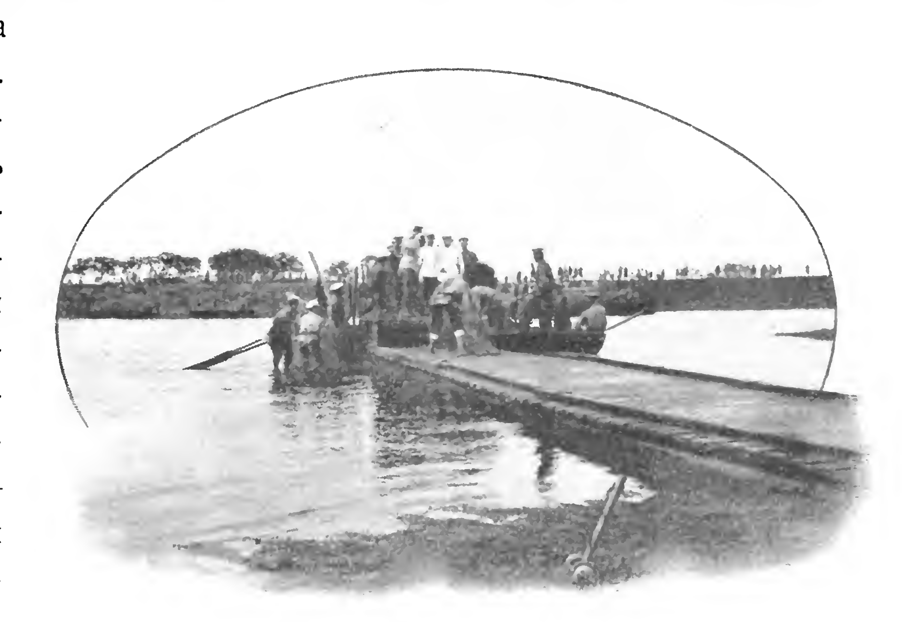
отступать къ Мукдену. На донесеніи Бильдерлинга онъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Очень жалко и печально, въ виду отступленія Штакельберга, приходится отступить къ Мукдену и далѣе. Тамъ собраться, укомплектоваться и идти впередъ". И здѣсь нашъ командующій не могъ удержаться отъ жалкаго подражанія великому Суворову, отъ котораго онъ былъ такъ далеко.

Для подготовки своего послѣдняго рѣшенія Куропаткинъ предписалъ генералу Зарубаеву: „По полученіи сего начинайте со всѣмъ гарнизомъ отступать къ станціи Янтай. Японцы тѣснятъ нашъ лѣвый флангъ, уничтожьте за собой всѣ переправы. Испортите желѣзнодорожный мостъ на столько, чтобы имъ нельзя было воспользоваться для переправы войскъ. Сейчасъ же пошлите приказаніе Кондратовичу возможно быстро двинуться къ станціи Янтай. Очищеніе фортовъ желательно произвести въ сумерки. Прикройтесь сильнымъ арьергардомъ для воспрепятствованія попыткамъ противника переправиться. Понтонные мосты необходимо насколько возможно собрать и двинуть къ Мукдену". Штакельбергу было приказано: „Держитесь крѣпко, придется отходить со всею арміей къ Янтаю. Вы составите арьергардъ. Отдаю



Приготовленіе къ прибивкѣ знамени.

приказаніе объ очищеніи Ляояна. Поддержу васъ свѣжими войсками". 17-му армейскому корпусу было приказано очистить высоту 131 и отойти на позицію Шинченцзы—Чжансатунь, но удержать за собой горный массивъ 151. Этотъ корпусъ, вообще, получилъ приказаніе составить арьергардъ арміи и обезпечить отступленіе остальныхъ ея частей. 1-й и 3-й корпуса получили приказаніе упорно оборонять направленіе на станцію Янтай, первый у Таліенгоу, и второй—между Лиліенгоу и желѣзной дорогой. 10-й корпусъ составилъ общій резервъ всего отступленія. Такъ какъ между 3-мъ и 17-мъ корпусами находилось пространство слабо занятое нашими войсками, то отряду генерала Мищенко было приказано занять мѣстность впереди Шаомяоцзы и поддерживать связь между 3-мъ и 17-мъ корпусами; обозамъ 3-го разряда приказано было двигаться прямо къ Мукдену, обозамъ же 2-го разряда идти къ Шахе сѣверному.



На паромѣ.

21-го августа 35-я пѣхотная дивизія и одинъ батальонъ 3-й дивизіи стояли на позиціи восточнѣе Сахутуня, 8 батальоновъ было въ боевой линіи и 8 въ резервѣ за деревней Сахутунь. Артиллерія стояла у деревни Яндятунь. Выборгскій пѣхотный полкъ занималъ восточный гребень высоты 131, который подходилъ къ Сыквантуню, Чембарскій полкъ расположился у Эрдагоу, войска генерала Янжула занимали горный массивъ 151. Японцы въ этотъ день расположили свою артиллерію на Манчжуямѣ и къ сѣверу отъ нея на высотахъ между деревнями Хваншинъ, Хванкуфенъ, Санцагоу, и весь день вели перестрѣлку съ нашей артиллеріей, но довольно вяло, въ наступленіе они не переходили. Съ утра уже генералъ Янжула получилъ приказаніе прикрывать отступленіе нашихъ войскъ



Осадныя орудія.

изъ ляоянскаго укрѣпленнаго района, и потому артиллерія открыла очень сильный огонь у Куйопу и Хвае, обстрѣливая японцевъ, наступавшихъ на лѣвый флангъ ляоянскихъ укрѣпленій. Генералу Добржинскому было приказано держаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ очищенъ Ляоянъ и не отойдетъ отрядъ генерала Янжула. Около 1 часу дня этому отряду было приказано, наконецъ, отойти на Лататай, а вечеромъ 3-я и 35-я пѣхотныя дивизіи также оставили свои позиціи. Первая отошла къ Судятуню, гдѣ расположились два полка съ 5-ю батареями, одинъ полкъ сталъ у Яндятуня и одинъ полкъ у Фандятуня, кромѣ того, еще одинъ полкъ съ одной батареей расположился у Шамяоцзы. 3-я пѣхотная дивизія отошла къ Лататаю, а два ея батальона съ 4-мя пушками стали на позиціи на высотахъ къ югу отъ Санвагоцзы. Выборгскій и Чембарскій полки остановились между Чжансутунемъ и Шанвагоцзы. Остальныя войска манджурской арміи были расположены: 1-й сибирскій корпусъ, по непосредственному указанію командующаго арміей, на позиціяхъ впереди деревень Чотамигоу и Чутаменгоу, къ востоку отъ поста № 8-й, по обѣ стороны желѣзнодорожной вѣтки, фронтомъ къ янтайскимъ копямъ, которыя были заняты противникомъ, стоявшимъ тамъ въ бездѣйствіи. На лѣвомъ флангѣ 1-го сибирскаго корпуса, по приказанію генерала Куропаткина, расположился Псковскій пѣхотный полкъ.



Бивуакъ у Цофчинцзы.

3-й сибирскій корпусъ: бригада съ двумя батареями у Лиліенгоу, другая бригада съ тремя батареями между Лиліенгоу и Таліенгоу и одна дивизія съ ея артиллеріей между Хунейцзы и Лиліенгоу.

42 л. орудія на Ляоянской позиціи.

10-й армейскій корпусъ сосредоточился въ полномъ составѣ въ Бахачжу. Части 54-й дивизіи уже къ утру 22-го августа собрались у станціи Янтай.

Всѣ эти полки подчинены были генералу Дембовскому. Кромѣ того, у станціи

находился отрядъ Кондратовича въ составѣ двухъ стрѣлковыхъ полковъ. Лѣвый флангъ охранялся отрядомъ подполковника Запольскаго (11 ротъ отъ трехъ полковъ и 10 орудій), занимавшаго позицію на возвышенности въ двухъ верстахъ на западъ отъ янтайскихъ копей; коннымъ отрядомъ полковника Гурко (5 эскадроновъ и 3 сотни) и нѣжинскимъ драгунскимъ полкомъ, державшимся между Чотаменгоу и Кудзяцзы.


Снимокъ съ воздушнаго шара дер. Ладіатунь.

Генералъ Самсоновъ съ 8-ю сотнями сибирскихъ казаковъ занималъ Кудзяцзы, обезпечивая лѣвый флангъ арміи.

Отрядъ генерала Мищенко между Цонцсанцза и Сахутунемъ, войдя въ связь съ 3-мъ и 17-мъ корпусами.

Самымъ опаснымъ мѣстомъ нашего расположенія было пространство между 3-мъ сибирскимъ и 17-мъ армейскимъ корпусами; если бы японцы повели энергичное наступленіе въ этомъ направленіи, то это могло привести къ весьма печальнымъ для насъ послѣдствіямъ, но они къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ не прибѣгали. На крайнемъ лѣвомъ нашемъ флангѣ, между тѣмъ, происходило слѣдующее: мы знаемъ уже, что генералъ Любавинъ, вытѣсненный японцами изъ Бенсиху, отошелъ къ деревнѣ Баньяпуцза, гдѣ около часу ночи онъ былъ вновь атакованъ и вынужденъ былъ отойти къ Сунмуну; его не преслѣдовали, но, найдя позицію у Сунмуна неудобною, онъ отошелъ дальше на болѣе выгодную позицію на перевалѣ Тундзяфынлинъ и послалъ объ этомъ донесеніе командующему арміей, на этомъ донесеніи была положена слѣдующая резолюція: „Другими словами, Любавинъ находится уже только въ одномъ переходѣ отъ Мукдена, положеніе тревожное; прошу доложить“. Самъ Куропаткинъ къ ночи въ этотъ день прибылъ въ Синиченцзы. Войска генерала Зарубаева, т. е. ляоянскій гарнизонъ, благополучно отступили отъ Тайцзыхе и частью достигли деревни Чинтайцзы.


Ердагоуская башня.

Въ теченіе всего 21-го числа японцы дѣйствовали крайне пассивно на правомъ берегу Тайцзыхе и, наоборотъ, довольно энергично на лѣвомъ. Ночью было выяснено ихъ намѣреніе направить главный ударъ или на тотъ или на другой флангъ, но на который именно, оставалось еще не выясненнымъ, и потому генералу Зарубаеву было приказано упорно оборонять переправы черезъ Тайцзыхе у Ляояна. Во исполненіе полученнаго приказанія, генералъ Зарубаевъ занялъ арьергардныя позиціи у Иншуйсы и Люцзачжуана, Мучанскому же отряду приказалъ оставаться на занимаемыхъ имъ мѣстахъ, а главнымъ силамъ отходить на линію Мафынтай-Тянхепу-Чинтайцзы-Келицзай. Утромъ японцы начали свою переправу черезъ Тайцзыхе и къ 3-мъ часамъ дня заняли высоты у деревни Фанши. Но переправа ихъ шла очень медленно, такъ что 22-го августа на правомъ берегу рѣки находилось очень немного ихъ войскъ и они насъ не тревожили. Не такъ слагалось дѣло на нашемъ лѣвомъ флангѣ. 22-го августа противъ нашего восточнаго фронта стали обнаруживаться признаки наступленія непріятеля. Это было чрезвычайно опасно, такъ какъ часть войскъ еще не достигала высоты станціи Янтай и успѣхъ японскаго наступленія на нее легко могъ отрѣзать отъ пути отступленія, и тогда выходъ Куроки на манджурскую дорогу гдѣнибудь между Мукденомъ и Янтаемъ могъ повлечь за собой катастрофу въ родѣ Седана. На высотахъ въ окрестности Тумынцзы была хорошая оборонительная позиція, которою Куропаткинъ и хотѣлъ воспользоваться, чтобы какъ можно скорѣе сосредоточить силы, достаточныя для отраженія арміи генерала Куроки. Поэтому на направленіе Тумынцзы—Янтай были направлены части 5-го армейскаго корпуса, а отрядъ генерала Кондратовича былъ двинутъ на позицію у Тумынцзы, но еще раньше этого на ту же позицію Штакельбергъ направилъ туда два батальона 4-го вост.-сиб. стр. полка съ



Станція безпроволочнаго телеграфа.



Гора Сяо-гушань.

горными пушками, которые и должны были занять позицію до прихода генерала Кондратовича. До прибытія батальоновъ 4-го стрѣлковаго полка лѣвый флангъ, какъ мы уже говорили, охранялся полками сибирской казачьей дивизіи, расположенными у деревень Янтунъ и Яопу, а между этой дивизіей и 1-мъ сибирскимъ корпусомъ у деревни Кудяцзы находился отрядъ Гурко, усиленный однимъ батальономъ и 4-мя орудіями. Обходъ нашего лѣваго фланга въ направленіи Тумынцзы - Цхангуасы былъ особенно для насъ опасенъ, но 4-й стрѣлковый полкъ уже успѣлъ занять позицію къ востоку отъ Тумынцзы и Манятуня; но положеніе было все-таки еще очень опасно, такъ какъ для занятія позиціи въ пять верстъ длиною имѣлось только два батальона, 19 сотенъ и 8 орудій. Эта позиція имѣла очень хорошій обстрѣлъ, но не было никакой фортификаціонной подготовки и густой гаолянъ простирался до самаго подножія ея высотъ. Несмотря на трудность положенія, отрядъ нашъ сдерживалъ наступленіе японцевъ до 6-ти часовъ вечера, когда на позицію пришелъ отрядъ генерала Кондратовича, но въ это же время получились извѣстія о движеніи противника значительными силами сѣвернѣе Кіуцетхая. Тогда Кондратовичъ и Самсоновъ просили о поддержкѣ. Къ ночи бой прекратился, намъ удалось удержаться на позиціи и, такимъ образомъ, мы задержали наступленіе непріятеля. Къ двумъ часамъ ночи подошли 34-й и 36-й стрѣлковые полки, посланные туда генераломъ Штакельбергомъ, и образовался уже солидный отрядъ въ составѣ 15 батальоновъ, 14 орудій и 16 сотенъ. Пока все это происходило, наша армія продолжала продвигаться къ Мукдену и къ ночи 22-го августа заняла слѣдующее расположеніе:



Послѣ атаки сопки.



Нагрузка вагоновъ при отступленіи отъ Ляояна.

„*) 10-й армейскій корпусъ: 9-я пѣхотная дивизія со своей артиллеріей у Ваньбауго, 31-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, 1-й саперный батальонъ и 1-й оренбургскій казачій полкъ у деревни Янтай на мандаринской дорогѣ“.

„17-й армейскій корпусъ: 35-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей и съ 1-мъ и 3-мъ артиллерійскими дивизіонами у Сандопа и Сунцзяцзяцзы, а 3-я пѣхотная дивизія, составляя арьергардъ, осталась на позиціи у Цзегуантуня, пропуская отходившія части 4-го сибирскаго корпуса, прикрывая съ юга сосредоточеніе арміи къ Янтаю“.



Панихида по убитымъ.

„3-й сибирскій корпусъ у Лиліенгоу“.

„1-й сибирскій корпусъ, за исключеніемъ частей, занимавшихъ позицію у Тумынцзы, стоялъ на позиціи у Чоталіенгоу фронтомъ на востокъ“.

„2-й и 4-й сибирскіе корпуса въ районѣ разъѣзда 101“.

„Отрядъ Мищенко въ окрестностяхъ деревни Шаомяоцзы“.

„Правый флангъ южнаго фронта охранялся отрядомъ полковника Орбеліани, расположеннаго въ 5-ти верстахъ къ западу отъ желѣзной дороги“.

„Отрядъ генерала Грекова въ районѣ Лобутая“.

„Отрядъ генерала Любавина въ районѣ Беньяпуза“.

Около 2-хъ часовъ ночи японцы, приблизившись къ позиціямъ 1-го сибирскаго корпуса у Таліенгоу, Чоталіенгоу, открыли ружейный огонь и въ три часа ночи перешли въ наступленіе, которое было отбито огнемъ пулеметовъ; японцы понесли огромныя потери, но и у насъ потери были также очень велики. Въ это же время генералъ Кондратовичъ сдерживалъ наступающаго противника. Однако послѣ отбитія всѣхъ атакъ непріятеля 1-му сибирскому корпусу предстоялъ еще трудный фланговый маршъ къ Манятуню въ непосредственной близости отъ противника. Въ тотъ же день, около 6 часовъ утра, два батальона японской пѣхоты двинулись въ обходъ праваго фланга генерала Кондратовича у деревни Манятунь, но въ это время подошла одна бригада 9-й вост.-сиб. стр. дивизіи, посланная туда генераломъ Куропаткинымъ.

*) Сообщенія въ Академіи Генеральнаго Штаба.

Японцы остановились, прекратили дальнѣйшее наступленіе и занялись самоокапываніемъ. Такимъ образомъ получилось, что отступленіе восточнаго фронта нашей арміи было прикрыто 24-мя батальонами, изъ которыхъ 12 находились у Тумынцзы и 12 у Цхангуасы. Вообще же, отступленіе нашей арміи совершалось при чрезвычайно трудныхъ условіяхъ, дожди страшно распустили дороги и на главномъ мандаринскомъ пути грязь была по колѣно, что сильно задерживало движеніе тяжестей и 23-го августа оставалось еще много обозовъ, которые еще не прошли параллель Тумынцзы. Станція Янтай не была пока эвакуирована. Но 23-го числа противникъ насѣдалъ довольно вяло, такъ что только къ полудню занялъ постъ № 8-й на янтайской желѣзнодорожной вѣткѣ, откуда и открылъ мало дѣйствительный огонь по площадямъ, почти на удачу. Къ этому времени наша манджурская армія находилась въ слѣдующемъ положеніи: „на крайнемъ лѣвомъ флангѣ конница генерала Самсонова въ окрестностяхъ Суатайцзы и Инпаня; далѣе три бригады 1-го сибирскаго корпуса и одна бригада 3-го сибирскаго корпуса, — частью занимая позиціи у Тумынцзы, и въ резервѣ за ней у Цхангуасы; одна дивизія 3-го сибирскаго корпуса и одна бригада 1-го сибирскаго корпуса у Хунбоасана, имѣя почти всѣ обозы впереди и выходя, такимъ образомъ, изъ сферы вліянія противника; 10-й армейскій корпусъ слѣдовалъ по мандаринской дорогѣ, оставивъ одну бригаду пѣхоты съ двумя дивизіонами у Санопу, въ видѣ поддержки войскамъ 1-го сибирск. корпуса и въ качествѣ бокового заслона до прохода частей 10-го армейскаго корпуса“.



Видъ Манджуріи.



Передъ раздачей крестовъ.

„2-й и 4-й сибирскіе корпуса, слѣдовавшіе по желѣзнодорожному полотну и по дорогѣ западнѣе его, къ полудню миновали линію Санпоу-Кудяцзы, а слѣдова-

тельно, тоже могли считаться въ сравнительной безопасности, но значительная часть обозовъ ихъ отстала".

17-й армейскій корпусъ только что успѣлъ миновать станцію Янтай.

Такимъ образомъ, стратегическій фронтъ арміи, протягиваясь съ юго-запада на сѣверо-востокъ, по линіи Янтай - Санопу - Суашанцзы, съ выдвинутымъ впередъ заслономъ арьергардомъ, имѣлъ косвенное положеніе по отношенію расположенія противника.

Въ такомъ положеніи намъ угрожалъ прорывъ въ направленіи Тумынцзы-Цхангуасы-Санопу, и войска, находившіяся еще у ст. Янтай, могли легко подвергнуться полному окруженію и совсѣмъ быть отрѣзанными отъ остальныхъ силъ. Около полудня, на станціи Янтай находилась 4-я пѣхотная дивизія, одна бригада 4-го сибирскаго корпуса и отрядъ генерала Мищенко. Всѣ раненые и прочее имущество были уже вывезены, когда около часу дня японская артиллерія открыла огонь по самой станціи. Это произвело минутную сумятицу, но, по счастью, быстро выѣхала на позицію наша артиллерія и скоро заставила замолчать японскія пушки, тогда все успокоилось и отступленіе нашихъ войскъ продолжалось подъ прикрытіемъ отряда генерала Мищенко: Недостаточно энергичное наступленіе противника помогло намъ благополучно выбраться и отступить отъ станціи Янтай, но впереди предстояла еще переправа черезъ Хунхе, прикрывшись которой мы только могли считать отступательную операцію нашу оконченной. Къ ночи 23-го августа войска расположились: „1-й сибирскій корпусъ: 9-я стрѣлковая дивизія, въ виду нѣкотораго безпокойства за лѣвый флангъ арміи,—на позиціи у Тумынцзы; 1-я стрѣлковая дивизія по бригадно—у Цхангуасы и Синзуанѣ; отрядъ полковника Гурко въ Чундіаваза".



Наши пулеметы.

„10-й армейскій корпусъ у Сахепу".

„3-й сибирскій корпусъ, въ составѣ одной стрѣлковой дивизіи, у Хоутхая".

„17-й армейскій корпусъ въ районѣ Шилихе-Улитайцзы".

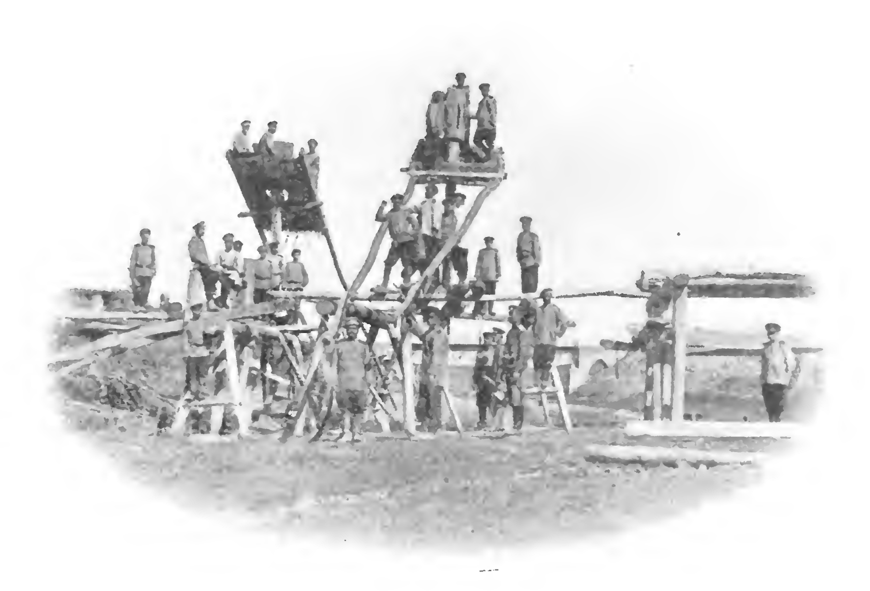
„2-й и 4-й сибирскіе корпуса—въ районѣ Ліутхангоу-Шахе-Хунлинпу".

„Отрядъ генерала Мищенко на правомъ флангѣ позиціи у Тумынцзы въ Хуанди и Улитайцзы".

„Отрядъ генерала Любавина по-прежнему занималъ Тундзяфынлинъ".

„23-го августа генералъ Куропаткинъ всеподданнѣйше доносилъ Государю

Императору: „4-я армія, хотя и съ большими трудностями по передвиженію обозовъ, успѣшно продвигаясь къ Мукдену, вышла изъ опаснаго положенія, въ которомъ находилась, угрожаемая противникомъ при узкомъ фронтѣ, какъ съ фронта, такъ и съ лѣваго фланга". 24-го августа мы продолжали отступать и 25-го подошли къ Хунхе. Генералъ Куропаткинъ рѣшилъ, оставивъ корпусъ генерала Случевскаго на лѣвомъ берегу рѣки, для защиты тетъ-де-пона, всѣ остальныя силы перевести на правый берегъ.



Постройка моста черезъ оврагъ.

Возвращаясь къ арміи генерала Куроки, мы находимъ, что положеніе ея было слѣдующее: 19-го августа Куроки рѣшилъ ограничиться одними демонстративными дѣйствіями, пока не подойдутъ гвардія и бригада Мацунаги, и тогда, оставивъ заслонъ противъ высоты 131, двинуться черезъ Хейянтай и Сахутунь къ желѣзной дорогѣ, прямо на фронтъ непріятеля, но присутствіе дивизіи генерала Орлова на правомъ флангѣ его арміи остановило это намѣреніе. Противъ Куроки находились во много разъ превышавшія японцевъ силы, которыми противникъ могъ бы совершенно уничтожить 1-ю японскую армію, но ее спасла рѣшимость и энергія ея вождя, отчаянныя атаки, которыя производили японцы, маскировали ихъ дѣйствительную слабость и, вѣроятно, Куропаткинъ думалъ, что у Куроки дѣйствительно 6 дивизій, какъ объ этомъ мы уже упоминали раньше.

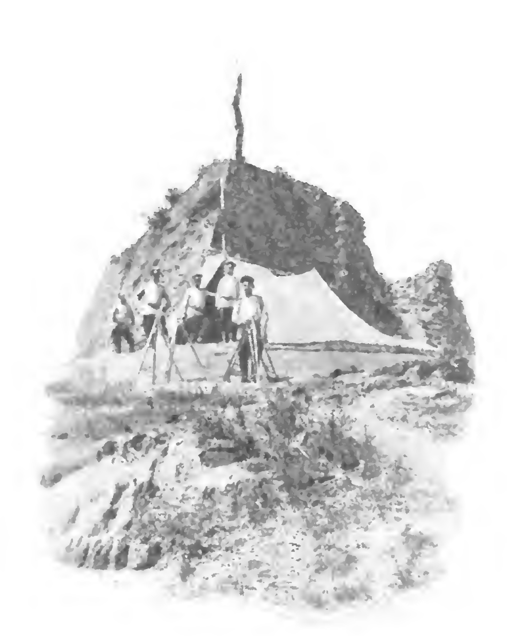


Работы по съемкѣ.

19-го августа часть гвардейской дивизіи уже прибыла, нашъ же огонь впереди японскаго фронта замѣтно и быстро падалъ и въ концѣ только одна батарея у Сахутуня еще продолжала стрѣльбу, кромѣ того, одновременно мы стали очищать и массивъ 131, что уже служило вѣрнѣйшимъ признакомъ окончательнаго нашего отступленія. Тогда Куроки отдалъ слѣдующее приказаніе: „*) 1-я армія преслѣдуетъ противника. 2-я дивизія направляется къ Лотатаю. 12-й дивизіи войти въ соприкосновеніе съ правымъ

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генер. Штаба.

флангомъ 2-й дивизіи и направиться къ Сандохѣ, оставивъ часть силъ для занятія угольныхъ копей и для наблюденія за непріятелемъ къ сѣверу. Генералъ-маіору Ватанабе со своей гвардейской бригадой и 29-мъ полкомъ Коби расположиться въ Хейянтаѣ и будетъ держаться тамъ въ качествѣ общаго резерва. Командующій арміей тоже отправится въ Хейянтай". Но приказъ этотъ не былъ исполненъ въ точности: хотя начальники дивизій и получили приказъ въ три часа пополудни, но 2-я дивизія не выступила тотчасъ же на Лотатай, а 12-я дивизія не вошла въ соприкосновеніе съ правымъ флангомъ 2-й и тоже не выступила въ Сандохѣ. Эти части выступили только съ наступленіемъ сумерекъ; бригады 2-й дивизіи сбились съ дороги и запутались въ гаолянѣ, 12-я дивизія выступила только около 10-ти часовъ ночи, взяла деревню Сяоталіенгоу и, во избѣжаніе возможности запутаться въ гаолянѣ, пошла по полотну линіи желѣзной дороги, но внезапно она была атакована нашими стрѣлками, которые бѣшено устремились на врага, это произвело между японцами большую сумятицу и движеніе ихъ было остановлено.



Геліографная станція.

Такъ закончилась печальная ляоянская эпопея, которой было въ корнѣ потрясено могущество Россіи и престижъ ея непобѣдимости не только въ Азіи, но и во всемъ мірѣ. Кто виноватъ въ этомъ страшномъ фактѣ, отвѣтитъ лишь время, вѣрно только, что не виноваты войска, какъ единичные борцы, виноватъ Куропаткинъ и его ближайшіе старшіе помощники, виновата вся система, но только въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Въ бояхъ подъ Ляояномъ сказалась вполнѣ ясная и опредѣленная японская стратегія. Ляоянъ былъ избранъ ими какъ пунктъ сосредоточенія всѣхъ ихъ трехъ армій, еще передъ началомъ кампаніи, и всѣ ихъ дальнѣйшія дѣйствія и распоряженіи неукоснительно клонились къ достиженію этой главной, поставленной себѣ задачи. Этимъ, можетъ быть, отчасти объясняется и та медленность и методичность, которыя характеризовали ихъ дѣйствія во всю первую половину войны. Сосредоточеніе японскихъ армій должно было ознаменоваться рѣшительнымъ сраженіемъ у Ляояна, что въ значительной степени зависѣло отъ противника, но Куропаткинъ какъ будто нарочно дѣйствовалъ согласно предначертаніямъ японцевъ и помогъ имъ выполнить



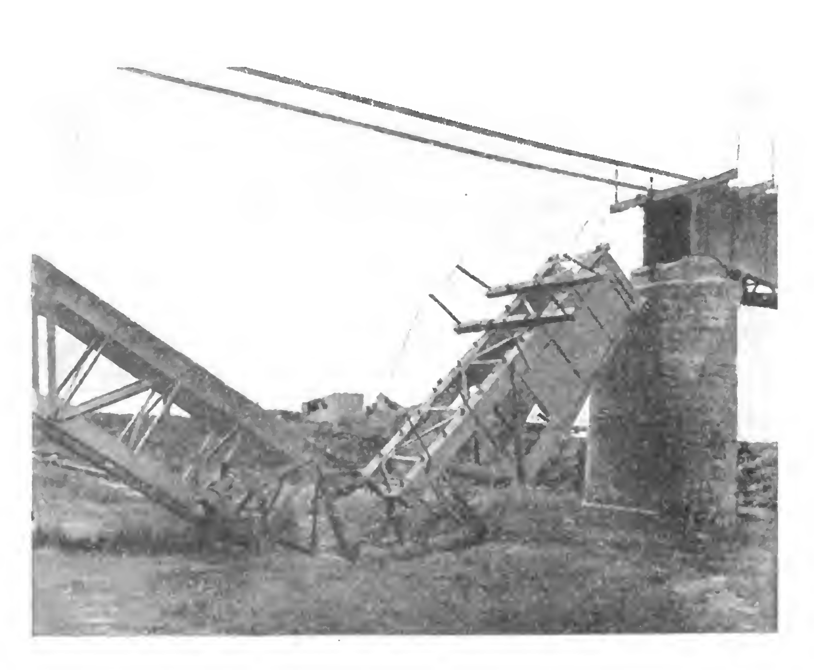
Кладбище въ Ляоянѣ.

свою задачу сосредоточенія къ Ляояну. Во время сближенія каждая японская армія должна была двигаться въ своемъ заранѣе опредѣленномъ районѣ, имѣла каждая свою отдѣльную базу и должна была дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, но стремиться къ одной цѣли, постоянно лишь сохраняя одинаковое разстояніе отъ главной квартиры Куропаткина.



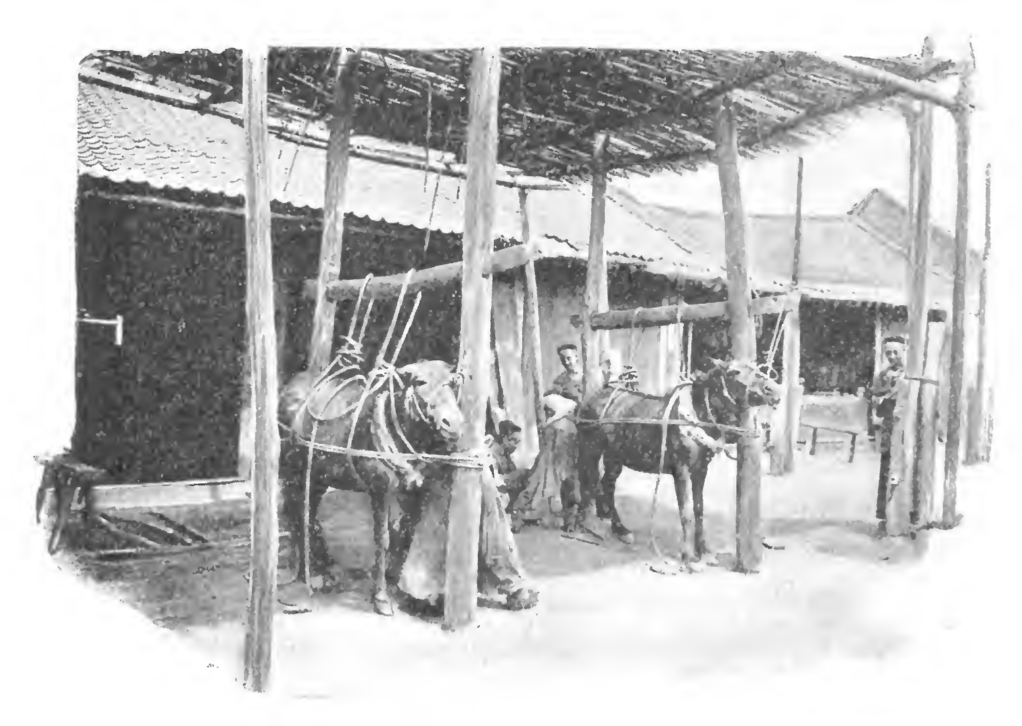
Гора Шаушаньпу.

Ляоянскій погромъ имѣлъ огромное матеріальное и моральное значеніе. Полуудивленная и полуподавленная первыми пораженіями своихъ войскъ Россія ожидала болѣе рѣшительнаго и важнаго столкновенія. Считая первыя пораженія лишь прелюдіей къ предстоящей драмѣ, объяснили ихъ недостаточной еще численностью войскъ, бездарностью и неподготовленностью старшихъ начальниковъ, которымъ была вручена честь и слава русской арміи. Но подъ Ляояномъ ожидалось рѣшительное столкновеніе. Ожидалось руководство самого Куропаткина, всѣми признаннаго за талантливаго полководца, чуть ли не за генія, на него взиралъ съ интересомъ весь міръ и съ упованіемъ вся Россія. Что же сдѣлалъ Куропаткинъ за весь первый періодъ войны? Это можетъ быть выражено немногими словами: онъ далъ себя разбить на Ялу и, такъ сказать, началъ войну съ пораженія, онъ былъ разбитъ на перевалахъ, подъ Вафангоу, проигралъ Дашичао, Хайченъ и, подорвавъ духъ своихъ войскъ, отдалъ Ляоянъ врагу, похоронивъ на неопредѣленное время подъ его стѣнами вѣковой престижъ Россіи. Отчего же все это случилось? На войнѣ дѣйствуютъ два



Разрушенный мостъ.

главнѣйшихъ фактора: войска и ихъ полководецъ,—слѣдовательно, и причинъ того или другого результата надо искать или въ войскахъ или въ полководцѣ; затѣмъ большое вліяніе оказываетъ общая обстановка, какъ на театрѣ войны такъ и внѣ его. Съ этой стороны были допущены большія погрѣшности, которыя носили въ себѣ зародышъ неудачи. Главнокомандующимъ былъ назначенъ адмиралъ Алексѣевъ, совершенно незнакомый съ веденіемъ сухопутныхъ операцій и еще менѣе съ театромъ войны, силами и свойствами своего противника. Вполнѣ выяснить его роль въ настоящую минуту не представляется возможнымъ, это дѣло будущаго историческаго изслѣдованія, но ясно, что если онъ не приносилъ пользы, то долженъ былъ приносить вредъ—середины тутъ быть не можетъ. Это вредное вліяніе адмирала Алексѣева ярко выразилось въ несвоевременномъ и неумѣстномъ наступленіи на выручку Портъ-Артура, закончившимся, какъ извѣстно, пораженіемъ подъ Вафангоу; непосредственно на ляоянскую операцію адмиралъ Алексѣевъ не вліялъ, но все же еще продолжалъ оставаться главнокомандующимъ и генералу Куропаткину приходилось такъ или иначе съ этимъ считаться, что, при отсутствіи ясно сознаннаго и обдуманнаго плана и сильной воли, должно было сказываться на состояніи духа командующаго арміей и не могло не вліять, можетъ быть, даже незамѣтно для него самого, на его дѣйствія. Несомнѣнно, что у Куропаткина не было опредѣленнаго плана относительно Ляояна, т. е. онъ не остановился окончательно на вопросѣ: отдавать ли его врагу или защищать во что бы то ни стало. Мы не считаемъ себя настолько компетентными, чтобы рѣшительно высказаться по этому поводу, поэтому приведемъ здѣсь слова генерала Гамильтона, который пишетъ: „Планъ Куропаткина останется невыясненнымъ, пока не будутъ получены свѣдѣнія съ русской стороны. Однако безусловно, что у него не было иного намѣренія, какъ собрать въ Ампинѣ и Айсядзянѣ достаточныя силы для отраженія атаки Куроки и Ойямы, но всякіе планы должны быть основаны на принципѣ пораженія непріятеля. Мудрое правительство можетъ простить неудачу генералу, потерпѣвшему пораженіе вслѣдствіе чрезмѣрной широты своихъ плановъ. Но генералъ, ожидающій событій,



Ковка лошадей китайцами.

старающійся обезпечить себя на всякомъ пунктѣ, предпочитающій лучше упустить благопріятный случай, чѣмъ взять на себя отвѣтственность, которой можно избѣжать, подобный генералъ хорошъ только съ точки зрѣнія врага".



Гончарная мастерская.

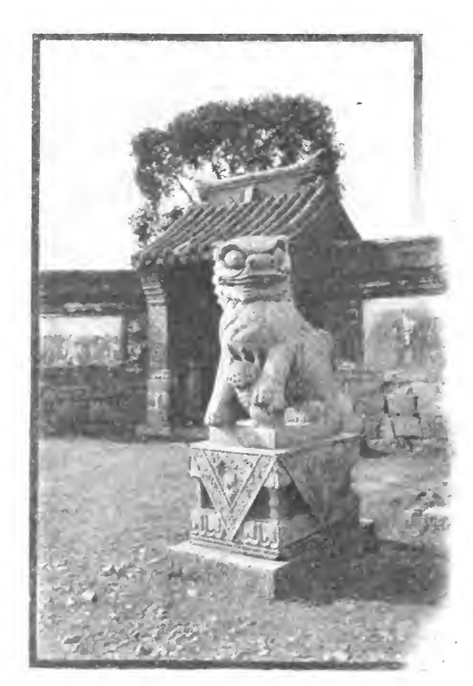
Когда армія Куроки появилась только на правомъ берегу Тайцзыхе, Куропаткинъ сталъ уже утрачивать нравственное равновѣсіе, ему уже казалось, что вся армія Куроки, силу которой онъ преувеличивалъ, находится уже у него въ тылу и оперируетъ къ сторонѣ Мукдена. Онъ, очевидно, не принялъ въ соображеніе, что если первая японская армія находится на правомъ берегу Тайцзыхе, а двѣ остальныя изъ послѣднихъ силъ сражаются безуспѣшно противъ Айсядзяна, то непріятель разъединенъ, а слѣдовательно, и слабъ, и что самое болѣзненное и легко уязвимое мѣсто его—это образовавшійся интервалъ, куда болѣе активный командующій арміей и направилъ бы непремѣнно свой ударъ. Но Куропаткинъ, вмѣсто того, чтобы, усиливъ свой лѣвый флангъ всего только одной дивизіей, съ остальными перейти въ наступленіе,—отвелъ назадъ всѣ свои войска и бросилъ Ляоянъ. Этимъ онъ необыкновенно ободрилъ японцевъ и помогъ имъ закончить намѣченное и столь страстно желаемое ими сосредоточеніе ихъ силъ къ Ляояну; на наши же войска это подѣйствовало удручающимъ образомъ. Наконецъ, даже въ моментъ, когда мы покидали айсядзянскія позиціи, одна благопріятная случайность предоставила въ руки Куропаткина большой шансъ на успѣхъ. Дѣло въ томъ, что отъ сильныхъ дождей Тайцзыхе



Охрана моста на р. Нонхе у ст. Фулярди.

разлилась и 2-я и 4-я японскія арміи только съ огромными затрудненіями могли бы сосредоточиться на правомъ берегу ея. Мы владѣли обоими берегами рѣки и всѣ переправы находились въ нашихъ рукахъ. При такихъ условіяхъ не много надо было усилій, чтобы совсѣмъ помѣшать Ойямѣ перейти на нашу сторону рѣки.

Достаточно было отряда не болѣе какъ въ одну дивизію съ соотвѣтствующей артиллеріей, чтобы задержать Ойяму на лѣвомъ берегу, а съ остальными силами обрушиться на Куроки и смять его армію. Про этотъ моментъ генералъ Гамильтонъ пишетъ: „Мало вѣроятія, чтобы будущее столѣтіе представило бы намъ такую глубоко-фатальную дилемму: воспользуются ли русскіе разлившейся рѣкой только какъ средствомъ бѣгства, или же они не упустятъ случая въ видѣ посланной имъ Богомъ удачи и сдѣлаютъ разлитіе рѣки основаніемъ маневра для контръ-атаки первой японской арміи. Былъ, дѣйствительно, одинъ ужасный моментъ, когда казалось, что Куропаткинъ хочетъ испытать судьбу и дать солдату возможность участвовать не въ частныхъ стычкахъ, а въ настоящемъ сраженіи, гдѣ резервовъ не берегутъ понапрасно, а всѣ солдаты находятся въ боевой линіи, какъ было у Куроки 1-го іюля или 13-го августа. Но нѣтъ: въ то время, какъ судьбы Имперіи лежали на вѣсахъ, онъ предпринялъ отступленіе къ Мукдену, которое заставило все еще державшихся на позиціяхъ русскихъ упасть духомъ и возобновило энергію истощенныхъ японцевъ. Командиры первой арміи сыграли свою роль во всю; никакихъ резервовъ — каждый офицеръ и солдатъ дерется, какъ дикая кошка—зубы, ногти все идетъ въ ходъ. Русскій же главнокомандующій никогда не бросалъ въ дѣло всю армію, какъ сдѣлалъ бы отважный и отчаянный Скобелевъ“. Сами японцы слѣдующимъ образомъ оцѣнивали обоюдное положеніе въ описываемый моментъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что Куропаткинъ сильно надѣялся на свою громадную армію и стремился произвести контръ-атаку въ широкихъ размѣрахъ, но рѣшившись на отступленіе отъ Айсядзяна, онъ подвергся такому быстрому и упорному преслѣдованію маршала Ойямы, что не имѣлъ времени собрать свои силы и снова распредѣлить ихъ“.



Дер. Лидзятунь (богъ на Шахе).

„Такимъ же образомъ: наша быстрота помогла намъ и здѣсь, при переправѣ черезъ рѣку: русскія укрѣпленія у Цофантуна и Синлитуня были только начаты, какъ мы уже оказались на разстояніи артиллерійскаго выстрѣла. Подъ такимъ большимъ давленіемъ Куропаткину не было времени соображать или спокойно обсуждать свое положеніе; онъ даже не былъ увѣренъ въ мѣстѣ нахожденія нашихъ главныхъ силъ. Широкій фронтъ нашего праваго фланга поддерживалъ его неувѣренность, пока, наконецъ, онъ не рѣшилъ, что безопаснѣе всего отступить, не беря на себя рискъ, предполагавшійся въ началѣ рѣшительной контръ-атаки“.

„Вечеромъ 20-го августа въ самомъ Ляоянѣ оставалось не болѣе 5.000 или 6.000 русскихъ. Можете себѣ представить, какъ мы были счастливы, что остатки большой арміи большею частью отходили на Мукденъ, вмѣсто того чтобы отбросить насъ на наши позиціи".



Отдыхъ на позиціи.

„Какъ вы знаете, мы, во время боя по эту сторону рѣки, очень тревожились за нашъ правый флангъ; насъ безпокоилъ не только Орловъ, стоявшій въ янтайскихъ копяхъ, но и пункты на милю или двѣ къ востоку. Туда ведетъ очень удобная долинка, откуда предпріимчивый русскій кавалерійскій начальникъ могъ бы кинуться прямо на холмъ „Ласточкино гнѣздо" и на понтонные мосты. Разумѣется, мы дѣлали все, что могли для предупрежденія этой атаки; на всѣхъ холмахъ сѣвернѣе „Ласточкина гнѣзда" были расположены пикетами два батальона коби; но они были слишкомъ слабы, чтобы дѣйствительно прикрывать всю мѣстность. Особенно насъ тревожило сознаніе, что хотя бы Куропаткинъ и могъ преувеличивать наши силы, находившіяся съ нами въ непосредственномъ соприкосновеніи, начальники не могли не знать нашей слабости. За переходомъ черезъ рѣку 12-й дивизіи наблюдали небольшіе отряды русской кавалеріи, которые отошли назадъ безъ выстрѣла. Пѣхота, наступая, окончательно прогнала ихъ, такъ что оба батальона коби заняли холмы безъ всякихъ препятствій и стычекъ".

„До полудня 15-го августа, когда мы получили приказаніе перейти рѣку ранѣе и съ меньшими силами, чѣмъ было предположено, операціи 1-й арміи увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. И вотъ теперь, послѣ усиленной борьбы до послѣдней крайности, послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ и лишеній, намъ не удалось, какъ слѣдовало бы, помочь двумъ остальнымъ арміямъ. И намъ стыдно своей неудачи".



Полевая хлѣбопекарня.

„Несмотря на это, слѣдуетъ помнить, что дѣла могли обернуться еще хуже, чѣмъ случилось. Во всякомъ случаѣ, мы ввели Куропаткина въ заблу-

жденіе относительно нашихъ силъ, отчасти широкимъ расположеніемъ, отчасти тѣмъ, что сами строго придерживались наступательнаго образа дѣйствій, хотя были сами безнадежно слабы. Но это была опасная игра. Чѣмъ нахальнѣе мы становились, тѣмъ сильнѣе могло быть наше пораженіе, если бы у Куропаткина открылись глаза, а не оставались плотно закрытыми, какъ было на самомъ дѣлѣ; вотъ что мы можемъ положить на другую чашку вѣсовъ, когда намъ становится очень стыдно".


Ляоянъ. Домъ, въ которомъ жилъ ген. Сахаровъ.

Несмотря, однако, на одержанный успѣхъ, японцы все-таки не вполнѣ были довольны результатомъ ляоянской операціи. На вопросъ, заданный маршалу Ойямѣ, доволенъ ли онъ одержанной побѣдой, послѣдній отвѣтилъ довольно уклончиво: „русскіе отступили очень искусно".

Изъ вышеприведеннаго ясно усматривается, насколько положеніе японцевъ въ послѣдніе дни ляоянскихъ боевъ было во многихъ отношеніяхъ слабо и много удобныхъ для насъ случаевъ было упущено генераломъ Куропаткинымъ, чтобы нанести пораженіе врагу. При такихъ условіяхъ возможно предположеніе, что нашъ командующій арміей мало думалъ о побѣдѣ и не желалъ видѣть удобныхъ для себя моментовъ, будучи всецѣло увлеченъ отступательными идеями, въ цѣляхъ еще большаго развитія своихъ силъ, когда бы онъ могъ разсчитывать однимъ ударомъ побѣдоносно окончить войну. Онъ только не замѣчалъ, что его образъ дѣйствій, который, можетъ быть, и имѣлъ въ конечномъ результатѣ усиленіе арміи въ смыслѣ ея численности, имѣлъ еще и другое, не менѣе важное значеніе въ смыслѣ нравственномъ, которое въ данномъ случаѣ не могло быть благопріятно. По этому поводу спеціалистъ и близкій свидѣтель всего происходившаго, генералъ-лейтенантъ Гамильтонъ, высказываетъ слѣдующія горькія слова: „Въ русскомъ солдатѣ есть матеріалъ для образованія хорошаго воина,—если онъ сражается за что-нибудь понятное для него, простое и опредѣленное, то способенъ на рѣшительныя атаки, о чемъ свидѣтельствуетъ масса убитыхъ. Но, таская войска взадъ и впередъ (удручающее занятіе, для котораго у нашихъ солдатъ есть мѣткое, но не цензурное выра-


Отрядъ ген. Мищенко вступаетъ въ Ляоянъ.

женіе), уводя ихъ преждевременно и поспѣшно изъ тщательно выстроенныхъ укрѣпленій; уступая поле сраженія вслѣдствіе потери одной или двухъ маловажныхъ позицій, легко превратить армію героевъ въ армію зайцевъ. Я считаю огромнымъ достоинствомъ русскаго солдата, что онъ въ значительной степени не поддавался деморализующей тактикѣ своихъ вождей".

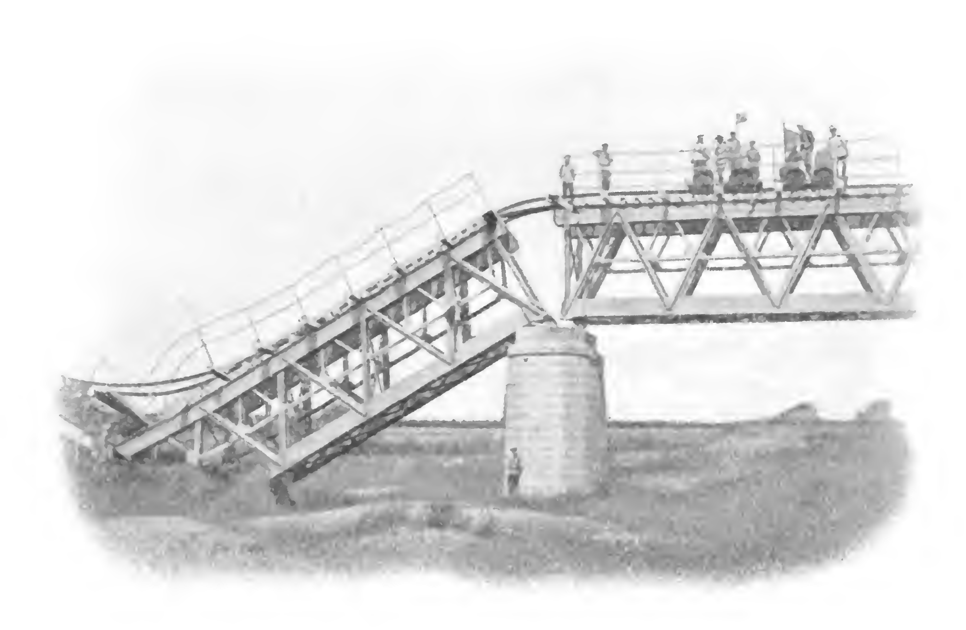


Нестроевая рота 1-го Е. И. В. В.-С. С. полка.

Что это деморализующее вліяніе должно было быть и дѣйствительно имѣло мѣсто въ войскахъ, усматривается еще и изъ другихъ свидѣтельствъ. Недавно вышла въ свѣтъ книжка нѣкоего В. А., подъ заглавіемъ „Куропаткинъ". В. А. былъ военнымъ корреспондентомъ на театрѣ войны и имѣлъ возможность близко ознакомиться какъ съ настроеніемъ самой арміи, такъ и со штабомъ командующаго, стоявшимъ обособленно отъ арміи. В. А. особенно подчеркиваетъ куропаткинскія импровизаціи такъ: генералы назначались по знакомству, почти всѣ не знали театра войны и, кромѣ того, получали назначенія, не отвѣчавшія ихъ спеціальной мирной подготовкѣ. Такимъ образомъ, профессоръ тактики завѣдывалъ хозяйственной частью, губернаторъ изъ кавалеристовъ — военно - санитарной, спеціалистъ желѣзнодорожнаго дѣла — линейнымъ составомъ. Въ начальники боевому корпусу былъ данъ губернаторъ, а одной изъ дивизій электротехникъ. Въ то время, когда на Ялу дрались войска 3-го корпуса, ими командовалъ командиръ 2-го корпуса, командиръ же 3-го оставался сидѣть въ Портъ-Артурѣ. Результаты такой, ничѣмъ не вызываемой импровизаціи не замедлили сказаться. Генералы



Мостъ черезъ р. Тюмень-ула.



Взорванный мостъ.

Стессель и Засуличъ явили совершенно отрицательные примѣры командованія.

Нашъ командующій арміей стоялъ далеко отъ войскъ, онъ сидѣлъ въ Ляоянѣ, не побывавъ ни разу на мѣстахъ, гдѣ разыгрывались первые акты великой драмы, онъ не посѣтилъ Тюренчена, онъ не присутствовалъ во время борьбы за перевалы, онъ не былъ при Вафангоу и даже, будучи уже на мѣстѣ, уѣхалъ отъ сраженія при Дашичао. Для поднятія духа войскъ ровно ничего не дѣлалось, скорѣе было наоборотъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что на смотру частямъ 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи, произведенномъ Куропаткинымъ у Дунбаличжуана за сутки до выступленія этихъ частей на Ялу, при чемъ, кстати сказать, что изъ-за этого смотра самое выступленіе было отложено на трое сутокъ, командующій арміей не сказалъ людямъ ни одного слова, ни одного привѣтствія, ни одного добраго напутствія. Собравъ начальниковъ, Куропаткинъ началъ свою рѣчь тѣмъ, что спросилъ начальника штаба 6-й дивизіи, есть ли у него записная книжка, что было очень важно, ибо слова старшаго начальника не повторяются и, цѣнимыя на вѣсъ золота, должны быть увѣковѣчены. Послѣ столь торжественнаго вступленія, онъ прочелъ лекцію о походномъ движеніи въ объемѣ не выше курса юнкерскихъ училищъ. Между тѣмъ какъ для движенія дивизіи ничего не было сдѣлано, этапная линія была лишь въ зародышѣ, продовольствіе заготовлено не было и даже не было маршрута. Не думается, чтобы подобныя выступленія вносили въ среду арміи что-либо, кромѣ недоумѣнія. Чтобы ярче и вѣрнѣе выяснить дѣятельность нашего полководца, приведемъ картину, изображенную авторомъ брошюры „Куропаткинъ“, очевидцемъ происходившаго. Въ ней нельзя измѣнить ни одного штриха, а потому и приведемъ ее въ дословной выдержкѣ. Вотъ она: „Подходилъ къ концу и второй день ляоянской битвы. Мы по-прежнему стояли крѣпко на передовыхъ позиціяхъ, отбивая всѣ атаки противника. Только огонь его росъ, и казалось, что онъ хо-



На паромѣ.

тѣлъ залить насъ дождемъ своихъ пуль и снарядовъ. Но и этотъ потокъ стали и мѣди, свинца и чугуна не въ силахъ былъ смыть ту живую преграду, которая опоясывала Ляоянъ. Увѣренность въ побѣдѣ росла въ нашихъ рядахъ и крѣпла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тише становилось на фронтѣ 3-го и 10-го корпусовъ. О томъ, что дѣлалось въ 17-мъ и 5-мъ армейскихъ корпусахъ, мы на юго-восточномъ фронтѣ не знали, но всѣ твердо вѣрили, что они отразятъ обходящую насъ слѣва армію Куроки. Введенный прямо изъ вагоновъ поѣзда въ боевую линію Выборгскій полкъ еще болѣе укрѣплялъ надежду, что мы въ рѣшительную минуту перехода въ наступленіе для довершенія успѣха, окажемся въ численномъ перевѣсѣ и съ запасомъ свѣжихъ силъ въ лицѣ 1-го армейскаго корпуса".



У южнаго конца Кит. Вост. дороги.

„Вотъ съ какими впечатлѣніями вернулся я въ 5-мъ часу дня 18-го августа 1904 года въ Ляоянъ изъ района 3-го сибирскаго корпуса, чтобы послать телеграммы о ходѣ боя".

„Покончивъ съ этимъ дѣломъ и садясь въ половинѣ седьмого часа вечера на лошадь, чтобы снова ѣхать на позицію, я увидѣлъ генерала Куропаткина на бѣломъ конѣ, въ сѣромъ кителѣ, во главѣ обширной свиты, направляющагося, видимо, къ позиціямъ 1-го сибирскаго корпуса".

„Наконецъ-то", подумалъ я, и рѣшилъ не упустить случая видѣть его руководительство боемъ и, можетъ быть, присутствовать при томъ историческомъ моментѣ, когда будетъ введенъ въ дѣло послѣдній и крупный резервъ въ лицѣ самого вождя".

„Я присоединился къ свитѣ".

„Мы ѣдемъ молча шагомъ. Изрѣдка командующій арміей останавливается. На встрѣчу намъ несутъ носилки, на которыхъ что-то безформенное прикрыто сѣрымъ одѣяломъ, поверхъ



Гора Шаушальпу.



Станція Годзядань.

офицерская стрѣлковая фуражка".

„Кого несете? останавливаетъ ихъ командующій арміей".

„1-го вост.-сиб. стр. полка капитана Верещагина".

„Убитъ или раненъ?".

„Должно померли, ваше высокопревосходительство...— Притихли".

„Царство небесное герою, говоритъ Куропаткинъ, снимая фуражку и касаясь ею, при низкомъ поклонѣ, своего стремени".

„Мы всѣ также обнажаемъ головы и смотримъ на эту сѣрую безформенную массу, словно желая сквозь солдатское сукно одѣяла и тѣлесную оболочку убитаго заглянуть въ его казавшееся намъ тогда застывшимъ сердце и отгадать и пережить все то, что только было пережито въ этомъ аду, куда мы направлялись".

„Нѣсколько секундъ стоимъ мы молча надъ этимъ тѣломъ: стоитъ командующій, стоитъ его большая свита, стоятъ четыре носильщика, не зная идти ли имъ дальше или поставить носилки на землю. Потомъ какъ-то сразу всѣ двигаются каждый своей дорогой".

„Ѣдемъ дальше. Громыхая рысью, догоняетъ насъ одно орудіе. Мы всѣ сворачиваемъ съ узкой дороги, чтобы пропустить его. Впереди молодецъ фейерверкеръ. Его лошадь волнуется. Она то хочетъ перейти въ галопъ, то вертится на мѣстѣ, то идетъ рысью. Конь чуетъ опасность, изъ которой только что вышелъ и въ которую опять возвращается. Всадникъ по наружности спокоенъ. Завидѣвъ командующаго войсками, онъ пріосанивается въ сѣдлѣ, беретъ лошадь въ шенкеля, натягиваетъ поводъ и зычно какъ на учебномъ плацу командуетъ „смирно, равненіе на лѣво". И головы ѣздовыхъ и посаженной на лафетъ прислуги быстро поворачиваются по командѣ. Куропаткинъ здоровается съ ними и спрашиваетъ:



Походная кухня.

„Откуда и куда?"

„Опять на позицію. Лафетъ подмѣняли, ваше... кричитъ на ходу фейерверкеръ, и конецъ его словъ тонетъ въ грохотѣ орудія. „Съ Богомъ, братцы“, говоритъ имъ вслѣдъ командующій.

„Мы ѣдемъ дальше. Отъѣхавъ версты три, останавливаемся у стараго китайскаго кладбища при дорогѣ. Какъ всегда, оно засажено деревьями. Тутъ старыя развѣсистыя пихты, нѣсколько изъ нихъ уже свалилось. Мы стоимъ и наблюдаемъ картину боя, разстилающуюся передъ нами. До позиции версты двѣ-три. Ни одна пуля, ни одинъ снарядъ до насъ не долетаютъ. Но зато, Боже мой, что дѣлается тамъ, на этомъ небольшомъ клочкѣ земли, занятомъ 1-мъ сибирскимъ корпусомъ. Какое количество свинца падаетъ на головы съ неба. Оно все въ бѣлыхъ облачкахъ шрапнельнаго дыма, пронизанныхъ теперь лучами заходящаго солнца. Разсѣятся десятки однихъ, на ихъ мѣсто появляются другія. И грохотъ, и трескъ безъ конца. Гулъ стоитъ въ воздухѣ. Кажется, что нельзя выйти оттуда живымъ или не раненымъ, какъ нельзя уйти сухимъ изъ-подъ ливня. На всѣхъ упадутъ его капли, десятки и сотни и тысячи капель. Такъ изъ-подъ ружейнаго, пулеметнаго и шрапнельнаго огня нельзя уйти цѣлымъ“.


Башня Эрдагоу.

„И такъ какъ никого навстрѣчу намъ не несутъ и раненые не проходятъ мимо насъ, то кажется, что тамъ никого уже нѣтъ въ живыхъ — всѣ перебиты. Но мы видимъ и слышимъ, какъ громыхаютъ наши орудія, какъ изъ нихъ летятъ въ небо бѣлые дымки... Трещатъ и наши винтовки... Войска стоятъ, стало-быть держатся“.

„И послѣ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи двухъ дней, знаешь твердо, что не отойдутъ. Но какіе сверхчеловѣческіе нервы нужно имѣть, чтобы сорокъ часовъ уже стоять подъ свинцовымъ дождемъ, сорокъ часовъ слышать этотъ неумолкаемый грохотъ и видѣть смерть и раны своихъ родныхъ, друзей и товарищей. Какъ велико сознаніе долга, какъ велика дисциплина!“

„Сумерки сгущаются и словно саваномъ заволакиваютъ горы и поля, столь обильно политыя человѣческой кровью“.

„Мы стоимъ и смотримъ впередъ, не отрываясь. Командующій арміей молча куритъ папиросу“.

„Въ потемнѣвшемъ небѣ все труднѣе становится различать клубы шрапнельнаго дыма. Зато виднѣе огоньки выстрѣловъ. Они вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ по нѣскольку сразу... Грохотъ не умолкаетъ. Впереди загорается деревня. Это, должно быть, горитъ Маѣтунь, дотолѣ безвѣстная китайская деревушка, за обладаніе которой вчера и сегодня такъ много пролито крови“.

„Оглядываюсь назадъ на Ляоянъ,— онъ затянутъ пеленою дыма. Дымъ тянется кверху и сливается съ темно-багровой зловѣщей тучей, ползущей съ сѣверо-запада“.

„Проходитъ еще нѣсколько минутъ, раскаты грома все чаще и сильнѣе начинаютъ смѣшиваться съ грохотомъ битвы. Къ пламени горящихъ деревень, къ огнямъ



На рѣкѣ Сунгари.

орудійныхъ выстрѣловъ примѣшивается блескъ молніи, сверкающей все чаще и ослѣпительнѣе".

„Туча быстро несется—кажется въ этомъ быстромъ, словно гнѣвномъ движеніи гнѣвъ Божій на людей за войну. Кажется, грозой своей небесной Онъ хочетъ заглушить, потушить грозу земную. И обѣ грозы спорятъ, грохоча и сверкая".

„Къ командующему арміей подъѣзжаетъ генералъ Засуличъ, и они о чемъ-то между собою говорятъ. Передаютъ, будто онъ назначается начальникомъ обороны Ляояна".



Парадъ.

„Странно, развѣ его теперь не обороняютъ уже второй день".

„Куропаткинъ подзываетъ къ себѣ генерала Маслова, исполнявшаго до сихъ поръ обязанности начальника гарнизона. Масловъ, спѣшившійся, какъ вся уже свита Куропаткина, подходитъ къ его стремени и, приложивъ руку къ большому козырьку своей фуражки, слушаетъ, что говоритъ ему командующій арміей. Онъ говоритъ при-

близительно слѣдующее: „Ну, вотъ теперь и вашъ чередъ насталъ. Вы остаетесь по-прежнему начальникомъ гарнизона. На вашу долю выпадетъ много трудовъ и опасностей, но я на васъ надѣюсь. Вы останетесь въ Ляоянѣ до конца“...

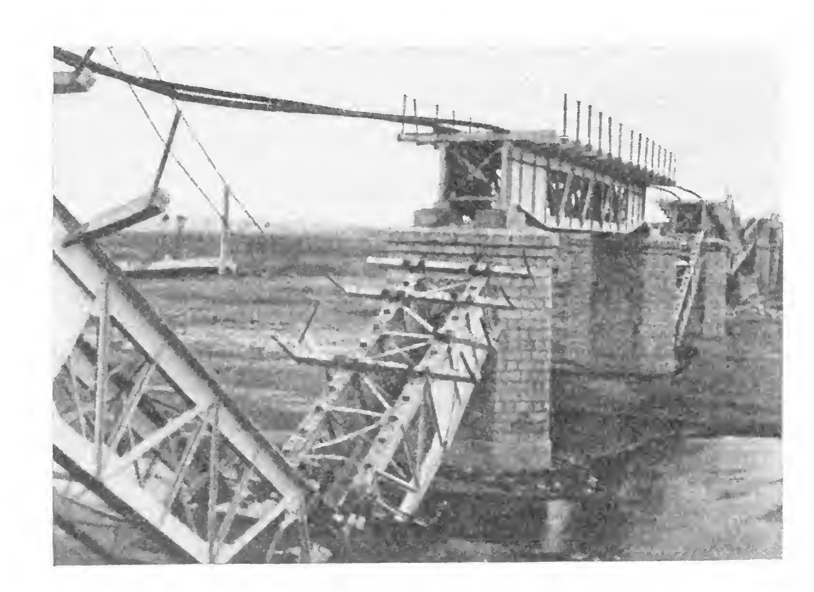


Улица въ Куаньчендзы.

„Что это значитъ?“ смущенно думаю я, стоя у дерева на одномъ уровнѣ съ командующимъ арміей, съ трудомъ улавливая выраженіе его лица въ сумракѣ вечера, жадно ловя его слова и торопливо занося ихъ въ свою книжку, на листахъ которой я уже съ трудомъ различаю въ темнотѣ начертаніе словъ. Любимый сотрудникъ Куропаткина полковникъ Сиверсъ при свѣтѣ спички читаетъ ему донесенія. Отдѣльныя слова жадно ловятся, связываются между собою и оживленно комментируются свитой“.

„Говорятъ, генералъ Штакельбергъ проситъ свѣжую бригаду, чтобы перейти въ наступленіе... Говорятъ, у японцевъ уже нѣтъ патроновъ. Ихъ упорство сломлено, ихъ обозы начинаютъ уже отходить къ Айсядзяну... Штакельбергу отказано“.

„Николай Николаевичъ, раздается голосъ Куропаткина, зовущій Сиверса, — напишите Зарубаеву, чтобы онъ послалъ на подкрѣпленіе красноярцевъ батальонъ тобольцевъ съ полковымъ штабъ-офицеромъ“.



Разрывъ моста.

„Сиверсъ пишетъ, а Куропаткинъ, покуривая папиросу, говоритъ собравшимся у его стремени офицерамъ своимъ спокойнымъ, немного тягучимъ голосомъ“:

„Богъ дастъ, завтрашній день будетъ для насъ такой же хорошій, какъ нынче, и завтра мы ихъ погонимъ“.

„Я слышу это своими собственными ушами и радуюсь. Вѣдь у насъ еще резервъ не тронутъ“.

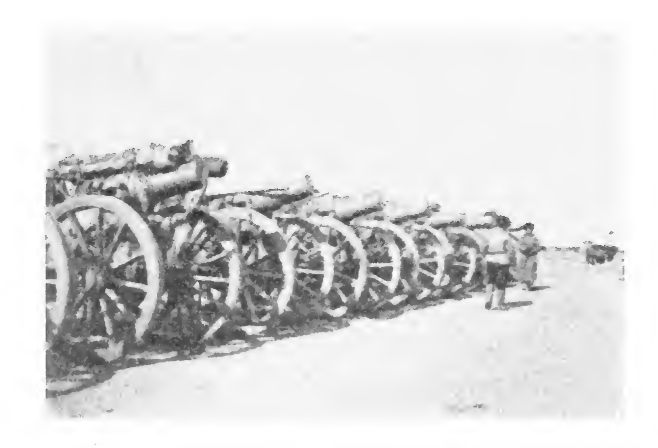
„Вызывается очередной ординарецъ и посылается узнать о положеніи дѣлъ“.

„Донесеніе привезете на фортъ 8-й, мы туда поѣдемъ", говоритъ ему вслѣдъ Куропаткинъ. И когда тотъ исчезаетъ въ темнотѣ, Куропаткинъ трогаетъ своего коня, мы переѣзжаемъ дорогу и долиной ѣдемъ на фортъ 8-й. Мы ѣдемъ въ темнотѣ, лишь порой освѣщаемые и ослѣпляемые вспышками молніи. Справа бой затихаетъ. На фонѣ ружейной трескотни уже выдѣляются теперь отдѣльные орудійные выстрѣлы и они становятся все рѣже и рѣже".


12-й В.-Сиб. Стр. полкъ на привалѣ.

„Мы ѣхали впередъ довольно бойкой рысью, но потомъ остановились, свернули направо, опять остановились, вернулись назадъ, поѣхали влѣво... Фортъ № 8-й, видимо, намъ не давался въ руки. А тутъ еще и ливень. Мы остановились въ полѣ, во мракѣ, какъ сбитая съ толку отара, не зная что дѣлать, гдѣ укрыться отъ дождя, который не оставилъ на насъ ни одной сухой нитки, доказавъ лишній разъ, что всѣ пальто промокаютъ. Послѣ короткаго совѣщанія и непродолжительныхъ поисковъ дороги, рѣшено было ѣхать въ Ляоянъ, который свѣтилъ намъ огоньками станціи и поѣзда командующаго арміей. По дорогѣ Куропаткинъ остановился у какихъ-то интендантскихъ складовъ и вошелъ въ маленькій деревянный сарайчикъ, свѣтившійся единственнымъ окномъ. Говорятъ, тамъ находился въ это время генералъ Зарубаевъ. О чемъ они совѣщались и что было рѣшено, осталось неизвѣстнымъ".

„Промокшіе, продрогшіе, усталые и унылые, мы вернулись въ Ляоянъ, темный, мрачный и безлюдный. Штабъ уже выѣхалъ. Въ отчетномъ отдѣленіи квартирмейстерской части мнѣ показали телеграмму, отправляемую въ Петербургъ. Она содержала нѣкоторыя стратегическія соображенія командующаго арміей, но о ходѣ боя въ теченіи дня не говорила ни слова. Очевидно, въ немъ не разобрались и его себѣ не представляли".


Мортиры.

„Смутное предчувствіе надвигающейся бѣды росло все сильнѣе. Оно зародилось еще тамъ, на полѣ, подъ пихтами китайскаго кладбища, гдѣ я разсчитывалъ увидѣть, какъ полководцы руководятъ сраженіями. Но я не видалъ. Наша группа съ генераломъ въ сѣромъ кителѣ на бѣломъ конѣ во главѣ, по своему удаленію отъ поля битвы, по своему пассивному отношенію къ ней, по этимъ мимолетнымъ, случайнымъ, подчасъ мелкимъ и ненужнымъ замѣчаніямъ и распоряженіямъ, походила больше на группу туристовъ, вы-

ѣхавшихъ полюбоваться эффектнымъ, грандіознымъ зрѣлищемъ, чѣмъ на штабъ командующаго арміей, на средоточіе ума, воли и сердца сражающейся арміи. Еще тамъ, глядя на молчаливую, сутуловатую фигуру Куропаткина, на спокойствіе, вѣявшее отъ нея, я думалъ: „этотъ человѣкъ или очень хорошо разсчиталъ свою игру и увѣренъ въ успѣхѣ, или же онъ ровно ничего не понимаетъ въ сложной обстановкѣ битвы".



Безпроволочный телеграфъ.

„Послѣдующія событія показали, что я былъ ближе къ истинѣ во второмъ своемъ предположеніи".

„Брезжило дождливое сѣрое утро 19-го августа. Мутный свѣтъ его, мѣшаясь съ неотлетѣвшими еще тяжелыми сновидѣніями короткой и безпокойно проведенной ночи, кошмаромъ ложился на душу. Въ ней не было уже энергіи, бодрости, вѣры въ успѣхъ, жажды борьбы, надежды на счастье... Отъ двухъ предшествовавшихъ дней—яркихъ, солнечныхъ, красочныхъ, сильныхъ своими впечатлѣніями, не оставалось и слѣда. По небу ползли остатки вчерашней грозою разсѣянной тучи, и оно казалось тяжелымъ, намокшимъ сѣрымъ пологомъ госпитальнаго шатра. Почернѣвшія отъ дождя крыши и стѣны брошенныхъ домиковъ, огромныя лужи воды, черная склизкая земля,—все наводило уныніе".

„Насъ разбудилъ топотъ тысячи ногъ. Это безпорядочной толпой шли съ передовыхъ позицій солдаты".

„Сѣро-зеленыя лица, мутные глаза, безкровныя губы, мокрые спутанные волосы изъ-подъ сдвинутыхъ на затылокъ фуражекъ, мокрыя сѣрыя рубахи—въ грязи и крови отъ лежанія въ окопахъ — и озлобленныя рѣчи".



Пробная посадка въ открытые вагоны.

„Отступаемъ...—бросаютъ они намъ на ходу, не дожидаясь нашего вопроса".

„Выбили васъ, или по приказанію?"

„Ну, выбили?—съ удивленіемъ и возмущеніемъ въ голосѣ говоритъ солдатъ".

„Конечно, по приказанію — съ раздраженіемъ поясняетъ другой".

„У насъ окопы копаютъ да имъ отдаютъ, тѣмъ же тономъ говоритъ третій, не поворачивая головы въ нашу сторону".

„Это были стрѣлки 3-го полка. Видимо, стыдъ и безсильная злоба душили ихъ, но они повиновались, отходили съ мѣстъ, купленныхъ цѣною столькихъ жертвъ и



Пробная посадка полка.

напряженія всѣхъ силъ души и тѣла, чтобы устоять передъ этимъ ужасомъ смерти".

„Въ мирное время, съ академическихъ кафедръ и на страницахъ военной печати, мы любили повторять изреченіе Наполеона, что на войнѣ моральный элементъ относится къ матеріальному, какъ 3:1. Этотъ афоризмъ стоитъ эпиграфомъ не на одномъ десяткѣ изслѣдованій о войнѣ. Но, заучивъ, какъ посредственные школьники, *они*, гнавшіе духъ, творческій, свободный, сильный и оригинальный во всемъ, что нарушало ихъ сладкій покой, ихъ самообольщеніе, не выработали, конечно, въ себѣ умѣнія руководиться этимъ афоризмомъ на войнѣ. Они упустили изъ вида, что каждый шагъ назадъ съ позиціи, хотя бы и дурной, на лучшую, на болѣе сильную, есть шагъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію, если и на первой позиціи войска чувствовали себя побѣдителями. Конечно, и рѣчи быть не можетъ, что батареи и окопы передовой ляоянской позиціи въ фортификаціонномъ отношеніи были несравненно слабѣе основной оборонительной линіи. Измѣряя ихъ силу теоретическимъ масштабомъ, взятымъ изъ учебниковъ фортификаціи, можно сказать, что на нихъ войска не продержатся и двухъ дней, но ихъ неглубокіе рвы и невысокіе валы стали сильны воодушевленіемъ войскъ и — это было чудомъ — ихъ сила не убывала подъ градомъ разрушавшихъ ихъ снарядовъ, а росла въ теченіи двухъ дней съ каждымъ часомъ ляоянской битвы вмѣстѣ съ ростомъ воодушевленія войскъ и ихъ вѣры въ наполовину уже одержанную побѣду. Духъ сильнѣе бетона—этого-то и не понималъ Куропаткинъ. Линія фортовъ, построенныхъ генераломъ Величко, манила къ себѣ его теоретическій умъ и онъ страшился обвиненія нарушенія правилъ военнаго искусства, которыя вычитывалъ онъ въ книжкахъ, а не въ сердцахъ солдатъ".



Уборка раненыхъ.

„Смѣю думать, что Куропаткину, если только онъ хотѣлъ, какъ говорилъ 18-го вечеромъ, погнать японцевъ, 20-го не слѣдовало въ ночь

отводить войска съ передовыхъ позицій на форты и этимъ вызывать реакцію въ духѣ войскъ. А вѣдь только этой реакціей, неизбѣжно наступающей послѣ огромнаго напряженія и подъема силъ, и должно объяснить отсутствіе энергіи въ дѣйствіяхъ 1-го сибирскаго корпуса, направленнаго къ Янтаю на поддержку дивизіи Орлова"...



Стоянка 1-го вост.-сибир. стр. полка.

„Надо было видѣть этихъ отступавшихъ съ передовыхъ позицій стрѣлковъ, этихъ столпившихся утромъ 19-го августа на ляоянскомъ вокзалѣ офицеровъ, въ тщетной надеждѣ подкрѣпить чѣмъ-нибудь свои силы,—все было выпито, съѣдено, а новыхъ запасовъ уже не подвозилось, — чтобы сказать, что эти голодные, вымокшіе, истомленные боями и походомъ люди, казавшіеся выходцами съ того свѣта, такъ мало было вѣроятія уцѣлѣть за послѣдніе два дня битвы, не въ силахъ уже будутъ вновь подняться на ту же степень воодушевленія и напряженія, которой требовала все разраставшаяся битва".

„Но Куропаткинъ не видѣлъ ихъ въ эти минуты. Его поѣзда въ этотъ ранній часъ утра уже не было больше на обычномъ мѣстѣ площади Ляоянскаго поселка. Раньше всѣхъ, раньше госпиталей его отвели въ безопасное мѣсто, версты за 4 за Ляоянъ. И когда въ 1 часъ 45 минутъ дня надъ вокзаломъ пронесся первый японскій снарядъ и началась спѣшная эвакуація станціи, послѣднихъ поѣздовъ съ ранеными и расположеннаго въ полуверстѣ госпиталя Георгіевской общины, когда распространился слухъ, что сестрѣ милосердія Л. Яковенко на перронѣ оторвало ногу, нельзя было не присоединиться къ взрыву негодованія, что, позаботившись объ отвозѣ своего поѣзда въ безопасное мѣсто, генералъ Куропаткинъ, предвидѣвшій или не предвидѣвшій бомбардировку станціи — не знаю, не позаботился о безопасности раненыхъ".



Похороны офицера.

„Далѣе я встрѣтилъ генеральнаго штаба капитана С., который подъ большимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что съ очищеніемъ передовыхъ позицій мысль о переходѣ въ наступленіе не оставлена и что Куропаткинъ на одной телеграммѣ положилъ такую резолюцію: „Сегодня подготовляться, завтра собираться, послѣзавтра атаковать".

„Куропаткинъ видимо хотѣлъ подражать Суворову, сказавшему подъ Измаиломъ: „Сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра побѣда или славная смерть“. Но сопоставляя эти двѣ формулы, раздѣленныя цѣлымъ вѣкомъ, мы видимъ, какъ далекъ былъ ученикъ отъ учителя. Формула Суворова полна внутренняго, духовнаго содержанія. Въ ней вылилось вполнѣ опредѣленное рѣшеніе — побѣдить или умереть славно. Резолюція Куропаткина бездушна: она опредѣляетъ механическія дѣйствія — „подготовляться“ (какъ и въ чемъ должна выразиться эта подготовка?)... „собираться... атаковать“,—но не содержитъ указаній на конецъ, вѣнчающій дѣло. И въ то время, когда Суворовъ свою программу штурма Измаила проводилъ въ сознаніе каждаго бойца, объявивъ ее войскамъ, Куропаткинъ дѣлалъ изъ своей резолюціи секретъ, извѣстный только нѣкоторымъ приближеннымъ, которые шопотомъ, конфиденціально передавали ее кой-кому изъ офицеровъ, а до арміи она и не дошла. Зато и результаты были діаметрально противоположные“.



Послѣ боя.

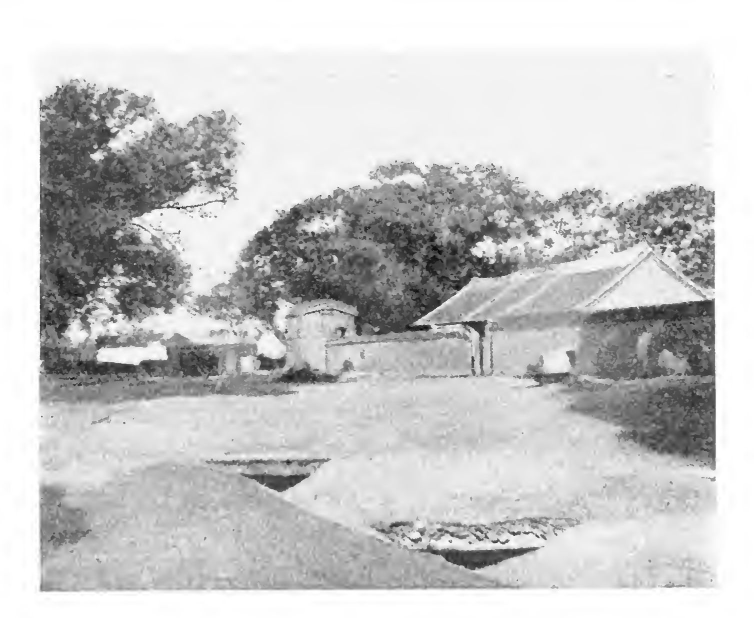
„Я вынужденъ былъ вечеромъ ѣхать въ Мукденъ. Никогда не забуду картины, развернувшейся передъ моими глазами. Прямо впереди, на оконечности уходящихъ къ югу стальныхъ рельсъ горящая станція, влѣво отъ нея молчаливая черная громада китайскаго города. Между станціей, городомъ и нами черная бездна, на которую только изрѣдка, то тутъ, то тамъ ляжетъ и освѣтитъ на мгновеніе складку мѣстности, отдѣльное зданіе отсвѣтъ пламени пожара, раздуваемаго вѣтромъ. Влѣво отъ поѣзда, немного позади, скрытые грядой холмовъ — огни бивуака 3-го полка сибирскаго корпуса, отведеннаго въ резервъ. Вправо огоньки обознаго бивуака и, далеко назади, нарядно, празднично свѣтитъ электрическими огнями поѣздъ Куропаткина“.



Отступленіе.

„Канонада не смолкала, несмотря на спустившуюся ночь. Огненныя змѣи, то и дѣло, появлялись на темномъ небѣ и падали на землю, и пламя на землѣ росло,

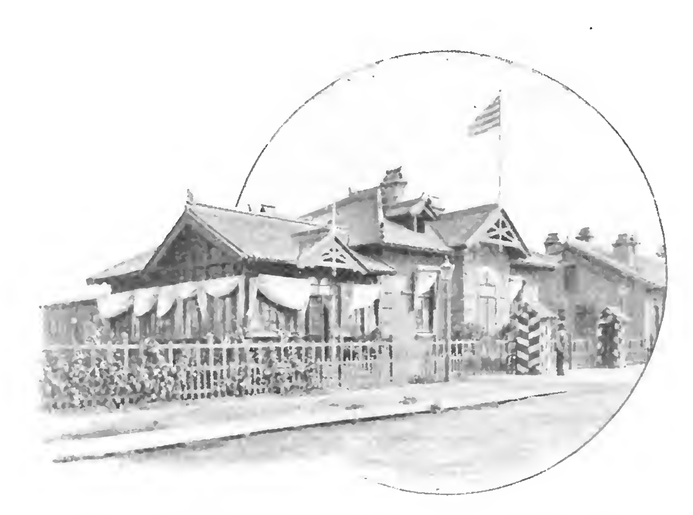
вспыхивало съ новой силой и появлялось на другихъ мѣстахъ. Гулъ рвущихся снарядовъ и трескъ пожара смѣшивался съ лаемъ собакъ въ китайскомъ городѣ, ржаніемъ лошадей на обозномъ бивуакѣ, стонами и оханіями раненыхъ, предсмертнымъ бредомъ и вскрикиваніями умирающихъ, среди которыхъ стоялъ нашъ поѣздъ. Къ нему все время прицѣпляли и прицѣпляли новые вагоны—товарные, конечно, съ полуживымъ и полумертвымъ грузомъ. Старались отправить отсюда какъ можно больше раненыхъ, ибо никто уже изъ медицинскаго персонала не вѣрилъ въ то, что раненые завтра снова не окажутся подъ огнемъ. Пути и планы нашего полководца были для всѣхъ невѣдомы, неисповѣдимы".



Госпиталь общ. св. Евгеніи въ Херсу.

„Нашъ поѣздъ все ускорялъ ходъ, огни Ляояна все мелькали и мелькали, гулъ канонады, говоръ бивуаковъ все болѣе замиралъ въ отдаленіи, но никто изъ насъ не уходилъ съ площадокъ и не отрывалъ глазъ отъ огненныхъ точекъ и не отрывалъ своихъ мыслей и воспоминаній отъ кладбища нашихъ надеждъ и упованій. Жуткое чувство щемило сердце за тѣхъ, кто остался на фортахъ и стоялъ теперь тамъ подъ огненнымъ дождемъ съ неба въ ожиданіи своей очереди умереть безъ побѣды"...

„Я уѣзжалъ съ полной увѣренностью, что вернусь еще сюда подъ Ляоянъ, побываю на этихъ фортахъ, такъ какъ зналъ со словъ чиновъ штаба, шедшихъ отъ Куропаткина, что рѣшено продержаться хотя недѣлю—до полнаго разбитія Куроки, насъ обходившаго".



Домъ въ Ляоянѣ, гдѣ принималъ Г.-Ад. Куропаткинъ.

„На югъ движенія не было. Я выбрался изъ Мукдена на одномъ изъ локомотивовъ, спѣшно потребованныхъ на станцію Янтай. Прибывъ туда черезъ часъ, мы узнали страшную новость: поѣзда далѣе не ходятъ, потому что Ляоянъ уже очищается. Слухи были самые сбивчивые, неясные, разнорѣчивые, сходившіеся только въ одномъ, что мы разбиты. Говорили, что еще утромъ 21-го числа наши дѣла были „ничего себѣ"; на востокѣ мы, будто бы, загнали три дивизіи Куроки въ рѣку и затопили ихъ, зато на югѣ мы сбиты и Оку идетъ въ обходъ на Мукденъ".

„Правда извѣстна. Трагизмъ этой правды заключался тогда для насъ въ той неожиданности, съ которой все произошло, въ той быстротѣ и внезапности, съ которою роковымъ образомъ измѣнилась тогда для насъ обстановка. Еще утромъ на фортахъ войска кричали „ура“ въ отвѣтъ на прочитанную имъ телеграмму объ одержанномъ успѣхѣ надъ Куроки, а послѣ полудня пришло приказаніе очищать форты и Ляоянъ. Генералъ Куропаткинъ объясняетъ эту перемѣну фортуны „неожиданнымъ исчезновеніемъ съ поля сраженія двѣнадцати тысячъ полныхъ силъ и здоровья бойцовъ“, составлявшихъ злополучную дивизію генерала Орлова“.



Носилки съ убитымъ.

„Было ли это исчезновеніе неожиданнымъ и оно ли было причиной неудачнаго исхода ляоянской операціи—объ этомъ мы поговоримъ потомъ, а сейчасъ вернемся къ фактамъ. На станціи Янтай происходило сущее столпотвореніе. Всѣ пути ея были забиты поѣздами, въ которые спѣшно грузились раненые; вмѣстѣ съ ранеными забивались здоровые, но деморализованные люди полковъ 54-й дивизіи. Они же запружали всю станцію, отыскивая воды, хлѣба и свободнаго мѣста въ отходившихъ поѣздахъ. Каждый изъ прибывавшихъ поѣздовъ они встрѣчали дикими, безсмысленными криками, въ которыхъ ничего нельзя было разобрать,—и ордою бросались на него. На перронѣ толпы офицеровъ всѣхъ ранговъ и положеній. На всѣхъ лицахъ полная растерянность; никто не знаетъ, что будетъ дальше и что теперь дѣлать. Ждали Куропаткина, но никто не зналъ, гдѣ онъ, и всѣ за него безпокоились“.



Жилище офицеровъ.

„Съ каждой новой волной людей и повозокъ, прибывавшихъ къ Янтаю со всѣхъ сторонъ, безпорядокъ, суета и растерянность на станціи все увеличивались. День склонялся къ вечеру, а командующаго арміей все еще не было и по-прежнему никто не зналъ, гдѣ онъ. Нервность и озлобленіе людей росли, и уже тутъ говорили о необходимости передачи командованія манджурской арміи въ другія руки. Всю ночь и все утро нашъ поѣздъ обгонялъ группы солдатъ, шедшихъ вдоль полотна желѣзной дороги на сѣверъ.



Видъ въ окрестностяхъ деревни Кудачензы.

— Кто вы?—спрашивали мы ихъ порой на остановкахъ поѣзда.

— Мы въ прикрытіе къ обозу—отвѣчали они.

— Гдѣ же вашъ обозъ?

— Тамъ.

И они махали рукою назадъ.

— Какое же вы прикрытіе, если вы отъ него по одиночкѣ ушли впередъ, а непріятель сзади.

Становятся въ тупикъ и потомъ заявляютъ:

— Мы слабосильная команда.

— Если вы команда, такъ командой и идите.

Молчатъ—только нѣкоторые откровенно признаются:

— Мы на станцію, чайку попить.

— Полное распутство! — воскликнулъ съ негодованіемъ ѣхавшій въ поѣздѣ уполномоченный Краснаго Креста.

„Онъ былъ правъ, конечно, въ своемъ негодованіи, но такъ „распутничали“ теперь тѣ самые люди, которые два-три дня назадъ поражали всѣхъ своей дисциплиной, своей доблестью, своей стойкостью, своимъ сознательнымъ самопожертвованіемъ во славу Родины. Что сдѣлано было для того, чтобы поддержать это рѣдкое, по своей высотѣ, настроеніе арміи?—Ничего. И все—чтобы убить ея духъ“.

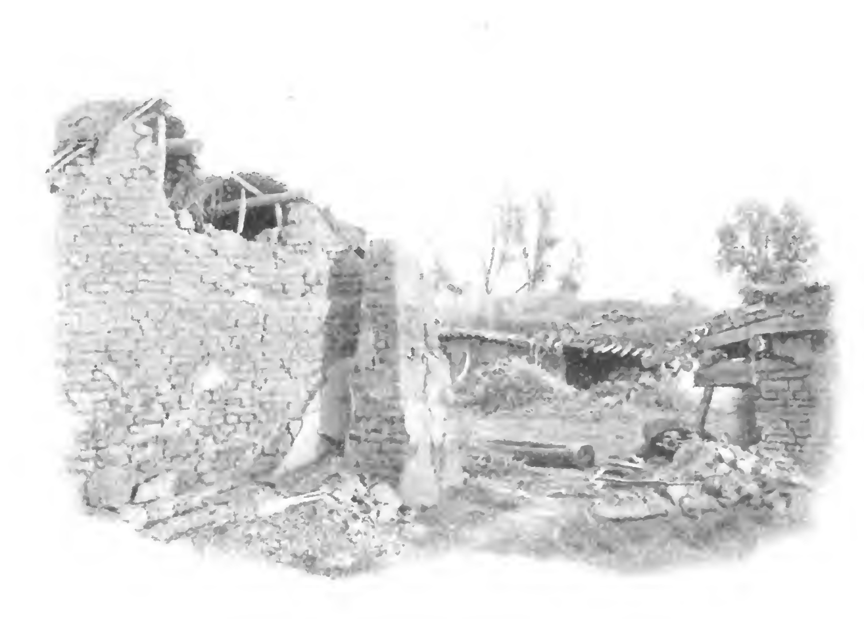
„Припоминается разговоръ въ этомъ же поѣздѣ съ однимъ солдатомъ Инсарскаго полка, о поведеніи котораго, какъ и другихъ полковъ 54-й дивизіи, говорили ужасныя вещи.

— Ну, какъ же вы воевали?—спросилъ я его.

— Плохо воевали, весь полкъ потеряли.

— Да почему такъ вышло?

— Говорятъ, начальство ошиблось. Рано съ позиціи сняло. Да и насчетъ перваго корпуса также ошибка вышла — не поспѣлъ во-время...

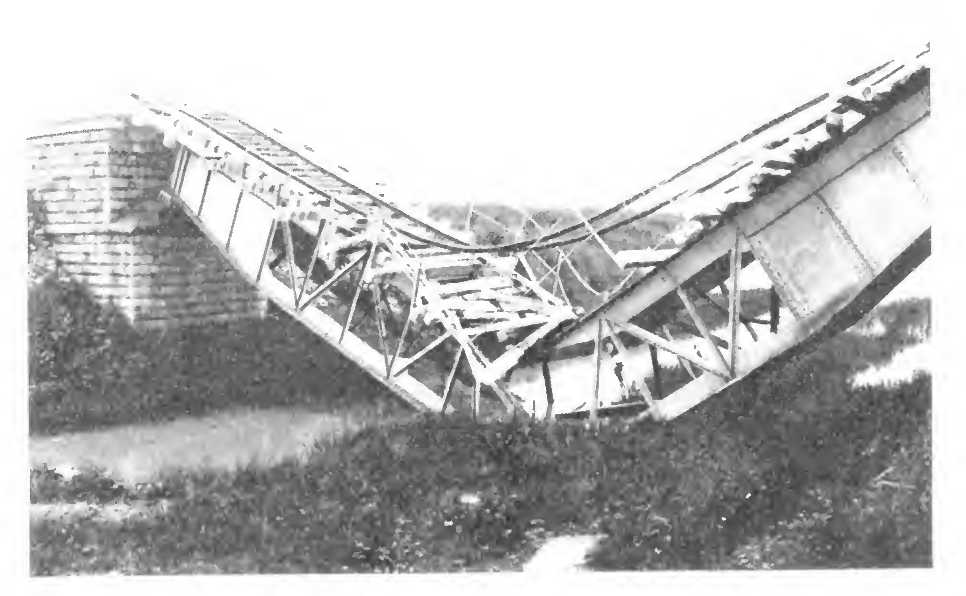


Фанза послѣ одного снаряда изъ гаубицы.

Но начальство въ ошибкахъ не признавалось. Оно оправдывалось на разные лады; искало причинъ неудачи очень далеко, а въ объясненіи происшедшаго стремилось убѣдить всѣхъ въ своей прозорливости. Такъ неудачу подъ Ляояномъ Куропаткинъ объяснялъ прежде всего тѣмъ, что созданный имъ планъ кампаніи былъ разрушенъ приказаніемъ изъ Петербурга идти на выручку Портъ-Артура. Отъ Вафангоу—и—всѣ неудачи...

— Мы предвидѣли оставленіе Ляояна, говорилъ строитель ляоянскихъ укрѣпленій генералъ Величко одному желѣзнодорожному офицеру. Это былъ только тетъ-де-понъ.

Согласите это съ тѣмъ, что 18-го вечеромъ говорилъ, любуясь видомъ битвы, командующій арміей „...а послѣзавтра, Богъ дастъ, мы ихъ погонимъ"... И съ переданнымъ 18-го утромъ войскамъ приказаніемъ Куропаткина — „стоять тутъ до послѣдняго"...



Разрушенный мостъ.

„Передъ Петербургомъ оправдаться было трудно, но помогло несчастье съ дивизіей Орлова. „...Неожиданное исчезновеніе съ поля сраженія двѣнадцати тысячъ полныхъ силъ и здоровья бойцовъ — всеподданнѣйше доносилъ генералъ Куропаткинъ 29-го августа—тяжело отразилось на положеніи дѣлъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Мы потеряли прекрасную позицію на высотахъ, которая должна была служить опорою для нашего наступленія

съ лѣваго фланга, а японцы, распространившись на сѣверъ, къ 5 часамъ пополудни заняли всю гряду высотъ и янтайскія копи... Лѣвый флангъ арміи съ занятіемъ японцами янтайскихъ копей оказался необезпеченъ".

„Разберемъ только двѣ эти фразы изъ донесенія, которое, при безпристрастномъ къ нему отношеніи, должно почитаться обвинительнымъ актомъ, составленнымъ на самого себя генераломъ Куропаткинымъ. Онъ называетъ солдатъ дивизіи генерала Орлова „бойцами", полными силъ и здоровья, между тѣмъ составленные изъ запасныхъ прибывали въ Ляоянъ въ концѣ іюля мѣсяца, и всѣ, кто ихъ видѣлъ, говорили: „ну, не золото". Это были старики лѣтъ за сорокъ, призыва конца восьмидесятыхъ годовъ... И вотъ этихъ-то, не бывшихъ еще въ бою „бойцовъ" поставили на отвѣтственный постъ—на позицію, которая должна была служить опорою для нашего наступленія съ лѣваго фланга".



Командиръ 2-й арм. передъ отъѣздомъ въ Россію держитъ рѣчь войскамъ.

„Что же было сдѣлано для того, чтобы они могли выполнить свое назначеніе—быть дѣйствительно опорою наступленія нашего фланга, или обезпечить его отпоромъ наступленію японцевъ. Ничего. А между тѣмъ для самаго поверхностнаго наблюдателя событій было ясно, что именно на нашемъ лѣвомъ флангѣ завершится ляоянская битва. Вѣдь планъ дѣйствій самого же Куропаткина заключался въ томъ, чтобы, развернувъ армію между позиціей 17-го армейскаго корпуса у деревни Сыквантунь и высотами у янтайскихъ копей, принявъ за ось позицію у Сыквантуня, произвести захожденіе арміи лѣвымъ плечомъ впередъ, дабы взять во флангъ японскія позиціи, тянувшіяся отъ Тайцзыхе у Квантуна, по направленію къ янтайскимъ копямъ. Въ свою очередь и отъ японцевъ мы должны были ожидать наступленія съ обходомъ именно въ этомъ направленіи. На это указывалъ не только цѣлый рядъ предшествовавшихъ боевъ, въ которыхъ



Просѣка.

японцы всегда угрожали обходомъ именно лѣвому флангу нашихъ позицій съ цѣлью прижать насъ къ Ляохе и нейтральной Монголіи, но и вся обстановка боя подъ Ляояномъ“.

„Казалось бы, послѣ этого, усиленіе позиціи Сыквантунь—янтайскія копи фортификаціонными сооруженіями являлось дѣломъ обязательнымъ и вполнѣ осуществимымъ заблаговременно. Но этого сдѣлано не было и оборону этой прекрасной и важной позиціи составили только слабыя, впалыя груди наименѣе надежныхъ бойцовъ манджурской арміи. Къ тому же ихъ совершенно не ознакомили съ мѣстностью, не снабдили картами и колонновожатыми. Не мудрено, что они заблудились въ этомъ морѣ гаоляна, который можно было снять, уничтожить, если бы войска своевременно заняли эту позицію; но они потонули въ немъ, осыпаемыя пулями своихъ и японцевъ“.

Взорванный мостъ.

„Объ отсутствіи заблаговременной подготовки этого участка ляоянскаго поля сраженія, долженствовавшаго по плану нашего вождя быть опорою нашихъ рѣшительныхъ операцій, можно еще судить и по отсутствію организаціи санитарной помощи раненымъ на этомъ участкѣ. Я самъ видѣлъ ихъ, доставленныхъ въ Янтай и въ Мукденъ въ закопченыхъ углемъ вагонахъ желѣзнодорожной вѣтки на янтайскія копи. Страдальцы были брошены прямо на толстый слой каменноугольной пыли... Было мягко, но антисанитарно“.



Китайская деревня.

„Генералъ Куропаткинъ находился неизвѣстно гдѣ, его мѣстопребываніе никто не зналъ, такъ что даже намѣстникъ прибылъ изъ Харбина въ тревогѣ за участь Куропаткина. Говорили, что еще раньше генералъ Жилинскій запрашивалъ генерала Сахарова, гдѣ находится командующій арміей, но отвѣта не было ни вчера, ни сегодня“.

Только 23-го, около полудня, онъ объявился, приславъ генерала Харкевича для выбора позиціи на правомъ берегу Хунхе.

„Наша армія отходила къ Мукдену, не оставляя противнику никакихъ трофеевъ“. Это все, чѣмъ могъ скрасить Куропаткинъ свою телеграмму отъ 29-го августа о неудачѣ подъ Ляояномъ. Объ этомъ отступленіи „безъ трофеевъ“ потомъ много говорилось и писалось. За него Куропаткина восхваляли, словно побѣдителя. Но тѣ, кто отступалъ, свидѣтельствуютъ, что высшему управленію арміи, командующему и и его штабу—они ничѣмъ, ни единымъ сухаремъ не обязаны. Спокойное отступленіе безъ новой катастрофы обезпечено было нашимъ войскамъ ихъ упорнымъ боемъ подъ Ляояномъ и за Ляояномъ. Онъ такъ утомилъ и разстроилъ японцевъ, собиравшихся отступить отъ Ляояна же вечеромъ 18-го августа, что теперь имъ не до преслѣдованія израненнаго отступающаго льва...


Брустверъ, разрушенный снарядами.

Однако слѣдуетъ считать пустой, фальшивой фразой заключительныя слова цитированной выше телеграммы Куропаткина, что „въ настоящее время армія расположена подъ Мукденомъ, провела ночь спокойно, обезпечена довольствіемъ и готова къ новому бою“.

Нѣтъ, армія не была еще готова къ бою. Ея духъ былъ надломленъ неоправдавшейся надеждой на побѣду—и неоправдавшейся не по ея винѣ. Ея вѣра въ своего вождя была поколеблена, и многіе уже тогда сознали свое заблужденіе относительно полководческихъ талантовъ генерала Куропаткина. Наконецъ, армія была лишена единодушія, въ ней была посѣяна рознь. Всѣ искали виновника неудачи и спорили о немъ съ горечью, злобою и раздраженіемъ изнервничавшихся людей... Были случаи самоубійства и психическаго


5-я сотня 2-го Аргунскаго казачьяго полка.

разстройства. Виновникъ былъ одинъ: это тотъ, кто въ своемъ самомнѣніи держалъ въ своихъ неумѣлыхъ рукахъ всѣ нити кампаніи. Но онъ не только не хотѣлъ сознаться въ этомъ, но дѣлалъ все, чтобы сложить свою вину на другихъ и не дать правдѣ обрисоваться въ ея возмутительной наготѣ.



Парадъ.

Печальный исходъ сраженія объяснялся неискусными распоряженіями Бильдерлинга, недостаточною стойкостью войскъ его корпуса, самовольнымъ движеніемъ генерала Орлова и бѣгствомъ съ поля сраженія его дивизіи. Но генералъ Бильдерлингъ оставленъ былъ во главѣ его корпуса, а генералъ Орловъ, хотя и былъ отрѣшенъ отъ командованія дивизіей, но изъ арміи въ Петербургъ не отпущенъ, дабы тамъ не сталъ оправдываться; впослѣдствіи онъ получилъ другую дивизію. Пострадалъ тяжко и его начальникъ штаба, ставшій жертвой искупленія за чужіе грѣхи. Это было, конечно, несправедливо, но это не могло такъ дурно отзываться на боевомъ товариществѣ арміи, какъ шельмованіе полковъ 54-й дивизіи, попавшихъ послѣ Ляояна въ такое же положеніе, какъ 22-й вост.-сиб. стр. полкъ послѣ Тюренчена.

Вліяніе только что описаннаго образа дѣйствій полководца, конечно, должно быть вполнѣ отрицательнымъ. Не менѣе отрицательное значеніе имѣло еще неумѣніе Куропаткина выбирать людей и выдвигать достойныхъ и награждать отличавшихся. Канцелярщина въ полевомъ штабѣ заѣла все и всѣхъ. Нерѣдко бывали случаи, когда уже выданные знаки отличія военнаго ордена отбирались назадъ, такъ какъ по канцелярскому расчету оказались излишне выданными, и это—тѣ знаки, которые составляютъ единственную награду солдата за понесенные труды и страданія, за кровь, за самую жизнь. Офицеръ имѣетъ впереди карьеру и будущее матеріальное обезпеченіе, солдатъ же—лишь только маленькій серебряный крестикъ, дающій ему средства лишь на самое скудное пропитаніе. Вредное вліяніе оказывали также постоянная перемѣна рѣшеній и громогласныя объявленія: „больше ни шага назадъ". Это повторялось неизмѣнно во всѣхъ безчисленныхъ случаяхъ, когда мы по волѣ того же вождя, это высказывавшаго, должны были уступать удержанныя грудью солдата позиціи. Трудно сопоставить наступательные планы Куропаткина и блестящее нравственное состояніе арміи, о которомъ онъ постоянно свидѣтельствовалъ, съ конечнымъ результатомъ



Наблюденіе за непріятелемъ.

всей ляоянской операціи. Несомнѣнно только одно, что мы понесли новое и на этотъ разъ уже крупное пораженіе, а въ арміи поселились озлобленность, рознь и полное недовѣріе войскъ къ своимъ начальникамъ.

Обращаясь къ стратегической сторонѣ дѣла, надо разсмотрѣть, какою была въ главныхъ чертахъ стратегическая обстановка нашей арміи во время ляоянскихъ сраженій. Здѣсь главнымъ было то, что лѣвый нашъ флангъ постоянно находился подъ угрозою противника. Первоначальный планъ Куропаткина состоялъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы, давая лишь арьергардные бои на передовыхъ позиціяхъ, предоставить себѣ возможность, оперируя на обоихъ берегахъ рѣки, перехода въ минуту необходимости къ активнымъ дѣйствіямъ и собрать на правомъ берегу рѣки въ своихъ рукахъ достаточно сильный резервъ, съ которымъ легко было бы перейти въ наступленіе; но къ моменту начала ляоянскихъ боевъ этотъ планъ былъ вдругъ почему-то измѣненъ и Куропаткинъ рѣшилъ упорно обороняться на айсядзянской, ляндянсянской и анпинлинской позиціяхъ, и этимъ не только самъ отказался отъ возможности перехода къ активнымъ дѣйствіямъ и захвату иниціативы въ свои руки, но еще ухудшалъ слабую сторону своего стратегическаго положенія въ смыслѣ опасности своего лѣваго фланга, ибо, по мѣрѣ приведенія въ исполненіе упорной обороны впереди Ляояна, опасность для нашего лѣваго фланга все возрастала. Нельзя не присоединиться къ высказанному мнѣнію профессора академіи генеральнаго штаба полковника Данилова, который полагаетъ, что слѣдовало бы манджурской арміи предоставить больше свободы маневрированія, для чего слѣдовало бы, имѣя въ Ляоянѣ хорошо обезпеченный тетъ-де-понъ, занять айсядзянскую, ляндянсянскую и анпинлинскую позиціи лишь съ рекогносцировочными цѣлями, т. е.


Орудіе въ закрытіи.


Фуражировка.

производства только развѣдки, на передовой ляоянской позиціи имѣть небольшіе передовые отряды, главныя же силы арміи сконцентрировать на правомъ берегу Тайцзыхе, отдѣливъ значительный резервъ спеціально для угрожаемаго лѣваго фланга арміи. Сосредоточенныя на правомъ берегу резервныя силы могли и не принимать участія въ передовыхъ столкновеніяхъ съ противникомъ, а потому сохранились бы въ полномъ порядкѣ и были бы вполнѣ способны выступить въ рѣшительную минуту активно, когда для этого назрѣло бы время. Принятый же Куропаткинымъ планъ упорнаго затягиванія боевъ у Айсядзяна, Ляндянсаня и Анпинлина потребовалъ большого напряженія силъ и ввода въ дѣло большей части резерва, а это повело, въ свою очередь, къ излишнему утомленію войскъ и разброскѣ силъ, да и влекло за собой необходимость вмѣшиваться въ детали, что было и безъ того такъ свойственно Куропаткину, это увлекало его въ мелочи и затемняло передъ нимъ главное. Все это было, конечно, большой стратегической ошибкой, но не она была главной причиной рѣшенія Куропаткина оставить Ляоянъ, не смотря ни на что мы все-таки удержались на передовыхъ позиціяхъ, врагъ былъ истощенъ въ конецъ, такъ что даже собирался отойти назадъ. Германскій военный агентъ при нашей главной квартирѣ, подполковникъ Лауенштейнъ, отступленіе Куропаткина отъ Ляояна объясняетъ: „страхомъ передъ призракомъ большихъ силъ Куроки" и, съ другой стороны, цѣлый рядъ неудачъ, которыя терпѣли наши войска, и дѣйствій такихъ начальниковъ, какъ Засуличъ и Штакельбергъ, безъ сомнѣнія, поселили въ душѣ командующаго арміей недовѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и къ запасу нравственныхъ силъ своей арміи и должны были парализовать его способность къ активнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ надежда на успѣхъ при такихъ условіяхъ у него была очень слаба.



Офицеры 1-го уманск. Казачьяго полка.

Таковы стратегическія причины неудачи нашей арміи подъ Ляояномъ, съ тактической же стороны у насъ было также не мало важныхъ недочетовъ. Главнѣйшимъ изъ нихъ надо по-



Внутренній видъ двора, гдѣ падали снаряды при стрѣльбѣ изъ гаубицъ.

читать наши организацію и веденіе сторожевой службы и недостатокъ развитія развѣдыванія. Благодаря этому мы постоянно мало знали о противникѣ и переутомляли свои войска.



Видъ окрестностей у дер. Херсу.

Для сторожевого охраненія мы занимали въ большинствѣ случаевъ цѣлыя сплошныя позиціи, которыя были избираемы заранѣе и потому отлично были извѣстны непріятелю, мы тратили на это массу войскъ и все-таки располагались въ видѣ тонкой линіи съ всегда слабыми резервами. Кромѣ того, какъ уже было говорено выше, наши сторожевыя линіи преслѣдовали лишь только одну задачу охраненія и никогда не думали о развѣдываніи, сторожевыя цѣпи обыкновенно отходили при первомъ же появленіи передъ ними непріятеля, онѣ не оказывали никакого сопротивленія и не заставляли противника развертывать его силъ и тѣмъ обнаруживать ихъ. Сообщивъ своимъ о появленіи противника, онѣ считали свою задачу выполненной, что же было за передовыми частями непріятеля, объ этомъ наше охраненіе не заботилось. Это общій нашъ коренной недостатокъ, который былъ слѣдствіемъ ненормально поставленнаго обученія, мы не говоримъ о случаяхъ, подобныхъ имѣвшимъ мѣсто на Макураямѣ, Хунжулинѣ или при переправѣ 12-й японской дивизіи черезъ Тайцзыхе,—эти случаи надо разсматривать какъ случайности, вслѣдствіе небрежности и недостаточнаго напряженія службы. Совсѣмъ иначе было поставлено дѣло охраненія у японцевъ. Они постоянно имѣли впереди завѣсу изъ отдѣльныхъ отрядовъ всѣхъ родовъ оружія, которые хорошо видѣли впередъ и не допускали проникновенія непріятеля, за этой завѣсой они свободно маневрировали. Что касается спеціально до развѣдки, то это всегда является дѣломъ кавалеріи. У японцевъ была кавалерія, правда, не вполнѣ удовлетворительная, но въ этомъ отношеніи и мы могли похвастаться лишь только



Казнь хунгузовъ.

въ численномъ отношенiи. Къ тому же мы неправильно ее употребляли. Такъ, японцы подъ Дашичао имѣли всю свою кавалерiю на своемъ лѣвомъ флангѣ на равнинѣ, тогда какъ у насъ тамъ были только разъѣзды, вся же остальная масса конницы держалась въ горахъ. Впрочемъ, что касается до развѣдывательной части, то, конечно, эта задача японцамъ была гораздо легче, чѣмъ намъ. Это зависѣло отъ отношенiя туземнаго населенiя. Въ то время какъ скитавшiеся манджуры смотрѣли на насъ враждебно, какъ на „иностранныхъ дьяволовъ", они съ нетерпѣнiемъ ожидали прихода японцевъ. Это чувство было очень выгодно маршалу Ойямѣ, такъ какъ мѣстные жители все скрывали отъ насъ и, съ другой стороны, сообщали всѣ подробности японцамъ. Въ то время какъ непроницаемое молчанiе окружало главную квартиру Куропаткина, въ штабъ Ойямы сообщались самыя точныя свѣдѣнiя. Манджуры, впрочемъ, скоро разочаровались въ своихъ прiятеляхъ, чему главнѣйшей причиной были наша щедрость и скупость японцевъ, которая между прочимъ происходила отъ недостатка денегъ, но это съ точки зрѣнiя китайскихъ торговцевъ было совершенно безразлично. Затѣмъ не малое значенiе имѣла недостаточная гибкость нашихъ строевъ и наклонность къ дѣйствiямъ большими компактными массами, это влекло за собою слабое развитiе огня и большiя потери. Впрочемъ, это вытекало изъ вообще слабаго развитiя и подготовки нашего солдата, какъ одиночнаго бойца. Въ то время какъ японскiй солдатъ, ловкiй и хорошо обученный, былъ способенъ къ самостоятельнымъ дѣйствiямъ и дѣйствовалъ сознательно, нашъ требовалъ постояннаго надзора и понуканiя. Одинъ японскiй унтеръ-офицеръ выразилъ мнѣнiе, что нашихъ легко бить, когда они идутъ въ штыки, такъ какъ наши летятъ со всѣхъ ногъ, опустивъ штыкъ и наклонивъ голову,



Мирная жизнь.



Укрывшаяся батарея.

не обращая ни на что вниманія, и стоитъ только отскочить немного въ сторону и всадить ему штыкъ въ бокъ. Эта недостаточность подготовки одиночнаго бойца сказывалась и на употребленіи нами огня. Мы прибѣгали въ большинствѣ случаевъ къ стрѣльбѣ залпами, не расчитывая на успѣхъ одиночнаго огня. Вообще нашъ солдатъ оказался недостаточно хорошимъ стрѣлкомъ. Въ противоположность намъ, японскій солдатъ оказался гораздо развитѣе и лучше подготовленнымъ. Кромѣ того, они знали отлично все, за что дерутся, и потому каждый стремился къ достиженію одной и той же общей цѣли съ удивительной отвагой и упорствомъ; правда, что въ этомъ отношеніи ихъ воодушевляла глубокая ненависть, которую они питали къ намъ и которая выросла на исторической почвѣ. Снабженіе и снаряженіе японскаго солдата было также гораздо цѣлесообразнѣе и лучше отвѣчало всѣмъ условіямъ, въ которыхъ приходилось дѣйствовать. Къ тактическимъ же недостаткамъ надо отнести и организаціонныя наши ошибки, которыя проходили черезъ всю войну и съ которыми такъ мало считался Куропаткинъ. Мы нисколько не стѣснялись съ нашими боевыми и административными единицами и свободно раздергивали не только корпуса и дивизіи, но даже полки и батальоны, въ пользу формированія многочисленныхъ отрядовъ, которымъ давались различныя задачи и которые получали различныхъ начальниковъ, зачастую не имѣвшихъ никакой связи съ командуемыми ими войсками. Всякому



Китайцы.



Ложементъ.



Бой впереди.

военному человѣку понятно, какъ это вредно отзывается на успѣхѣ дѣла, въ особенности въ арміи, въ которой вообще внутренняя спайка была уже нѣсколько нарушена, о чемъ мы уже имѣли случай говорить выше. На все это Куропаткинъ не обращалъ никакого вниманія и все это внесло свой минусъ въ успѣхъ общаго дѣла.

25-го августа наши войска переправились черезъ Хунхе. Но это произошло не безъ нѣкоторыхъ колебаній. Такъ, вопросъ о томъ, гдѣ остановить отступавшую армію, былъ весьма важенъ. Главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ считалъ послѣднимъ предѣломъ отступленія рѣку Шахе и не признавалъ возможнымъ отходить дальше Мукдена. Оставить Мукденъ не считалось возможнымъ, такъ какъ такой шагъ могъ послужить къ поднятію престижа японцевъ и, кромѣ того, крайне невыгодно для насъ въ продовольственномъ отношеніи; не хотѣли также слишкомъ удаляться отъ Портъ-Артура, которому еще надѣялись оказать поддержку. Хотя позиціи впереди Мукдена до нѣкоторой степени отчасти были подготовлены, тѣмъ не менѣе генералъ Куропаткинъ призналъ нужнымъ произвести обстоятельную рекогносцировку и тогда уже рѣшить вопросъ о мѣстѣ остановки отступавшей арміи. Мнѣнія были различны. Одни считали позицію впереди Хунхе неудобною для предстоящихъ операцій, другіе же — наоборотъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено перевести армію за Хунхе, но вмѣстѣ



Крытый блиндированный ходъ сообщенія.

съ тѣмъ и занять позицію впереди, на лѣвомъ берегу ея, позиція эта служила какъ бы тетъ-де-пономъ.

Настроеніе арміи нельзя было назвать безупречнымъ: всѣ недоумѣвали, какимъ образомъ послѣ побѣдоносно отбитыхъ всѣхъ атакъ противника мы все-таки отступили и отдали такой важный пунктъ, какъ Ляоянъ, — это вызывало крайнее недовольство командованіемъ. Различные слухи о предпринимаемыхъ непріятелемъ обходахъ внушали неопредѣленный страхъ; кромѣ того, въ арміи существовала рознь, о которой мы уже говорили выше. Многія части арміи были сильно потрепаны предшествовавшими боями и понесли значительныя потери, такъ что по численности своей далеко не отвѣчали тѣмъ наименованіямъ, которыя носили, много было также недостатковъ матеріальной части. Все это вмѣстѣ взятое создавало положеніе, при которомъ думать о немедленномъ переходѣ въ наступленіе было нельзя, почему и рѣшено было дать арміи отдыхъ до 20-го сентября, употребивъ это время на пополненіе и исправленіе нѣкоторыхъ недостатковъ, которые были наиболѣе существенны, и на подготовку театра военныхъ дѣйствій, въ смыслѣ устройства дорогъ, укрѣпленія позицій и нѣкоторыхъ пунктовъ. Предмостная позиція усиливалась окопами съ блиндажами и крытыми ходами сообщеній, устраивались всевозможныя мѣстныя препятствія, населенные пункты приводились въ оборонительное состояніе, строились батареи для обстрѣливанія подступовъ къ предмостной позиціи и укрѣплялись уступныя позиціи у деревень Сатхоза и Хушунъ, лежащихъ на правомъ берегу Хунхе. На дорогѣ къ Телину была также выбрана позиція. Кромѣ того, всѣ холмы и населенные



Станція Годзяданъ.



Лазаретъ.

пункты, расположенные къ западу отъ Мукдена, были также укрѣплены фронтомъ на западъ. Для обезпеченія сообщеній строились спеціально военныя дороги и число мо-



Бивуакъ.

стовъ черезъ Хунхе было доведено до пятнадцати. Вообще на усиленіе предмостной позиціи было обращено полное вниманіе, туда доставлены были даже осадныя орудія и приступлено къ составленію картъ мѣстности, что было особенно важно въ виду предположеннаго все-таки перехода въ наступленіе. До сихъ поръ войска наши руководствовались вполнѣ удовлетворительной картой двухверстнаго масштаба, но она оканчивалась только параллелью Ляояна, а дальше къ сѣверу ничего не было, кромѣ четырехверстныхъ маршрутовъ, далеко не достаточныхъ для руководства. Приступили къ составленію новыхъ съемокъ, и, дѣйствительно, при затратѣ огромнаго труда и энергіи со стороны представителей нашего генеральнаго штаба, создали кое-что въ этомъ отношеніи, но это были опять-таки, большею частью, лишь маршруты, которые не всегда вязались между собою и оставляли промежутки совсѣмъ не заполненные. Это обстоятельство сильно стѣсняло насъ и особенно затрудняло развѣдки. Незнаніе мѣстности и невозможность оріентироваться на ней, при незнаніи еще языка, дѣлало то, что развѣдываніе путемъ кавалерійскихъ разъѣздовъ сводилось къ нулю и приходилось разсчитывать только на развѣдчиковъ, которые при симпатіяхъ мѣстнаго населенія къ японцамъ были рѣдки, да и давали плохіе результаты, свѣдѣнія получались весьма сбивчивыя и подчасъ совсѣмъ невѣрныя. Тѣмъ временемъ войска понемногу укомплектовывались, къ нимъ пришли запасные батальоны; неисправныя орудія



Китайскій памятникъ на могилѣ.

исправлялись; выздоровѣвшіе больные и раненые изъ госпиталей возвращались въ войска, и подходили подкрѣпленія въ видѣ перваго и шестого армейскихъ корпусовъ, направленныхъ изъ Европейской Россіи. Все это дало возможность укомплектовать роты и довести ихъ до восьмидесятиряднаго состава. Въ это же время и нашъ противникъ находился не въ лучшемъ состояніи. Японцы подъ Ляояномъ въ концѣ бились уже изъ послѣдняго, они понесли также огромныя потери и у нихъ ощущался недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, а потому они также не были способны къ немедленному энергичному наступленію. Но во многихъ отношеніяхъ ихъ положеніе было все-таки лучше нашего: во-первыхъ, нравственное состояніе ихъ было выше, огромный успѣхъ сильно приподнялъ духъ арміи и они уже не съ такимъ сомнѣніемъ и страхомъ относились къ своему противнику, какъ это было вначалѣ, а во-вторыхъ, ихъ сообщенія были лучше нашихъ: въ то время какъ мы висѣли на тоненькой вѣточкѣ единственной желѣзной дороги и должны были базироваться на нее, они могли базироваться по своему усмотрѣнію. Въ періодъ затишья, вынужденнаго собственнымъ разстройствомъ, они работали надъ укрѣпленіемъ занятаго ими Ляояна и обезпеченіемъ переправы черезъ Тайцзыхе путемъ постройки мостовъ, перекраивали нашу желѣзную дорогу изъ ширококолейной на узкоколейную, болѣе соотвѣтствующую ихъ подвижному составу, и приступили къ устройству складовъ въ Ляоянѣ, Сяобихе и Бенсиху. Они также получили укомплектованія и къ нимъ подошли подкрѣпленія въ видѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій и одной резервной бригады. Около половины сентября мы сформировали 2-ю манджурскую армію, въ составъ которой вошли: 6-й сибирскій корпусъ, одна казачья дивизія, 61-я пѣхотная дивизія и 8-й армейскій корпусъ. Японцы также сформировали 5-ю свою армію подъ начальствомъ генерала Хасегава. Численность нашей арміи къ половинѣ сентября была:



Китайская милиція отдаетъ честь русскимъ офицерамъ.

1-й сибирскій корпусъ	19.700	штыковъ
2-й „ „	7.000	„
3-й „ „	16.700	„
4-й „ „	20.000	„
5-й „ „	19.000	„
6-й „ „	30.000	„
1-й армейскій корпусъ	2.700	„
10-й „ „	19.000	„
17-й „ „	23.000	„
Всего . .	157.100	штыковъ.

Всѣ эти войска занимали до 50-ти верстъ по фронту. Противъ насъ находилась японская армія, которая занимала около 60-ти верстъ по фронту и считала въ своихъ рядахъ: 170.000 штыковъ, 6.500 сабель и 648 орудій. Пути ихъ сообщенія шли: 1-й арміи на Бенсиху, Сихеянъ и далѣе на Шахедзы; 4-я армія базировалась на Ляоянъ, Хайченъ и далѣе на Дагушань, и 2-я по желѣзной дорогѣ на Инкоу. Въ противоположность намъ они имѣли превосходно разработанную систему развѣдки при помощи лазутчиковъ и всегда имѣли точныя и подробныя свѣдѣнія о нашемъ расположеніи и намѣреніяхъ. Сами же японцы прикрывали себя какъ бы завѣсой изъ отдѣльныхъ отрядовъ всѣхъ родовъ оружія, которые опирались на выдвинутые впередъ, довольно сильные, авангарды. При такой системѣ охраненія наши слабые кавалерійскіе разъѣзды были безсильны проникнуть въ ихъ расположеніе и не могли добывать никакихъ сколько-нибудь порядочныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, мѣстное же населеніе не оказывало никакого содѣйствія.



Офицеры врачи 139-го Моршанскаго полка и хунгузы.

Новый театръ военныхъ дѣйствій ограничивался: на сѣверѣ рѣкою Хунхе, на западѣ рѣками Шахе и Ляохе, на югѣ рѣкою Тайцзыхе, а на востокѣ линіей, идущей отъ верхняго теченія Тайцзыхе къ Фушуну. Восточная половина этого пространства въ западной своей части была густо населена и мѣстность имѣла холмистый характеръ. По мѣрѣ удаленія къ востоку отъ мандаринской дороги этотъ характеръ мѣнялся и мѣстность становилась все болѣе и болѣе гористой и наконецъ заканчивалась дикой гористой страной, слабо населенной и почти безъ сообщеній,



Атака казаками.

послѣдними служили исключительно горныя тропы, пролегавшія къ переваламъ. Въ продовольственномъ отношеніи этотъ участокъ театра дѣйствій былъ крайне бѣденъ. Все это, конечно, чрезвычайно затрудняло передвиженія войскъ и ихъ дѣйствія. Въ противуположность восточной половинѣ западная часть театра представляла собою равнину, заселенную густымъ населеніемъ и хорошо обработанную. Эта часть была сплошь покрыта посѣвами густого, высокаго гаоляна и чумизы, но послѣднее обстоятельство уже теперь не представляло тѣхъ затрудненій, какъ это было раньше, ибо гаолянъ въ большей части былъ снятъ и даже вывезенъ. Движеніе войскъ по этому участку не представляло особыхъ затрудненій, кромѣ развѣ глубокихъ и обрывистыхъ овраговъ, въ которыхъ протекали притоки Хунхе, но самые эти притоки и многочисленныя маленькія рѣчки ничему не мѣшали, такъ какъ повсемѣстно были проходимы въ бродъ.



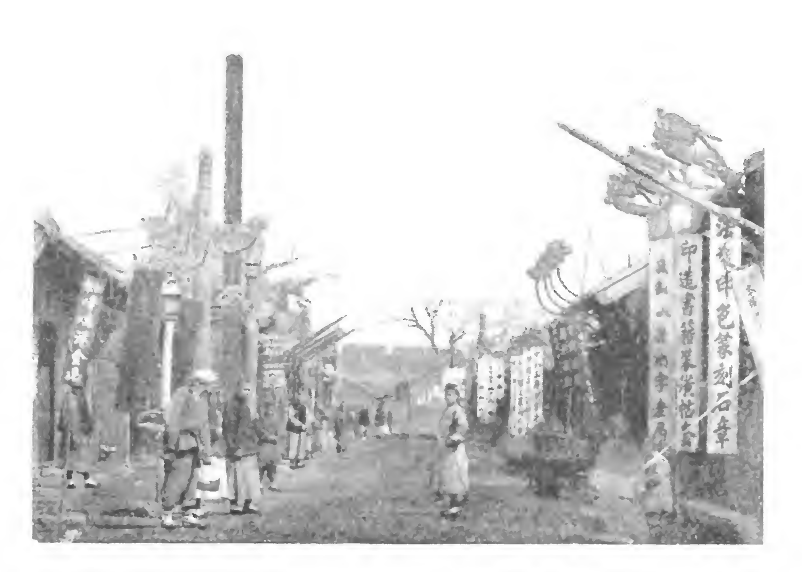
Въ китайской деревнѣ.

Наша армія устраивалась и къ ней подходили подкрѣпленія. Общественное мнѣніе Россіи требовало перехода къ активнымъ дѣйствіямъ, перехода въ наступленіе. Въ это же самое время въ арміи имѣлись свѣдѣнія, что японцы еще не готовы къ переходу въ дальнѣйшее наступленіе и что они заняты укрѣпленіемъ пріобрѣтенныхъ ими позицій, почему, пользуясь осеннимъ временемъ, лучшимъ временемъ года въ Манджуріи, генералъ Куропаткинъ рѣшилъ самъ перейти въ наступленіе, началомъ котораго было назначено 21-е сентября. Планъ его, въ общихъ чертахъ, заключался въ томъ, чтобы, занимая японцевъ демонстраціями противъ ихъ праваго фланга на равнинѣ, сосредоточить большія силы на своемъ лѣвомъ флангѣ и, опрокинувъ правый флангъ японцевъ въ Тайцзыхе, попытаться оттѣснить ихъ къ Ляояну и далѣе. Какъ мы видимъ, планъ совершеннно схожій съ тѣмъ, который былъ выработанъ на 21-е августа, но разница въ обстановкѣ была большая. Хотя и тогда уже нравственныя силы войскъ были надломлены, но тогда войска узнали, что дерутся за Ляоянъ, который былъ предметомъ обоюдныхъ вожделѣній: для насъ, чтобы его



Инспекторы санитарныхъ частей во дворѣ фанзы во время стоянки на Шахе.

удержать, и для японцевъ, чтобы имъ овладѣть. Итакъ, Ляоянъ былъ цѣлью нашихъ войскъ, теперь же эта цѣль исчезла и надо было создавать новую. Будущее было въ туманѣ, никто не зналъ къ чему же стремиться дальше, общія отдаленныя цѣли войны войска не понимали, это чувствовалось всѣми и создавало неблагопріятную обстановку. Предстоящее наступленіе имѣло громадную важность, моральное значеніе его было огромно, но зато въ случаѣ неуспѣха мы были бы окончательно разбиты, если не физически, то нравственно, что, пожалуй, еще хуже. Матеріально, въ данное время, мы не были уже такъ сильно разбиты и принятыя мѣры съ этой стороны для подготовки намѣченнаго наступленія можно было признать достаточными, морально же армія была сильно пошатнута и подготовка ея съ этой стороны, какъ труднѣйшая, являясь предметомъ первенствующей необходимости, требовала большихъ усилій и много сердца, ума и такта. Куропаткинъ чувствовалъ, что надо что-то сдѣлать, что-то надо сказать войскамъ, надо какъ-нибудь объяснить имъ непонятное происшедшее и дать понять, что и для чего отъ нихъ требуется въ будущемъ. И вотъ Куропаткинъ выпускаетъ за своею подписью для распространенія въ войскахъ „Указанія начальникамъ частей манджурской арміи до ротнаго и сотеннаго командира включительно и всѣмъ начальникамъ штабовъ“.



Улица съ китайскими магазинами.

Въ первой части этихъ указаній имѣется слѣдующее сообщеніе: „что мы отстояли занятыя нами позиціи у Дашичао, Ляндянсаня и особенно геройски отстояли какъ передовыя, такъ и главную позицію подъ Ляояномъ“.

Спрашивается: какимъ же образомъ при этомъ мы отступили къ Мукдену? Это обстоятельство объяснялось неудачами въ тѣхъ случаяхъ, когда мы переходили въ наступленіе, а основныя причины такихъ неудачъ объяснены въ указаніяхъ такъ: „я признаю непринятіе нами мѣръ къ раскрытію силъ и располо-



Залпъ батареи.

женія противника; вслѣдствіе чего, вмѣсто сознательной атаки по опредѣленному плану, мы наносили удары недостаточно и потому терпѣли неудачи. Не принимая въ разсчетъ воли противника, мы рѣшали направленіе главнаго удара слишкомъ заблаговременно. Были случаи, что мы, не зная расположенія противника, расписывали войска по мелкимъ колоннамъ до батальона включительно. Въ другихъ случаяхъ мы дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана"...



Землянка.

Въ войскахъ не понимали, кто же это были „мы", которые продѣлывали подобныя элементарныя, почти непростительныя ошибки. Вѣдь все это исключительно и всецѣло зависѣло отъ самого Куропаткина, и все, на что онъ указывалъ въ своихъ „указаніяхъ", непосредственно продѣлывалъ самъ Куропаткинъ. Онъ до мелочей распоряжался на Ялу, подъ Тюренченомъ, сидя за 180 верстъ отъ мѣста дѣйствій и никогда и въ глаза не видавъ мѣстности, онъ же и расписывалъ войска по колоннамъ до батальона включительно, ничего не зная о расположеніи и намѣреніяхъ непріятеля, онъ же исключительно, и одинъ онъ, виноватъ въ томъ, что не было общаго плана, и отъ него зависѣло направленіе главнаго удара.



Бивуакъ казаковъ.

Далѣе Куропаткинъ пишетъ, что, „отдавая себѣ отчетъ съ полною откровенностью о причинахъ нашихъ неудачъ при наступленіи и не умаляя сдѣланныхъ ошибокъ, вполнѣ объяснимыхъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ наше военное", онъ, Куропаткинъ, выражаетъ надежду, что „мы, воспользовавшись уроками прошлаго, въ будущемъ будемъ выходить побѣдителями въ наступленіи". И вотъ, чтобы избѣжать ошибокъ въ будущемъ, войскамъ преподаютъ уроки изъ тактики:

1. „Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ встрѣчи съ противникомъ надлежитъ принять мѣры, дабы мы имѣли значительное превосходство въ силахъ, чтобы одержать успѣхъ"...

2. „Сблизившись съ противникомъ, надо не спѣшить атакою его, пока развѣдкою конницей, охотниками и даже боемъ передовыхъ частей не будетъ выяснена позиція, занятая противникомъ, ея фланги и примѣрно опредѣлены силы противника“...



Среди природы.

3. „При атакѣ противника съ фронта, слѣдуетъ примѣнять охватъ одного изъ фланговъ“...

4. „Атака должна быть тщательно подготовлена артиллерійскимъ огнемъ“.

5. „Наши части войскъ, предназначаемыя для атаки, должны возможно искусно пользоваться мѣстностью“...

6. „Ранѣе начала атаки, руководящій боемъ начальникъ обязанъ уяснить себѣ расположеніе противника, сдѣлать оцѣнку занятой имъ позиціи, опредѣленно передать подчиненнымъ“...

7. „Разъ начатое наступленіе должно вестись энергично до достиженія успѣха; дабы это было возможно, необходимо имѣть сильные резервы и своевременно вводить ихъ въ дѣло“...

8. „Если передовыя не достигли успѣха, а были остановлены или даже отброшены противникомъ назадъ, то онѣ обязаны цѣпляться за каждое укрытіе“...

9. „Сбитаго съ позиціи противника надо энергично преслѣдовать и разстрѣливать“...

Вотъ такимъ тактическимъ катехизисомъ Куропаткинъ думалъ повліять на поднятіе духа арміи. Выписавъ изъ учебника тактики давно всѣмъ извѣстные тезисы, онъ считалъ, что изрекъ „золото“, подобное тому, которое онъ расточалъ по поводу походныхъ движеній, напутствуя части 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи на Ялу. Среди солдатъ эти указанія, которыя они, конечно, знали, вызвали недоумѣніе, а среди офицерства или насмѣшку, или озлобленіе. Въ этихъ указаніяхъ, какъ всякій видитъ, не было ни души, ни ума, ни такта.



Возъ гаоляна.

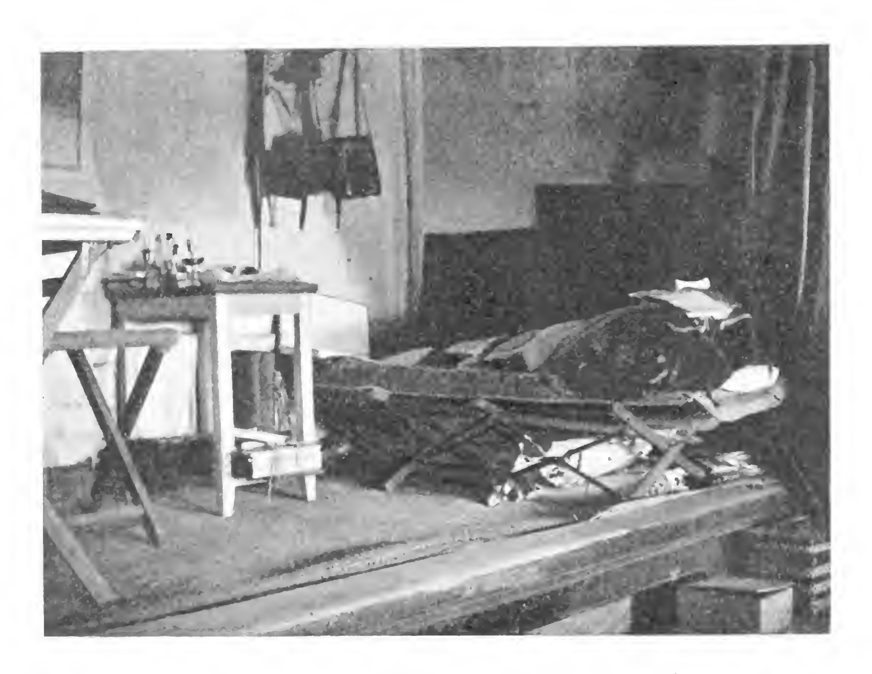
Намъ кажется, что эти указанія скорѣе можно разсматривать какъ обвинительный актъ, написанный Куропаткинымъ, но не съ цѣлью раскаянія или признанія своихъ ошибокъ, а съ цѣлью неопредѣленнаго обвиненія другихъ.

Назначивъ на 21-е число переходъ въ наступленіе, 19-го сентября Куропаткинъ отдалъ слѣдующій приказъ по арміи: „Болѣе семи мѣсяцевъ тому назадъ врагъ

вѣроломно напалъ на насъ въ Портъ-Артурѣ ранѣе объявленія войны. Съ тѣхъ поръ много подвиговъ содѣяно русскими войсками на сушѣ и на морѣ, которыми справедливо можетъ гордиться наша родина, но врагъ не только не повержёнъ во прахъ, но въ гордынѣ своей еще продолжаетъ помышлять о полной побѣдѣ надъ нами. Войска манджурской арміи, неизмѣнно сильныя духомъ, до сихъ поръ не были достаточно сильны численно, чтобы разбить выставленныя противъ нихъ японскія арміи. Требовалось много времени, чтобы одолѣть всѣ препятствія и усилить дѣйствующую армію въ такой мѣрѣ, чтобы она съ полнымъ успѣхомъ могла выполнить возложенную на нее трудную, но почетную и славную задачу. Вотъ почему, несмотря на многократное отраженіе атакъ японцевъ на наши позиціи у Дашичао, Ляндянсаня и на позиціи у Ляояна, я не признавалъ своевременнымъ использовать эти успѣхи переходомъ въ наступленіе и приказывалъ отступать. Вы покинули геройски обороняемыя вами позиціи, заваленныя грудами японскихъ труповъ, покидали ихъ, не тревожимые врагомъ, и въ грозной готовности къ новому бою отходили назадъ на подготовленныя заранѣе новыя позиціи послѣ пятидневнаго боя подъ Ляояномъ, нанеся японцамъ тяжкія потери. Отстоявъ съ полнымъ успѣхомъ всѣ передовыя и главную позицію, вы отошли къ Мукдену при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Атакованные во флангъ вышедшею арміей Куроки, вы двигались по непролазной грязи, ведя бой днемъ и ночью, вытаскивая на рукахъ орудія и повозки, и отошли къ Мукдену при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, не оставивъ плѣнныхъ, унеся съ собою всѣхъ раненыхъ, сохранивъ всѣ обозы. Я приказывалъ вамъ отступать съ горестью въ сердцѣ, но съ непоколебимою вѣрою, что отступленіе наше на подходящія подкрѣпленія было необходимо для одержанія надъ вра-



На развѣдкѣ.



Китайская фанза, приспособленная для штаба.

гомъ, когда наступитъ для сего время, рѣшительной побѣды. Державною волею Государя Императора, для борьбы съ Японіей назначены силы, вполнѣ обезпечивающія за нами побѣду. Всѣ трудности, дабы передвинуть эти силы за 10.000 верстъ, самоотверженно преодолѣваются несокрушимою энергіей и талантомъ русскихъ людей всѣхъ вѣдомствъ, всѣхъ чиновъ и положеній, приставленныхъ къ этому дѣлу, небывалому въ исторіи войнъ по своей трудности. Сотни тысячъ людей, многіе десятки тысячъ лошадей, повозокъ, милльоны пудовъ груза непрерывною желѣзнодорожною рѣкою переливаются въ теченіе семи мѣсяцевъ изъ Европейской Россіи и Сибири въ Манджурію и съ теченіемъ времени этотъ потокъ все крѣпнетъ, все ширится. Если окажется не достаточнымъ присланныхъ уже полковъ, придутъ новые, но непоколебимая воля Государя Императора, дабы мы побѣдили, будетъ неуклонно исполнена. До сихъ поръ противникъ нашъ, пользуясь большею численностью и охватывающимъ насъ расположеніемъ своихъ армій, дѣйствовалъ по своей волѣ, выбирая удобное для сего время для нападенія на насъ. Но теперь уже настало желанное и давно ожидаемое время идти самимъ впередъ, на встрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы манджурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе. Вы должны, однако, непрерывно помнить, что для побѣды надъ сильнымъ и храбрымъ противникомъ, кромѣ численности войскъ, необходима твердая рѣшимость всѣхъ чиновъ арміи отъ мала до велика одержать эту побѣду, какихъ бы жертвъ для сего ни потребовалось. Проникнитесь всѣ сознаніемъ важности побѣды для Россіи; въ особенности помните, какъ нужна она намъ, дабы скорѣй выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артурѣ, семь мѣсяцевъ геройски отстаивающихъ ввѣренную имъ крѣпость. Наша армія, крѣпкая единеніемъ съ царемъ и всею Россіею, во всѣ войны, веденныя нами, совершала великіе



Блиндажъ.



Походная кухня Евангелическаго лазарета.

подвиги на защиту престола и родины и заслужила почетную славу среди всѣхъ народовъ... Помните ежечасно, что вамъ, довѣріемъ Государя, ввѣрено поддержаніе чести и славы русской арміи. Державный Вождь земли Русской молится со всею Россіей за насъ и благословляетъ насъ на новые самоотверженные подвиги. Подкрѣпляемые этою молитвою, съ глубокимъ сознаніемъ важности выпавшей на насъ задачи, мы должны идти впередъ безтрепетно, съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца, не щадя живота своего, и да будетъ надъ всѣми нами воля Господня".



Китайская деревня.

Этотъ приказъ не дышетъ энергіей полководца, вѣрящаго въ свои силы, и слабо выражаетъ увѣренность въ побѣдѣ; хотя въ немъ и достаточно красивыхъ словъ и фразъ, но онъ все-таки сухъ, а главное, широковѣщателенъ, онъ слишкомъ длиненъ, а, какъ извѣстно, длинные приказы плохо читаются войсками и, что самое важное, не оставляютъ въ душѣ тѣхъ, къ тому они относятся, того впечатлѣнія, на которое разсчитаны.

Въ половинѣ сентября наша армія въ числѣ 157.100 штыковъ, съ соотвѣтственнымъ числомъ кавалеріи, при 600 орудіяхъ находилась впереди Мукдена и была расположена слѣдующимъ образомъ:

А) Правое крыло подъ общимъ начальствомъ генерала Бильдерлинга, имѣя штабъ въ Мукденѣ, располагалось:



Переноска раненыхъ.

1) 10-й корпусъ генерала Случевскаго: 9-я и 31-я пѣхотныя дивизіи, 1-й Оренбургскій казачій полкъ, 6-й саперный батальонъ и 5-й мортирный полкъ занимали предмостную укрѣпленную позицію, выдвинувъ авангардъ къ Хуаншаню.

2) 17-й корпусъ генерала Волкова: 3-я и 35-я пѣхотныя дивизіи, 2-я кавалерійская бригада и 17-й саперный батальонъ, располагался у южной окраины Мукдена, имѣя авангарды:

а) 5 батальоновъ, 16 орудій и 5 эскадроновъ—въ Сахепу.

б) 2 батальона, 8 орудій и полъ-эскадрона—въ Шинлинпу.

в) 1 батальонъ, полъ-эскадрона—въ Куанлинпу.

3) Отрядъ генерала Дембовскаго, въ составѣ: 6 батальоновъ 54-й пѣхотной

дивизіи, 4 батальоновъ 71-й пѣхотной дивизіи, 24 орудій 28-й артиллерійской бригады, 4 сотенъ Терско-Кубанскаго полка, 4 сотенъ 1-го Аргунскаго казачьяго полка и 5-го Восточно - Сибирскаго сапернаго батальона,— всего: 10 батальоновъ, 24 орудія, 10 сотенъ и одинъ батальонъ саперный находились у Сыфанту.



Бивуакъ.

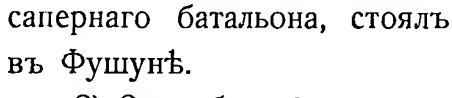
4) Конница располагалась въ двухъ группахъ:

а) генерала Самсонова: 4-й, 5-й и 8-й сибирскіе казачьи полки и 20-я конная батарея: всего 18 сотенъ и 6 конныхъ орудій у Фындяпу.

б) Генерала Грекова: 11-й и 12-й оренбургскіе казачьи полки и 11-я конная батарея—всего 12 сотенъ и 6 конныхъ орудій у Пхуцзыяна.

Всего въ правомъ крылѣ у генерала Бильдерлинга было: 74 батальона, 58 эскадроновъ и сотенъ, 284 орудія и 11 инженерныхъ ротъ.

Б) Лѣвое крыло подъ начальствомъ генерала Иванова, штабъ котораго находился въ Фушунѣ, располагалось:

1) 3-й сибирскій корпусъ подъ командой генерала Иванова, въ составѣ 3-й и 6-й восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ дивизій, 6-го Енисейскаго пѣхотнаго полка, 7-го Красноярскаго, 2-го Читинскаго казачьяго полка и 2-го восточно-сибирскаго сапернаго батальона, стоялъ въ Фушунѣ.

2) 2-й сибирскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Засулича, въ составѣ 5-й восточно - сибирской стрѣлковой дивизіи и 3-го восточно-сибирскаго сапернаго батальона, находился въ Тиндя-юѣ.



Мостъ.

3) Отрядъ генерала Ренненкампфа, въ составѣ 4 батальоновъ 54-й пѣхотной дивизіи, 1 батальона 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 8 орудій 26-й артиллерійской бригады, 6 сотенъ 2-го Нерчинскаго казачьяго полка и 6 сотенъ 2-го Аргунскаго полка, всего: 5 батальоновъ, 8 орудій, 12 сотенъ,—располагался въ Фаншинѣ.

4) Отрядъ генерала Петерева, въ составѣ 3-хъ батальоновъ 54-й пѣхотной

дивизіи, 4 орудій 26-й артиллерійской бригады, 6 сотенъ 2-го Нерчинскаго казачьяго полка—всего 3-хъ батальоновъ разныхъ полковъ 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 4 орудій 26-й артиллерійской бригады, 1 сотни 10-го Оренбургскаго казачьяго полка и 6 сотенъ 2-го Дагестанскаго полка, всего: 6 батальоновъ, 4 орудія, 7 сотенъ,—занималъ Далинскій перевалъ.



Проба обѣда.

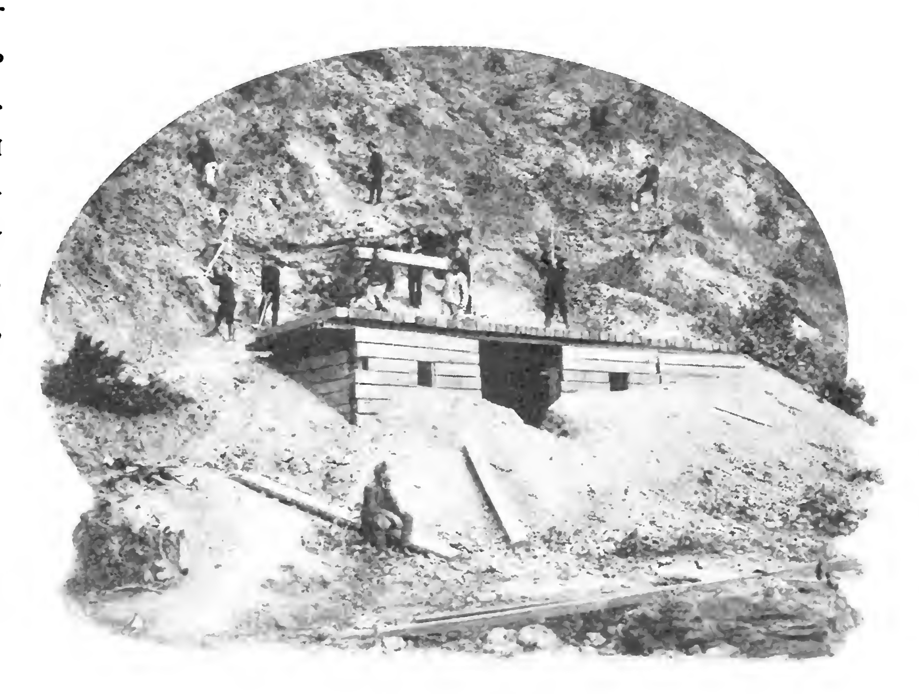
5) Отрядъ генерала Экка, въ составѣ 8 батальоновъ 71-й пѣхотной дивизіи, 16 орудій 16-й артиллерійской бригады и 2-хъ сотенъ 1-го Аргунскаго полка, всего: 8 батальоновъ, 16 орудій и двѣ сотни, занималъ Инпань.

6) Синзинтинскій отрядъ, въ составѣ 1 батальона 71-й пѣхотной дивизіи, 4 орудій 26 артиллерійской бригады и 2 сотенъ Амурскаго казачьяго полка, всего: 1 батальонъ, 4 орудія, 2 сотни, находился у Синзинтина.

Всего въ лѣвомъ крылѣ у генерала Иванова было: 64 батальона, 128 орудій, 16 пулеметовъ и 11 инженерныхъ ротъ.

В) Связью между правымъ и лѣвымъ крыльями служилъ 1-й сибирскій корпусъ генерала Штакельберга, который, имѣя въ своемъ составѣ 1-ю и 9-ю восточно-сибирскія стрѣлковыя дивизіи, Приморскій драгунскій полкъ и 1-й восточно-сибирскій саперный батальонъ, всего: 24 батальона, 6 эскадроновъ, 64 орудія, 16 пулеметовъ и 5 инженерныхъ ротъ, находился въ Фулинѣ.

Г) Для развѣдыванія о противникѣ передъ фронтомъ арміи, располагаясь у Кіанхутуня, находился отдѣльный конный отрядъ генерала Мищенко въ составѣ: 11 сотенъ Забайкальской казачьей бригады, 12 сотенъ Уральской казачьей бригады, 6 орудій 1-й Забайкальской казачьей батареи и 2-хъ орудій конно-горной батареи, всего: 23 сотни и 8 орудій.



Постройка блиндажей.

Д) Для охраны фланговъ арміи были назначены:

1) Праваго фланга отрядъ генерала Коссоговскаго. Отрядъ этотъ располагался

у Каулитуна и имѣлъ въ своемъ составѣ: 4 батальона 71-пѣхотной дивизіи, 1 батальонъ 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 8 орудій 28-й артиллерійской бригады, 4 орудія 4-го сибирскаго артиллерійскаго дивизіона и 3 сотни Амурскаго казачьяго полка, всего: 6 батальоновъ, 12 орудій и 3 сотни.


Улица въ Мукденѣ.

2) Лѣваго фланга отрядъ полковника Мадритова, который находился у Хуанженсяна и состоялъ изъ одного батальона 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 4-хъ сотенъ 10-го Оренбургскаго казачьяго полка, 1 сотни Уссурійскаго казачьяго полка, 1 сотни кавказцевъ и 2-хъ охотничьихъ командъ, всего: 1 батальонъ, 2 охотничьихъ команды и 6 сотенъ.

Е) Общій резервъ арміи состоялъ изъ 56 батальоновъ, 200 орудій, 6 сотенъ и 7 инженерныхъ ротъ и располагался въ двухъ группахъ:

1) Сибирскій корпусъ генерала Зарубаева у Мукдена. Въ составъ этой группы входило 24 батальона, 104 орудія и 3 инженерныхъ роты, а именно: 8 батальоновъ 2-й сибирской пѣхотной дивизіи, 16 батальоновъ 3-й сибирской пѣхотной дивизіи, 32 орудія 1-й сибирской артиллерійской бригады, 60 орудій сибирскихъ артиллерійскихъ дивизіоновъ, 12 мортиръ восточно-сибирскаго мортирнаго полка и 4-й восточно-сибирскій саперный батальонъ.

2) 1-й армейскій корпусъ генерала Мейндорфа у Пухе и Тава.

Въ составъ этой группы входило: 32 батальона, 96 орудій, 6 сотенъ и 4 инженерныхъ роты, а именно: 22-я и 37-я пѣхотныя дивизіи, 7-я и 43-я артиллерійскія бригады, 7 Сибирскій казачій полкъ и одинъ саперный батальонъ.


Батарея въ гаолянѣ.

Ж) Кромѣ того, въ Мукденѣ въ качествѣ постояннаго гарнизона находились: одинъ батальонъ 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 5 сотенъ Уссурійскаго полка и одна сотня Амурскаго казачьяго полка, а всего—1 батальонъ и 6 сотенъ.

Независимо сего, въ Мукденѣ находились еще слѣдующія части, не входившія въ составъ отрядовъ: 1-я, 3-я и 4-я горныя батареи—24 орудія, восточно-сибирская



Вокзалъ въ Харбинѣ.

осадная рота—11 орудій, восточно-сибирская воздухоплавательная рота и восточно-сибирскій понтонный батальонъ—двѣ роты.

Вся манджурская армія базировалась главнѣйшимъ образомъ на Харбинъ, промежуточныя же базы были Тѣлинъ и Чантоуфу.

Къ этому же времени японскія войска располагались слѣдующимъ образомъ:

і) 1-я армія Куроки имѣла штабъ въ Даяопу.

а) 2-я японская дивизія въ районѣ Баньяпуцза—Тумынлинъ—Хуалинъ.

б) 3-я резервная бригада въ Бенсиху.

в) Гвардейская и 12-я японскія дивизіи—къ востоку отъ Янтайскихъ копей.

Всего въ первой арміи было: 76 батальоновъ, 18 эскадроновъ и 278 орудій.

Авангарды были выдвинуты:

1) На рѣку Тайцзы и выше Бенсиху.

2) На Хуанлинскій перевалъ.

3) На Чансалинскій перевалъ и

4) на Сяолихуецзы.



Станція въ Мукденѣ.

4-я армія генерала Нодзу имѣла штабъ въ Лотатаѣ.

а) 5-я и 10-я японскія дивизіи и одна резервная бригада располагались къ югу отъ желѣзнодорожной вѣтки Янтай-копи—Янтай.

б) Авангарды этой арміи находились: у Панлянсанцзы, у Кушуцзы, у Улитайцзы и у Тумынцзы.



Офицерская палатка.

Коммуникаціонной линіей служила дорога: Ляоянъ — Хайченъ — Симученъ—Сюянъ и Дагушань.

Вторая армія генерала Оку имѣла штабъ въ Дафынцзянѣ.

а) 3-я, 4-я и 6-я дивизіи, три резервныя бригады, одна артиллерійская бригада и одна отдѣльная кавалерійская бригада располагались къ сѣверу отъ Ляояна и къ западу отъ мандаринской дороги.

б) Авангарды этой арміи находились: у ст. Янтай, въ Шилихе, Датусампу, въ Сандепу, въ Чжантанѣ, въ Коляямаи, въ Сяобейхе.

Коммуникаціонной линіей служила дорога вдоль полотна желѣзнодорожной дороги до Инкоу и водная линія.

Всего во всѣхъ этихъ трехъ японскихъ арміяхъ насчитывалось около 144.000 штыковъ, 6.500 сабель и 648 орудій; кромѣ этого, у японцевъ существовалъ сверхкомплектъ въ 26.000 чел., который доводилъ ихъ численность до 170.000 человѣкъ.

Съ отходомъ нашимъ отъ Ляояна, значительная часть богатѣйшей и населеннѣйшей части Манджуріи перемѣнила хозяина и скоро туземцамъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшимъ прихода японцевъ, пришлось разочароваться въ новыхъ пришельцахъ. Кромѣ слишкомъ большой разсчетливости, которую проявляли японцы



Видъ Путиловской сопки со стороны рѣки Шахе.

и которая такъ не нравилась китайскимъ торгашамъ, японскіе солдаты весьма свободно относились къ чужой собственности, такъ, напримѣръ, они стали красть у

туземцевъ куръ и цыплятъ и жечь въ видѣ топлива двери, оконные переплеты и прочія деревянныя части китайскихъ построекъ, распоряжаясь какъ съ своею собственностью, это, конечно, было сильно не по нутру мѣстному населенію. Окрестныя деревни посылали массу бѣглецовъ въ городъ, куда китайцы увозили своихъ



Штабъ корпуса наблюдаетъ за дѣйствіями.

женщинъ изъ переполненныхъ японцами окрестныхъ селеній, спасая ихъ отъ послѣднихъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что это происходило не отъ недостатка скромности или цѣломудрія японцевъ, а скорѣй отъ разницы воззрѣній того и другого народа на взаимныя отношенія. Такъ, напримѣръ, японцы нисколько не считали предосудительнымъ брать свои ванны въ присутствіи прекрасной половины китайскаго населенія и одновременно бывали крайне шокированы при видѣ поцѣлуевъ и объятій, которые сопровождали проводы и встрѣчи китайскихъ семействъ. Но все это, впрочемъ, не имѣло практическаго значенія на отношенія между туземцами и пришельцами, и какъ наша щедрость и добродушіе не создали намъ друзей мѣстнаго населенія Манджуріи, такъ и противоположныя



Ослики водоносы.

свойства японцевъ не создали имъ враговъ и по-прежнему въ мѣстномъ населеніи они встрѣчали полную готовность помогать имъ всѣмъ, что только было въ ихъ

возможности. Этому, быть можетъ, помогало то обаяніе побѣдителей, которое сопровождало японцевъ послѣ ихъ побѣды подъ Ляояномъ.


Канцелярія штаба Главнокомандующаго.

До сихъ поръ мы старались дать посильное намъ описаніе хода военныхъ событій въ періодъ времени ляоянскихъ операцій и уяснить ихъ военное значеніе, но Ляоянъ и его переходъ въ руки японцевъ имѣлъ еще и другое международное значенiе, такъ какъ весь міръ смотрѣлъ за перипетіями этой великой драмы и, кромѣ того, имѣлъ большое значеніе для самихъ сражающихся народовъ. Несомнѣнно, что велико было торжество японцевъ при полученіи извѣстія о ляоянской побѣдѣ, и токійская толпа блестяще отпраздновала это событіе. Въ Токіо было устроено грандіозное шествіе, въ которомъ приняло участіе все населеніе столицы: служащіе въ государственныхъ и многочисленныхъ частныхъ учрежденіяхъ, студенты, мастеровые и рабочіе, дѣвушки, женщины и дѣти въ праздничныхъ нарядахъ несли разноцвѣтные бумажные фонарики, оловянныя трубы и разноцвѣтныя хоругви, съ лубочными изображеніями бѣгства Куропаткина, и повсюду развѣвались знамена національныхъ цвѣтовъ, все это шествіе направлялось къ роскошно иллюминованному зданію главнаго штаба арміи, гдѣ и стало ожидать новыхъ извѣстій съ театра войны. Но не трудно было видѣть, что это шумное ликованіе толпы не было всеобщей


Расположеніе землянокъ 19 В.-С. стр. полка.

полной національной радостью, для которой чего-то не хватало. Этимъ чѣмъ-то было то, что какъ непосредственные участники на театрѣ войны, такъ и прочіе бо-

лѣе серьезные представители націи ожидали большаго успѣха, они разсчитывали видѣть нашу манджурскую армію совершенно уничтоженною подъ Ляояномъ, окруженною тамъ и вынужденною положить оружіе. Увлеченные своими предыдущими легкими успѣхами, они не разсчитывали увидѣть столь упорное сопротивленіе, которое стоило имъ столькихъ жертвъ и усилій, послѣ чего наша армія была вновь готова встрѣтить врага и оказать такое сопротивленіе, силу котораго они уже хорошо знали по Ляояну. Эта неполнота побѣды чувствовалась всѣми и умаляла торжество. Торжественный факельцугъ въ Токіо, который только что описанъ, былъ скорѣе результатомъ желанія скорѣе использовать различныя праздничныя приготовленія, заготовленныя къ моменту паденія Портъ-Артура. Нѣсколько дней спустя, послѣ овладѣнія Ляояномъ, японскій императоръ отправилъ въ армію посланіе, въ которомъ раздавалось много всякаго рода наградъ отличившимся воинамъ, но сказывалось отсутствіе увлеченія иллюзіями побѣды; въ посланіи этомъ прежде всего бросалось въ глаза выраженіе пожеланія скорѣйшаго и благополучнаго окончанія войны, до котораго отъ паденія Ляояна было еще очень далеко. Такимъ образомъ, мы видимъ, что императоръ, а за нимъ и многіе не раздѣляли восторговъ уличной толпы. Къ таковымъ принадлежали и войска дѣйствующей



Переноска раненыхъ.



Отступленіе обоза.

японской арміи, и всѣ бывшіе на полѣ дѣйствій. По поводу этого одинъ корреспондентъ Рейтера говоритъ, что японцы, наоборотъ, не только не радовались, а были



Лагерь 1-й В.-С. стрѣлковой артиллерійской бригады.

опечалены, что ихъ планъ разрушился, такъ какъ разсчитывали, что со взятіемъ Ляояна вся наша армія въ Манджуріи будетъ уничтожена. Ни въ какомъ случаѣ они не разсчитывали на такое жестокое сопротивленіе, которое невольно вызывало ихъ уваженіе. Привыкнувъ раньше видѣть постоянный успѣхъ ихъ тактикѣ обходовъ и иногда чуть не полнаго окруженія непріятеля, послѣ чего слѣдовало обыкновенно очищеніе занятыхъ позицій, они сильно были удивлены, увидавъ во-очію тотъ



Полевая хлѣбопекарня въ Годзяданѣ.

рискъ, съ которымъ для нихъ самихъ были сопряжены ихъ обходныя операціи. Правда, японцы взяли все-таки Ляоянъ, но заплатили за него черезчуръ дорогой

цѣной, да, кромѣ того, испытали страшный моментъ, когда ихъ правофланговая армія генерала Куроки была на одинъ волосокъ отъ полной гибели и испытали также непріятное чувство видѣть нашу манджурскую армію не обезсиленной и разбитой, а сравнительно спокойно и въ порядкѣ отходящей по направленію къ Мукдену. Но все это для насъ плохое утѣшеніе и мы напрасно бы радовались тому впечатлѣнію, которое произвело извѣстіе, что наша армія отошла на Мукденъ. Военная столица наша на Дальнемъ Востокѣ все-таки была взята, и рѣшительно все равно какою цѣною купилъ этотъ успѣхъ противникъ.



Китаецъ водоносъ.

Потеря Ляояна была очень тяжела для насъ, тѣмъ болѣе, что мы очень хорошо знали, какъ умѣютъ японцы использовать свои новыя пріобрѣтенія. Ляоянъ былъ очень запущенъ и почти непроходимъ, когда маршалъ Ойяма сдѣлалъ его своей столицей, а черезъ недѣлю онъ былъ уже приведенъ въ порядокъ и наша часть города, гдѣ былъ нашъ поселокъ, обратилась въ настоящій японскій городокъ.



Хунгузы.

Съ пріобрѣтеніемъ Ляояна, особое значеніе для японской арміи пріобрѣталъ и городъ Инкоу, какъ пунктъ, черезъ который, главнѣйшимъ образомъ моремъ, доставлялось все необходимое для войскъ и откуда по воднымъ и желѣзнодорожнымъ путямъ все развозилось по частямъ войскъ. Это было особенно пріятно японцамъ, тѣмъ болѣе, что въ благоустроенной японской арміи особенно заботились о томъ, чтобы не только доставлять своимъ солдатамъ все необходимое, но и, по возможности, окружать ихъ при всякомъ случаѣ наибольшимъ комфортомъ, заботились не только объ обильной и привычной имъ пищѣ, но и снабжали ихъ даже сигаретами. Японскіе военноначальники очень цѣнили высокій духъ своихъ солдатъ. Самъ маршалъ Ойяма утверждалъ, что духъ солдатъ

былъ очень высокъ въ особенности въ теченіе послѣднихъ десяти дней непрерывныхъ, тяжелыхъ и кровопролитныхъ боевъ подъ Ляояномъ и удивлялся ихъ высо-



Носилки для раненыхъ.

кому патріотизму. Въ тылу японцевъ постоянно находились огромные запасы всевозможныхъ продовольственныхъ продуктовъ, и вся трудность заключалась въ подвозѣ ихъ къ фронту войскъ, что не всегда могло быть своевременно сдѣлано, и потому очень часто приходилось людямъ по цѣлымъ днямъ ничего не ѣсть или довольствоваться небольшой горсточкой риса; но, за то, при малѣйшемъ затишьѣ или остановкѣ имъ доставлялось все въ изобиліи, ихъ даже баловали. Японцы отлично понимали, что усилія, употребленныя людьми для одержанія побѣды, не могутъ удовлетворяться одними обѣщаніями, а требуютъ немедленнаго и по возможности полнаго удовлетворенія, въ особенности въ тѣхъ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыхъ люди въ то время находились. Какъ ни великъ былъ подъемъ духа японскихъ солдатъ, вызванный побѣдой, они, однако, всетаки не были слѣпы къ тѣмъ удобствамъ, которыя разсчитывали получить въ Ляоянѣ, въ особенности, когда узнали объ уходѣ оттуда Куропаткина.



Ресторанъ въ тылу арміи.

Что касается до насъ, то прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то странное обстоятельство, что мы преждевременно радовались первымъ боямъ подъ Ляо-



Учебная стрѣльба у д. Сядзатунь.

яномъ, принимая отбитыя атаки второй и четвертой японскихъ армій за побѣды, которыя признавались даже нѣкоторыми нашими авторитетами,—иллюзія была до такой степени сильна, что этому вѣрили даже нѣкоторые изъ самихъ участниковъ, и объ ней писалось въ нашихъ оффиціозныхъ печатныхъ органахъ. Но скоро эти иллюзіи побѣды разлетѣлись, какъ дымъ, и для мыслящей части нашего общества сдѣлалось совершенно яснымъ, что побѣды никакой не было, а существовала лишь тяжелая борьба, которая скоро должна была печально для насъ кончиться. Это ощущеніе отягчалось еще сознаніемъ, что ничтожные японцы еще разъ одержали надъ нами верхъ, и смягчалось извѣстіями, что большая часть нашей арміи благополучно выбралась изъ Ляояна, что и репутація Россіи еще не окончательно погублена. Около 4-го сентября было, наконецъ, получено донесеніе Куропаткина о ходѣ дѣлъ за время ляоянскихъ боевъ. Оно было такъ



Перевозка раненыхъ на велосипедахъ.



Фортъ „Лѣсной“ № 6 въ законченномъ видѣ при укрѣпленіи позиціи у дер. Чишанькоу.

ловко составлено, что многихъ ввело въ обманъ и произвело даже отчасти благопріятное впечатлѣніе, нашлись авторы, которые, по недомыслію или по недостатку наблюдательности, а, можетъ быть, и подкупу, выражали такія мысли: „Основная идея вождя русской арміи начинаетъ пробиваться во всѣ щели въ арміи, выступаетъ во всемъ блескѣ своей ясности и величія, поднимая бодрость, вселяя вѣру, надежды, силы и увѣренность въ побѣдѣ. Такимъ образомъ, второй періодъ войны застаетъ японскія войска закаленными въ бояхъ, но ослабленными непрерывной долгой и напряженной боевой работой. Все, что могла, Японія выбросила на театръ военныхъ дѣйствій и высылаемые ею теперь резервы не усиливаютъ арміи, а лишь пополняютъ ея убыль“...



Навѣсы надъ поѣздами.



Мостъ на козлахъ черезъ рѣку Іоманхе.

Генералъ Куропаткинъ отъ 28-го августа донесъ на Высочайшее имя слѣдующее: „На основаніи выясненныхъ нынѣ подробностей веденныхъ различными корпусами арміи боевъ съ 13-го августа представляется возможность представить Вашему Императорскому Величеству нижеслѣдующую общую оцѣнку сихъ боевъ. Къ 13-му августа манджурская армія занимала тремя группами позиціи у Цегоу и Анпина на лѣвомъ флангѣ, у Ляндянсаня въ центрѣ и у Аншанчжаня на правомъ флангѣ. 13-го августа японцы перешли въ наступленіе по всему фронту. Въ центрѣ, у Ляндянсаня, всѣ атаки японцевъ были отбиты; на лѣвомъ флангѣ, послѣ упорнаго боя, мы удержали за собою главную позицію у Анпина, но японцы овладѣли позиціей



Послѣ битвы.

у Цегоу и этимъ стали угрожать пути отступленія лѣвофланговаго корпуса по долинѣ рѣки Танхе. Въ то же время обозначился обходъ значительными силами лѣ-

ваго фланга нашей позиціи у Аншанчжаня. Использовавъ позиціи у Ляндянсаня и Анпина въ смыслѣ выигрыша времени и нанесенія противнику весьма большихъ



Бараки.

потерь, я отвелъ всѣ корпуса арміи на передовыя позиціи у Ляояна. Вслѣдствіе гористой мѣстности на восточномъ фронтѣ и распустившихся отъ дождя дорогъ на южномъ фронтѣ, двухдневный маршъ къ Ляояну былъ весьма труденъ, и только благодаря самоотверженной работѣ всѣхъ чиновъ войскъ на восточномъ фронтѣ, совершился въ полномъ порядкѣ, при чемъ съ неимовѣрными трудностями были протащены черезъ перевалы вся безъ исключенія артиллерія и всѣ обозы; при этомъ часть орудій пѣхота протащила черезъ горы на рукахъ. Какъ ни труденъ былъ переходъ подъ напоромъ противника черезъ горы, но движеніе по равнинѣ оказалось еще затруднительнѣе; въ лѣвой и средней колоннахъ намъ удалось благополучно отвести къ Ляояну всю артиллерію и обозы. Путь правой колонны, проходившей по наиболѣе затопленной мѣстности западнѣе желѣзной дороги, былъ особенно тяжелъ. Между тѣмъ противникъ въ значительныхъ силахъ наступалъ на наши арьергарды, которые вели съ нимъ упорный бой. Одна изъ батарей, снявшись



Тотъ же мостъ черезъ рѣку Юманхе.

съ позиціи, при дальнѣйшемъ отступленіи, попала на топкое мѣсто и ее начало засасывать. Отрядомъ были употреблены всѣ мѣры спасти батарею, въ одно орудіе



Станція Мукденъ.

впрягалось до 24 лошадей, роты пѣхоты старались на лямкахъ сдвинуть орудія; но лошади и люди сами завязали настолько, что многіе нижніе чины не могли сами высвободиться изъ топи и имъ приходилось подавать помощь. Съ цѣлію дать время батарею вытащить, арьергардъ генерала Рутковскаго задержался на позиціи больше, чѣмъ бы то слѣдовало, и черезъ это понесъ значительныя потери. Несмотря на всѣ эти усилія и жертвы, завязнувшую почти на всю высоту колесъ, батарею пришлось оставить. 16-го августа армія сосредоточилась у Ляояна. При этомъ одинъ корпусъ занялъ позицію на правомъ берегу Тайцзыхе, а остальные корпуса на лѣвомъ.



Моментъ выстрѣла изъ гаубицы.

17-го и 18-го августа японцы съ большой энергіей атаковали наши передовыя позиціи, но были всюду отбиты съ огромными потерями. Упорный бой на нашемъ правомъ флангѣ и въ

центрѣ, сопровождавшійся многочисленными контръ-атаками, доходившими до удара въ штыки, потребовалъ расхода какъ частныхъ резервовъ, такъ и части моего резерва. Въ теченіе 18-го августа вполнѣ обозначилась переправа на правый берегъ Тайцзыхе значительныхъ силъ изъ арміи Куроки. Такъ какъ въ теченіе 17-го и 18-го августа на нашъ лѣвый флангъ, противъ котораго должна была дѣйствовать армія Куроки, атаки велись сравнительно съ атаками на позиціи центра и праваго фланга весьма слабо, то съ полнымъ основаніемъ можно было предположить, что главныя силы Куроки предназначены были для обхода нашего лѣваго фланга и для дѣйствія на наши сообщенія. При такой обстановкѣ я рѣшилъ, отведя войска съ передовыхъ позицій на главную, сосредоточить значительныя силы противъ арміи Куроки и попытаться прижать эту армію къ рѣкѣ Тайцзыхе, проходимой въ бродъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Принятое рѣшеніе было приведено въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ. Съ наступленіемъ темноты, совершенно не тревожимые японцами, мы начали очищать передовыя позиціи, которыя уже сослужили намъ службу, обезсиливъ противника нанесеніемъ ему тяжелыхъ потерь. Благодаря принятымъ мѣрамъ, достаточному числу мостовъ, правильному распредѣленію ихъ, устройству дорогъ къ мостамъ, несмотря на темную ночь, утромъ 19-го августа всѣ наши войска, назначенныя для наступленія, переправились на правой берегъ Тайцзыхе. Непріятель только къ вечеру 19-го августа занялъ оставленныя нами передовыя позиціи и открылъ артиллерійскій огонь по Ляояну. Въ руки непріятеля не досталось рѣшительно никакихъ трофеевъ.



Мостъ черезъ оврагъ, который въ дождливую погоду превращается въ бурный потокъ.



Въ ожиданіи раздачи пищи, около походной кухни.



Постройка форта.

Планъ дѣйствій переправившихся войскъ мною былъ принятъ слѣдующій: развернуть армію между д. Сыквантунь и высотами у янтайскихъ каменноугольныхъ копей, кои долженъ былъ занять отрядъ генерала Орлова изъ 13 батальоновъ. Принявъ затѣмъ за ось позицію у Сыквантуня, произвести захожденіе арміи лѣвымъ плечомъ впередъ, дабы взять во флангъ позиціи японцевъ, которыя тянулись отъ рѣки Тайцзыхе у селенія Квантуна по направленію къ янтайскимъ копямъ. Наступленіе началось 20-го августа. Когда всѣ распоряженія были уже сдѣланы, въ ночь на 20-е августа командиръ правофланговаго корпуса прислалъ донесеніе, что японцы, перейдя въ наступленіе, ночью овладѣли весьма



Воздухоплавательный батальонъ.

важнымъ для насъ сѣверо-восточнымъ участкомъ позиціи у Сыквантуня, вынудивъ къ отступленію занимавшій этотъ участокъ полкъ. Приходилось измѣнить планъ дѣйствій и первоначальной задачей на 20-е августа поставить обратное овладѣніе потерянной нами позиціей. Только къ вечеру 20-го августа весь горный массивъ у дер. Сыквантунь и самая деревня были въ нашихъ рукахъ. Съ 6-ти часовъ пополудни началось наступленіе и на высоту къ сѣверо-востоку отъ Сыквантуня, съ которой наканунѣ ночью были сбиты наши войска. Первоначально наши атаки не имѣли успѣха; наступила полная темнота, но упорный бой все продолжался; мы нѣсколько разъ овладѣвали высотой, но затѣмъ вынуждены были отступить, части перемѣшались и руководство боемъ крайне затруднилось. Тѣмъ не менѣе по почину частныхъ начальниковъ, разрозненныя атаки все продолжались и наконецъ мы успѣли овладѣть позиціей и такимъ образомъ поставленная на 20-е августа задача на правомъ флангѣ была выполнена.


Рабочіе китайцы въ инженерномъ складѣ.

На лѣвомъ флангѣ расположенія арміи въ сторонѣ янтайскихъ копей 20-го августа произошло слѣдующее: отрядъ генерала Орлова занялъ на высотахъ къ югу отъ янтайскихъ копей весьма сильную позицію фронтомъ на югъ, выставивъ двѣ батареи и вступивъ въ артиллерійскій бой съ артиллеріей противника, занимавшаго позицію нѣсколько южнѣе. Въ это время голова лѣвофланговаго корпуса уже находилась въ 6 верстахъ отъ праваго фланга отряда генерала Орлова. Генералъ Орловъ, чтобы оказать нашимъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Сыквантуня, содѣйствіе, спустилъ часть отряда съ горъ и началъ наступать по направленію на Сахутунь. Войска должны были двигаться по мѣстности, сплошь покрытой гаоляномъ. Встрѣченныя огнемъ съ фронта и съ фланга наступавшія части,


Отступленіе.



Бивуакъ одного изъ полковъ 19-го корпуса близъ дер. Туясипу.

потерявъ въ высокомъ гаолянѣ направленіе, начали отходить. Части войскъ, оставшіяся на горахъ, тоже отошли въ западномъ направленіи. Въ это время голова наступавшаго лѣвофлангового корпуса уже находилась отъ войскъ генерала Орлова всего въ 2-хъ верстахъ. Съ оставленіемъ этой позиціи на высотахъ, которая должна была служить опорою для нашего наступленія съ лѣваго фланга, японцы распространились къ сѣверу и къ 5-ти часамъ пополудни заняли всю гряду высотъ и янтайскія копи. Спѣшенныя сибирскія казачьи сотни генерала Самсонова самоотверженно защищали наши позиціи, но вынуждены были отступить. Такимъ образомъ, наступавшему лѣвофланговому корпусу, дабы продвинуться впередъ, предстояло штурмовать весьма сильныя позиціи противника на горахъ, что для этого



На позиціи.

корпуса, полки котораго въ теченіе послѣднихъ 5-ти дней понесли большія потери, было задачей трудной, и онъ отошелъ къ деревнѣ Лиліенгоу.



На могилахъ.

Въ виду того, что въ ночь съ 20-го на 21-е августа наши войска, занимавшія позиціи у д. Сыквантунь, на которую опирался правый флангъ наступавшей арміи и которая такимъ образомъ являлась осью ея захожденія, вынуждены были очистить эту важную позицію, я рѣшилъ отступить къ Мукдену и привелъ это рѣшеніе въ исполненіе къ 25-му августа. Очищеніе Ляояна началось 21-го августа днемъ и окончилось къ утру 22-го августа. Всѣ запасы войсковые были вывезены и были уничтожены запасы примѣрно на 8 дней на всю армію. Мосты понтонные разведены и отступили съ войсками, а вновь построенные временнаго типа сожжены; у желѣзнодорожнаго моста снята настилка. Войска отошли въ полномъ порядкѣ. Преслѣдованіе, начатое противникомъ, было отражено. 21-го и 22-го августа принимались мѣры для обезпеченія арміи отъ обхода съ востока. Противникъ съ южнаго фронта преслѣдовалъ не упорно, но съ восточной стороны войска арміи Куроки перешли въ наступленіе. Нашимъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Таліенгоу, особенно въ ночь на 23-е августа, пришлось выдержать упорный ночной бой съ противникомъ. Мы удержали свои позиціи, но потери въ одномъ изъ полковъ, выдержавшемъ наиболѣе горячій бой, были до 500 человѣкъ. Къ вечеру 23-го числа опасность одновременнаго удара съ фронта и съ лѣваго фланга миновала. Съ неимовѣрными трудностями по продвиганію артиллеріи и обозовъ войска отходили къ Мукдену и къ 25-му августа закончили отступательный маршъ. Сильные арьергарды и конница прикрывали отступленіе. За всѣ бои, начиная съ 17-го августа, противнику не оставлено никакихъ трофеевъ. Саперныя части, самоотверженно



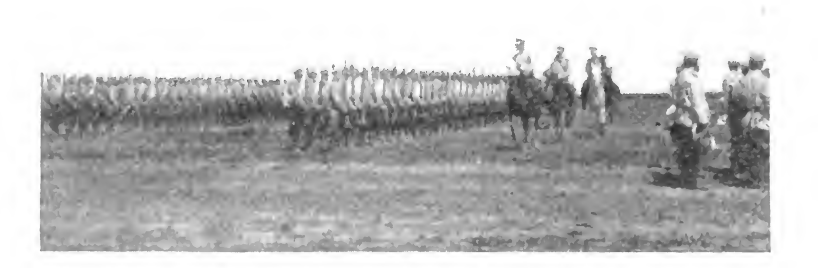
Русская церковь въ Цицикарѣ.

работавшія во время всѣхъ боевъ, оказали арміи громадную услугу и при отступленіи, производя починку дорогъ, устраивая переправы и помогая движенію обозовъ".

Для людей, познакомившихся со всѣмъ ходомъ дѣла ляоянской операціи, оцѣнка только что приведеннаго донесенія совершенно ясна, но въ Петербургѣ, въ особенности въ то время, не знали дѣйствительной обстановки дѣла и слѣпо вѣрили всему, что сообщалось изъ дѣйствующей арміи и въ особенности исходило отъ главы нашей арміи, генерала Куропаткина, котораго не считали способнымъ на искаженіе фактовъ. Стремясь свалить собственную вину на кого нибудь, Куропаткинъ очень смутно говоритъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ отрядѣ генерала Орлова, въ его донесеніи бросается больше въ глаза спѣшащій на выручку корпусъ Штакельберга, въ дѣйствительности двигавшійся съ предосудительной медленностью и подошедшій къ отряду Орлова только тогда, когда послѣдній былъ окончательно разбитъ. Въ своемъ донесеніи онъ ничего не говоритъ о той путаницѣ, въ которую попалъ генералъ Орловъ, благодаря его распоряженіямъ и многочисленнымъ и разнорѣчивымъ приказаніямъ. Не говоритъ онъ также и о томъ, что такое были войска генерала Орлова. Это были не свѣжіе, полные силъ бойцы, какъ называлъ ихъ Куропаткинъ въ одномъ изъ своихъ донесеній. Отрядъ Орлова былъ наскоро собранъ изъ запасныхъ отдаленныхъ сроковъ службы, давно уже потерявшихъ всякое представленіе о боѣ и о солдатѣ, какъ воинѣ, между ними было много сорокалѣтнихъ людей, силы которыхъ были надорваны обычными неурядицами нашего крестьянскаго быта, которыхъ Куропаткинъ предназначилъ для столь серьезной и отвѣтственной задачи. Читая донесеніе Куропаткина, его отступленіе отъ Ляояна является дѣйствительно какою-то образцовою операціей, достойною великаго мастера. Куропаткинъ особенно напираетъ на то, что онъ отступилъ, не оставивъ непріятелю „рѣшительно никакихъ трофеевъ", и ни со слова о томъ, что онъ оставилъ врагу



Сестры милосердія.



Ген. Дембовскій смотритъ вновь прибывшихъ молодыхъ солдатъ.



Землянки офицеровъ 19-го сапернаго батальона.

побѣду, честь русскаго оружія и вѣковой престижъ Россіи, считая все это лишнимъ багажемъ для арміи. Въ Петербургѣ только впослѣдствіи разобрались во всемъ этомъ, а въ то время донесеніе его произвело вполнѣ удовлетворительное впечатлѣніе и ему была послана нижеслѣдующая Высочайшая телеграмма: „Изъ донесеній Вашихъ о бояхъ подъ Ляояномъ, Я усматриваю, что держаться дольше на этой позиціи нельзя было, не рискуя быть окончательно отрѣзанными.



Невскій проспектъ Мукденскаго поселка.

Отступленіе всей арміи при такой тяжелой обстановкѣ и полномъ бездорожьи безъ потери орудій и обозовъ представляется по трудности выдающимся дѣломъ.

Благодарю Васъ и ввѣренныя Вамъ молодецкія войска за геройскіе подвиги и беззавѣтное постоянное самоотверженіе.

Господь помощь всѣмъ вамъ".

Такъ закончилась ляоянская эпопея и Россія успокоилась, продолжая еще вѣрить въ своего признаннаго кумира, что онъ блистательно отступилъ, пожертвовавъ



Ляоянъ.

Ляояномъ для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе нанести пораженіе врагу въ будущемъ. Такъ думали всѣ, и только немногіе дальновидные люди предвидѣли тѣ несчастія и позоръ, которыми въ дальнѣйшей своей дѣятельности покрылъ Куропаткинъ нашу армію; но ихъ не слушали и имъ не вѣрили, и Куропаткинъ продолжалъ оставаться окруженнымъ ореоломъ чуть ли не великаго полководца. Послѣ Ляояна Куропаткинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, а адмиралъ Алексѣевъ былъ отозванъ. Изъ двухъ золъ, конечно, это было наилучшее. Удаленіе этого безполезнаго для русскаго дѣла адмирала было необходимо, а, съ другой стороны, Куропаткину предоставлялась полная самостоятельность и онъ могъ совершенно свободно развернуть свои великія полководческія дарованія и таланты. Къ сожалѣнію, только послѣднихъ-то у него и не оказалось.



На ляоянскомъ вокзалѣ.

Наши силы въ Манджуріи продолжали увеличиваться и предположено было



Городъ Май-май-кенъ.

еще и дальнѣйшее ихъ развитіе путемъ подвоза войскъ изъ Европейской Россіи. Армія разросталась до такихъ размѣровъ, когда при существующей организаціи одному человѣку управлять ею и двигать ее было уже не подъ силу, и потому около половины сентября послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи второй манджурской арміи, командованіе которой вручено было генералу Грипенбергу.

Пока все это происходило въ Петербургѣ, въ дѣйствующей арміи, въ Манджуріи, царила полная рознь между высшими военными чинами, ощущался недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ и энергичныхъ начальникахъ, многіе обладали личнымъ мужествомъ, но не обладали способностью быстро схватывать обстановку и страдали недостаткомъ иниціативы для самостоятельныхъ дѣйствій. Младшее офицерство отличалось тѣми же свойствами, о нижнихъ же чинахъ и говорить нечего. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ передаетъ случай, когда солдаты, потерявшіе всѣхъ своихъ офицеровъ, просили военнаго врача командовать ими, такъ какъ безъ офицера они не могутъ идти въ атаку. Въ этомъ отношеніи японцы представляли рѣзкій кон-



Ворота въ Мукденѣ.

трастъ съ нами,—у нихъ всѣ съ извѣстной долей самостоятельности, а главное, съ полнымъ пониманіемъ дѣла стремились къ достиженію одной общей цѣли, и часто бывали случаи, когда, за выбытіемъ изъ строя офицеровъ, унтеръ-офицеры командовали и спокойно доводили дѣло до благополучнаго конца.



Базаръ.

Сраженіе подъ Ляояномъ, на которое съ большимъ интересомъ и вниманіемъ смотрѣлъ весь міръ, повліяло и на измѣненіе взглядовъ иностранныхъ державъ на Россію и Японію. Относительно японцевъ, всѣ негодовали на нихъ за особую скрытность и тайну, которой они окружили всѣ свои операціи, такъ, напримѣръ, въ арміи Оку и Нодзу совсѣмъ не были допущены иностранные корреспонденты, а въ арміи Куроки хотя таковые и были, но находились подъ неусыпнымъ наблюденіемъ и ихъ корреспонденціи подвергались весьма строгой военной цензурѣ, на что много жалуется генералъ-лейтенантъ Гамильтонъ. Жалобы на такое положеніе появились даже въ японской печати. Послѣ Ляояна въ положеніи иностранныхъ корреспондентовъ при японскихъ войскахъ произошла значительная перемѣна къ лучшему. Изъ Токіо изъ главнаго штаба была послана маршалу Ойяма нижеслѣдующая директива: „манифестъ, данный для народа, возвѣстилъ, что война основывается на строгихъ принципахъ правосудія. Въ указѣ не дѣлается различія ни въ расѣ, ни въ религіи или національныхъ обычаяхъ.



Блиндажъ капониръ.

„Единственная причина войны—сохранить миръ на Дальнемъ Востокѣ, распространить благословеніе цивилизаціи и человѣколюбія и провести главные національные

интересы. Надо надѣяться, что эти взгляды будутъ высказаны и подтверждены иностранными офицерами и корреспондентами, состоящими при нашей арміи. До тѣхъ поръ пока законъ о военныхъ секретахъ не будетъ отмѣненъ, то духъ искренности, который одушевляетъ нашу имперію, можетъ быть фальшиво истолкованъ передъ цѣлымъ свѣтомъ". Эта директива и послужила къ улучшенію обстановки дѣятельности иностранныхъ корреспондентовъ при японскихъ арміяхъ.



Уборка гаоляна.

Ляоянское сраженіе вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній въ иностранной литературѣ, но высказываемыя въ печати мнѣнія были чрезвычайно разнообразны и зависѣли отъ расовой антипатіи или симпатіи и величины интересовъ разныхъ державъ на Дальнемъ Востокѣ. Такъ—Англія открыто стояла за свою союзницу Японію, Франція естественно стояла за Россію. Что же касается до Германіи, то тамъ, хотя сдержанно и спокойно, но заботливо относились къ намъ. Австро-Венгрія, интересы которой были связаны съ Россіей по Македонскому вопросу, долгое время не высказывалась ни въ ту, ни въ другую сторону и молчала. Но молчать долго было трудно, ибо ляоянское сраженіе было выдающимся событіемъ какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, чтобы о немъ не говорить въ печати, и потому тамъ ограничились лишь констатированіемъ факта да сообщеніями о



На ученьѣ.

новомъ расположенiи войскъ воюющихъ сторонъ. Въ европейской печати то тутъ, то тамъ выражались мнѣнія о неполной побѣдѣ японцевъ и возлагались упованія на Куропаткина, который, съумѣвъ такъ искусно отступать, еще покажетъ себя, разъ его войска находятся въ непосредственномъ соприкосновенiи съ непріятелемъ. Въ японскіе обходы больше не вѣрили, а огромныя потери, которыя несли они при столкновеніяхъ даже съ незначительными нашими арьергардами, не нравились англійскимъ критикамъ, въ утѣшеніе которымъ оставалась только одна ляоянская побѣда, въ будущемъ же успѣхѣ своихъ союзниковъ они стали сомнѣваться. Въ японской печати проглядывала обида, что ихъ успѣхъ такъ мало оцѣненъ Европой. Они старались доказать всю важность ляоянскаго успѣха, указывали, что они взяли самый богатый городъ Манджуріи, средоточіе продовольствія и базу русскихъ, что мы были совершенно разбиты и бѣжали, уничтоживъ такое громадное количество запасовъ, собранныхъ въ Ляоянѣ, что долго надо будетъ работать нашей желѣзной дорогѣ, чтобы вновь подвезти все въ прежнемъ количествѣ. Въ это же время въ англійской печати говорилось, что японцы употребили цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, чтобы соткать вокругъ Куропаткина цѣлую сѣть и охватить ею насъ, но что филе этой сѣти было слишкомъ широко и добыча ускользнула и что теперь фактъ остается фактомъ, что Курапаткинъ свободно ушелъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи двухсотъ-тысячную армію и что по сибирской желѣзной дорогѣ къ нему подвозятъ все новыя и новыя усиленія. Подобные отзывы вызывали негодованіе японцевъ, они приписывали это плохому пріему, который былъ сдѣланъ иностраннымъ корреспондентамъ, и стремленіемъ къ слишкомъ большой скрытности. Тѣмъ не менѣе всѣ понимали важность минуты, послѣдовавшей за ляоянскимъ сраженіемъ. Дѣйствительная скорбь Франціи по поводу нашей неудачи



Капониръ.



Китайская деревня.

смѣнялась надеждой на близкій успѣхъ въ будущемъ. Поговаривали даже о возможности и даже выгодности заключенія мира, указывая, что война эта крайне невыгодна для обѣихъ сторонъ, что театромъ ея сдѣлалась страна, совершенно безучастная къ разыгрывавшимся событіямъ, что это безчеловѣчно и что слѣдовало бы въ этомъ случаѣ принести въ жертву національную гордость общечеловѣческимъ интересамъ. Въ газетѣ „Temps“, гдѣ козлищемъ искупленія ляоянскаго погрома выставляется генералъ Орловъ, неудача наша разсматривалась не какъ стратегическое и тактическое пораженіе, а лишь только какъ несчастный случай, закончившій настойчивыя усилія наши удержать за собою Ляоянъ. Германскіе оффиціальные органы старались смягчить значеніе пораженія нашего подъ Ляояномъ, но въ неоффиціальныхъ органахъ печати выражались восхищенія передъ японской тактикой и 17-е августа 1904 года сравнивали съ 17-мъ августа 1870 года лишь съ тою разницей, что отъ Седана шло множество дорогъ по всѣмъ направленіямъ, по которымъ можно было уйти, а подъ Ляояномъ только одна дорога на Мукденъ, которую, конечно, мы не могли позволить перерѣзать. Въ неоффиціальныхъ органахъ печати Австро-Венгріи восторгались блестящими успѣхами японцевъ и хотя отдавалась должная дань упорному мужеству нашихъ солдатъ, но восторги передъ веденіемъ японскихъ атакъ, геройствомъ ихъ солдатъ и вообще искусствомъ веденія войны были преобладающими. Въ итальянской печати превозносили тактику японскихъ генераловъ и Ляоянъ сравнивали съ Лейпцигомъ. Всѣ эти повсемѣстные восторги и похвалы японцамъ ясно



Взорванный мостъ.



Переправа разъѣзда черезъ мостъ.

указывали, насколько измѣнились относительно ихъ взгляды европейцевъ. Но особенно ясно это было проведено въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ, въ которомъ всѣ эти мнѣнія разсматривались, какъ „упадокъ вѣры въ русское всемогущество“ и въ то же время указывалось, что ляоянская битва неизбѣжно измѣняла политическое положеніе Россіи между прочими державами, которыя крѣпко вѣрили въ громадность нашихъ силъ и средствъ, что оказывало значительное вліяніе на дипломатическія выступленія, которыя послѣ ляоянскаго погрома нѣсколько измѣнились.

Пораженія, преслѣдовавшія насъ въ первые шесть мѣсяцевъ войны, мы объясняли нашей неподготовленностью къ внезапно вспыхнувшей войнѣ и недостаточной вслѣдствіе этого численностью нашихъ войскъ, но подъ Ляояномъ мы должны были быть уже подготовленными, что же касается до численности нашихъ войскъ, то въ этомъ отношеніи мы не только были равны нашему противнику, но даже нѣсколько превосходили его. Въ этомъ вполнѣ равномъ бою мы оказались побѣжденными, и нашъ всемірный престижъ пошатнулся. Справедливо мнѣніе, что во время войны сражающіяся государства отдаютъ отчетъ передъ лицомъ всего міра о всей своей предыдущей жизни и дѣятельности. На этомъ всемірномъ экзаменѣ подъ стѣнами Ляояна мы провалились, и не потому, что были численно слабы или неготовы, а потому, что въ руководители не могли ничего лучшаго выбрать какъ Куропаткина, неспособное и бездарное руководство котораго погубило Россію подъ Ляояномъ и впослѣдствіи еще хуже подъ Мукденомъ. Не понималъ Куропаткинъ дѣла, когда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ войной управлялъ военнымъ министерствомъ, и понесъ за это должное: вѣдь подготовка войны у него, какъ военнаго министра, была цѣликомъ въ рукахъ и лежала всецѣло на его отвѣтственности. Его мирная дѣятельность и его руководство на войнѣ, несмотря на удивительные подвиги мужества и беззавѣтнаго самоотверженія, привели нашу армію къ пораженію, и много времени, надеждъ и талантливаго труда надо, чтобы возродиться къ прежнему величію.

Конецъ II-го тома.



Замѣченныя опечатки II-го тома.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
290	3 св.	сокрещенія дорогъ	скрещеніе дорогъ
327	28 „	таампинъ Пегоу	Таампинъ-Пегоу
339	17 „	Пеигоу	Пегоу
339	11 сн.	Пекина	Быкина
374	1 св.	вдвинуты	выдвинуты
395	8 „	Въ — часовъ 30 м.	Въ 7 часовъ 30 м.
429	1 „	4-я армія	Армія
460	17 „	Такъ,	Такъ какъ—

